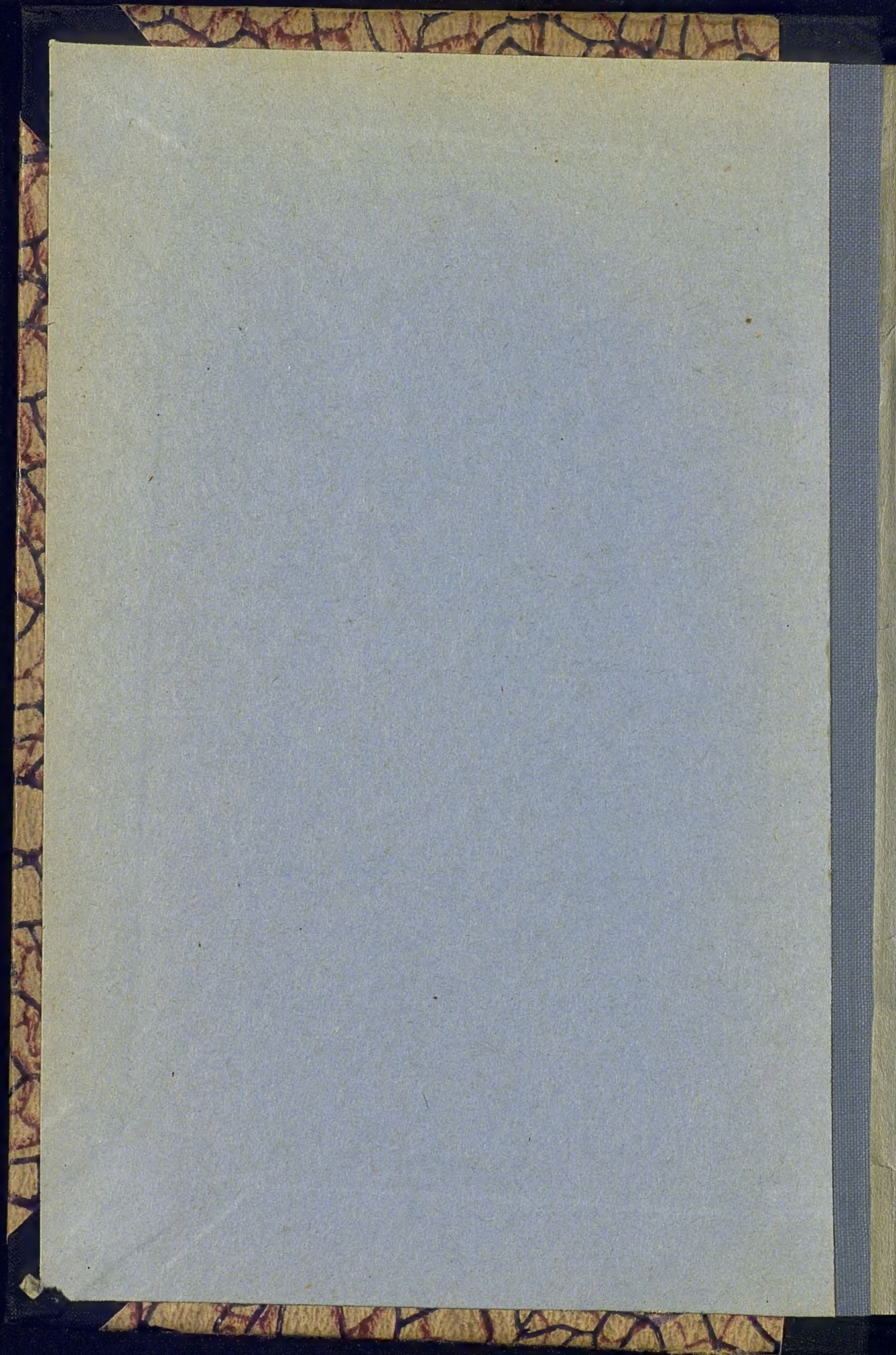
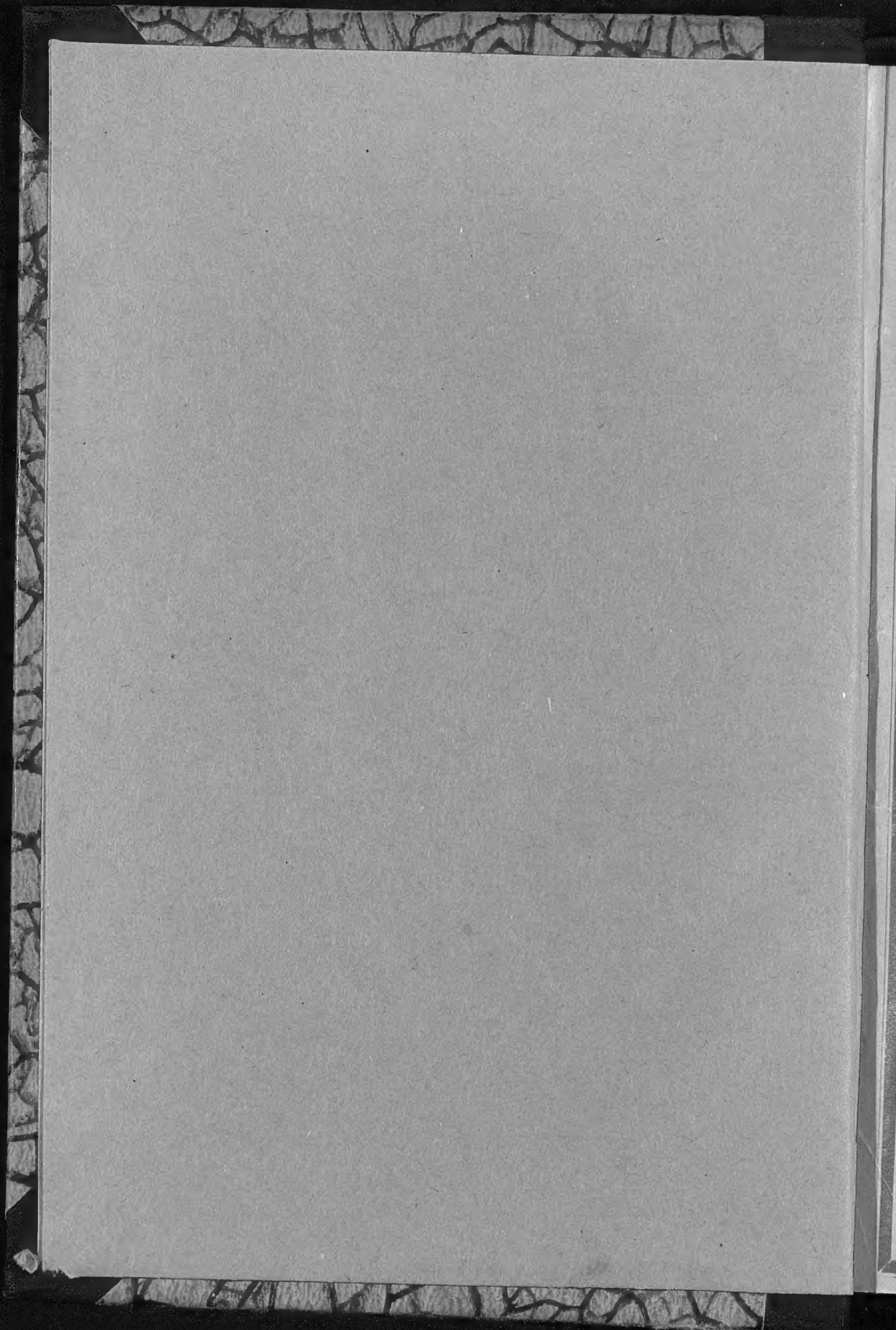
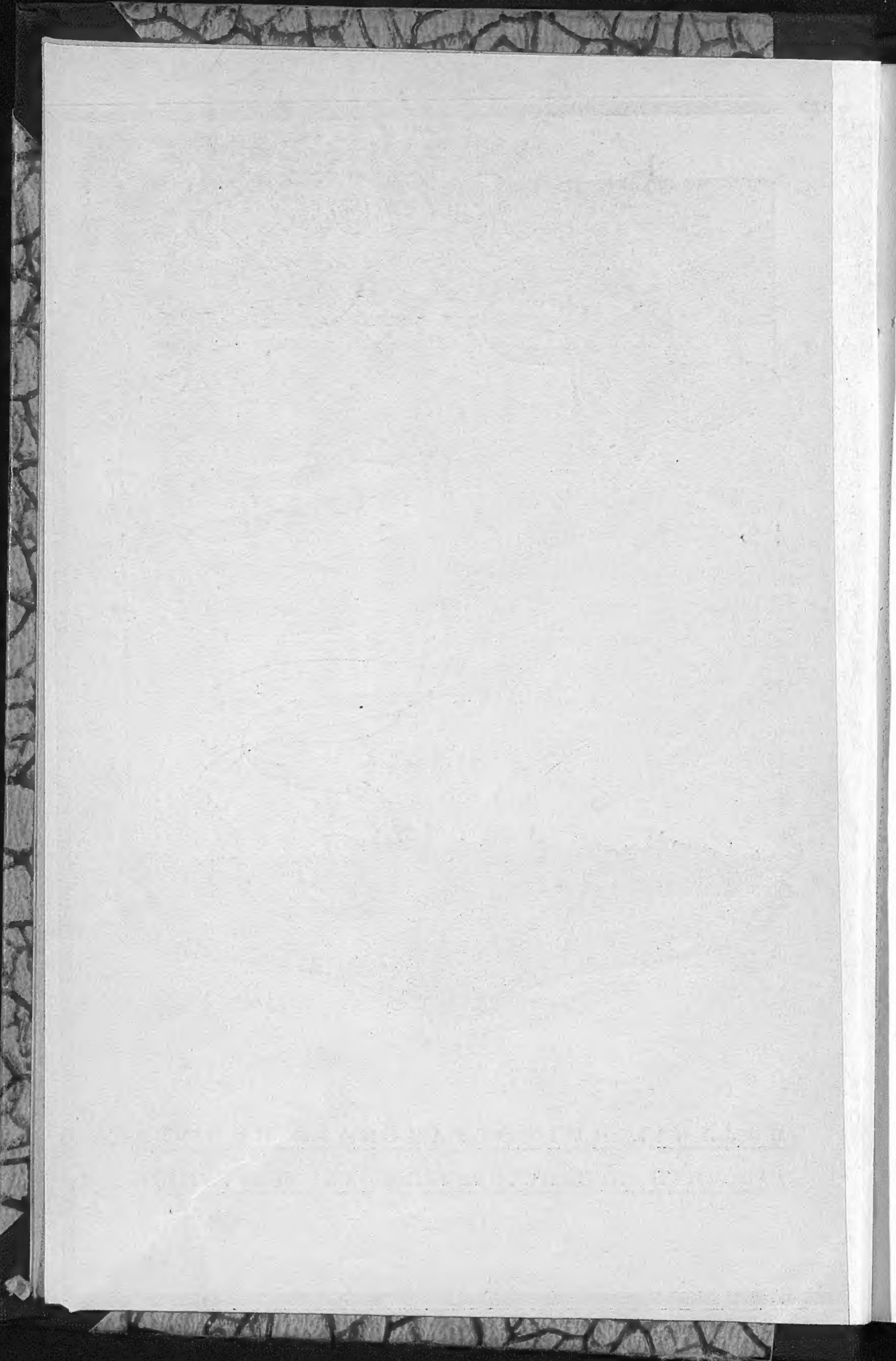

ИЗДАНІЕ ПЕТРОГРАДСКАГО СОВѢТА
РАБОЧИХЪ И КРАСНОАРМЕЙСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ

1919

Анри Барбюссъ

ВЪ ОГНѢ

(Дневникъ одного взвода)

РОМАНЪ

Съ предисловіемъ Максима Горькаго

Изданіе Петроградскаго Совѣта
Рабочихъ и Красн. Депутатовъ.
Петроградъ. 1919

Первая Государственная Типографія. Гатчинская, 26.

Въ этой книгѣ, удивительно простой и безпощадно правдивой, разсказано о томъ, какъ люди разныхъ націй, но одинаково разумные, истребляютъ другъ друга, разрушаютъ вѣковые плоды своего каторжнаго и великолѣпнаго труда, превращая въ кучи мусора храмы, дворцы, дома, уничтожая до тла города, деревни, виноградники, какъ они испортили сотни тысячъ десятинъ земли, прекрасно воздѣланной ихъ предками и нынѣ надолго засорённой осколками желѣза и отравленной гнилымъ мясомъ безвинно убитыхъ людей.

Занимаясь этой безумной работой самоистребленія и уничтоженія культуры, они, люди, способные разумно разсуждать обо всемъ, что раздражаетъ ихъ кожу и нервы, волнуетъ ихъ сердца умы, молятся Богу, молятся и искренно, и, какъ описываетъ го одинъ изъ героевъ книги, молятся „идіотски одинаково,“ послѣ его снова начинаютъ дикую работу самоубійства, такъ же „идіотки одинаково.“ На стр. 239—40 читатель найдетъ эту картину огослуженія нѣмцевъ и французовъ, одинаково искренно вѣрующихъ, что въ кровавомъ и подломъ дѣлѣ войны „съ нами Богъ“.

И они же затѣмъ говорятъ: „Богу—наплевать на насъ!“ И ни же, герои, великомученики, братоубійцы, спрашиваютъ другъ руга:

— „Но, все-таки, какъ же онъ смѣетъ, этотъ Богъ, позволять ѣмъ людямъ одинаково думать, что онъ—съ ними, а не съ другими?“

*

Мысля трогательно, просто какъ дѣти, эти люди, проливая кровь другъ друга, говорятъ:

— „Если-бъ существовалъ богъ, добрый и милосердный,— холода не было бы!“

Но, разсуждая такъ ясно, эти великiе страстотерпцы снова идутъ убивать другъ друга.

Зачѣмъ? Почему? Они и это знаютъ,—они сами говорятъ о себѣ:

— „Ахъ, всѣ мы не плохiе люди, но—такiе жалкiе и несчастные. И при этомъ мы глупы, слишкомъ глупы!“ (стр. 222).

И сознавая это, они продолжаютъ позорное, преступное дѣло разрушенiя,

Капралъ Бертранъ знаетъ больше другихъ, онъ говоритъ языкомъ мудреца.

„—Будущее!—воскликнулъ онъ вдругъ тономъ пророка.— Какими глазами станутъ смотрѣть на насъ тѣ, которые будутъ жить послѣ насъ и душа которыхъ будетъ, наконецъ, приведена въ равновѣсiе прогрессомъ, неотвратимымъ, какъ рокъ? Какими глазами они посмотрятъ на эти убiйства и на наши подвиги, о которыхъ даже мы сами, совершающiе ихъ, не знаемъ, слѣдуетъ ли сравнивать ихъ съ дѣлами героевъ Плутарха и Корнеля, или же съ подвигами апашей?.. И, однако, смотри! Есть же одно лицо, одинъ образъ, поднявшiйся надъ войной, который вѣчно будетъ сверкать красотою и мужествомъ!

Опершись на палку, склонившись къ нему, я слушалъ, впивая въ себя эти слова, раздавшiяся въ безмолвiи ночи изъ этихъ почти всегда безмолвныхъ устъ. Яснымъ голосомъ онъ выкрикнулъ:

— Либкнехтъ!

И поднялся, не разжимая скрещенныхъ рукъ. Его прекрасное лицо, хранившее серьезность выраженiя статуи, склонилось на грудь. Но вскорѣ онъ снова поднялъ голову и повторилъ:

— Будущее! Будущее! Дѣло будущаго—загладить это настоящее, стереть его изъ памяти людей, какъ нѣчто отвратительное и позорное. И, однако, это настоящее необходимо, необходимо! Позоръ военной славѣ, позоръ армiямъ, позоръ ремеслу солдата, превращающему людей поочередно то въ безмозглыя жертвы, то въ подлыхъ палачей! Да, позоръ! Это

правда, но это—слишкомъ правда; правда для вѣчности, но еще не для насъ. Это будетъ правдой, когда ее начертаютъ среди другихъ истинъ, постичь которыя мы сумѣемъ лишь позже, когда очистится духъ нашъ. Мы еще далеки отъ этого. Теперь, въ данный моментъ эта правда почти заблужденіе; это священное слово только богохульство!

Онъ какъ-то особенно звучно разсмѣялся и задумчиво продолжалъ:

— Какъ-то разъ я сказалъ имъ, что вѣрю въ пророчества только для того, чтобы пріободрить ихъ и заставить идти впередъ".

Но, говоря такъ, спокойный, мужественный человѣкъ, уважаемый всѣми людьми своего взвода, ведетъ ихъ на безсмысленную бойню и умираетъ на грязномъ полѣ, среди гніющихъ труповъ.

Во всемъ этомъ ярко и насмѣшливо горитъ убійственное противорѣчіе, унижающее человѣка до степени безвольнаго инструмента, до какой-то отвратительной машины, созданной злой и темной силой на служеніе ея дьявольскимъ цѣлямъ.

И близки, и милы душѣ эти несчастные герои, но, поистинѣ, они кажутся прокаженными, носящими въ себѣ самихъ навѣки непримиримое противорѣчіе разума и воли. Кажется, что разумъ ихъ уже настолько окрѣпъ и силенъ, что въ состояніи остановить эту отвратительную бойню, прекратить міровое преступленіе, но... воли нѣтъ у нихъ, и, понимая всю гадость убійства, отрицая его въ душѣ, они, все-таки, идутъ убивать, разрушать и умирать въ крови и грязи.

„Битвы производятся нашими руками, говорятъ они. Мы служимъ матеріаломъ для войны. Она состоитъ вся только изъ плоти и душъ простыхъ солдатъ. Это мы нагромождаемъ трупы на равнинахъ и наполняемъ рѣки кровью, всѣ мы, хотя каждый изъ насъ невидимъ и молчаливъ, ибо слишкомъ велико наше число. Опустѣвшіе города, разоренныя села и деревни,—это пустыни, лишившіяся насъ или оставшіяся послѣ насъ. Да, все это мы—и только мы!

— Да, это правда. Война, это—народы. Безъ нихъ не было бы ничего, кромѣ развѣ перебранки издалека. Но войну рѣшаютъ не они, а тѣ, которые правятъ.

— Народы борются теперь, чтобы избавиться отъ этихъ правителей. Эта война не что иное, какъ продолжающаяся

Французская революція.

— Въ такомъ случаѣ, выходитъ, что мы работаетъ также и для пруссаковъ?

— Будемъ надѣяться, что и для нихъ,—согласился одинъ изъ страдальцевъ.

— Народы, это—ничто, а они должны быть всѣмъ,—проговорилъ въ этотъ моментъ человѣкъ, вопрошающе глядѣвшій на меня; онъ повторилъ невѣдомую для него историческую фразу, которой уже больше вѣка, но придалъ ей, наконецъ, ея великій всемірный смыслъ.

И этотъ несчастный, стоя на четверенькахъ въ грязи, поднялъ свое лицо прокаженнаго и жадно заглянулъ впередъ, въ безконечность".

Что онъ увидитъ тамъ? Мы вѣримъ, что онъ увидитъ своихъ потомковъ, свободными, разумными и сильными волей.

* * *

Эту страшную и радостную книгу написалъ Анри Барбюссъ, человѣкъ, лично пережившій весь ужасъ войны, все ея безуміе. Это не парадная книга геніальнаго Льва Толстого, геній котораго созерцалъ войну въ далекомъ прошломъ; это не жалобное сочиненіе Берты Сутнеръ „Долой войну", сочиненіе, написанное съ добрымъ намѣреніемъ, но не способное никого и ни въ чемъ ни убѣдить, ни разубѣдить.

Это—книга, простая, какъ евангеліе, исполненная пророческаго гнѣва, это—первая книга, которая говоритъ о войнѣ просто, сурово, спокойно и съ необоримою силою правды. Въ ней нѣтъ изображеній, романтизирующихъ войну, раскрашивающихъ ея грязно-кровавый ужасъ во всѣ цвѣта радуги.

Барбюссъ написалъ будни войны, онъ изобразилъ войну какъ работу, тяжелую и грязную работу взаимнаго истребленія ни въ чемъ неповинныхъ людей, неповинныхъ ни въ чемъ, кромѣ глупости. Въ его книгѣ нѣтъ поэтически и героически раскрашенныхъ картинокъ сраженій, нѣтъ описаній мужества отдѣльныхъ солдатъ— книга Барбюсса насыщена суровой поэзіей правды, она изображаетъ мужество народа, мужество сотенъ тысячъ и милліоновъ людей, обреченныхъ на смерть и уничтоженіе великимъ провокаторомъ народовъ—капиталомъ. Этотъ Дьяволъ, совершенно реальный, неутомимо дѣйствующій среди насъ, это онъ главный герой книги

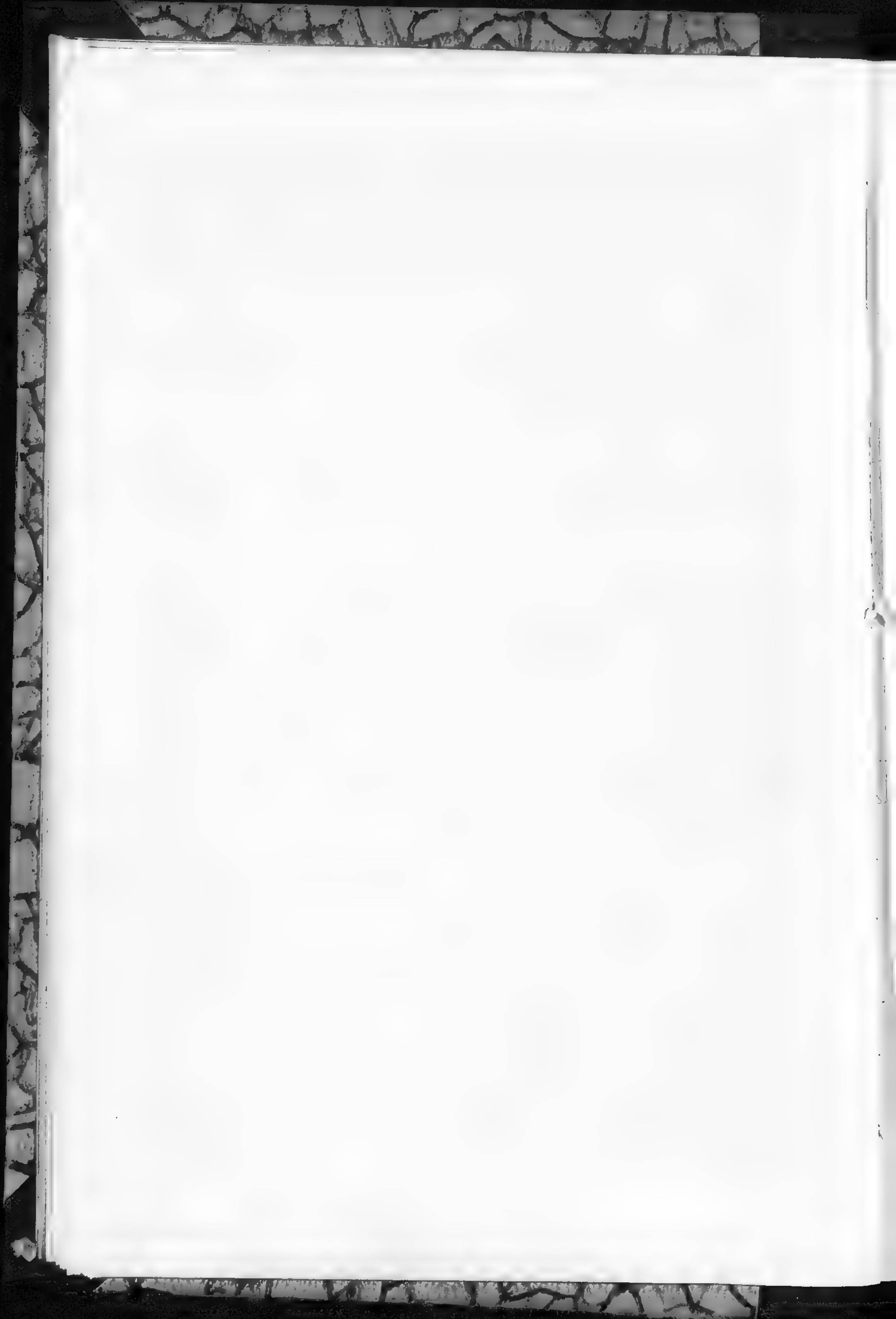
Барбюсса. Ослѣпивъ милліоны простаковъ ложнымъ блескомъ идей и ученій, убивающихъ волю, отравивъ ихъ ядомъ жадности, зависти, своекорыстія, онъ согналъ милліоны ихъ на плодородныя поля Франціи, и тамъ они въ теченіе четырехъ лѣтъ разрушаютъ въ прахъ все, созданное трудомъ почти двухъ столѣтій, еще разъ показывая самимъ себѣ, что злѣйшій врагъ человѣка—его безволіе и неразуміе.

Барбюссъ глубже, чѣмъ кто-либо до него, заглянулъ въ сущность войны и тономъ провозвѣстника новаго евангелія показалъ людямъ бездну ихъ заблужденія.

Каждая страница его книги—ударъ желѣзнаго молота правды по всей той массѣ лжи, лицемѣрія, жестокости, грязи и крови, которыя въ общемъ зовутся войной. Мрачная книга его страшна своей безпощадной правдой, но всюду во мракѣ изображаемаго имъ сверкаютъ огоньки новаго сознанія,—и эти огоньки, мы вѣримъ, скоро разгорятся во всемірное пламя очищенія земли отъ грязи, крови, лжи и лицемѣрія, созданныхъ Дьяволомъ Капитала. Люди, о которыхъ говоритъ Барбюссъ, уже начинаютъ смѣло отрицать власть Бога надъ человѣкомъ, и это вѣрный признакъ, что скоро они почувствуютъ, со стыдомъ и гнѣвомъ, какъ преступна и отвратительна власть человѣка надъ подобнымъ себѣ.

Мы живемъ въ трагическіе дни, намъ невыносимо тяжело, но мы живемъ наканунѣ возрожденія всѣхъ добрыхъ силъ человѣка къ свободному творчеству и труду. Это—правда, и она должна утѣшить насъ, увеличить наши силы, придать намъ бодрость.

М. Горькій.

Памяти товарищей, павшихъ рядомъ
со мною въ Круи и на высотѣ «119».
А. Б.

I.

Видѣніе.

Горныя вершины Данъ-дю-Миди, Эгвиль-вертъ и Монблана высятся передъ глазами страдальцевъ, безкровныя лица выглядываютъ поверхъ одѣялъ, разложенныхъ рядышкомъ въ галлереѣ санаторіи.

Эта терраса, въ третьемъ этажѣ госпиталя-дворца, съ балкономъ изъ рѣзного дерева, защищенная верандой, изолирована въ пространствѣ и виситъ надъ міромъ.

Одѣяла изъ тонкой шерсти,—красныя, зеленыя, коричневыя, бѣлыя,—изъ-подъ которыхъ выглядываютъ исхудалыя лица съ лихорадочно блестящими глазами, не шевелятся. На раскидныхъ креслахъ царитъ молчаніе. Кто-то кашлянулъ. Затѣмъ лишь время отъ времени, черезъ правильные промежутки, слышенъ шелестъ перевернутой страницы, либо шопотъ вопроса и тихій отвѣтъ сосѣда, либо изрѣдка на балюстрадѣ шорохъ крыльевъ смѣлой вороны, отбившейся отъ стай, рѣющихъ въ прозрачной безконечности нитками чернаго жемчуга.

Молчаніе здѣсь законъ. Къ тому же всѣ эти люди, богатые и независимые, пораженные однимъ и тѣмъ же недугомъ и съѣхавшіеся сюда со всѣхъ концовъ земли, утратили привычку разговаривать. Они ушли въ себя и думаютъ о своей жизни и смерти.

* * *

Въ галлереѣ появляется прислуга; она въ бѣломъ и старается не шумѣть. Принесла газеты и раздаетъ ихъ.

— Кончено!—говоритъ первый развернувшій газету,— война объявлена.

Хотя это извѣстіе и не является неожиданнымъ, оно вызываетъ смятеніе, идо присутствующіе сознаютъ безмѣрность его значенія.

Эти умные и образованные люди, углубленные страданіемъ и размышленіемъ, оторванные отъ вещей и почти отъ жизни, столь же далекіе отъ всего рода человѣческаго, какъ если бы они жили уже въ отдаленномъ грядущемъ, глядятъ передъ собой въ пространство, вдаль, въ непостижимыя страны живыхъ и безумныхъ.

— Австрія совершаетъ преступленіе,—говоритъ австріецъ.

— Надо, чтобы Франція побѣдила,—говоритъ англичанинъ.

— Надѣюсь, что Германія будетъ побѣждена,—говоритъ нѣмецъ.

* * *

И они снова укладываются подъ одѣялами, лицомъ къ вершинамъ горъ и къ небу. Но, несмотря на прозрачность пространства, тишина полна зловѣщимъ откровеніемъ.

Война!

Нѣкоторые изъ лежащихъ здѣсь нарушаютъ законъ молчанія, повторяя вполголоса это слово и думая о томъ, что сейчасъ разыгрывается величайшее событіе нашего времени, быть можетъ, всѣхъ временъ.

Даже на прозрачномъ и ясномъ пейзажѣ, который они созерцаютъ, вѣсть эта вызываетъ какой-то неясный, туманный миражъ.

Спокойный просторъ долинъ, украшенныхъ алыми, какъ розы, деревнями, и бархатистыми пастбищами, черное кружево елей и бѣлое кружево вѣчныхъ снѣговъ,—все наполняется людской суетой.

Толпы людей кишатъ обособленными массами. По полямъ, волна за волной, мчатся атаки, дома гибнутъ, какъ люди, и города, какъ дома; деревни представляются распыленной бѣлизной, словно упавшія съ неба на землю; страшныя груды мертвыхъ и раненыхъ мѣняютъ форму равнинъ.

Видны народы, пожираемые бойней на границахъ ихъ странъ, безпрестанно вырывающіе изъ нѣдръ своихъ новыхъ

солдатъ, полныхъ силъ и крови. Глазъ улавливаетъ эти живые притоки рѣки смерти.

На сѣверѣ, на югѣ, на западѣ идутъ бои. Въ какую сторону ни повернись—всюду идетъ война.

Одинъ изъ блѣдныхъ созерцателей видѣнія, приподнявшись на локтѣ, называетъ и подсчитываетъ цифры дерущихся нынѣ и въ будущемъ—тридцать милліоновъ солдатъ! Другой, съ глазами, полными видѣній кровопролитія, лепечетъ:

— Двѣ арміи въ схваткѣ, это—одна огромная армія, совершающая самоубійство.

— Не надо бы...—слышится глубокій глухой голосъ перваго въ ряду.

Но другой возражаетъ:

— Это снова начинается Французская революція.

— Берегитесь, монархи!—шепчетъ другой.

Третій прибавляетъ:

— Быть можетъ, это послѣдняя война.

Воцаряется тишина. Затѣмъ иные, поблѣднѣвшіе отъ трагически-томительныхъ ночей, во время которыхъ они мечутся въ поту и безъ сна, покачиваютъ головой.

— Прекратить войны! Да развѣ возможно? Прекратить войны! Міровая язва неисцѣлима!

* * *

Кто-то кашляетъ. Затѣмъ снова великая тишина на залитыхъ солнцемъ пышныхъ лугахъ, гдѣ мягко поблескиваютъ какъ бы лакированныя коровы; темныя рощи, зеленыя поля и синія дали заслоняютъ это видѣніе, гасятъ отблескъ огня, которымъ охваченъ разрушающійся старый міръ. Безбрежная тишина стираетъ отголоски злобы и муки этихъ кишащихъ черныхъ массъ. Собесѣдники постепенно уходятъ въ себя, прислушиваясь къ тайнѣ своихъ легкихъ.

Но, когда вечеръ готовится спуститься въ долину, на массивѣ Монблана вспыхиваетъ гроза.

Въ такіе опасные вечера, когда волны вѣтра докатываются даже сюда, на эту огромную веранду, спокойную пристань страдальцевъ, имъ запрещено выходить.

И эти люди, раненые изнутри, только смотрятъ, какъ бушуютъ стихіи. Они внимаютъ доносящемуся съ горъ рокоту грома, каждый ударъ котораго поднимаетъ стелящіяся подобно морю тучи и одновременно кидаетъ во мракъ столбы огня и паровъ. Внимаютъ и поворачиваютъ свои блѣдныя, истощенныя лица, слѣдя за орлами, кружащими въ поднебесьѣ и глядящими внизъ, на землю, сквозь ползущій туманъ.

— Прекратить войны!—говорятъ они. — Остановить грозу!

Но эти зрители, стоящіе уже на грани живого міра, очищенные отъ партійныхъ страстей, освобожденные отъ благопріобрѣтенныхъ взглядовъ и понятій, отъ всякихъ ослѣпленій, отъ власти традицій, смутно чувствуютъ простоту вещей и разверзающіяся возможности...

Крайній съ конца восклицаетъ:

— Внизу что-то будто ползетъ.

— Да... будто живое.

— Что-то въ родѣ растеній...

— Какъ будто люди.

И вотъ, среди зловѣщихъ вспышекъ грозы, подъ черными разметавшимися тучами, нависшими надъ землей подобно злымъ духамъ, созерцающимъ чудится огромная синевато-багровая равнина. Изъ равнины, покрытой грязью и водой, поднимаются какія-то формы и цѣпляются за поверхность почвы, ослѣпленныя и сплошь затянутыя тиной, какъ чудовищные утопленники. И имъ кажется, что это солдаты. Равнина, вся струящаяся, изборожденная длинными параллельными каналами, изрытая полными воды ямами, огромна, и этихъ тонущихъ, силящихся спастись, многое множество... Но тридцать милліоновъ рабовъ, преступленіемъ и чудовищнымъ заблужденіемъ посланныхъ другъ противъ друга на эту войну въ грязи, поднимаютъ свои человѣческія лица, на которыхъ появляется, наконецъ, проблескъ воли. Будущее въ рукахъ этихъ рабовъ, и ясно видно, что дряхлый міръ будетъ обновленъ союзомъ, который когда-нибудь заключатъ тѣ, чье число и страданья безконечны.

II.

Въ землѣ.

Огромное блѣдное небо все полно ударами грома; каждый взрывъ сопровождается одновременно рыжеватой молніей и огненнымъ столбомъ, уходящимъ въ остатки ночи, и такимъ же столбомъ пара, бѣлѣющимъ въ занимающемся днѣ.

Высоко, очень высоко и далеко виденъ полетъ страшныхъ птицъ съ могучимъ и ритмичнымъ дыханіемъ, которое слышно даже, когда птицъ не видать; эти птицы кружатъ надъ землей и озираютъ ее.

Земля! При блѣдномъ свѣтѣ печальной зари начинаетъ показываться пустыня, безкрайная и залитая водой; болота и воронки, водную гладь которыхъ щиплетъ и рябитъ предразсвѣтный вѣтерокъ; дороги, проложенныя войсками и ночными обозами въ этихъ безплодныхъ поляхъ, испещренныхъ рытвинами, при блѣдномъ свѣтѣ точно блестящіе стальные рельсы; груды грязи, въ которой то тамъ, то здѣсь торчатъ сломанныя вѣхи, разрушенныя козлы и спутанные мотки проволоки. Благодаря этимъ илистымъ отмелямъ и лужамъ, получается впечатлѣніе, что передъ вами безмѣрный сѣрый холстъ, плавающій на поверхности моря и мѣстами затонувшій. Дождь перестал, но все влажно; отовсюду каплетъ, все точно вымыто, и даже свѣтъ кажется жидкимъ.

Обозначаются длинные извилистые рвы, еще окутанные ночнымъ мракомъ. Это—окопы. Ихъ дно устлано вязкимъ слоемъ, изъ котораго ноги вырываются съ громкимъ чавканьемъ и который распространяетъ вокругъ зловоніе ночныхъ парашъ. Эти норы, когда надъ ними нагибаешься, дышутъ на васъ точно зловонный ротъ.

Изъ боковыхъ галлерей выходятъ какія-то тѣни; онѣ движутся огромными и безформенными массами: словно медвѣди, которые барахтаются въ грязи и ворчатъ. Это мы.

Мы закутаны подобно жителямъ арктическихъ странъ. Шерстяное бѣлье, одѣяла, мѣшечный холстъ—все это мы напялили на себя, и это странно насъ округляетъ. Видны красноватыя или сине-багровыя лица, испещренныя грязью, точно шрамами; на нихъ, подобно ночникамъ, выдѣляются затуманенные глаза со слипшимися вѣками, всклокоченныя бороды и давно небритая щетина.

Такъ! Такъ! Трахъ! Трескъ выстрѣловъ, канонада. Надъ нами повсюду трещитъ и грохочетъ то продолжительными шквалами, то отдѣльными ударами. Мрачная пылающая гроза не прекращается никогда! Уже больше пятнадцати мѣсяцевъ, около пятисотъ дней, ружейная пальба и пушечный грохотъ не замираютъ съ утра до вечера и съ вечера до утра. Мы зарыты въ глубинѣ вѣчнаго поля битвы. Но какъ въ былыя времена, которыя кажутся намъ теперь легендарными, мы не замѣчали въ своихъ домахъ тиканья часовъ, такъ мы не слышимъ теперь этого грохота, пока не прислушаемся къ нему.

Изъ-подъ земли вылѣзаетъ круглое лицо младенца съ припухшими вѣками и такими красными скулами, точно на нихъ наклеены маленькіе красные квадратики, это—Парадизъ. Кожа на его толстыхъ щекахъ вся въ складкахъ отъ полотнища палатки, въ которое онъ завернулъ голову, ложась спать.

Онъ озирается кругомъ своими маленькими глазками, замѣчаетъ меня, киваетъ головой и говоритъ:

— Вотъ и еще одна ночь прошла, дружище!

— Да, сынокъ, а сколько намъ еще предстоитъ провести подобныхъ ночей?

Его пухлыя руки поднимаются къ небу. Съ большими усиліями онъ вытаскиваетъ свое тѣло изъ норы, и вотъ онъ рядомъ со мной. Споткнувшись о какого-то человѣка, который, сидя на землѣ, кажется въ полумракѣ темной кучей, съ хриплымъ дыханіемъ бѣшено скребущей ногтями изъѣденное вшами тѣло, Парадизъ, хлюпая по лужамъ, удаляется, напоминая собой пингвина во время потопа.

* * *

Понемногу люди вылѣзаютъ изъ глубинъ. По угламъ сгущаются тѣни, затѣмъ эти человѣческія тучи дробятся, разсѣиваются... Теперь ихъ возможно распознать каждаго въ отдѣльности.

Вотъ одинъ вылѣзаетъ съ одѣяломъ, накинутымъ на голову вмѣсто капюшона. Можно подумать, что это дикарь, или, вѣрнѣе, палатка дикаря, перемѣщающаяся съ мѣста на мѣсто и раскачивающаяся то вправо, то влѣво. Вблизи различаешь въ плотномъ окаймленіи вязаной шерсти квадратную желтовато-зеленую физіономію, испещренную черноватыми пятнами, носъ съ изломомъ, косые китайскіе глаза и маленькіе жесткіе усы, напоминающіе щетку для мытья посуды.

— Вотъ Вольпаттъ! Какъ дѣла, Фирменъ?

— Такъ себѣ—ни шатко, ни валко,—говоритъ Вольпаттъ.

У него тяжелый, медлительный языкъ и хриплый голосъ. Онъ кашляетъ.

— На этотъ разъ я, кажется, подохну. Скажи-ка, ты слышалъ ночью атаку? Ну и зажаривали же они изъ пушекъ! Знатно!

Онъ шмыгаетъ носомъ и вытираетъ его рукавомъ, затѣмъ запускаетъ руку за пазуху, долго ищетъ тѣло и чешется.

— Я сжегъ на свѣчкѣ 30 штукъ,—ворчитъ онъ.—Въ большой галлереѣ, рядомъ съ подземнымъ проходомъ, ими прямо кишмя-кишитъ. Кажется, будто вся солома живая...

— Кто же шелъ ночью въ атаку,—нѣмцы?

— И нѣмцы, и мы. Это было со стороны Вими. Контръ-атака. Ты не слыхалъ?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ за меня толстый Ламюзъ, человѣкъ-быкъ.— Я дрыхнулъ. Прошлой ночью я вѣдь былъ на работѣ.

— А, я слышалъ,—заявляетъ маленькій бретонецъ Бике.—Я плохо спалъ, скорѣе, совсѣмъ не спалъ. У меня отдѣльный кабинетъ. Вонъ онъ проклятый!

Онъ указываетъ на ровъ, который едва вдается въ землю и гдѣ на тонкомъ слоѣ навоза едва можетъ улечься одно тѣло.

— Точно орѣшекъ въ скорлупѣ,—поясняетъ онъ, покачивая своей маленькой, точно каменной головой,—я почти не спалъ; думалъ, было, вздремнуть, но былъ разбуженъ проходившимъ мимо 129-мъ полкомъ. Разбудилъ-то меня не шумъ, а запахъ. Представляешь себѣ ноги всѣхъ этихъ молодцовъ на одномъ уровнѣ съ моей физіономіей? Прямо непереносно закрутило въ носу. Я и проснулся.

Мнѣ это знакомо. Меня часто будилъ въ окопахъ густой запахъ, который тянется за проходящими войсками.

— Если бы это хоть убивало вшей!—говоритъ Тиреттъ.

— Наоборотъ, это ихъ возбуждаетъ,—замѣчаетъ Ламюзъ.— Чѣмъ больше ты воняешь, тѣмъ больше онѣ на тебя насѣдаютъ.

— И это еще счастье,—продолжаетъ Бике,—что они меня разбудили своей вонью. Какъ я уже разсказывалъ только-что этому толстому прессъ-папье, я продралъ зѣньки какъ разъ во-время, чтобы уцѣпиться за полотнище палатки, которое закрывало мою дыру и которое одинъ изъ проходившихъ молодцовъ хотѣлъ, было, стянуть.

— Паршивцы въ этомъ 129-мъ полку!

Въ глубинѣ у нашихъ ногъ видна человѣческая фигура, не освѣщаемая разсвѣтомъ. Присѣвъ на корточки, она треплетъ на себѣ платье и чешется. Это дядюшка Блэръ.

Его маленькіе глазки на лицѣ, покрытомъ толстымъ слоемъ пыли, быстро мигаютъ. Надъ беззубымъ ртомъ усы образуютъ какъ бы желтоватый пакетъ. Его руки черны, какъ земля. Онѣ до того грязны, что кажутся поросшими волосами, а на ладоняхъ лежатъ цѣлые слои сѣрой грязи. Весь онъ, скорченный и засаленный, распространяетъ запахъ старой кастрюли.

Занятый чесаньемъ, онъ все-таки болтаетъ съ долговязымъ Баркомъ, который, стоя немного въ сторонкѣ, наклонился къ нему.

— Я совсѣмъ не такой грязный въ штатскомъ,—говоритъ онъ.

— Еще бы, старина, воображаю, какъ это мѣняетъ тебя,— говоритъ Баркъ.

— Это еще счастье,—вмѣшивается Тиреттъ,—потому что иначе твоя жена народила бы тебѣ маленькихъ негритятъ.

Блэръ разсердился. Его брови нахмурились.

— Чего ты присталъ? Еще что выдумаешь? На то и война! А ты, фасоль рябая, ты думаешь, что тебя и твои повадки война не мѣняетъ? Погляди-ка на себя, обезьянье рыло, ягодица ты этакая! Надо же быть такимъ дуракомъ, чтобы болтать подобный вздоръ.

Онъ провелъ рукой по темному слою, покрывавшему его лицо и послѣ дождей ставшему совершенно несмываемымъ, и прибавилъ:

— А затѣмъ, я таковъ, потому что хочу быть такимъ. Во-первыхъ, у меня нѣтъ зубовъ. Майоръ уже давно сказалъ мнѣ: «У тебя ни одного зуба. Это слишкомъ мало. На ближайшей же остановкѣ ступай въ эстомологическую амбулаторію».

— Въ томатологическую,—поправилъ Баркъ.

— Въ стоматологическую,—поправилъ Бертранъ.

— А я не пошелъ, потому что не хотѣлъ, — продолжалъ Блэръ,—хоть это и даромъ.

— Почему же?

— Да такъ, для разнообразія.

— У тебя всѣ данныя для повара,—говоритъ Баркъ.—Тебѣ слѣдовало бы пойти въ повара.

— Я тоже такъ думаю,—наивно соглашается Блэръ.

Всѣ разсмѣялись. Черный человѣкъ обидѣлся и встаетъ.

— У меня отъ вашихъ разговоровъ животъ заболѣлъ,—презрительно проговорилъ онъ.—Пойду опростаться...

Когда его темный силуэтъ исчезъ, оставшіеся лишній разъ констатировали ту истину, что наибольшими неряхами обыкновенно бываютъ повара.

— Если ты видишь грязнулю съ пятнами на кожѣ и платьѣ, засаленнаго до такой степени, что къ нему можно прикоснуться только спеціальнымъ орудіемъ, такъ и знай: вѣроятно, это поваръ. И чѣмъ грязнѣй, тѣмъ лучшій поваръ.

— Это—правда-истина!—подтверждаетъ Мартро.

— А, вотъ и Тирлуаръ. Эй, Тирлуаръ!

Озабоченный, поглядывая во всѣ стороны, онъ подходитъ. Его небольшая голова съ блѣднымъ лицомъ танцуетъ въ слишкомъ широкомъ воротникѣ шинели.

У него заостренный подбородокъ и торчащіе впередъ верхніе зубы. Складка около рта, въ которую набилось грязи, кажется намордникомъ. По обыкновенію, онъ золъ и, какъ всегда, ругается.

— У меня стянули этой ночью мой мѣшокъ.

— Это 129-й полкъ. А гдѣ ты его держалъ?

Онъ указываетъ на штыкъ, воткнутый въ изгородь подлѣ входа въ окопъ.

— Да вонъ тамъ онъ висѣлъ, на этой зубочисткѣ.

— Пентюхъ!—восклицаютъ всѣ хоромъ.—Стоило только протянуть руку проходившимъ солдатамъ! Ну, развѣ не балда?

— Все-таки непріятно,—жалуется Тирлуаръ.

Затѣмъ онъ вдругъ впадаетъ въ ярость. Его лицо становится похожимъ на скомканную тряпку, кулачки сжимаются, какъ узлы на веревкѣ. Онъ размахиваетъ ими свирѣпо.

— А, попадись мнѣ только эта падаль, которая у меня стянула мѣшокъ! Я бы ему морду разбилъ и животъ бы прошибъ! Вѣдь, въ мѣшкѣ непочатый сыръ лежалъ. Пойду еще поискать.

И, потирая себѣ кулакомъ животъ, точно играя на гитарѣ, онъ уплываетъ въ предразсвѣтный сумракъ, напоминая своимъ закутан-

нымъ силуэтомъ больного въ халатѣ. Все время, пока онъ не исчезаетъ, слышна ругань.

— Вотъ дуракъ,—говоритъ Пепэнъ.

Остальные смѣются.

— Онъ сумасшедшій и юродивый,—заявляетъ Мартро, имѣющій привычку усиливать выразительность своихъ мыслей повтореніемъ равнозначущихъ словъ.

* * *

— А ну-ка, дядюшка, — восклицаетъ подходящій Тюлакъ, — взгляни-ка на это!

Тюлакъ великолѣпенъ. Онъ одѣтъ въ казакинъ лимоннаго цвѣта, сдѣланный изъ клеенчатаго мѣшка для матраца. Посрединѣ онъ продѣлалъ отверстіе для головы и поверхъ этого футляра приспособилъ свои помочи и ремень. Онъ высокъ ростомъ, тощъ. Когда онъ ходитъ, онъ держитъ голову наклоненной впередъ, и его косящіе глаза на энергичномъ лицѣ точно чего-то ищутъ. Въ рукахъ у него какой-то предметъ.

— Я нашелъ это, когда копалъ ночью землю въ концѣ новаго соединительнаго прохода, гдѣ мѣняли прогнившій рѣшетчатый люкъ. Эта штука мнѣ сразу понравилась. Это старинный топоръ.

Дѣйствительно, топоръ очень древній — заостренный камень, надѣтый на потемнѣвшую кость. Совсѣмъ доисторическое орудіе.

— Удобно держать въ рукахъ,—говоритъ Тюлакъ, размахивая сѣкирой.—Да! Недурно придумано. Пожалуй, лучше, чѣмъ топорики военнаго образца. Прямо удивительно, можно сказать! На, вотъ, попробуй... Что скажешь? А теперь верни: пригодится мнѣ кой-для чего... Вотъ увидите...

И онъ размахиваетъ этимъ топоромъ третичнаго періода и самъ кажется питекантропомъ, одѣтымъ въ лохмотья и зарывшимся въ землю.

* * *

Понемногу всѣ изъ взвода Бертрана и нашего отдѣленія собрались у поворота окопа. Въ этомъ мѣстѣ онъ слегка шире, чѣмъ въ его ровной части, гдѣ обыкновенно, чтобы разминуться, надо прижаться спиной къ стѣнѣ, а животомъ упереться въ товарища.

Наша рота въ резервѣ и занимаетъ окопъ второй линіи. Здѣсь нѣтъ службы секретовъ и часовыхъ. Ночью насъ употребляютъ для

работъ по рытью окоповъ въ первой линіи, но весь день мы ничего не дѣлаемъ. Скученные на небольшомъ пространствѣ, локоть къ локтю, мы убиваемъ время до вечера, какъ умѣемъ и можемъ.

Дневной свѣтъ проникъ, наконецъ, въ безконечныя трещины, бороздящія этотъ районъ; добирается онъ и до нашихъ ногъ. Печальный, сѣверный свѣтъ; узкое мутное небо, какъ бы затянутое дымомъ заводскихъ трубъ. При этомъ блѣдномъ освѣщеніи разношерстные костюмы обитателей дна выступаютъ во всемъ своемъ убожествѣ. Но, какъ и въ отношеніи ружейной пальбы и канонады, великая трагедія, въ которой мы участвуемъ, тянется уже слишкомъ долго для того, чтобы мы еще удивлялись или замѣчали странности нашего одѣянія, изобрѣтеннаго нами для защиты отъ дождя, падающаго сверху, отъ грязи, поднимающейся снизу, и отъ холода, вѣющаго отовсюду.

Шкуры животныхъ, кучи одѣялъ, холстъ, брезентъ, шерстяные колпаки, кашнэ, накрученныя на голову тюрбаномъ, всевозможныя фуфайки, просмоленные и резиновые капюшоны всѣхъ цвѣтовъ радуги,—все это покрываетъ людей и почти стираетъ признаки форменной одежды. Одинъ нацѣпилъ себѣ на спину квадратъ изъ клеенки, разграфленной для шашечной игры и найденной гдѣ-нибудь въ столовой во время стоянки. Это Пепэнъ, и его легко узнать издалека по этой вывѣскѣ арлекина,—больше, чѣмъ по его блѣдному лицу апаша. Здѣсь вздуваетъ колесомъ пластронъ Барка, вырѣзанный изъ пикейнаго одѣяла, когда-то розоваго, но теперь отъ пыли и дождя выцвѣтшаго и въ разводахъ. Тамъ—огромный Ламюзъ, похожій на развалившійся кіоскъ съ остатками афишъ. Кирасса изъ молескина придаетъ маленькому Эвдору видъ какого-то насѣкомаго. И среди всѣхъ Тюлакъ выдѣляется своимъ оранжевымъ нагрудникомъ Верховнаго Вождя.

Только каска придаетъ извѣстное единообразіе верхней части тѣла этихъ людей, да и то! Привычка нѣкоторыхъ надѣвать каску поверхъ кэпи, какъ Бикэ, либо поверхъ колпака, какъ Кадильякъ, создаетъ разнообразіе внѣшняго вида.

А наши ноги?.. Я, согнувшись вдвое, только что спустился въ нашу нору, маленькій низкій погребокъ, пахнущій плѣсенью и сыростью, гдѣ натыкаешься на пустыя коробки изъ подъ консервовъ и грязныя тряпки, и гдѣ, подобно узламъ грязнаго бѣлья, въ два ряда лежали и спали люди, межъ тѣмъ какъ въ углу при свѣтѣ свѣчи кто-то, стоя на колѣняхъ, рылся въ своемъ мѣшкѣ... Поднимаясь

назадъ, я въ квадратъ отверстія увидѣлъ ноги. Въ самыхъ различныхъ положеніяхъ,—въ горизонтальномъ, вертикальномъ, наклонномъ, въ согнутомъ, вытянутомъ, — мѣшая проходящимъ, онѣ являли собою разноцвѣтную и разнообразную коллекцію: гетры, черные и желтые наколѣнники, кожаные, изъ просмоленнаго холста или какой-либо иной непромокаемой матеріи, бинты — темно-синіе, голубые, черные, коричневые, сѣрые, защитнаго цвѣта... Одинъ только Вольпаттъ сохранилъ свою обувь временъ мобилизаціи. Мениль Андрэ вотъ уже двѣ недѣли щеголяетъ въ толстыхъ чулкахъ изъ зеленой шерсти въ полоску, а Тиреттъ носитъ обмотки изъ сѣраго драпа въ бѣлую полоску, вырѣзанныя изъ штатскихъ брюкъ, висѣвшихъ Богъ вѣсть гдѣ въ началѣ войны... У Мауро бинты на ногахъ разнаго цвѣта, ибо ему не удалось найти двухъ кусковъ шинели, которые были бы одинаково изношены и грязны. А затѣмъ есть еще ноги, завернутыя въ тряпки, даже въ газеты съ намотанными вокругъ нихъ веревками, а порою и телефонной проволокой. Пепэнъ поражаетъ товарищей и прохожихъ парой гетръ коричневаго цвѣта, снятыхъ съ мертвеца... Баркъ, претендующій на изобрѣтательность, носитъ бѣлые наколѣнники: онъ намоталъ вокругъ штановъ марлевый бинтъ. Эти два бѣлыхъ пятна на нижнемъ концѣ его особы, вмѣстѣ съ вязанымъ колпакомъ, выглядывающимъ изъ подъ каски и обнажающимъ рыжій локонъ, придаютъ ему видъ клоуна. Потерлу вотъ уже мѣсяцъ разгуливаетъ въ сапогахъ нѣмецкаго пѣхотинца, почти новыхъ и съ подковками на каблукахъ. Каронъ далъ ихъ ему на храненіе, когда былъ эвакуированъ послѣ раненія въ руку. Самъ же Каронъ снялъ ихъ съ баварскаго пулеметчика, убитаго на Пилонской дорогѣ. Какъ сейчасъ помню его разсказъ объ этомъ:

— ...Паренекъ лежалъ задомъ въ ямкѣ, весь согнувшись; его остеклянѣвшіе глаза смотрѣли на небо, а ноги были задраны кверху. Онъ какъ бы подставилъ ихъ мнѣ, совѣтуя воспользоваться его сапогами. «Что-жъ, ладно», думаю. Только и работы же онъ задалъ мнѣ со стаскиваніемъ его сапогъ. Полчаса я возился, тянулъ, поворачивалъ, встряхивалъ,—не слѣзаютъ, а своими похолодѣвшими лапами парнюга-то мнѣ помочь не можетъ. Наконецъ, я такъ потянулъ, что ноги мертвеца отклеились по колѣно, штаны разорвались, и все это очутилось въ моихъ рукахъ. Ну ладно, вотъ у меня и сапоги, да только занятые чужими ногами. Надо было ихъ выпотрошить.

— Да ты все брешешь!

— Спроси, если не вѣришь, самокатчика Эвтерпа. Онъ мнѣ помогалъ: запустили мы лапы въ сапоги, и давай вытаскивать кости, куски носковъ, говядину. Да ты только погляди, какіе сапоги-то! Небось, стоило труда!

И въ ожиданіи, пока вернется Каронъ, Потерлу изнашиваетъ его сапоги, которыхъ не успѣлъ износить баварскій пулеметчикъ.

Такъ каждый, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, старается бороться съ ужасающими неудобствами. Словно каждый, показывая себя, говоритъ: «Вотъ все, что я сумѣлъ, смогъ и ухитрился сдѣлать въ той огромной бѣдѣ, въ которую я попалъ».

Мениль Жозефъ дремлетъ, Блэръ зѣваетъ, Мартро, уставившись глазами въ пространство, куритъ, Ламюзъ чешется, какъ горилла, а Эвдоръ, какъ мартышка, Вольпаттъ покашливаетъ и все твердитъ: «Подохну!» Мениль Андрэ вынулъ свое зеркало и любовно расчесываетъ свою красивую свѣтлую бороду. Монотонная тишина то здѣсь, то тамъ прерывается приступами неистоваго возбужденія, вызываемаго повсемѣстнымъ, вѣчнымъ и заразительнымъ присутствіемъ паразитовъ.

Баркъ, отличающійся наблюдательностью, обводитъ все взглядомъ, вынимаетъ изо рта трубку, плюетъ, подмигиваетъ и говоритъ:

— Однако, какіе мы всѣ разные!

— А съ чего же намъ быть похожими?—говоритъ Ламюзъ.— Это было бы чудомъ!

* * *

Наши возрасты? Самые разнообразные. Нашъ полкъ—резервный и постепенно пополняемый отчасти запасными, отчасти ополченцами. Фуйяду 40 лѣтъ; Блэръ могъ бы быть отцомъ Бикэ, который призывался въ тринадцатомъ году. Капралъ зоветъ Мартро дѣдушкой или «старымъ отбросомъ», смотря по тому, шутитъ ли онъ, или говоритъ серьезно. Мениль Жозефъ и безъ войны былъ бы въ казармѣ. Когда нашъ сержантъ, Вижиль, милый паренекъ съ тонкимъ пушкомъ на губѣ, еще недавно прыгавшій вмѣстѣ съ ребятами черезъ веревочку, ведетъ насъ на работу, мы производимъ странное впечатлѣніе. Въ нашей разношерстной группѣ, въ этой семьѣ безъ семьи, въ этомъ очагѣ безъ очага, гдѣ мы сгруппированы, вы найдете рядомъ три поколѣнія.

Наше происхожденіе? Самое разное. Мы собрались отовсюду. Взять хоть бы этихъ двухъ: Потерлу, шахтера изъ Калонна, и Фуйяда, лодочника изъ Сетта. Первый розовый, съ соломенно-желтыми бровями и голубыми, какъ цвѣточки льна, глазами; у него такая огромная голова, что долго пришлось искать по магазинамъ суповую миску, которая украшаетъ его голову. Второй выдѣляется своимъ продолговатымъ, худымъ лицомъ мушкетера, со впалыми щеками, сѣрыми, какъ у арестанта. Эти два моихъ сосѣда различны, какъ день и ночь.

Не меньше различіе между Кокономъ, тощимъ, поджарымъ, въ очкахъ, съ лицомъ обезкровленнымъ міазмами большихъ городовъ, и Бикэ, бретонцемъ съ сѣрой кожей и квадратною челюстью. Андрэ Мениль, бывшій провизоръ изъ Нормандіи, щеголяетъ красивой бородкой и очень складно говоритъ; мало сходства между нимъ и Ламюзомъ, толстымъ крестьяниномъ изъ Пуату, съ затылкомъ и щеками точно изъ ростбифа. Жаргонъ Барка, ноги котораго истоптали Парижъ во всѣхъ направленіяхъ, скрещивается съ почти бельгійскимъ пѣвучимъ говоромъ сѣверянъ, попавшихъ къ намъ изъ 8-й ополченской дружины, съ громкой раскатистой рѣчью ребятъ изъ 144-го полка и патуа овернцевъ, которые, какъ муравьи, всегда сбиваются въ кучи.

Наши профессіи? Всего понемногу. Въ тѣ времена, когда мы еще были на свободѣ и не зарывали своей судьбы въ кротовыя норы, поливаемыя дождемъ и снарядами, чѣмъ были мы? Пахарями и рабочими въ большинствѣ случаевъ. Ламюзъ былъ батракомъ. Парадизъ—ломовымъ извозчикомъ. Кадильякъ, дѣтская каска котораго покачивается на его заостренномъ черепѣ, точно куполъ на колокольнѣ, какъ говоритъ Тиреттъ, владѣетъ землей. Дядюшка Блэръ былъ фермеромъ въ Бри. Баркъ служилъ развозчикомъ покупокъ въ магазинѣ и на своемъ трехколесномъ велосипедѣ ловко шмыгалъ среди парижскихъ трамваевъ и автомобилей, ругаясь съ пѣшеходами направо и налѣво. Капралъ Бертранъ, который держится всегда въ сторонѣ, молчаливый и корректный, съ красивымъ мужественнымъ лицомъ и прямымъ взглядомъ, былъ подмастерьемъ въ мануфактурномъ предпріятіи. Тирлуаръ былъ каретнымъ маляромъ. Тюлакъ держалъ кабачекъ у заставы, а Эвдоръ, съ добродушнымъ и блѣднымъ лицомъ,—корчму на краю дороги, невдалекѣ отъ нынѣшняго фронта. Его заведеніе было потрепано, разумѣется, снарядами, ибо, какъ извѣстно, Эвдору не везетъ. Ме-

ниль Андрэ, еще приличный съ виду и причесанный, продавалъ соду и всякія патентованныя средства. Его братъ Жозефъ торговалъ иллюстрированными романами и газетами на одномъ изъ вокзаловъ, межъ тѣмъ какъ Коконъ на другомъ концѣ Франціи, въ Ліонѣ, сидѣлъ за конторкой въ посудной лавкѣ и выводилъ цифры, а Адольфъ Бекювъ и Потерлу работали въ угольныхъ копяхъ.

И сколько еще другихъ, ремесла которыхъ никакъ не упомнить и которыхъ путаешь съ другими, не говоря уже о тѣхъ, которые, странствуя по проселочнымъ дорогамъ, занимались десятью ремеслами сразу. Что же касается подозрительнаго Пепэна, то у него, вѣроятно, совсѣмъ не было ремесла. Все, что мы знаемъ о немъ, это то, что три мѣсяца тому назадъ въ лазаретѣ, послѣ выздоровленія, онъ женился, чтобы... получать лишній паекъ за жену.

Среди тѣхъ, кто меня окружаетъ, нѣтъ представителей свободныхъ профессій. Учителя состоятъ унтеръ-офицерами въ ротѣ, либо санитарами. Какой-то теноръ состоитъ велосипедистомъ-разсыльнымъ при майорѣ. Адвокатъ секретарствуетъ у полковника. Рантье—капралъ въ нестроевой ротѣ. Здѣсь же всего этого нѣтъ. Всѣ мы—настоящіе солдаты, и среди насъ почти нѣтъ интеллигентовъ, артистовъ, художниковъ или просто богачей, которые бы въ эту войну пожелали рисковать своими физіономіями у окоповъ. Развѣ только временно, да и то въ офицерской фуражкѣ.

Да, это правда, мы всѣ глубоко различны. И все-таки мы похожи другъ на друга.

Несмотря на разницу возрастовъ, происхожденія, культуры, положенія и всего прошлаго, несмотря на пропасти, которыя насъ раздѣляли прежде, мы, въ общихъ чертахъ, одинаковы. Тотъ же грубо очерченный силуэтъ, тѣ же нравы, тѣ же привычки, тѣ же упрощенные характеры людей, вернувшихся въ первобытное состояніе.

Тотъ же говоръ, составленный изъ смѣси арго мастерскихъ и казармъ и жаргона, подновленнаго нѣсколькими свѣжими словечками, насъ объединяетъ въ одну компактную человѣческую массу, вотъ уже скоро два года уходящую изъ нѣдръ Франціи на ея сѣверо-восточные рубежи.

И затѣмъ, связанные здѣсь общей судьбой, вовлеченные, вопреки своему желанію, въ эту колоссальную авантюру, мы вынуждены силою вещей походить другъ на друга. Страшная тѣснота общей жизни насъ сближаетъ, заставляетъ взаимно примѣняться и стираетъ особенности. Это своего рода роковая зараза. И потому

солдаты кажутся всѣ на одно лицо, даже когда смотришь на нихъ не съ такого далекаго разстоянія, когда люди кажутся пылинками, которыя вѣтеръ несетъ по равнинѣ.

* * *

Мы ждемъ. Надоѣло сидѣть,—встаемъ. Сочлененія вытягиваются съ трескомъ, точно деревянныя. Сырость покрываетъ ржавчиной людей, какъ ружья,—правда, медленнѣе, но глубже. А мы все ждемъ.

На войнѣ всегда чего-нибудь ждешь. Мы превратились въ какія-то ожидальныя машины.

Въ данный моментъ мы ждемъ супа. Потомъ будемъ ждать писемъ. Но все въ свое время: когда мы покончимъ съ супомъ, мы подумаемъ о письмахъ. А затѣмъ станемъ ждать чего-нибудь другого.

Голодъ и жажда—могучіе инстинкты, сильно воздѣйствующіе на духъ моихъ товарищей. Такъ какъ супъ запаздываетъ, они начинаютъ жаловаться и злиться. Потребность въ пищѣ и въ питьѣ вырывается изъ устъ ихъ ворчаньемъ:

— Вотъ уже и восемь часовъ! Что же это, чортъ возьми, они не ѣдутъ?

— А у меня какъ нарочно со вчерашняго дня зубы не работали,—бормочетъ Ламюзъ, глаза котораго увлажнились отъ желанія, а щеки покраснѣли, точно вино.

Недовольство съ минуты на минуту усиливается.

— Плюме, вѣроятно, послалъ себѣ въ брюхо мою кружку солодовки, которую долженъ былъ мнѣ принести, да и другія, надо полагать, прихватилъ, а потомъ свалился гдѣ-нибудь пьяный.

— Это вѣрно и несомнѣнно,—подтверждаетъ Мартро.

— О, эти проклятые вшивые нестроевики!—мычитъ Тирлуаръ.— Мерзѣйшее отродье! Всѣ бездѣльники! По цѣлымъ днямъ валяются въ тылу и не могутъ никакъ поспѣть къ часу. Будь моя воля, ужъ они поплясали бы у меня въ окопахъ на нашемъ мѣстѣ и поработали бы! Прежде всего я сказалъ бы: каждый въ своемъ отдѣленіи будетъ по очереди раздатчикомъ и кашеваромъ. Разумѣется, кто пожелаетъ, а затѣмъ...

— Я увѣренъ,—кричитъ Коконъ,—что они запаздываютъ изъ-за этой свиньи Пепэра. Онъ это нарочно дѣлаетъ, а кромѣ того этотъ бѣдный мальчикъ никакъ не можетъ продрать глазъ утромъ.

Ему нужно проспать десять часовъ, какъ младенцу. А если меньше, тогда онъ цѣлый день походя спитъ.

— Я бы имъ показалъ!—ворчитъ Ламюзъ.—Они бы у меня повылѣзали изъ своихъ будокъ, будь я отдѣленнымъ. Я бы ихъ будилъ палкой по головѣ, либо ладонью наотмашь...

— Намедни,—продолжаетъ Коконъ,—я сосчиталъ: онъ затратилъ 7 часовъ и 47 минутъ, чтобы добраться сюда съ 31-го пункта, а между тѣмъ пяти часовъ заглаза достаточно.

Коконъ—это человѣкъ-цифра. Онъ обожаетъ точность. Онъ во всемъ копается и роется, добывая статистическія данныя, которыя собираетъ съ терпѣніемъ муравья, а затѣмъ преподноситъ, кому охота слушать.

Въ данный моментъ онъ манипулируетъ цифрами, какъ оружіемъ, и лицо его, тощее, сдѣланное изъ костей, треугольниковъ и угловъ, съ нанизанными на все это очками, искажено злобой.

Онъ поднимается на скамеечку для пристрѣлки, устроенную здѣсь въ тѣ времена, когда это былъ перволинейный окопъ, и яростно перегибаетъ голову черезъ парапетъ. При косомъ свѣтѣ холоднаго луча стекла его очковъ и капля на кончикѣ носа сверкаютъ, какъ алмазы.

— Да, ужъ этотъ Пепэръ! И не говори! Сколько онъ фунтовъ одной жратвы спускаетъ въ свое брюхо въ теченіе дня.

Дядюшка Блэръ «куритъ» въ своемъ уголкѣ. Его сивые, свисающіе книзу большіе усы, напоминающіе костяной гребень, вздрагиваютъ.

— Знаешь, что я тебѣ скажу? Кашевары вообще преподлый народъ! Имъ на всѣхъ и на все начхать.

— Да, всѣ они дрянцо,—убѣжденно говоритъ Эвдоръ, который, лежа на землѣ съ пріоткрытымъ ртомъ, имѣетъ видъ мученика, и безсмысленнымъ взоромъ слѣдитъ за Пепэномъ, который, точно гіена, ходитъ взадъ и впередъ.

Негодованіе противъ запоздавшихъ растетъ.

Тирлуаръ всѣхъ подзадориваетъ и ругается. Онъ осѣдлалъ своего конька.

— Еще, по крайней мѣрѣ, если бы накормили хоть чѣмъ-нибудь путнымъ, а то снова придется напихать себѣ въ утробу какой-нибудь дряни!

— Охъ, черти, какое мясо они намъ вчера отвалили! Какъ камень, твердое—и это называется бифштексомъ! Да вѣдь это жареный

велосипедъ! Я и то говорилъ товарищамъ: «Осторожнѣе, братцы! Не жуйте слишкомъ быстро, а то сапожникъ, быть можетъ, забылъ вытащить изъ подметки гвозди: вы себѣ всѣ зубы обломаете!»

Рѣчь Тиретта, если не ошибаюсь, бывшаго режиссера кинематографическихъ турнэ, въ другое время всѣхъ бы разсмѣшила, но сейчасъ настроеніе слишкомъ напряженное, и поэтому его остроты вызываютъ только глухой ропотъ.

— Иной разъ для того, чтобы ты не жаловался, что тебѣ даютъ слишкомъ твердую пищу, тебѣ суютъ въ брюхо чего-нибудь помягче: губку, совершенно безвкусную, или горчишникъ. Когда слопаешь это, впечатлѣніе такое, какъ если бы ты выпилъ стаканъ воды,—ни больше, ни меньше.

— Все это,—заявляетъ Ламюзъ,—какое-то несолидное и не держится въ брюхѣ. Тебѣ кажется, что ты набилъ пузо, а на самомъ дѣлѣ твой чемоданъ пустъ. Такимъ образомъ, ты понемногу дохнешь—отъ недостатка пищи.

— Въ слѣдующій разъ,—восклицаетъ разсерженный Бикэ,—я попрошу разрѣшенія побесѣдовать со старикомъ и скажу ему: «Капитанъ...»

— А я,—заявляетъ Баркъ,—буду жаловаться! Я скажу: «Господинъ майоръ...»

— Пойдешь ты жаловаться или нѣтъ, все равно ничего не выйдетъ. Всѣ они спѣлись, чтобы эксплоатировать армейца!

— Я же и говорю, что они уморить насъ хотятъ!

— Это какъ съ водкой. Мы имѣемъ право получать ее въ окопахъ такъ какъ это было гдѣ-то вотировано, — не знаю, когда и гдѣ, но было,—однако, вотъ уже три дня, какъ мы здѣсь, а намъ ни черта не дали.

— Горе, да и только!

* * *

— Жратва ѣдетъ!—провозглашаетъ солдатъ, сторожащій на поворотѣ.

— Наконецъ-то!

И буря жалобъ и упрековъ стихаетъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. Гнѣвъ сразу смѣняется удовлетворенностью.

Трое нестроевиковъ, запыхавшись, обливаясь потомъ, ставятъ на землю фляги, бидонъ изъ-подъ керосина, два ведра изъ просмоленной парусины и цѣлый рядъ кружекъ, нанизанныхъ на

палку. Прислонившись къ стѣнкѣ окопа, они вытираютъ лицо платками, либо рукавами. Я вижу, какъ Коконъ съ улыбкой подходитъ къ Пепэру и, забывъ о томъ, какъ онъ поносилъ его, протягиваетъ руку къ одной изъ кружекъ, висящихъ на поясѣ Пепэра, образуя подобіе спасательнаго пояса.

— Что намъ сегодня дадутъ пожевать?

— Да вотъ тамъ все,—уклончиво отвѣчаетъ одинъ изъ помощниковъ Пепэра.

Онъ наученъ печальнымъ опытомъ, что перечисленіе меню всегда вызываетъ разочарованіе.

И начинаетъ жаловаться на продолжительность и трудность пути: «Всюду народъ! Не протолкаешься, словно на арабскомъ базарѣ. Иной разъ приходится съеживаться, какъ листикъ папиросной бумаги. Иные говорятъ, что поварское дѣло—это занятіе для бездѣльниковъ, которые не желаютъ воевать. Ну, а я вамъ скажу, что я тысячу разъ предпочелъ бы быть съ ротой въ окопахъ, чѣмъ дѣлать свое дѣло».

Парадизъ приподнимаетъ крышки ведеръ и осматриваетъ содержимое.

— Бобы на постномъ маслѣ, вареное мясо и кофе. Все!

— Чортъ возьми! И шпинатъ?—взвизгиваетъ Тюлакъ.

Онъ нарочно подстрекаетъ товарищей.

— Подите-ка, полюбуйтесь. Нѣтъ, это уже слишкомъ! Еще и шпинатомъ насъ пичкаютъ!

Голодные и жаждущіе съ гримасами сбѣгаются со всѣхъ сторонъ.

— Тьфу, пакость! А вино?—восклицаютъ эти люди, разочарованные до глубины души.

— А это что такое, въ ведрѣ?—говоритъ одинъ изъ помощниковъ кашевара, все еще красный и потный, указывая ногой на ведро.

— Да,—говоритъ Парадизъ,—я ошибся: вино есть.

— Эхъ, ты, раззява!—ворчитъ одинъ изъ принесшихъ пищу, пожимая плечами и презрительно глядя на него.—Напяль свои коровьи очки, если не видишь, какъ слѣдуетъ.

Затѣмъ онъ прибавляетъ:

— По четверти литра на человѣка... Можетъ быть, немножко меньше, потому что по дорогѣ въ Буа меня толкнулъ автомобилистъ, и капелька пролилась... О, — спѣшитъ онъ прибавить, повышая

тонъ,—если бы я не былъ такъ нагруженъ, далъ бы я ему пинка ногой! Но онъ улизнулъ четвертой скоростью, мерзавецъ!

Несмотря на это рѣшительное заявленіе, онъ осторожно отходитъ въ сторонку, слыша со всѣхъ сторонъ ругань и обидные намеки: никто не вѣритъ, что вино пролилось случайно — очень ужъ обидно, что порція уменьшена.

Между тѣмъ, всѣ накидываются на пищу и ѣдятъ,—стоя, присѣвъ на корточки, на колѣняхъ, либо примостившись на бидонахъ и походныхъ ранцахъ, вытащенныхъ изъ окоповъ, либо просто лежа на землѣ и мѣшая проходящимъ мимо, которые ругаются и слышатъ отвѣтную ругань. Если не считать этого, солдаты пока ничего не говорятъ, такъ какъ заняты поглощеніемъ пищи, отъ которой рты у нихъ засалены, какъ казенная часть ружья.

Они довольны.

Какъ только челюсти перестаютъ работать, начинаются циничныя шуточки. Всѣ толкаются, кричатъ и стараются вставить словечко. Фарфадэ, хрупкій писецъ изъ мэріи, въ первое время такой чистенькій и приличный, что его принимали за иностранца или за выздоравливающаго больного, улыбается. Раздался отъ широкой улыбки и томатоподобный ротъ Ламюза, который отъ радости прослезился; расцвѣлъ розовый піонъ Потерлу; ходуномъ ходятъ отъ удовольствія морщины дядюшки Блэра, который всталъ, выдвинулъ голову впередъ и жестикулируетъ всѣмъ своимъ короткимъ, тощимъ тѣльцемъ, служащимъ какъ бы придаткомъ къ его огромнымъ, свисающимъ книзу усамъ; даже маленькое сморщенное личико Кокона прояснилось.

* * *

— А съ кофе какъ же быть? Подогрѣть бы? — спрашиваетъ Бекювъ.

— На чемъ? Дуть будешь на него, что ли?

Бекювъ, который любитъ кофе горячимъ, заявляетъ:

— Я вамъ это устрою. Это совсѣмъ не трудно. Соорудимъ только маленькій очагъ и рѣшетку изъ штыковыхъ ноженъ. Я знаю, гдѣ найти дровъ. Сейчасъ пойду наколю, и мы согрѣемъ кофе. Вотъ увидите.

И онъ уходитъ за дровами.

Въ ожиданіи кофе всѣ крутятъ папироски и набиваютъ трубки.

Начинаютъ вытаскивать табачницы и кисеты. У нѣкоторыхъ кисеты кожаные, либо резиновые, купленные въ лавкѣ. Но такихъ меньшинство. Бикэ держитъ свой табакъ въ носкѣ, завязанномъ веревкой. Большинство другихъ пользуются для храненія табака мѣшечкомъ изъ подъ противогазовой маски, сдѣланнымъ изъ непромокаемой ткани и весьма пригоднымъ для этой цѣли. Но есть и такіе, которые держатъ свой табакъ просто въ карманахъ шинели.

Курильщики, усѣвшись въ кружокъ, плюются у самаго входа въ главный окопъ, гдѣ находится большая часть отдѣленія, и слюной, пожелтѣвшей отъ никотина, загаживаютъ то мѣсто, куда мы упираемся руками и колѣнками, когда надо спуститься въ окопъ или вылѣзть изъ него.

Но кто же обращаетъ вниманіе на такія мелочи?

* * *

Рѣчь идетъ объ ѣдѣ и вообще о пищевыхъ продуктахъ, по поводу письма отъ жены Мартро.

— Жена мнѣ пишетъ...—говоритъ Мартро — Знаете, сколько стоитъ теперь у насъ хорошая жирная живая свинья?

Экономическій вопросъ неожиданно выродился въ яростный споръ между Пепэномъ и Тюлакомъ.

Они обмѣниваются самыми отборными выраженіями. Затѣмъ, въ заключеніе говорятъ:

— Да наплевать мнѣ на то, что ты сказалъ или не сказалъ! Закрой плевальницу!

— Закрою, когда захочу, паршивецъ!

— А вотъ я тебѣ ее кулакомъ заткну!

— Мнѣ-то?

— Да вотъ сейчасъ увидишь. Только подойди!

Они брызжутъ пѣной, скрежещутъ зубами и насѣдаютъ другъ на друга. Тюлакъ сжимаетъ свой доисторическій топоръ, и глаза его мечутъ искры. Другой, блѣдный, зеленоглазый, съ лицомъ хулигана, повидимому, подумываетъ о ножѣ.

Ламюзъ раздѣляетъ ихъ своей миротворческой рукой, величиною съ голову ребенка. Спорщики обмѣниваются яростными взглядами и на словахъ рвутъ другъ друга на части.

— Ну-ну, не станете же вы калѣчить другъ друга?! Это было бы жаль!

Вмѣшиваются и другіе и разнимаютъ соперниковъ, но они черезъ головы товарищей кидаютъ другъ другу свирѣпые взгляды.

Пепэнъ продолжаетъ ядовито ругаться:

— Апашъ, бандитъ, негодяй! Погоди же, ты мнѣ за это заплатишь! . . . .

Тюлакъ, со своей стороны, говоритъ стоящему рядомъ съ нимъ ополченцу:

— Сморчокъ этакій. Нѣтъ, каково! Видали? И то сказать— здѣсь приходится имѣть дѣло со всякой швалью. И знаешь человѣка, а чортъ его знаетъ, кто онъ такой. Только этотъ—не на таковскаго напалъ. Вотъ увидишь, какъ я его отдѣлаю!

Бесѣды возобновляются и заглушаютъ послѣдніе отголоски ссоры.

— И такъ вотъ каждый день,—говоритъ мнѣ Парадизъ.—Вчера Плезансъ во что бы то ни стало хотѣлъ заѣхать по физіономіи Фюмэ, не помню уже изъ-за чего; кажется, изъ-за пилюль опіума. Тамъ еще кто-нибудь грозится сжить другого со-свѣту. Прямо озвѣрѣли мы здѣсь.

— Да, народъ не серьезный,—заявляетъ Ламюзъ,—все больше мальчишки.

— То-то и худо...

* * *

Время идетъ. Сквозь туманъ, обволакивающій землю, начинаетъ пробиваться немного больше свѣта. Но небо продолжаетъ оставаться пасмурнымъ и разражается дождемъ. Водяные пары разрываются на клочья и спускаются ниже. Мороситъ. Вѣтеръ обдаетъ насъ своимъ влажнымъ дыханіемъ. Туманъ и капли дождя все покрываютъ и все дѣлаютъ тусклымъ—даже кумачъ на щекахъ Ламюза, даже оранжевую кирасу Тюлака. Вода гаситъ въ груди нашей радость, которою наполнила насъ ѣда. Просторъ суживается. Надъ землей, надъ полемъ смерти, низко нависло поле скорби—мрачное небо.

Мы все торчимъ здѣсь въ бездѣльи. Сегодня трудно будетъ дотянуть до конца дня, убить время послѣ полудня. Зябко, неудобно. Топчемся на мѣстѣ, какъ скотъ въ загородкѣ.

Коконъ объясняетъ своему сосѣду расположеніе и планировку нашихъ окоповъ. Онъ видѣлъ чертежи и сдѣлалъ вычисленія. На участкѣ нашего полка имѣется пятнадцать линій французскихъ окоповъ, нѣкоторые покинуты, заросли травой и почти сравнялись съ землей. Другіе же поддерживаются въ порядкѣ и на-

биты людьми. Эти окопы соединены безчисленными соединительными ходами, которые извиваются, какъ улицы въ старыхъ городахъ. Сѣть окоповъ гуще, чѣмъ это думаемъ даже мы, сидящіе въ нихъ. На 25 километровъ ширины фронта арміи приходится не менѣе тысячи километровъ окоповъ, соединительныхъ галлерей, сапъ и т. д. А французское войско состоитъ изъ десяти армій. Такимъ образомъ, съ французской стороны имѣется приблизительно 10.000 километровъ окоповъ и столько же съ нѣмецкой стороны. А французскій фронтъ составляетъ, приблизительно, лишь восьмую долю всѣхъ фронтовъ на поверхности всего земного шара.

Такъ говоритъ Коконъ и, обращаясь къ сосѣду, заключаетъ:

— Теперь ты понимаешь, какъ мало мы значимъ во всемъ этомъ.

Бѣдный Баркъ, съ анемичнымъ лицомъ жителя парижскаго предмѣстья и рыжей козлиной бородкой, опускаетъ голову.

— А вѣдь правда, когда подумаешь, что одинъ солдатъ или даже нѣсколько, это—ничто, это меньше, чѣмъ ничто во всей массѣ, тогда кажешься себѣ совершенно затеряннымъ, точно капелька крови въ морѣ людей и вещей.

Баркъ вздыхаетъ и умолкаетъ. Въ водворившейся тишинѣ удается уловить обрывокъ разсказываемой вполголоса исторіи.

— Онъ пріѣхалъ на двухъ лошадяхъ. Бзззз!.. снарядъ. Осталась только одна.

— Тошно,—жалуется Вольпаттъ.

— Ничего. Надо быть стойкимъ,—бормочетъ Баркъ.

— Приходится, ничего не подѣлаешь,—говоритъ Парадизъ.

— А почему?—спрашиваетъ Мартро далеко не убѣжденнымъ тономъ.

— Да просто потому, что такъ надо.

— Да, безъ всякихъ основаній,—подтверждаетъ Ламюзъ.

— Ну, основанія-то имѣются,—говоритъ Коконъ...—И не одно даже, а нѣсколько...

— Заткнись! Лучше не разсуждать, разъ все равно надо держаться.

— А все-таки,—глухо произноситъ Блэръ, никогда не теряющій случая повторить свою любимую фразу,—все-таки они добираются до нашей шкуры.

— Вначалѣ,—говоритъ Тиреттъ,—я думалъ о многомъ, размышлялъ, высчитывалъ,—теперь я больше не думаю.

— И я также.

— И я также.

— А я никогда и не пытался.

— Ты не такъ глупъ, какъ кажешься, блошиный клювъ,— восклицаетъ Мениль Андрэ своимъ колючимъ, насмѣшливымъ голоскомъ.

Тотъ, смутно польщенный, поясняетъ свою мысль.

— Первое дѣло, ты ничего не знаешь...

— Намъ надо знать только одно, и это одно заключается въ томъ, что нѣмцы у насъ во Франціи, что они засѣли крѣпко, что надо не пускать ихъ и даже вышвырнуть ихъ вонъ; и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше,—говоритъ капралъ Бертранъ.

— Ну, да, надо ихъ выставить. Это такъ. А думать о чемъ-либо другомъ не стоитъ труда. Зачѣмъ напрасно ломать себѣ голову? Только долго ужъ очень!

— А, чтобъ ихъ черти драли!—восклицаетъ Фуйядъ.

— А я вотъ,—заявляетъ Баркъ, — не ропщу. Вначалѣ я ворчалъ на всѣхъ, — и на тѣхъ, кто остался въ тылу, и на штатскихъ, и на мирныхъ жителей, и на тѣхъ, кто отвиливаетъ отъ службы. Да, я роопталъ, но это было въ началѣ войны, когда я былъ молодъ. Теперь я иначе отношусь ко всему.

— Тутъ можетъ быть одно отношеніе: надо все принимать, какъ оно есть.

— Вѣрно. Иначе рехнуться можно. Мы уже и безъ того ополоумѣли,—правда, Фирменъ?

Вольпаттъ убѣжденно киваетъ головой, въ знакъ подтвержденія сплевываетъ, затѣмъ внимательно разглядываетъ свой плевокъ.

— Такъ-то оно такъ,—подтверждаетъ Баркъ.

— Здѣсь, братъ, долго искать не приходится. Надо жить изо дня въ день, изъ часа въ часъ и не разсуждать.

— Разумѣется, мой орѣшекъ! Надо дѣлать то, что велятъ, пока не прикажутъ убираться.

— Ну, и вотъ,—позѣвывая, заключаетъ Мениль Жозефъ.

Загорѣлыя, обвѣтренныя, грязныя лица выражаютъ безмолвное одобреніе. Ясное дѣло, такъ смотрятъ на войну всѣ эти люди, которые полтора года тому назадъ со всѣхъ концовъ Франціи собрались на ея границахъ: отказъ понять что-либо въ томъ, что творится, и самоотреченіе, надежда не умереть и борьба за то, чтобы прожить какъ можно лучше.

— Надо дѣлать, что велятъ, да, но надо и облегчать себѣ жизнь по мѣрѣ возможности, — говоритъ Баркъ, медленно шлепая по грязи взадъ и впередъ.

* *
*

— Такъ нужно,—подчеркиваетъ Тюлакъ.—Если ты самъ не выкрутишься, никто другой не сдѣлаетъ этого за тебя.

— Еще не родился тотъ, который сталъ бы заботиться о другихъ.

— На войнѣ каждый за себя.

— Ясное дѣло!

Наступаетъ молчаніе. Затѣмъ изъ глубины своихъ воспоминаній эти люди среди окружающей непроглядности вызываютъ плѣнительные образы.

— Погано тутъ, въ окопахъ,—говоритъ Баркъ,—вотъ въ Суассонѣ намъ одно время хорошо жилось!

— Д-да, чортъ побери!

Отблескъ потеряннаго рая загорается въ глазахъ и освѣщаетъ лица, посинѣвшія отъ холода.

— Да, знатное было житье,—вздыхаетъ Тирлуаръ, задумчиво переставая чесаться и глядя вдаль.

— Эхъ, чортъ возьми! Вѣдь этотъ городъ, который считался эвакуированнымъ, былъ въ полномъ нашемъ распоряженіи. И дома, и постели...

— И шкафы!

— И погреба!

У Ламюза глаза увлажнились и лицо расцвѣло.

— Долго вы тамъ оставались?—спрашиваетъ Кадильякъ, прибывшій позже съ подкрѣпленіями изъ Оверни.

— Нѣсколько мѣсяцевъ.

Почти замершій разговоръ оживляется при воспоминаніи о временахъ изобилія.

Точно во снѣ Парадизъ погружается въ прошлое:

— Солдаты шмыгали всюду, по всѣмъ магазинамъ, лавкамъ и квартирамъ и возвращались къ мѣсту стоянки обвѣшанные курами, кроликами и прочимъ добромъ, позаимствованнымъ у добрыхъ людей, которыхъ мы никогда не видали и, вѣроятно, никогда не увидимъ.

И всѣ вспоминаютъ позабытый вкусъ цыпленка и кролика.

— Кое за что мы и платили. Денежка шла. Въ ту пору мы были еще богачами.

— Въ магазинахъ оставляли сотни тысячъ!

— Милліоны! По цѣлымъ днямъ мы транжирили; ты представить себѣ не можешь, до чего швыряли деньгами. Прямо какой-то сверхъестественный праздникъ!

— Хочешь вѣрь, хочешь не вѣрь,—говоритъ Блэръ Кадильяку,—но при всемъ томъ, здѣсь, какъ и тамъ, гдѣ намъ пришлось побывать, больше всего не хватало огня. Надо было бѣгать за нимъ, искать.—Господи, сколько.

— Стояли мы въ одномъ мѣстѣ. Поваромъ былъ длинный Мартэнъ Сэзаръ. Насчетъ добыванія дровъ онъ былъ мастеромъ.

— Да, молодецъ парень! Онъ все умѣлъ.

— На кухнѣ всегда былъ огонь, всегда. Иные кашевары шныряютъ по улицамъ, жалуясь, что не могутъ найти ни дровъ, ни угля. А у него всегда былъ огонь. Если случалось, что не было ни черта, онъ говорилъ: «Не безпокойся, я выкручусь». И правда, выкручивался.

— А знаешь, чѣмъ онъ растапливалъ печку, когда я въ первый разъ заглянулъ на кухню?—Скрипкой, которую онъ нашелъ гдѣ-то въ домѣ.

— Все-таки, это свинство,—негодуетъ Мениль Андрэ.—Я знаю, что скрипка не такая ужъ полезная вещь, а все-таки...

— А не то, билліардные кіи пуститъ въ дѣло. Мнѣ едва удалось стянуть у него одинъ, чтобы смастерить себѣ трость. А все остальное пошло въ огонь. Потомъ пришла очередь креселъ изъ гостиной, которыя были изъ розоваго дерева. Онъ ихъ распиливалъ ночью, потому что офицеры не позволили бы.

— Да, смышленый былъ парень,—говоритъ Пепэнъ.—А вотъ мы разводили огонь старымъ шкафомъ и прочей мебелью, которой намъ хватило на двѣ недѣли.

— И въ самомъ дѣлѣ, почему же у насъ ничего нѣтъ? Вѣдь надо же сварить супъ, а тутъ ноль дровъ, ноль угля. Стоишь послѣ раздачи передъ кучей провизіи среди товарищей, которые издѣваются надъ тобою, а потомъ и ругать начнутъ. Какъ же быть?

— Такое ужъ ремесло! Мы не виноваты.

— А офицеры не очень ругались, когда вы тянули?

— Да они и сами набивали полное брюхо! Еще какъ! Помнишь штуку съ лейтенантомъ Вирвеномъ, который высадилъ топо-

ромъ дверь въ винный погребъ? Какой-то солдатъ это увидѣлъ. Тогда лейтенантъ, чтобы заткнуть ему ротъ, подарилъ ему дверь на растопку.

— А этотъ бѣдный Саладэнъ, обозный офицеръ; въ сумерки его какъ-то встрѣтили, когда онъ выходилъ изъ подвала съ двумя бутылками бѣлаго вина въ каждой рукѣ. Точно кормилица съ четырьмя ребятами. Такъ какъ его замѣтили, онъ вынужденъ былъ снова спуститься въ погребокъ и раздать всѣмъ по бутылкѣ. А капралъ Бертранъ, у котораго свои принципы, не пожелалъ пить. Помнишь, колбаса?

— А гдѣ онъ теперь, этотъ поваръ, который всегда умѣлъ найти топливо?—поинтересовался Кадильякъ.

— На томъ свѣтѣ. Въ его котелъ попалъ чемоданъ. Самъ онъ не былъ раненъ, но все-таки умеръ отъ потрясенія, когда увидѣлъ, что его макароны полетѣли вверхъ тормашками. Докторъ сказалъ, будто бы у него сдѣлались сердечныя спазмы. У него, видишь ли, было слабое сердце, и силенъ онъ былъ только по части добыванія дровъ. Его похоронили честь честью. Сдѣлали гробъ изъ паркета одной изъ комнатъ. Доски сколотили гвоздями, на которыхъ висѣли картины, а вколачивали мы ихъ кирпичемъ, вынутымъ изъ печки. Когда мы несли его на кладбище, я сказалъ себѣ: «Счастье для него, что онъ умеръ, а то онъ никогда бы не успокоился, что въ свое время не догадался воспользоваться для печки паркетомъ въ комнатахъ».

— Нашъ братъ солдатъ выкручивается какъ можетъ, хотя бы и во вредъ товарищу. Когда ты отвиливаешь отъ какой-нибудь работы или отхватываешь лучшій кусокъ, либо мѣстечко поудобнѣе, разумѣется, отъ этого страдаютъ другіе,—философствуетъ Вольпаттъ.

— Я,—говоритъ Ламюзъ,—часто отвиливалъ, чтобы не идти въ окопы, и не разъ мнѣ это удавалось. Сознаюсь. Но, когда товарищи въ опасности, я не отвиливаю. Я обо всемъ забываю. Какъ они, такъ и я—пру, знай, впередъ. Зато въ другихъ случаяхъ я, прежде всего, думаю о себѣ.

Утвержденія Ламюза не пустыя слова. Онъ, дѣйствительно, мастеръ насчетъ отвиливанья, тѣмъ не менѣе онъ спасъ жизнь многимъ раненымъ, подбирая ихъ подъ обстрѣломъ.

Онъ объясняетъ это безъ хвастовства:

— Мы всѣ лежали въ травѣ. Палятъ. Памъ! Памъ! Дззз! Дззз И, когда я увидѣлъ раненыхъ, я поднялся, хотя мнѣ и кричали—

«ложись!» Не могъ улежать спокойно. Я въ томъ заслуги не вижу такой ужъ у меня характеръ.

Почти всѣ солдаты изъ нашего отдѣленія имѣютъ высокія боевыя заслуги, и военные кресты украшаютъ ихъ груди.

— Я,—заявляетъ Бикэ,—не спасалъ французовъ, но зато ловилъ нѣмцевъ.

Во время майскаго наступленія, при одной изъ атакъ, онъ куда-то исчезъ и вернулся съ четырьмя нѣмцами.

— Ну, а я истреблялъ ихъ,—заявляетъ Тюлакъ.

Два мѣсяца тому назадъ онъ уложилъ девять бошей впереди захваченнаго окопа.

— Но,—прибавляетъ онъ,—главнымъ образомъ я охотился на ихъ офицеровъ.

— Мерзавцы!

Этотъ крикъ вырвался разомъ изъ глубины души всѣхъ присутствовавшихъ.

— Эхъ, старина!—проговорилъ Тирлуаръ. —Вотъ толкуютъ все, будто нѣмцы подлецы, живодеры. А я такъ не знаю. Солдаты, мнѣ кажется, вездѣ одинаковы, всюду такіе же, какъ и мы, и я думаю, что насъ только морочатъ всякими баснями.

— Навѣрно, они такіе же люди, какъ мы,—замѣчаетъ Эвдоръ.

— Это еще вопросъ!—восклицаетъ Коконъ.

— Насчетъ солдатъ,—продолжаетъ Тирлуаръ,—я спорить не берусь, но что касается нѣмецкихъ офицеровъ, то я прямо говорю, что это не люди, а чудовища. Настоящіе гады! Можно сказать, что это микробы войны. Ты бы поглядѣлъ ихъ вблизи. Ходятъ, точно аршинъ проглотивши, тощіе, какъ гвозди, а головы у нихъ телячьи.

— А у иныхъ змѣиныя.

Тирлуаръ продолжаетъ:

— Я видѣлъ одного изъ нихъ, который попалъ въ плѣнъ, когда я возвращался со службы связи. Вотъ мерзкая падаль! Это былъ прусскій полковникъ съ княжеской короной, какъ мнѣ сказали, и съ золотымъ гербомъ. Вотъ взъерепенился, когда его кто-то задѣлъ, проходя мимо. И на всѣхъ смотрѣлъ свысока. Я и сказалъ себѣ: «Постой, постой, ужъ я тебѣ покажу». Я подождалъ, поотсталъ отъ него, а затѣмъ съ размаху хвать его ногой въ задъ! Братцы вы мои, какъ онъ полетѣлъ на землю—чуть не задохся.

— Задохся, говоришь?

— Да, со злости, когда понялъ, что съ нимъ случилось и что въ его офицерскій и коронованный княжескій задъ пнулъ ногой простой французскій солдатъ. Онъ пищалъ, какъ баба, и размахивалъ руками, какъ эпилептикъ.

— Я не злой человѣкъ,—вмѣшался Блэръ.—У меня дѣти, и меня мучило, когда, бывало, дома приходилось зарѣзать свинью, но этихъ мерзавцевъ я бы истреблялъ всѣхъ нещадно.

— И я также.

— Не говоря уже о томъ,—замѣтилъ Пепэнъ,—что у нихъ серебряныя каски и револьверы, за которые можно въ любой моментъ получить сотнягу, и призматическіе бинокли, которымъ цѣны нѣтъ. Чортъ возьми! сколько я упустилъ такихъ случаевъ въ началѣ войны. Глупъ еще былъ тогда. Такъ мнѣ и надо. Но не безпокойся: серебряная каска-то у меня будетъ. Клянусь тебѣ, что будетъ. Мнѣ нужно заполучить не только шкуру вильгельмовскаго офицера, но и его тряпки. И можешь быть увѣренъ, что я добьюсь этого раньше конца войны.

— А ты думаешь, она когда-нибудь кончится? — спрашиваетъ кто-то.

— Понятное дѣло.

* *
*

Между тѣмъ вправо отъ насъ поднимается шумъ и внезапно передъ нами выростаетъ группа галдящихъ людей въ штатскомъ и въ военномъ.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?

Бикэ отправляется на развѣдку и вскорѣ возвращается. Указывая пальцемъ черезъ плечо, онъ говоритъ:

— Айда, братцы, пойдемте поглазѣть! Публика пришла!

— Публика?

— Ну да, господа... Штатскіе, съ офицерами генеральнаго штаба.

— Штатскіе! Только бы выдержали!

Это сакраментальная фраза. Она вызываетъ смѣхъ, хотя ее и слышали сотни разъ. Справедливо или несправедливо, солдаты истолковываютъ ее по-своему, видя въ ней иронію надъ своей жизнью, полной лишеній и опасностей.

Двое изъ группы подходятъ поближе. Они въ пальто и съ тростями. Затѣмъ третій, одѣтый охотникомъ, въ фетровой шляпѣ и съ биноклемъ.

Офицеры въ свѣтло-синихъ мундирахъ, въ коричневыхъ и черныхъ лакированныхъ сапогахъ, слѣдуютъ за ними и даютъ имъ объясненія.

Капитанъ протягиваетъ руку, на которой сверкаетъ наручникъ изъ шелка, окаймленный золотымъ галуномъ и расшитый золотыми молніями, и указываетъ на скамеечку для стрѣльбы у старой бойницы: затѣмъ онъ предлагаетъ посѣтителямъ подняться на нее и посмотрѣть. Господинъ въ дорожномъ костюмѣ взбирается, опираясь на зонтикъ.

Баркъ говоритъ:

— Тебѣ доводилось видѣть начальника станціи въ праздничномъ костюмѣ, когда онъ указываетъ купэ I-го класса какому-нибудь богатому охотнику, отправляющемуся за дичью? «Пожалуйте, пожалуйте».

Трое или четверо солдатъ, у которыхъ одежда была не въ порядкѣ, скрылись подъ землей. Остальные не двигаются, точно парализованные; даже трубки погасли. Слышенъ только разговоръ офицеровъ съ гостями.

— Это окопные туристы,—вполголоса говоритъ Баркъ; затѣмъ громче прибавляетъ:—Пожалуйте сюда, милостивые государи и милостивыя государыни!

— Заткнись,—шепчетъ ему Фарфадэ, боясь, какъ бы горластый Баркъ не привлекъ вниманія этихъ важныхъ господъ.

Нѣкоторые изъ группы поворачиваютъ головы въ нашу сторону. Одинъ господинъ, въ мягкой шляпѣ и въ галстухѣ бантомъ, направляется къ намъ. У него сѣдая бородка; онъ кажется артистомъ или художникомъ. За нимъ слѣдуетъ другой, въ черномъ пальто, въ черномъ котелкѣ, въ черной бородѣ, въ бѣломъ галстукѣ и въ очкахъ.

— А,—восклицаетъ первый изъ нихъ,—вотъ они, *пуалю!*.. Это настоящіе *пуалю!*

Онъ подходитъ къ намъ, слегка робѣетъ, точно въ зоологическомъ саду, и протягиваетъ руку тому, кто поближе. И дѣлаетъ онъ это такъ неловко, какъ если бы давалъ кусокъ хлѣба слону.

— Хи-хи, они пьютъ кофе,—замѣчаетъ онъ.

— У насъ это называется сокомъ,—поправляетъ его человѣкъ-сорока.

— Вкусно, друзья мои?

Солдатъ, также оробѣвшій отъ этой странной встрѣчи, что-то бормоча, смѣется и краснѣетъ, а господинъ хихикаетъ.

Затѣмъ киваетъ головой и пятится назадъ.

— Очень хорошо, очень хорошо, друзья мои! Вы храбрецы!

Группа, составленная изъ нейтральныхъ оттѣнковъ штатскаго платья, въ которое вкраплены болѣе яркіе военные цвѣта, точно гераніи и гортензіи на темномъ фонѣ клумбы, проходитъ и удаляется въ противоположную сторону. До насъ доносятся слова офицера:

— Намъ еще многое предстоитъ осмотрѣть, господа журналисты.

Когда блестящій кортежъ исчезаетъ, мы переглядываемся. Постепенно вылѣзаютъ и тѣ, кто попрятался. Люди приходятъ въ себя и пожимаютъ плечами.

— Это журналисты,—замѣчаетъ Тиреттъ.

— Журналисты, говоришь?

— Ну да, тѣ самыя птички, которыя высиживаютъ газеты. Ты какъ будто не совсѣмъ понимаешь, китаецъ: вѣдь для того, чтобы газеты выходили, нужны же люди, которые ихъ пишутъ.

— Такъ это они набиваютъ намъ башку всякой дребеденью?— спрашиваетъ Мартро.

Баркъ фальцетомъ начинаетъ читать воображаемую газету, дѣлая видъ, будто держитъ ее передъ носомъ:

—«...Кронпринцъ рехнулся, послѣ того какъ былъ убитъ въ началѣ войны, а пока онъ одержимъ всѣми болѣзнями. Вильгельмъ умретъ сегодня вечеромъ и снова умретъ завтра. У нѣмцевъ нѣтъ больше снаряженія, они питаются деревомъ. Больше они не могутъ выдержать. По вычисленіямъ компетентныхъ людей, они въ состояніи продержаться только до конца недѣли. Мы съ ними справимся, когда захотимъ, не снимая ружья съ плеча. Если мы не очень торопимся, то только потому, что у насъ нѣтъ никакого желанія разстаться съ жизнью въ окопахъ. Тамъ очень хорошо. Проведена вода, есть газъ и холодные души во всѣхъ этажахъ. Единственное неудобство заключается только въ томъ, что тамъ слишкомъ жарко зимой. Что же касается австрійцевъ, то они уже давно больше не выдерживаютъ, они только притворяются». И вотъ пятнадцать мѣсяцевъ, какъ это продолжается, а редакторъ говоритъ своимъ писакамъ: «Эй, вы, слуги вѣрные, изложите мнѣ все это въ пять минутъ на всѣхъ четырехъ страницахъ, которыя надо перемарать!»

— Правильно,—говоритъ Фуйядъ.

— Смѣешься, капралъ? развѣ не вѣрно все это?

— Кое-что вѣрно, но вы преувеличиваете, братцы, и вы же сами первые захныкали бы, если бы васъ лишили газетъ. Вѣдь, небось, когда приходитъ газетчикъ, вы всѣ бросаетесь къ нему и наперебой рвете газеты изъ рукъ.

— А тебѣ-то что до этого?—восклицаетъ дядюшка Блэръ.—Ты вотъ все издѣваешься надъ газетами. Лучше дѣлай, какъ я: не думай о нихъ.

— Совершенно правильно! Переверни страницу, ослиная башка!

Бесѣда разбивается на отдѣльные разговоры, вниманіе отвлекается въ разныя стороны. Четверо молодцовъ составляютъ партію въ рамсъ, которая будетъ продолжаться, пока будетъ возможно различать карты. Вольпаттъ пытается поймать листикъ папиросной бумаги, вылетѣвшій изъ его рукъ и порхающій, точно мотылекъ.

Коконъ и Тиреттъ вспоминаютъ казармы. Годы военной службы оставили въ памяти неизгладимое впечатлѣніе. Это неисчерпаемый источникъ воспоминаній, въ которомъ черпаютъ темы для разговоровъ вотъ ужъ пятнадцать мѣсяцевъ.

Я слышу разговоръ только урывками, а остальное угадываю. Впрочемъ, это все тѣ же анекдоты, извлекаемые солдатами изъ своего боевого прошлаго.

— ....И ты думаешь, я растерялся, когда Ненэй брякнулъ мнѣ это? Ни капельки, старина. Всѣ товарищи боялись его и молчали, я же громко сказалъ: «Адъютантъ, быть можетъ это и такъ но....»— За этимъ слѣдовала фраза, которой я не разслышалъ... Затѣмъ снова уловилъ дальнѣйшее:—Ну да, я такъ прямо и ляпнулъ, а онъ хоть бы что. «Ладно, ладно»—говоритъ, поворачивается и уходитъ. И послѣ этого онъ всегда былъ со мной слаще сахара.

— Это какъ у меня съ Додоромъ вышло, когда я былъ въ отпуску. Вотъ мерзавецъ! Теперь онъ служитъ сторожемъ въ Пантеонѣ. Ужъ я ему досадилъ!

И каждый хвастаетъ: я, молъ, не то, что другіе, хотя всѣ ихъ разсказы, какъ и они сами, совершенно одинаковы.

* * *

— Почтальонъ!

Это высокій, плотный парень, съ толстыми икрами и въ приличномъ костюмѣ, щеголеватый, точно жандармъ.

Онъ въ дурномъ настроеніи. Есть новое распоряженіе, и теперь ему приходится ежедневно отправляться въ штабъ полка съ почтой.

Онъ критикуетъ эту мѣру, какъ будто она направлена исключительно противъ него.

Однако, не забываетъ мимоходомъ поболтать то съ однимъ, то съ другимъ, созывая капраловъ для раздачи писемъ. Несмотря на дурное настроеніе, онъ дѣлится съ нами всѣмъ своимъ запасомъ новостей. Развязывая пачки писемъ, онъ выкладываетъ все, что знаетъ.

Прежде всего онъ сообщаетъ намъ, что въ приказѣ по полку запрещено на шинели носить капюшонъ.

— Слышишь?—обращается Тиретъ къ Тирлуару.—Придется тебѣ разстаться съ твоимъ красивымъ капюшономъ.

— Черта-съ два! Это меня не касается,—отвѣчаетъ Тирлуаръ, для котораго капюшонъ является не только вопросомъ комфорта, но и самолюбія.

— Это приказъ начальника арміи.

— Въ такомъ случаѣ пусть онъ распорядится, чтобы не было дождя. Я знать ничего не желаю.

Большинство приказовъ, даже менѣе необычайныхъ, чѣмъ этотъ, всегда принимается такъ же... И, все-таки, ихъ исполняютъ.

— Въ приказѣ еще сказано,—продолжаетъ почтарь,—что надо брить бороды и стричь волосы подъ машинку.

— Заткнись, братецъ,—восклицаетъ Баркъ, локону котораго угрожаетъ это распоряженіе,—нечего на меня глазѣть! Можешь заткнуться!

— Къ чему ты мнѣ это говоришь? Подчиняйся или не подчиняйся, дѣло твое, а мнѣ наплевать.

Наряду съ этими писанными новостями имѣются еще и другія, менѣе достовѣрныя и болѣе фантастичныя: дивизія, молъ, скоро будетъ уведена на отдыхъ въ тылъ, и это будетъ настоящій отдыхъ, шестинедѣльный. А, можетъ быть, отправятъ въ Марокко, либо въ Египетъ...

— О!.. а!..—раздаются со всѣхъ сторонъ восклицанія.

Всѣ слушаютъ. Всѣхъ соблазняетъ перспектива перемѣнъ.

Однако, кое-кто спрашиваетъ почтальона:

— А кто тебѣ это сказалъ?

Тотъ указываетъ источникъ:

— Адъютантъ командира отряда ополченцевъ.

— Гдѣ?

— Я его встрѣтилъ въ главномъ штабѣ корпуса. Да и не онъ одинъ говорилъ мнѣ это. Я слышалъ еще и отъ другого, да только забылъ, какъ его звать. Что-то вродѣ Галля, но только не Галль.

И всѣ, собравшись въ кружокъ, жадно слушаютъ его басни.

— Такъ значитъ, ты говоришь, что насъ пошлютъ въ Египетъ? Мнѣ это мѣсто незнакомо. Знаю только, что тамъ были фараоны въ тѣ времена, когда я былъ мальчишкой и ходилъ въ школу Съ тѣхъ поръ...

— Въ Египетъ...

И эта мысль незамѣтно застреваетъ въ головѣ.

— О, нѣтъ!—восклицаетъ Блэръ.—Я страдаю морской болѣзнью... А впрочемъ, морская болѣзнь быстро проходитъ... Ладно, только что скажетъ хозяйка?

— Что-жъ дѣлать? Приспособится! Увидимъ негровъ и улицы, полныя большихъ птицъ, какъ у насъ воробьевъ...

— Но вѣдь мы же должны были пойти въ Эльзасъ.

— Да,—отвѣчаетъ почтальонъ,—въ казначействѣ нѣкоторые такъ и полагаютъ.

— Я бы ничего не имѣлъ противъ...

Но здравый смыслъ и пріобрѣтенный опытъ берутъ верхъ и гонятъ мечту. Такъ часто уже утверждали, что предстоитъ отправленіе въ далекія мѣста, и такъ часто этому вѣрили, и такъ часто это не оправдывалось! Всякій разъ послѣ такого разговора всѣ словно вдругъ просыпаются.

— Все это сказки! Намъ уже не разъ втирали такія очки. Слушать—слушай, только не очень-то вѣрь.

Всѣ снова расходятся по своимъ угламъ; у нѣкоторыхъ въ рукахъ легкая, но важная ноша—письма.

— Ахъ,—говоритъ Тирлуаръ,—мнѣ надо написать письмо; не могу недѣли пробыть, чтобы не написать письма! Ничего не подѣлаешь.

— И мнѣ также,—заявляетъ Эвдоръ,—надо написать своей женушкѣ.

— Здорова Маріетта?

— О да! Маріетта у меня молодецъ!

Нѣкоторые уже устроились для писанія. Баркъ, положивъ бумагу на записную книжку, приложенную на выступѣ стѣны, кажется охваченнымъ вдохновеніемъ. Онъ пишетъ, пишетъ, нагнувшись, озабоченный, весь поглощенный своимъ дѣломъ, съ видомъ наѣздника, мчащагося въ галопъ.

Ламюзъ, совершенно лишенный воображенія, сидитъ, положивъ на свои пухлыя колѣни бумагу, и, послюнивъ чернильный карандашъ,

перечитываетъ послѣднія полученныя письма и не знаетъ, что сказать еще, кромѣ того, что уже было сказано. Но упорно придумываетъ.

Выраженіе нѣжной чувствительности лежитъ на всей фигурѣ маленькаго Эвдора, скрючившагося въ земляной нишѣ. Держа карандашъ въ рукахъ и устремивъ взоръ на бумагу, онъ сосредоточился. Задумчивый, онъ смотритъ, вглядывается, куда-то улетаетъ мыслями,—видно, что онъ витаетъ подъ другимъ небомъ. Мечтою онъ у себя дома...

Часъ писемъ—это тотъ часъ, когда каждый изъ насъ больше всего снова такой, какимъ онъ былъ на волѣ. Нѣкоторые во власти прошлаго и снова заводятъ разговоръ о ѣдѣ.

Подъ корой грубыхъ и почернѣвшихъ тѣлъ иныя сердца вслухъ шепчутъ воспоминанія и вызываютъ въ памяти прошлое: лѣтнее утро, когда свѣжая зелень сада бросаетъ легкія тѣни на бѣлыя стѣны сельскаго домика либо когда на поляхъ вѣтеръ волнуетъ хлѣба и будитъ живой и женственный трепетъ на квадратахъ овса... Зимній вечеръ, столъ, вокругъ котораго сидятъ женщины, кроткія, нѣжныя, и на которомъ ласково свѣтитъ лампа подъ наряднымъ абажуромъ...

Между тѣмъ, Блэръ снова принимается за начатый перстень. Онъ нанизалъ еще пока безформенный кружокъ аллюминія на круглый кусокъ дерева и подпиливаетъ его напильникомъ. Онъ усердно работаетъ, весь сосредоточившись, наморщивъ лобъ. Иногда останавливается, выпрямляется и смотритъ съ нѣжностью на маленькій предметъ.

— Ты понимаешь,—сказалъ онъ мнѣ какъ-то по поводу другого кольца,—дѣло не въ томъ, чтобы это вышло хорошо или плохо. Важно то, что я самъ сдѣлалъ это кольцо для своей жены,—понимаешь? Когда на меня нападала лѣнь и тоска, я смотрѣлъ на эту карточку (онъ показываетъ фотографію полной толстощекой женщины),—и съ новой охотой принимался за изготовленіе этого перстенька. Можно сказать, что мы вмѣстѣ его дѣлали,—понимаешь? Этотъ перстенекъ былъ мнѣ добрымъ товарищемъ, и я сказалъ ему: «прости»!, когда отправлялъ его матушкѣ Блэръ.

Теперь онъ изготовляетъ другой перстенекъ, съ примѣсью мѣди. Онъ работаетъ усердно, вкладывая въ эту работу всю свою душу. У него своя каллиграфія.

Въ этихъ ямахъ люди, склонившіеся съ благоговѣніемъ надъ ничтожными простыми вещичками, такими крохотными, что огру-

бѣвшая рука едва удерживаетъ ихъ и роняетъ, имѣютъ еще болѣе дикій, болѣе примитивный, но и болѣе человѣческій видъ, чѣмъ при всякихъ иныхъ обстоятельствахъ.

Приходитъ на мысль первый изобрѣтатель, отецъ творцовъ-художниковъ, который старался придать вещамъ форму того, что онъ видѣлъ, и душу того, что онъ чувствовалъ.

* * *

— Сейчасъ здѣсь пройдутъ,— возвѣщаетъ Бикэ, исполняющій функціи дневальнаго въ нашемъ секторѣ окопа.

И дѣйствительно, адъютантъ, туго затянутый, съ ремнемъ подъ подбородкомъ, вдругъ появляется и, размахивая шашкой, кричитъ:

— Проваливайте отсюда! Проваливайте, говорятъ вамъ! Чего бездѣльничаете! Маршъ! Нечего тутъ торчать въ проходахъ!

Всѣ медленно сторонятся; нѣкоторые уходятъ поглубже.

Это идетъ рота ополченцевъ, на которую возложены работы по поддержанію второй линіи окоповъ и соединительныхъ ходовъ тыла. Они появляются вооруженные кирками и лопатами, плохо одѣтые и съ плохой выправкой.

Мы разглядываемъ ихъ. Это маленькіе скрюченные старички, съ лицами какъ бы припудренными пепломъ, либо толстяки, затянутые въ слишкомъ тѣсныя для нихъ старыя, изодранныя шинели, у которыхъ не хватаетъ пуговицъ и всюду прорѣхи...

Тиреттъ и Баркъ, наши присяжные шутники, прижавшись къ стѣнамъ окопа, сначала молча смотрятъ на нихъ, затѣмъ начинаютъ улыбаться.

— Кортежъ подметальщиковъ,—заявляетъ Тиреттъ.

Нѣкоторые изъ стариковъ забавны. У крайняго въ ряду плечи покатыя, точно бутылка. Онъ узкогрудый, съ худыми ногами и все-таки брюхатый.

Баркъ не можетъ стерпѣть.

— Эй, послушайте-ка, господинъ пузанъ!

— Шикарное пальто, — замѣчаетъ Тиреттъ, привлеченный видомъ проходящей шинели съ массой разноцвѣтныхъ заплатъ.

Онъ окликаетъ ветерана.

— Эй, ты тамъ съ образчиками? Поди-ка сюда!

Тотъ поворачивается и безсмысленно смотритъ на него.

— Скажи-ка, дяденька, не будешь ли ты такъ любезенъ указать мнѣ адресъ твоего лондонскаго портного?

Поношенное, изборожденное морщинами лицо расплывается въ улыбку; старичекъ на моментъ останавливается, затѣмъ его снова уноситъ живой потокъ.

Слѣдуетъ нѣсколько менѣе выдающихся фигуръ; затѣмъ появляется новая жертва для шуточекъ. На красномъ и жесткомъ затылкѣ этого ополченца растетъ что-то въ родѣ грязной овечьей шерсти. Колѣнки согнутыя, верхняя часть тѣла наклонена впередъ, спина колесомъ, нетвердъ на ногахъ.

— Взгляните,—визжитъ Тиреттъ,—указывая на него пальцемъ,—знаменитый человѣкъ-шарманка! На ярмаркѣ вы бы платили деньги, чтобы посмотрѣть на него, а здѣсь за глядѣніе ничего не берутъ!

Задѣтый ополченецъ ругается; кругомъ хохочутъ.

Этого достаточно, чтобы подзадорить этихъ двухъ молодцовъ, которые стараются разсмѣшить свою нетребовательную публику, вышучивая товарищей по оружію, которые работаютъ днемъ и ночью на окраинахъ этой великой войны, подготовляя и ремонтируя будущія поля битвъ.

Въ издѣвательствѣ начинаютъ принимать участіе и остальные. Сами жалкіе и несчастные, они издѣваются надъ еще болѣе несчастными.

— Погляди-ка на этого! А тотъ!

— Нѣтъ, ты только посмотри на портретъ этого низкозадаго! Эй, ты!

— А этотъ! Ему конца нѣтъ! Вотъ такъ небоскребъ! Знаешь, братъ, ты стоишь стакана кофе!

Задѣваютъ еще одного; онъ дѣлаетъ мелкіе шажки, неся кирку, точно свѣчу; у него поджатыя губы и все тѣло скрючено ревматизмомъ.

— Эй, дѣдушка, не хочешь ли пятачокъ?—спрашиваетъ Баркъ, хлопая его по плечу, когда онъ проходитъ мимо.

Обиженный ополченецъ ворчитъ: «Ахъ, ты, шелопай!»

Тогда Баркъ пискливо кричитъ:

— Послушай, кажется, ты могъ бы быть и повѣжливѣе, улитка ты этакая!

Старикъ рѣзко поворачивается и что-то сердито бормочетъ.

— Поглядите-ка только,—кричитъ Баркъ, смѣясь,—развалина сердится! Онъ воинственный человѣкъ и, пожалуй, былъ бы опасенъ, если бы ему было лѣтъ хоть на шестьдесятъ меньше.

— И если бы онъ не былъ пьянъ,—прибавляетъ Пепэнъ, который ищетъ глазами новыхъ жертвъ въ проходящемъ потокѣ.

Мелькаетъ впалая грудь послѣдняго нестроевика. Затѣмъ и онъ исчезаетъ.

Прохожденіе этихъ изношенныхъ ветерановъ, перепачканныхъ земляными работами въ окопахъ, среди саркастическихъ и какъ будто озлобленныхъ физіономій этихъ мрачныхъ троглодитовъ, наполовину высунувшихся изъ своихъ грязныхъ пещеръ, заканчивается.

Межъ тѣмъ часы текутъ; вечеръ начинаетъ затемнять предметы и затягивать небо сѣростью. Онъ покрываетъ темную участь этихъ людей, спускается въ темныя души этой массы, которая зарыта въ окопахъ.

Въ полумракѣ раздается топотъ ногъ, гомонъ; затѣмъ прокладываетъ себѣ дорогу новый отрядъ.

— Африканцы!

Они проходятъ—съ коричневыми, желтыми или каштановыми лицами, съ рѣдкими или, наоборотъ, густыми и вьющимися жесткими бородами, въ зеленовато-желтыхъ шинеляхъ и въ грязныхъ каскахъ, украшенныхъ полумѣсяцемъ, вмѣсто нашего значка—гранаты. На этихъ широкихъ или угловатыхъ и заостренныхъ лицахъ, блестящихъ, какъ новенькія монеты, глаза сверкаютъ подобно шарамъ изъ слоновой кости и оникса. Отъ времени до времени надъ рядами выдѣляется черное, какъ уголь, лицо сенегальскаго стрѣлка. Позади роты несутъ красное знамя съ зеленой рукой посрединѣ.

На нихъ смотрятъ и молчатъ. Этихъ никто не задѣваетъ. Они импонируютъ намъ, ихъ даже побаиваются.

А, между тѣмъ, эти африканцы кажутся веселыми и оживленными. Разумѣется, они идутъ въ перволинейные окопы. Это ихъ обычное мѣсто, и ихъ появленіе—лучшій признакъ близкой атаки. Они созданы для наступленія.

— Они и «семидесятипятимиллиметровки» стоютъ того, чтобы поставить за нихъ свѣчку!.. Въ рѣшительные моменты марокканская дивизія всегда была впереди.

— Они никакъ не могутъ примѣниться къ намъ. Они шагаютъ слишкомъ быстро, и нѣтъ возможности остановить ихъ...

Среди этихъ бронзовыхъ, черныхъ и коричневыхъ чертей нѣкоторые сосредоточены. Ихъ лица будятъ тревогу и пугаютъ своимъ молчаніемъ, какъ разставленная западня. Другіе смѣются; ихъ смѣхъ звенитъ подобно страннымъ звукамъ ихъ экзотической музыки и обнажаетъ бѣлые зубы.

Разсказываютъ объ особенностяхъ этихъ молодцовъ: объ ихъ ожесточеніи въ атакахъ, объ ихъ страсти итти въ штыки и объ ихъ безпощадности. Снова повторяются всѣ исторіи, которыя они сами охотно разсказываютъ, приблизительно въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ и съ тѣми же жестами: «Нѣмецъ поднимаетъ руки.., камрадъ, камрадъ!.. Нѣтъ тебѣ камрада». И они жестомъ показываютъ, какъ всаживали въ животъ сверху штыкъ и какъ его вытягивали затѣмъ снизу, помогая ногой.

Одинъ изъ сенегальскихъ стрѣлковъ, проходя мимо, слышитъ, о чемъ говорятъ. Онъ смотритъ на насъ, широко улыбается изъ подъ своего тюрбана и повторяетъ, отрицательно качая головой: «Нѣтъ, нѣтъ, не камрадъ, никогда не камрадъ! Сѣкимъ башка»...

— Они и вправду другой породы, чѣмъ мы, и кожа на нихъ точно парусина для палатокъ,—говоритъ Бикэ, который, однако, и самъ не робкаго десятка.—На отдыхѣ они скучаютъ и только ждутъ той минуты, когда офицеръ, положивъ часы въ карманъ, скомандуетъ: «Впередъ, маршъ»!

— Въ сущности говоря, они и есть настоящіе солдаты.

— А мы не солдаты,—мы люди,—говоритъ толстый Ламюзъ.

Уже темно, и, однако, это вѣрное слово какъ-бы озаряетъ тѣхъ, кто ждетъ здѣсь чего-то уже долгіе мѣсяцы.

Все это люди, просто люди, обыватели, внезапно оторванные отъ жизни. Какъ всякій заурядный обыватель, они невѣжественны, лишены пыла и огня, ограничены, полны здраваго смысла, который, впрочемъ, подчасъ и хромаетъ. Они позволяютъ руководить собой и дѣлаютъ, что имъ велятъ, слабо противясь; они долготерпѣливы.

Это простые люди, которые еще больше опростились, и въ которыхъ силою вещей обострились самые элементарные инстинкты: инстинктъ самосохраненія, эгоизмъ, цѣпкая надежда все пережить, радость поѣсть, попить и поспать.

Иногда крикъ человѣчности, глубокій трепетъ поднимается изъ темнаго безмолвія ихъ великихъ человѣческихъ душъ.

Когда становится уже совсѣмъ темно, издалека доносится звучный и все приближающійся окрикъ команды:

— Второе полуотдѣленіе, сборъ!

Всѣ выстраиваются. Происходитъ перекличка.

— Маршъ!—командуетъ капралъ.

Масса приходитъ въ движеніе. Передъ складомъ орудій, инструментовъ и снаряженія происходитъ давка. Каждый беретъ лопату или кирку. Раздача производится старшимъ.

— Вамъ лопата. Ступайте. Вамъ также лопата, вамъ кирка. Пошевеливайтесь и выходите!

Поперечнымъ соединительнымъ ходомъ мы направляемся прямо къ нашей живой, подвижной и страшной границѣ.

Подъ сѣрымъ небомъ, описывая огромныя дуги, ритмично дышитъ моторъ аэроплана, котораго въ темнотѣ не видать. Впереди, справа, слѣва,—всюду удары грома заливаютъ темное небо мимолетными огненными вспышками.

III.

Смѣна.

Сѣроватый разсвѣтъ едва освѣщаетъ безформенный и еще черный пейзажъ. Между дорогой, которая справа отлого спускается изъ мрака, и темной тучей лѣса Аллэ, гдѣ по шуму можно угадать приготовляющійся къ отправленію обозъ, раскинулось поле. Мы изъ шестого батальона прибыли туда къ концу ночи. Составили ружья въ козлы и теперь, окруженные полумракомъ, шлепая по грязи, собираемся темными группами или въ одиночку и ждемъ, повернувъ головы въ сторону отлогой дороги. Мы ждемъ остатковъ полка: 5-го батальона, который былъ въ передовыхъ окопахъ и долженъ былъ уйти послѣ насъ.

Глухой шумъ...

— Вотъ они!

На западѣ появляется и начинаетъ надвигаться темная длинная масса, подобная ночи, въ полумракѣ дороги.

Наконецъ-то! Кончилась эта проклятая смѣна, начавшаяся вчера въ 6 часовъ вечера и тянувшаяся всю ночь. Послѣдній человѣкъ вышелъ изъ послѣдняго соединительнаго хода.

На сей разъ пребываніе въ окопахъ было ужасно. Впереди находилась 18-я рота. Отъ нея осталась горсточка: восемнадцать человѣкъ убитыхъ, больше пятидесяти раненыхъ; въ теченіе четырехъ дней изъ каждыхъ трехъ человѣкъ выбыло по одному. И вѣдь атаки не было,—все это надѣлала бомбардировка.

Намъ это извѣстно, и по мѣрѣ того, какъ искалѣченный батальонъ приближается и мы встрѣчаемся съ прибывающими, начинаются оклики.

— Не восемнадцатая ли?

И, говоря это, каждый думаеть: «Если такъ будетъ продолжаться, что станется съ нами и что станется со мной?..»

Семнадцатая, девятнадцатая и двадцатая роты постепенно подходятъ и составляютъ ружья.

— Вотъ и восемнадцатая!

Она приходитъ послѣ всѣхъ другихъ. Въ окопахъ она была первой, а сняли ее послѣдней.

День слегка посвѣтлѣлъ и блѣднымъ свѣтомъ заливаетъ окружающее. Мы различаемъ на дорогѣ, впереди солдатъ, ротнаго командира. Онъ идетъ съ трудомъ, опираясь на палку, вслѣдствіе ревматизма и стараго раненія еще на Марнѣ. Съ поднятымъ капюшономъ онъ идетъ, опустивъ голову, и, кажется, будто онъ провожаетъ покойника. Да почти-что такъ оно и есть.

Вотъ и рота.

Она въ большомъ безпорядкѣ. У всѣхъ насъ сжимается сердце. Она замѣтно короче, чѣмъ остальныя три.

Я выхожу на дорогу и иду навстрѣчу возвращающимся. Шинели этихъ мучениковъ однообразно пожелтѣли отъ земли. Можно подумать, что всѣ они одѣты въ хаки. Сукно—точно накрахмаленное отъ липкой грязи, засохшей на немъ. Полы шинелей напоминаютъ доски, стукающіяся о желтую кору, покрывающую колѣни. Лица блѣдныя, землистыя, глаза расширены и лихорадочно сверкаютъ. Отъ пыли и грязи лица словно въ морщинахъ.

Среди солдатъ, вернувшихся съ этого страшнаго дна, царитъ оглушительный шумъ. Они говорятъ всѣ сразу, громко смѣются, поютъ, жестикулируютъ.

И, глядя на нихъ, можно подумать, что это праздничная толпа, запрудившая дорогу.

Вотъ второй полувзводъ со своимъ длиннымъ подпоручикомъ, шинель котораго закручена вокругъ тѣла подобно свернутому зонтику. Я проталкиваюсь и добираюсь до части Маршаля, которая больше всѣхъ пострадала: изъ одиннадцати товарищей, неразлучныхъ въ теченіе полутора лѣтъ, осталось только трое, считая съ капраломъ Маршалемъ.

Онъ меня видитъ, радостно вскрикиваетъ и улыбается; снявъ руку съ ремня, на которомъ виситъ ружье, онъ протягиваетъ ее мнѣ.

— Ну что, старина, какъ дѣла?

Я отворачиваю голову и говорю вполголоса:

— Плохо вамъ пришлось, бѣдняги...

Онъ сразу мрачнѣетъ и становится серьезнымъ.

— Да, братъ, что подѣлаешь, на сей разъ это было ужасно... Барбье убитъ.

— Да, слышалъ... Барбье...

— Это было въ субботу, въ одиннадцатомъ часу вечера. Ему снесло снарядомъ всю верхнюю часть туловища, — разсказываетъ Маршаль,—точно бритвой срѣзало... А Бэссу осколкомъ прошибло животъ и желудокъ. Бартельми и Бобэ ранены: одинъ въ голову, другой въ шею. Цѣлую ночь мы галопомъ носились по окопамъ то въ одну, то въ другую сторону, спасаясь отъ снарядовъ. Ты зналъ маленькаго Годфруа? У него вырвало всю середину тѣла. Изъ него, точно изъ опрокинутаго ведра, вся кровь вылилась въ одинъ мигъ. Вѣдь какъ онъ былъ малъ, а между тѣмъ это прямо невѣроятно, сколько въ немъ было крови,—цѣлый ручей, по крайней мѣрѣ, въ пятьдесятъ метровъ длины! Гуньяру перебило ноги осколками. Его подобрали еще несовсѣмъ мертвымъ. Это было на сторожевомъ посту. Вмѣстѣ съ ними тамъ былъ и я. Но какъ разъ передъ тѣмъ, какъ прилетѣлъ этотъ снарядъ, я пошелъ въ окопъ узнать, который часъ. Я нашелъ свое ружье, которое оставилъ тамъ, согнутымъ вдвое, а дуло стало похожимъ на пробочникъ. Прикладъ и магазинная часть превратились въ опилки. Пахло свѣжей кровью до того, что меня затошнило.

— И Мондэнъ также, не правда ли?..

— Да, онъ на другой день утромъ,—значитъ, вчера. Это было въ лисьей норѣ, которую разрушилъ чемоданъ. Ему перешибло грудь... А тебѣ ничего не говорили о Франко, который былъ рядомъ съ Мондэномъ? Обваломъ ему сломало позвоночникъ. Когда его вытащили и посадили на землю, онъ сказалъ: «Умираю...», свѣсилъ голову на бокъ и умеръ. Былъ также съ ними Вижиль; его тѣло осталось нетронутымъ, но голова вся была совершенно расплющена, какъ лепешка. Онъ лежалъ на землѣ весь черный, огромный, и, мнѣ казалось, что это не онъ, а его гигантская тѣнь, какая ложится на землю ночью при свѣтѣ факеловъ.

— Это тотъ Вижиль... Молодой, призыва тринадцатаго года?.. Совсѣмъ еще ребенокъ! А Мондэнъ и Франко такіе милые ребята, хоть и съ нашивками! Вотъ у насъ съ тобой и меньше стало двумя добрыми товарищами, дружище Маршаль!

— Да,—говоритъ Маршаль.

*

Но его уже окружила цѣлая толпа товарищей, накинувшихся на него съ разспросами. Онъ отвѣчаетъ, отшучивается; всѣ толкаются, смѣются.

Я перевожу взглядъ съ лица на лицо. Всѣ веселы, и сквозь налетъ усталости и грязную кору пыли такъ и брызжетъ радость.

Если бы во время пребыванія въ первой линіи окоповъ разрѣшалось пить вино, я подумалъ бы, что всѣ они пьяны.

Я приглядываюсь къ одному изъ уцѣлѣвшихъ, который напѣваетъ, шагая въ тактъ, подобно гусарамъ въ пѣсенкѣ; это—Вандерборнъ, барабанщикъ.

— Однако, какой у тебя довольный видъ, Вандерборнъ!

Обыкновенно спокойный и сдержанный, онъ кричитъ мнѣ:

— Какъ видишь, моя очередь еще не пришла! На сей разъ уцѣлѣлъ!

И жестомъ сумасшедшаго хлопаетъ меня по плечу.

Я его понимаю.

Если эти люди, вернувшись изъ ада, наперекоръ всему, счастливы, то именно потому, что они изъ него вышли. Они спасены. Еще разъ подстерегавшая ихъ смерть пощадила ихъ. По установленному порядку, каждая рота идетъ въ передніе окопы разъ въ шесть недѣль. Шесть недѣль! У солдатъ на войнѣ и въ важныхъ, и въ неважныхъ дѣлахъ своя дѣтская философія: они не заглядываютъ далеко впередъ. Они думаютъ только о завтрашнемъ днѣ. Сегодня каждый изъ этихъ людей увѣренъ, что онъ еще немножко поживетъ на свѣтѣ.

Вотъ почему, несмотря на усталость и бойню, которая обдала ихъ своими кровавыми брызгами, несмотря на павшихъ вокругъ нихъ товарищей, несмотря на все, они веселы и довольны, они безконечно счастливы, что они живы и невредимы.

IV.

Вольпаттъ и Фуйядъ.

Вернувшись въ наше расположеніе, я услышалъ вопросъ:

— Гдѣ же Вольпаттъ?

— А Фуйядъ гдѣ?

Они были взяты и уведены въ передовой окопъ пятымъ батальономъ. Казалось бы, пора имъ вернуться. Но ихъ нѣтъ. Пропали два человѣка изъ взвода!

— Чортъ возьми! Вотъ что значитъ давать взаймы людей!— ворчитъ сержантъ.

Капитанъ, которому сообщаютъ объ этомъ, ругается:

— Эти люди мнѣ нужны. Сейчасъ же найдите ихъ мнѣ! Маршъ!

Капралъ Бертранъ вызвалъ меня и Фарфадэ изъ овина, гдѣ мы растянулись и уже дремали.

— Надо пойти поискать Вольпатта и Фуйяда.

Мы вскочили и съ тревогой отправились въ путь. Наши товарищи, взятые пятымъ батальономъ, были унесены этимъ адскимъ потокомъ. Кто знаетъ, гдѣ они и что съ ними сталось?

...Поднимаемся по откосу. Продѣлываемъ въ обратномъ направленіи весь длинный путь, пройденный въ теченіе ночи. Хотя мы безъ амуниціи, только съ одними ружьями, мы чувствуемъ себя усталыми, сонными, парализованными среди этого печальнаго поля, подъ небомъ, затянутымъ туманомъ. Вскорѣ Фарфадэ начинаетъ сопѣть. Вначалѣ онъ разговаривалъ, затѣмъ усталость заставила его смолкнуть. Онъ храбръ, но хрупокъ, и въ своей прежней жизни совсѣмъ не привыкъ пользоваться своими ногами за конторкой мэріи, гдѣ съ юныхъ лѣтъ чиркалъ перомъ по бумагѣ между печкой и старыми папками.

Въ тотъ моментъ, когда мы выходимъ изъ лѣсу и, скользя и шлепая по грязи, направляемся въ сторону соединительныхъ ходовъ, впереди насъ показываются двѣ тѣни. Приближаются два солдата. Ясно видны ихъ скатанныя шинели и тонкія линіи ружей.

— Это они!

У одной изъ тѣней большая, закутанная въ бѣлое, голова.

— Одинъ изъ нихъ раненъ. Это—Вольпаттъ!

Мы бѣжимъ къ нимъ навстрѣчу. Наши сапоги чавкаютъ по грязи, а патроны позвякиваютъ въ лядункахъ.

Они останавливаются и поджидаютъ насъ. Когда мы подходимъ ближе, до насъ доносится окликъ Вольпатта:

— Наконецъ-то!

— Ты раненъ, старина?

— Что?—спрашиваетъ онъ.

Изъ-за плотной перевязки, которая закрываетъ ему всю голову, онъ ничего не слышитъ. Приходится кричать. Мы подходимъ къ нему вплотную и оремъ. Тогда онъ отвѣчаетъ:

— Пустяки! Мы возвращаемся изъ норы, въ которую насъ посадилъ въ четвергъ пятый батальонъ.

— И съ тѣхъ поръ вы оставались тамъ?—кричитъ ему Фарфадэ, пронзительный женскій голосъ котораго доходитъ до ушей Вольпатта, несмотря на перевязку.

— Разумѣется, оставались тамъ,—говоритъ Фуйядъ. — А ты что же думалъ? Ты воображаешь, что мы улетѣли на крыльяхъ или уползли на четвереонькахъ безъ приказа?

Оба опускаются на землю. Голова Вольпатта, завернутая въ холстъ, съ громаднымъ узломъ наверху, кажется связкой грязнаго бѣлья.

— Про васъ и забыли, бѣдняги!

— Да,—восклицаетъ Фуйядъ.—Забыли! Четыре дня мы оставались въ вонючей дырѣ, осыпаемые градомъ пуль.

— Да,—говоритъ Вольпаттъ.—Это тебѣ не обычный сторожевой постъ, на которомъ тебя черезъ нѣсколько часовъ смѣняютъ... Просто-напросто воронка отъ снаряда, какъ двѣ капли воды похожая на другія воронки... Въ четвергъ насъ посадили туда и сказали: «Стойте тутъ и стрѣляйте, не переставая». Правда, на другой день какой-то типъ изъ службы связи пятаго батальона показалъ свой носъ: «Что вы тутъ дѣлаете?»—«Да вотъ, стрѣляемъ. Намъ приказано стрѣлять, а разъ приказано, то, вѣроятно, такъ нужно.

Мы ждемъ, когда намъ прикажутъ дѣлать что-нибудь другое». Типъ ушелъ. Видъ у него былъ не очень спокойный. Видно, побаивался остаться подъ обстрѣломъ.

— Провизіи у насъ,—говоритъ Фуйядъ,—былъ одинъ хлѣбъ и ведро вина, которое намъ оставила восемнадцатая рота, да еще цѣлый ящикъ патроновъ. Мы палили и попивали винцо. Изъ предосторожности мы оставили про запасъ нѣсколько патроновъ и ломоть хлѣба, но вина не оставили.

— И напрасно,—замѣчаетъ Вольпаттъ,—пить намъ очень хотѣлось. Скажите-ка, ребята, у васъ тутъ нѣтъ ли чего выпить?

— У меня еще осталась около кружки вина,—отвѣчаетъ Фарфадэ.

— Дай-ка ему,—говоритъ Фуйядъ, указывая на Вольпатта,—а то онъ, видишь ли, потерялъ много крови. Мнѣ же только пить хочется.

Вольпатта трепала лихорадка, и среди тряпокъ, намотанныхъ на его голову, глаза его болѣзненно сверкали.

— Уфъ, какъ хорошо!—проговорилъ онъ, припадая къ фляжкѣ.

Затѣмъ, по требованіямъ солдатской вѣжливости, онъ выплеснулъ на землю остатки вина и прибавилъ:

— А вѣдь мы поймали двухъ бошей! Они ползли по полю и въ темнотѣ попали въ нашу нору, какъ кроты въ ловушку. Мы ихъ связали. И вотъ... Пострѣляли мы 36 часовъ, затѣмъ у насъ запасы кончились. Тогда мы зарядили свои магазинки и стали поджидать, не отходя отъ бошей. Этотъ типъ изъ службы связи забылъ, видно, сказать тамъ у себя про насъ—что мы здѣсь. А изъ шестой роты забыли насъ потребовать назадъ; восемнадцатая также забыла, и, такъ какъ мы находились на такомъ посту, гдѣ нѣтъ правильныхъ смѣнъ, то выходило такъ, что придется намъ тамъ торчать до возвращенія всего полка. Выручили насъ, наконецъ, санитары 204-го полка, которые пришли искать раненыхъ и сообщили о насъ. Тогда намъ данъ былъ приказъ немедленно убираться. Мы изготовились, посмѣиваясь надъ этимъ «немедленно». Развязали бошамъ ноги и увели ихъ въ расположеніе 204-го полка. А теперь вотъ мы здѣсь. По дорогѣ даже подобрали сержанта, который зарылся въ нору и не могъ выбраться,—не то со страху, не то отъ контузіи. Мы крикнули на него, и это его подбодрило. Онъ всталъ и поблагодарилъ насъ. Его зовутъ Сасэрдотъ.

— Ну, а твоя рана какъ, старина?

— Я раненъ въ уши. Взорвалась, видишь ли, большая штука. Головы не тронуло, а вотъ уши прихватило.

— Ты бы поглядѣлъ,—проговорилъ Фуйядъ,—во что они превратились, эти уши. Висятъ, какъ лохмотья. При насъ было два пакета перевязочныхъ матеріаловъ, а санитары дали намъ еще одинъ. И онъ всѣ три бинта накрутилъ себѣ на кипятильникъ!

— Ну, давайте намъ ваши скатки и пойдемъ!

Мы съ Фарфадэ подѣлили межъ собой ношу Вольпатта. Фуйядъ же, мрачный отъ жажды, съ пересохшимъ горломъ, рычитъ и упрямо не желаетъ разстаться съ ружьемъ и багажомъ.

Мы медленно подвигаемся. Насъ забавляетъ, что не приходится идти шеренгой, держа затылокъ. Это такъ рѣдко бываетъ. Вѣяніе свободы доставляетъ всѣмъ намъ огромное удовольствіе. Мы идемъ—точно гуляемъ.

— Вродѣ какъ бы фланируемъ,—гордо заявляетъ Вольпаттъ.

Когда мы добираемся до того мѣста, гдѣ дорога сворачиваетъ съ холма, онъ отдается пріятнымъ мечтамъ.

— А знаешь, вѣдь, въ концѣ концовъ, у меня хорошая рана, выгодная. Меня эвакуируютъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Его глазки мигаютъ и поблескиваютъ среди огромнаго бѣлаго шара, покачивающагося на его плечахъ и краснѣющаго въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся уши.

Далеко внизу, въ деревнѣ, бьетъ десять.

— Наплевать мнѣ на часы!—говоритъ Вольпаттъ.—Время больше не имѣетъ со мной ничего общаго.

Онъ разболтался и ускоряетъ свою рѣчь въ тактъ шагамъ. Лихорадка подстегиваетъ его.

— На меня нацѣпятъ красную этикетку, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, и отошлютъ меня въ тылъ. Меня будетъ сопровождать вѣжливый типъ, который будетъ говорить: «Пожалуйте сюда, поверните направо...» Затѣмъ распредѣлительный пунктъ, затѣмъ санитарный поѣздъ, ухаживанія дамъ изъ Краснаго Креста и лазаретъ. Кровати съ бѣлыми простынями, жарко натопленная печь, люди, которые наняты спеціально для того, чтобы ухаживать за нами, туфли и ночной столикъ. Мебель! А ужъ насчетъ пищи какъ хорошо въ большихъ лазаретахъ! Буду ѣсть досыта, буду принимать ванны, вообще, буду брать все, что дадутъ. А сласти! Тамъ изъ-за нихъ не надобно драться съ другими до крови.

— Руки мои будутъ лежать поверхъ одѣяла, ни черта не дѣлая, точно предметы роскоши или игрушки, а ноги подъ одѣяломъ будутъ горячія, какъ раскаленныя, и я буду разбрасывать ихъ во всѣ стороны, точно фіалки.

Вольпаттъ останавливается, роется въ карманахъ и вмѣстѣ со своими знаменитыми суассонскими ножницами, что-то вытаскиваетъ и показываетъ мнѣ

— Видалъ?

Это фотографія его жены и двухъ мальчиковъ. Онъ уже много разъ показывалъ мнѣ ее. Я смотрю и одобряю.

— Поѣду я на излеченіе, потомъ на поправку,—говоритъ Вольпаттъ,—и пока уши мои будутъ прирастать, жена и ребята будутъ на меня смотрѣть, а я на нихъ. И пока уши будутъ расти, какъ салатъ, война будетъ подвигаться впередъ... Ну, а тамъ русскіе поддержатъ.. Мало ли, что можетъ быть...

Онъ убаюкивалъ себя радужными надеждами, думалъ вслухъ, какъ бы уже изолированный отъ насъ своимъ личнымъ счастьемъ.

— Разбойникъ!—крикнулъ ему Фуйядъ.—Тебѣ слишкомъ везетъ!

И въ самомъ дѣлѣ, какъ ему не завидовать? Уѣдетъ на два—три мѣсяца въ самую горячую пору и, вмѣсто того, чтобы бѣдствовать и подвергаться опасности, превратится въ рантье.

— Вначалѣ—говоритъ Фарфадэ—мнѣ казалось страннымъ желаніе людей получить выгодную рану. Но все-таки, что бы ни говорили, теперь я понимаю, что это единственное, на что можетъ надѣяться бѣдный солдатъ, если онъ еще не утратилъ разсудка.

* * *

Мы подходили къ деревнѣ. Стали огибать лѣсъ.

На опушкѣ вдругъ показалась женская фигура. Она стояла на опушкѣ вся на свѣту, стройная, свѣтловолосая. На ея блѣдномъ лицѣ тѣнями ночи выдѣлялись два огромныхъ глаза. Она посмотрѣла на насъ, вся затрепетала и мгновенно скрылась въ лѣсу.

Это появленіе и исчезновеніе такъ взволновали Вольпатта, что онъ потерялъ нить своей рѣчи.

— Это прямо коза, не женщина!

— Нѣтъ, — возразилъ Фуйядъ, не дослышавъ.—Ее зовутъ Евдокіей. Я ее знаю, я ужъ видалъ ее. Это бѣженка. Не знаю, откуда она, но живетъ она въ Гамбленѣ, въ одной семьѣ.

— Она щупленькая, но красивая,—констатировалъ Вольпаттъ. Прямо конфетка! Цыпленочекъ... А глазища-то какіе!

— Чудачка!—говорилъ Фуйядъ.—На мѣстѣ не стоитъ.. То она здѣсь, то она тамъ, всюду мелькаютъ ея бѣлокурые волосы. И

знаешь, она ничего не боится Иной разъ она добирается почти до передовыхъ линій. однажды ее видѣли бродящей по равнинѣ впереди окоповъ... Мелькнула, и вотъ пропала изъ глазъ!

— Да вотъ она опять! Она не спускаетъ съ насъ глазъ. Неужто мы ее интересуемъ?

Силуэтъ бѣлокурой красавицы, очерченный свѣтлыми линіями, украшалъ въ этотъ моментъ уже другой конецъ опушки.

— Что до меня, то мнѣ на женщинъ наплевать, — заявилъ Вольпаттъ, снова плѣненный мыслью о своей эвакуаціи.

— Зато у насъ въ отрядѣ... А, легокъ на поминѣ!..

Въ эту минуту изъ зарослей, справа отъ насъ показалась физіономія Ламюза, напоминающая рыжаго кабана.

Онъ шелъ по слѣду за женщиной; увидавъ ее, сталъ, какъ вкопанный; затѣмъ кинулся къ ней, но по дорогѣ наткнулся на насъ.

Узнавъ Вольпатта и Фуйяда, толстый Ламюзъ испустилъ крикъ радости. Теперь онъ думалъ только о томъ, какъ бы взять у насъ поскорѣе мѣшки, ружья и ранцы и освободить насъ отъ груза.

— Давайте сюда! Я отдохнулъ. Да давайте же!

Онъ все готовъ былъ нагрузить на себя. Фарфадэ и я охотно отдѣлались отъ багажа Вольпатта, и даже Фуйядъ, окончательно выбившійся изъ силъ, согласился передать ему свой ранецъ и ружье.

Ламюзъ превратился въ ходячій складъ. Совершенно исчезая подъ огромной тяжестью, онъ согнулся вдвое и едва передвигалъ ноги.

Но чувствовалось, что замысла своего онъ не оставилъ, ибо онъ все поглядывалъ въ сторону, ища глазами женщину, которая его привлекала.

Каждый разъ, какъ онъ останавливался, чтобы поправить свою ношу, передохнуть и вытереть потъ, онъ осторожно украдкой, оглядывалъ всѣ уголки горизонта и опушку лѣса. Но женщины онъ больше не видѣлъ.

Я же видѣлъ ее... И на этотъ разъ у меня составилось опредѣленное впечатлѣніе, что кто-то изъ насъ ее интересуетъ.

Она высовывалась изъ-подъ зеленой листвы слѣва отъ насъ, придерживаясь рукой за вѣтку, наклонялась впередъ, сверкая своими черными, какъ ночь, глазами на блѣдномъ лицѣ, которое, благодаря игрѣ свѣта, казалось пронизаннымъ луннымъ сіяніемъ. Я видѣлъ, что она улыбалась.

Прослѣдивъ направленіе ея взгляда, я установилъ, что она смотрѣла на Фарфадэ, шедшаго позади насъ и улыбавшагося ей въ отвѣтъ...

Затѣмъ она скрылась въ тѣни деревьевъ, унося свою улыбку и отвѣтъ на нее.

Вотъ какъ раскрылась для меня тайна близости этой гибкой и нѣжной цыганки и Фарфадэ, который среди всѣхъ насъ выдѣлялся своимъ изяществомъ, гибкій и трепетный, какъ молодое деревцо. Дѣло ясное...

Ламюзъ ничего не видѣлъ, ослѣпленный и перегруженный багажемъ, взятымъ у меня и у Фарфадэ, и все время озабоченный мыслью, какъ бы не потерять равновѣсія.

Однако, у него жалкій видъ. Онъ кряхтитъ. Какая-то забота удручаетъ его. Въ хрипломъ дыханіи его груди мнѣ чудится, я слышу, какъ тяжело стучитъ его сердце. Глядя на Вольпатта, всего обмотаннаго бинтами, и на этого рослаго, сильнаго толстяка, который носитъ въ себѣ такой избытокъ крови и вѣчную острую боль неразрѣшеннаго порыва, я говорю себѣ, что наиболѣе раненый изъ нихъ не тотъ, который идетъ на перевязку...

Наконецъ мы спускаемся въ деревню.

— Сейчасъ, попьемъ,—говоритъ Фуйядъ.

— Меня эвакуируютъ,—все повторяетъ Вольпаттъ.

Ламюзъ кряхтитъ и мычитъ.

Увидя насъ, товарищи кричатъ, сбѣгаются на маленькую площадь, гдѣ высится церковь съ двумя башенками, настолько поврежденная обстрѣломъ, что трудно даже разобрать, гдѣ фасадъ и гдѣ задняя стѣна.

V.

Убѣжище.

Туманная дорога, поднимающаяся среди ночного лѣса, покрыта странными тѣнями. Кажется, будто какимъ-то волшебствомъ лѣсъ наступаетъ на нее. Это полкъ переходитъ на новую стоянку.

Впотьмахъ, идя ощупью, ряды грузныхъ тѣней, высоко и широко нагруженныхъ, спотыкаются и толкаютъ другъ дружку. Каждая шеренга, подталкиваемая слѣдующей, натыкается на предыдущую. По бокамъ движутся болѣе стройные призраки—наши начальники. Глухой ропотъ, смѣсь восклицаній, обрывковъ разговоровъ, приказаній, кашля и пѣнія поднимается надъ этой плотной массой, сдавленной съ обѣихъ сторонъ боками оврага. Этотъ шумъ голосовъ сопровождается топотомъ ногъ, звяканьемъ ноженъ, манерокъ, металлическихъ фляжекъ, гуломъ и стукомъ шестидесяти повозокъ обоза, слѣдующаго за двумя батальонами. Людей такъ много, что, несмотря на безконечное пространство вокругъ, пахнетъ точно въ львиной клѣткѣ.

Идя въ шеренгѣ, ничего не видишь. Порой, когда на поворотахъ надвигаешься слишкомъ близко на сосѣдей, начинаешь различать бѣлую жесть кружки, вороненую сталь каски и черныя дула ружей. Иногда, при мимолетномъ свѣтѣ, ослѣпительной искры, выбитой огнивомъ, замѣчаешь выступающія изъ мрака руки и лица, очертанія спинъ и касокъ, какъ бы идущихъ волной на приступъ непроницаемой тьмы. Затѣмъ все гаснетъ, и въ то время, какъ ноги шагаютъ, глаза каждаго идущаго устремлены въ то мѣсто, гдѣ предполагается затылокъ передняго.

Послѣ нѣсколькихъ остановокъ мы присаживаемся на свои мѣшки подлѣ составленныхъ ружей. Это дѣлается по сигнальному свистку съ какой-то лихорадочной торопливостью и, въ то же время, съ

приводящей въ отчаяніе медленностью, ибо кругомъ царитъ полнѣйшій мракъ. Но постепенно разсвѣтъ начинаетъ завоевывать пространство. Стѣна тѣней рушится. Лишній разъ мы созерцаемъ величавое зрѣлище рожденія дня.

Наконецъ, эта ночь ходьбы подходитъ къ концу. Тѣни становятся менѣе густыми и плотными, переходя въ полутѣни. Ноги одеревенѣли, спина ноетъ, плечи точно избиты. Лица остаются сѣрыми и черными, какъ будто ночь неохотно съ ними разставалась. Теперь почти никогда не удается стряхнуть ее окончательно.

На этотъ разъ человѣческое стадо идетъ на отдыхъ на новую стоянку. Какова-то будетъ мѣстность, гдѣ намъ придется прожить эту недѣлю? Какъ полагаютъ, хотя въ этомъ никто не увѣренъ, она зовется Гошенъ-л'Аббэ. О ней разсказываютъ чудеса.

— Прямо яичко въ смятку!

Въ рядахъ товарищей, фигуры и лица которыхъ уже легко различить, слышатся голоса:

— Никогда еще у насъ не было такой удачной стоянки. Тамъ и бригадное управленіе, и военный совѣтъ. И магазины, гдѣ все можно найти.

— Разъ здѣсь бригада, значитъ есть все.

— А какъ ты думаешь, удастся намъ найти отдѣльное помѣщеніе для нашей столовой?

— Все что угодно, увѣряю тебя.

Какая-то ворона, покачивая головой съ видомъ сомнѣнія, каркаетъ:

— Я не знаю, какова будетъ эта стоянка, гдѣ мы никогда еще не были. Но я твердо знаю, что она будетъ похожа на всѣ другія.

Ему не вѣрятъ, и всѣмъ она представляется чѣмъ то въ родѣ обѣтованной земли, къ которой мы приближаемся въ чаяніи тепла и свѣта.

* * *

На разсвѣтѣ у подошвы склона мы достигаемъ ряда домиковъ, которые еще спятъ, окутанные сѣрымъ полумракомъ.

— Пришли!

Уфъ! За ночь мы отмахали 28 километровъ.

Но что же это такое?.. Мы не останавливаемся. Проходимъ мимо домиковъ, которые постепенно исчезаютъ во мракѣ, окутываясь саваномъ тайны.

— Повидимому, намъ предстоитъ еще долго шагать. Говорятъ, это дальше—вонъ тамъ...

Мы машинально идемъ, уже не чувствуя ногъ подъ собою. Сочлененія хрустятъ и ноютъ.

День что-то запаздываетъ. Пелена тумана покрыла землю. Такъ холодно, что на остановкахъ люди, хоть и разбитые совсѣмъ отъ усталости, не рѣшаются присѣсть и все ходятъ взадъ и впередъ, какъ привидѣнія.

Колючій зимній вѣтеръ бьетъ по лицу, развѣваетъ слова и вздохи. Наконецъ солнце пронизываетъ туманъ, нависшій надъ нами и окутавшій насъ сыростью. Точно феерическая просѣка открылась среди тучъ.

Солдаты потягиваются, какъ бы просыпаются, и медленно поднимаютъ лица къ позлащенному серебру первыхъ лучей.

Затѣмъ, очень скоро, солнце начинаетъ припекать, и тогда становится жарко нестерпимо.

Въ шеренгахъ начинаютъ сопѣть, потѣть и ворчать еще сильнѣе, чѣмъ прежде, когда постукивали зубами отъ холода и когда туманъ проводилъ по нашимъ лицамъ и рукамъ словно мокрою губкой.

Районъ, по которому мы проходимъ въ это жаркое утро, весь бѣлый отъ мѣловыхъ залежей.

— Чортъ бы ихъ побралъ! Они тутъ мостятъ дорогу известнякомъ.

Дорога бѣла ослѣпительно, и надъ нами нависла густая туча известковой пыли, поднятой нашими ногами.

Лица краснѣютъ и начинаютъ блестѣть. Затѣмъ точно покрываются вазелиномъ. Щеки и лбы заволакиваются сѣроватымъ налетомъ. Ноги утрачиваютъ свою форму и кажутся словно окунутыми въ бадью штукатура. Мѣшокъ и ружье припудрены бѣлымъ, и вся шагающая масса отбрасываетъ направо и налѣво, на придорожную траву, молочно-бѣлыя борозды.

— Правѣй! Сторонись! Обозъ!

Торопливо толкаясь, мы забираемъ вправо.

Подобно длинной цѣпи квадратныхъ болидовъ, по дорогѣ мчится цѣлый обозъ грузовиковъ. Проклятіе! Онъ поднимаетъ толстый слой бѣлой пудры, покрывающей землю, и осыпаетъ ею насъ.

Теперь мы всѣ одѣты въ свѣтло-сѣрое, а лица наши покрылись блѣдными масками, погуще на бровяхъ, усахъ, бородѣ и въ морщинкахъ. Мы одновременно и остаемся сами собой, и превращаемся въ какихъ-то странныхъ стариковъ.

— Когда мы состаримся, мы будемъ такими, — говоритъ Тиреттъ.

— Ты даже плюешься бѣлымъ,—замѣчаетъ Бикэ.

Когда мы останавливаемся, мы кажемся рядами гипсовыхъ статуй, сквозь толщу которыхъ въ грязноватыхъ тонахъ проглядываютъ остатки человѣческаго.

Затѣмъ мы снова пускаемся въ путь. Молчимъ. Трудно. Каждый шагъ становится мукой. На лицахъ застываютъ гримасы. Отъ безконечнаго усилія мы всѣ мрачнѣе тучи; одолѣваетъ усталость, противно до тошноты.

Наконецъ мы видимъ желанный оазисъ. За холмомъ, на другомъ болѣе высокомъ холмѣ, высятся черепичныя крыши среди свѣжей зелени салата.

Деревня передъ нами. Она видна, но еще далеко. Долгое время намъ все кажется, что она удаляется отъ насъ, по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся впередъ.

Только къ полудню добираемся мы до этой стоянки, которая уже начала казаться намъ легендарной.

Мѣрнымъ шагомъ, ружье на плечѣ, полкъ запружаетъ улицу Гошенъ-л'Аббэ. Большинство деревень въ Па-де-Калэ состоитъ только изъ одной улицы, но зато она часто тянется на нѣсколько километровъ. Здѣсь единственная большая улица раздваивается подлѣ мэріи и образуетъ двѣ другихъ, поменьше.

Велосипедисты, офицеры, денщики отдѣляются отъ общей массы. Затѣмъ мы частями, по мѣрѣ продвиженія впередъ, останавливаемся; солдаты исчезаютъ въ воротахъ сараевъ и овиновъ, такъ какъ свободные дома отведены для офицеровъ и полковыхъ канцелярій. Нашъ взводъ сперва ведутъ въ конецъ деревни, затѣмъ, вслѣдствіе недоразумѣнія, происшедшаго между квартирмейстерами, насъ возвращаютъ назадъ въ тотъ конецъ, черезъ который мы вошли.

Эти хожденія отнимаютъ немало времени, и въ солдатахъ, помимо усталости отъ напраснаго мыканья, начинаетъ разгораться лихорадка нетерпѣнія. Чрезвычайно важно устроиться и получить свободу дѣйствій какъ можно раньше, если желаешь привести въ исполненіе давно задуманный планъ: найти и снять у кого-нибудь изъ мѣстныхъ жителей помѣщеніе со столомъ, гдѣ наша группа могла бы устроиться для обѣда. Мы много толковали объ этомъ предпріятіи и обо всѣхъ его выгодахъ. Наконецъ, сговорились, собрали деньги и рѣшили, что на такую роскошь не жаль и потратиться.

Но удастся ли намъ это? Многія помѣщенія уже заняты. Не мы одни принесли сюда съ собой эту жажду комфорта, и теперь

предстоятъ поиски квартиры со столомъ... Послѣ нашей роты должны придти еще три, но до насъ пришло уже четыре, а кромѣ того, есть еще офицерскія кухни, столовыя для санитаровъ, для писарей, для шофферовъ, для денщиковъ и ординарцевъ, для унтеръ-офицеровъ и т. д. Все это люди поважнѣе простыхъ солдатъ. Они располагаютъ и большей свободой дѣйствій, и средствами, такъ что могутъ заблаговременно осуществить свои намѣренія. И уже теперь, когда мы, по четыре въ шеренгу, направляемся къ сараю, отведенному для нашего взвода, мы видимъ людей, стоящихъ на порогѣ и хлопочущихъ надъ устройствомъ своего временнаго хозяйства.

Тиреттъ подражаетъ мычанью коровы и блеянію овцы.

— Вотъ и нашъ хлѣвъ!

Намъ достался довольно обширный овинъ; рубленая солома, съ которой изъ-подъ ногъ поднимается тонкая пыль, пахнетъ отхожимъ мѣстомъ. Но зато это, по крайней мѣрѣ, закрытое помѣщеніе. Мы занимаемъ мѣста и раздѣваемся.

Тѣ, которые, какъ всегда, мечтали о раѣ, лишній разъ разочарованы.

— А знаешь, здѣсь такъ же паршиво, какъ и всюду.

— Да. То же самое...

* * *

Но терять времени на разговоры нельзя. Необходимо какъ можно быстрѣе оріентироваться и опередить другихъ. Мы торопимся. Несмотря на боли въ пояcницѣ и въ ногахъ, мы дѣлаемъ послѣднее усиліе, отъ котораго зависитъ нашъ комфортъ въ теченіе цѣлой недѣли.

Наша группа раздѣляется на два патруля, которые скорымъ шагомъ направляются въ разныя стороны по улицѣ, уже запруженной озабоченными солдатами, которые также чего-то ищутъ. И всѣ эти группы наблюдаютъ одна за другой, подглядываютъ и торопятся. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуются заторы отъ сбившихся въ кучу людей; толкотня, ругань...

— Начнемъ-ка съ того конца, иначе мы ничего не успѣемъ сдѣлать!

У меня получается впечатлѣніе своего рода жестокаго боя между всѣми солдатами на улицахъ деревни, которую только что заняли.

— Для нашего брата, солдата,—говоритъ Мартро,—война, это—вѣчная борьба и вѣчная битва.

* * *

Мы стучимся во всѣ двери, робко освѣдомляемся и предлагаемъ себя, какъ негодный товаръ.

— Не найдется ли у васъ, сударыня, маленькаго уголка для солдатъ? Мы заплатимъ.

— Нѣтъ... У меня офицеры квартируютъ.

Въ другомъ мѣстѣ квартируютъ унтеръ-офицеры, въ третьемъ расположились музыканты, дальше секретари, еще дальше санитары и т. д.

Неудача за неудачей. Одна за другой передъ нашимъ носомъ захлопываются пріоткрывшіяся двери, и мы начинаемъ переглядываться все съ меньшей надеждой.

— Господи Боже! Мы ничего не найдемъ, вотъ увидишь,—стонетъ Баркъ.—Здѣсь слишкомъ много всякой холеры, которая угнѣздилась тутъ раньше насъ. Вотъ подлецы!

Толпа густѣетъ со всѣхъ сторонъ. Всѣ три улицы черны отъ людей и одинаково полны. По дорогѣ встрѣчаются мѣстные жители: либо старики, либо калѣки, еле плетущіеся, съ лицами выкидышей; впрочемъ, есть совсѣмъ молодые люди,—этихъ, очевидно, удерживаетъ дома какая-нибудь скрытая внутренняя болѣзнь, а, можетъ быть, и просто связи... Много старухъ, еще больше молодыхъ дѣвушекъ, дебелыхъ, со щеками точно изъ ваты. Онѣ ходятъ, вихляя своими упитанными, бѣлыми, какъ у индюшекъ, тѣлесами.

Въ одномъ мѣстѣ я вскользь замѣтилъ женщину, прошмыгнувшую мимо...

Это та самая Евдокія, женщина-козочка, за которой, какъ фавнъ за нимфой, гонялся Ламюзъ, и тайну которой я уловилъ, замѣтивъ улыбку, посланную Фарфадэ.

Это ее я увидѣлъ на мигъ, съ ея золотистой копной волосъ. Затѣмъ она скрылась за выступомъ стѣны, сверкнувъ точно солнечный лучъ, и все кругомъ вновь стало мрачнымъ... Она уже здѣсь? Да неужто же она слѣдовала за нами во время нашего труднаго перехода? Однако! Какъ ее тянетъ къ намъ!

Какъ ни мимолетно было видѣніе, я все-таки успѣлъ замѣтить на лицѣ дѣвушки выраженіе озабоченности.

Ламюзъ, идущій за мной по пятамъ, не видѣлъ ея. Я ничего ему не сказалъ. Онъ и такъ слишкомъ скоро почуетъ близость этого красиваго звѣрька, къ которому рвется все его существо и который

бѣжитъ отъ него, какъ блуждающій огонекъ. Къ тому же мы въ данную минуту слишкомъ заняты. Надо обязательно отвоевать себѣ уголокъ. Съ энергіей отчаянія мы снова отправляемся на поиски. Баркъ увлекаетъ насъ. Онъ хочетъ во что бы то ни стало добиться своего. Держа носъ по вѣтру, онъ насъ ведетъ. Надо еще разъ попытаться справиться. Толкнемся вотъ въ эту желтую дверь. Съ Богомъ! Впередъ!

Подлѣ желтой двери мы натыкаемся на какую-то согнутую фигуру: это Блэръ, поставивъ ногу на желѣзку, счищаетъ ножомъ съ сапогъ набившуюся грязь и бѣлую пыль.

— У тебя ноги никогда не были такими бѣлыми,—шутитъ Баркъ.

— Шутки въ сторону,— говоритъ Блэръ,—ты не знаешь, гдѣ находится этотъ фургонъ?

Онъ поясняетъ:

— Мнѣ надо найти фургонъ дантиста, чтобы онъ прицѣпилъ мнѣ новыя челюсти и повытаскивалъ у меня старыя негодныя костяшки. Мнѣ сказали, что этотъ фургонъ для пасти гдѣ-то здѣсь.

Онъ складываетъ свой ножъ, прячетъ его въ карманъ и идетъ дальше въ надеждѣ воскресить свою челюсть.

Снова мы начинаемъ клянчить:

— Здравствуйте, сударыня! Не найдется ли у васъ маленькаго уголка для насъ подъ столовую? Конечно, не даромъ. Мы заплатимъ...

— Нѣтъ.

Въ окно, точно изъ акваріума, выглядываетъ плоское лицо, испещренное морщинами и напоминающее старую исписанную страницу.

— Неужто и въ собачьей конурѣ не найдется мѣстечка?

— Тамъ стираютъ бѣлье.

Баркъ пользуется удобнымъ случаемъ.

— Быть можетъ, это все-таки подойдетъ. Разрѣшите посмотрѣть.

— Тамъ стираютъ, — бормочетъ женщина и продолжаетъ подметать.

— Имѣйте въ виду,—говоритъ Баркъ, улыбаясь и дѣлая пріятное лицо,—что мы не изъ тѣхъ людей, которые не умѣютъ вести себя прилично, напиваются и скандалятъ. Разрѣшите посмотрѣть, а?

Добрая женщина ставитъ въ уголъ метлу. Она тощая и съ плоскимъ лицомъ. Ея накидка виситъ на плечахъ, какъ на вѣшалкѣ,

Она смотритъ на насъ, колеблется, затѣмъ неохотно ведетъ насъ въ темное глинобитное помѣщеніе, заваленное грязнымъ бѣльемъ.

— Великолѣпно!—искренно восклицаетъ Ламюзъ.

— Какая хорошенькая дѣвочка!—говоритъ Баркъ и гладитъ по круглой, точно изъ раскрашеннаго каучука, щечкѣ маленькую дѣвочку, которая, задравъ носикъ, разглядываетъ насъ. — Это ваша, сударыня?

— А вотъ этотъ?—спрашиваетъ Мартро, указывая на малютку съ упругими, какъ пузыри, щечками, покрытыми слѣдами варенья и прилипшей пылью.

И Мартро робко ласкаетъ малыша.

Женщина не удостаиваетъ насъ отвѣтомъ.

Мы стоимъ и просимъ, точно нищіе.

— Хоть бы согласилась эта старая карга!—шепчетъ мнѣ Ламюзъ, мучимый тревогой.—Здѣсь великолѣпно, а вездѣ уже занято.

— У меня нѣтъ стола,—отвѣчаетъ, наконецъ, женщина.

— О столѣ не безпокойтесь! — восклицаетъ Баркъ. — Вонъ у васъ въ углу стоитъ старая дверь; она намъ послужитъ столомъ.

— Не станете же вы разбрасывать и перекидывать всѣ мои вещи,—отвѣчаетъ женщина, подозрительно глядя на насъ и видимо уже сожалѣя, что сразу не вышвырнула насъ за дверь.

— Да вы не безпокойтесь. Вотъ увидите. Эй, Ламюзъ, помоги-ка мнѣ, старина.—Преслѣдуемые недовольнымъ взоромъ старушенціи, мы кладемъ дверь на двѣ бочки.

— Немножко почистимъ,—говорю я,—приберемъ, и все будетъ ладно.

— Да, матушка, одинъ взмахъ метлы замѣнитъ намъ скатерть.

Она не знаетъ, что сказать, и злобно поглядываетъ на насъ.

— У меня только два табурета, а васъ сколько?

— Приблизительно двѣнадцать.

— Двѣнадцать, Іисусъ-Марія!

— Что-жъ такое? Отлично устроимся! Вѣдь здѣсь есть доска, значитъ скамья готова. Не правда ли, Ламюзъ?

— Разумѣется,—отвѣчаетъ тотъ.

— Я очень дорожу этой доской,—замѣчаетъ женщина.—Солдаты, которые были здѣсь до васъ, уже пытались взять ее у меня.

— Но вѣдь мы же не воры,—осторожно замѣчаетъ Ламюзъ, чтобы не разсердить это существо, держащее въ своихъ рукахъ наше благоденствіе.

*

— Я этого не говорю, но, знаете, солдаты все портятъ. Какое горе съ этой войной!

— Ну-съ, теперь скажите намъ, сколько вы съ насъ возьмете за столовую и за право подогрѣвать пищу на вашемъ очагѣ.

— Франкъ въ день,—нехотя отвѣчаетъ хозяйка, какъ если бы эту сумму приходилось платить не намъ, а ей.

— Немножко дорого,—говоритъ Ламюзъ.

— Такъ платили и другіе, которые были до васъ. А вѣдь они были очень милы, и мы даже кормились при нихъ. Я отлично знаю, что для солдатъ это не трудно. Если вы находите, что это слишкомъ дорого, я легко подыщу другихъ за тѣ же деньги, и ихъ не будетъ такъ много, какъ васъ. Всѣ пороги обиваютъ. И, пожалуй, заплатятъ еще подороже. Подумайте, двѣнадцать человѣкъ!

— Это дорого, но все-таки подойдетъ,—торопится сказать Ламюзъ.—Какъ вы думаете, товарищи?

Разумѣется, вопросъ заданъ только для формы, и мы безъ разговоровъ соглашаемся.

— Теперь бы выпить маленечко,—продолжаетъ Ламюзъ.—Не продадите ли винца?

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ хозяйка; затѣмъ, голосомъ, дрожащимъ отъ гнѣва, прибавляетъ: — вы понимаете, начальство заставляетъ виноторговцевъ продавать вино не дороже пятнадцати су. Подумайте! Бѣда съ этой проклятой войной! Вѣдь, это себѣ въ убытокъ продавать за такую цѣну! Поэтому я виномъ не торгую. Разумѣется, у меня есть вино, но только для себя. Иногда, въ видѣ услуги, я уступаю немного знакомымъ и вообще людямъ, которые съ понятіемъ, но, разумѣется, не по 15 су.

Ламюзъ считаетъ себя принадлежащимъ къ людямъ съ понятіемъ. Онъ хватаетъ свою флягу, висящую на боку.

— Дайте-ка мнѣ одинъ литръ. Сколько это будетъ стоить?

— 22 су. Это своя цѣна. Но, знаете, это только для васъ, потому что вы военные.

Баркъ, теряющій терпѣніе, что-то ворчитъ. Женщина косо поглядываетъ на него и дѣлаетъ движеніе, какъ бы желая вернуть флягу Ламюзу. Но Ламюзъ, чающій выпить и весь покраснѣвшій, словно онъ уже выпилъ, поспѣшно говоритъ:

— Не безпокойтесь, матушка, это останется между нами. Мы васъ не выдадимъ.

Она жалуется на новые порядки и тарифъ. Побѣжденный жадностью и жаждой выпить, Ламюзъ падаетъ до того низко, что говоритъ:

— Что-жъ прикажете дѣлать, сударыня? Военные, извѣстно— народъ безъ понятія.

Она ведетъ насъ въ погребокъ, заставленный тремя огромными бочками.

— Это вы все для себя припасли?

— Старуха-то знаетъ, гдѣ раки зимуютъ,—ворчитъ Баркъ.

Мегера сердито поворачивается.

— А вы что же хотите, чтобы мы разорились на этой проклятой войнѣ? Довольно мы и безъ того денегъ теряемъ на то, да на сё.

— А на что именно?—настаиваетъ Баркъ.

— Сразу видать, что вамъ не приходится рисковать своими денежками.

— Нѣтъ... Мы рискуемъ только своей шкурой...

Обезпокоенные опаснымъ оборотомъ, который принялъ разговоръ, мы вмѣшиваемся. Между тѣмъ, за дверью погреба раздается мужской голосъ.

— Эй, Пальмира!

Хозяйка уходитъ, изъ осторожности оставляя дверь открытой.

— Вотъ мерзавцы!—возмущается Баркъ; онъ никакъ не можетъ успокоиться.

— Стыдъ и срамъ!—соглашается Мартро.

— Можно подумать, что ты видишь это впервые.

— Хорошъ и ты, Ламюзъ,—накидывается на него Баркъ.— Какъ презрительно ты говоришь о военныхъ! Совѣсть-то ты куда спряталъ?

— Какъ же быть? Что сказать? Вѣдь иначе пришлось бы намъ разстаться съ мыслью о столѣ и о всякихъ удобствахъ. Вѣдь если бы она заставила насъ платить за вино и вдвое дороже, мы бы все-таки заплатили. Не такъ ли? Значитъ надо это еще за счастье почитать. Сознаюсь, я немножко пересолилъ, но только потому, что боялся, какъ бы наше дѣло не лопнуло.

— Я отлично знаю, что вездѣ и всюду та же исторія. Но все же...

— Жители обдѣлываютъ свои дѣлишки. Многіе богатѣютъ. Да такъ оно и должно быть. Не могутъ же всѣ пойти на войну.

— Ну и народъ же здѣсь, въ восточныхъ провинціяхъ...

— А развѣ въ другихъ мѣстахъ было лучше?

— Насъ никто не встрѣчалъ съ раскрытыми объятіями.

— Съ протянутой рукой... Да...

— А я, все-таки, говорю,—повторяетъ Мартро,—что это стыдъ и срамъ!

— Заткнись! Вотъ опять идетъ эта корова!

Мы вернулись къ мѣсту своей стоянки, чтобы возвѣстить товарищамъ объ успѣшномъ исходѣ дѣла. Затѣмъ отправились за покупками. Когда мы вернулись въ свою новую столовую, тамъ уже хлопотали съ приготовленіемъ къ завтраку. Баркъ пошелъ на раздачу провизіи и добился того, что ему ее выдали въ сыромъ видѣ, благодаря его личнымъ связямъ съ раздатчикомъ, который принципіально всегда былъ противъ довольствованія врозь. Онъ приволокъ картофель и мясо, полагающіеся на пятнадцать человѣкъ нашей группы.

По дорогѣ онъ купилъ свиного сала для жаркого, пріобрѣлъ также четыре банки горошка въ консервахъ; а коробка консервированной телятины, принадлежащая Менилю Андрэ, должна была послужить намъ закуской.

— Здѣсь у насъ все будетъ на чистоту, безъ фокусовъ!—воскликнулъ восхищенный Ламюзъ.

* * *

Пошли на кухню. Баркъ съ довольнымъ видомъ суетился подлѣ чугунной плиты, занимавшей своей горячей массой цѣлую стѣну.

— А я потихонечку положилъ курочку въ супъ,—шепнулъ онъ мнѣ.

И онъ приподнялъ крышку котелка.

— Огонь не сильный. Вотъ уже полчаса, какъ я положилъ мясо, а вода все еще прозрачная.

Черезъ минуту онъ уже препирался съ хозяйкой. Она возмущалась, — она не можетъ дать имъ столько мѣста на плитѣ. Они говорили, что поставятъ только одну кастрюлю, а она, дура, и повѣрила. А теперь... Если бы она знала, что будетъ столько затрудненій, она бы не сдала помѣщенія! Баркъ добродушными шуточками сумѣлъ успокоить это чудовище.

Постепенно стали собираться товарищи. Они подмигивали, потирали руки, предвкушая всю сладость хорошаго обѣда, точно гости на свадебномъ пиршествѣ.

После яркаго свѣта улицы наша столовая кажется совершенно темной. Всѣ точно слѣпнуть и нѣсколько минутъ стоятъ растерянные, какъ совы.

— Насчетъ свѣта здѣсь не очень,—говоритъ Мениль Жозефъ.

— Ладно, старина! Хватитъ съ тебя! Чего тебѣ еще надо?

— Здѣсь прямо великолѣпно!—восклицаютъ всѣ хоромъ.

И всѣ энергично поддакиваютъ.

Инцидентъ: Фарфадэ, по неосторожности, прислонившись къ сырой грязной стѣнѣ, весь перепачкался. Всегда очень требовательный въ отношеніи костюма, онъ ворчитъ и осторожно обходитъ стѣну, но въ темнотѣ натыкается на столъ и роняетъ на полъ свою ложку. Онъ нагибается, шаритъ ощупью по грязному полу, на которомъ въ теченіе долгихъ лѣтъ накапливалась пыль и паутина; наконецъ находитъ свой приборъ; полъ весь въ грязи и волокнахъ. Уронить что-либо на полъ, это—катастрофа. Здѣсь надо жить съ предосторожностями.

Ламюзъ, кладя межъ двухъ приборовъ свою руку, жирную, какъ окорокъ, провозглашаетъ:

— Просимъ къ столу!

Мы ѣдимъ. Завтракъ обильный и тонкій. Шумъ разговоровъ смѣшивается съ хлопаньемъ пробокъ и громкимъ чавканьемъ полныхъ ртовъ. Всѣ наслаждаются обѣдомъ и тѣмъ, что ѣдятъ его, сидя за столомъ. Сквозь отдушину проникаетъ солнечный свѣтъ и пыльной полосой обволакиваетъ часть пространства и стола, зажигая желтые отблески на приборахъ, козырькахъ и зрачкахъ. Я украдкой поглядываю на этотъ убогій праздникъ и бьющее черезъ край веселье.

Бикэ разсказываетъ о своихъ мытарствахъ въ поискахъ прачки, которая согласилась выстирать бѣлье, но слишкомъ дорого захотѣла. Тюлакъ разсказываетъ объ огромной очереди передъ лавкой бакалейщика: внутрь никого не впускаютъ, всѣ толпятся снаружи, какъ овцы.

— Но хоть ты и снаружи стоишь, а если не доволенъ и слишкомъ ворчишь, тебя гонятъ прочь.

Какія еще новости? Въ приказѣ новыя строгія правила противъ тѣхъ, кто возьметъ что-либо безъ спроса у жителей. Многихъ уже наказали.

Вольпатта эвакуировали.

Солдаты призыва 93-го года будутъ отведены въ тылъ; среди нихъ Пепэръ.

Баркъ, подавая жареный кортофель, сообщаетъ, что за столомъ хозяйки ѣдятъ солдаты, санитары и пулеметчики.

Они думали, что у нея будетъ лучше, а лучше-то намъ здѣсь,—убѣжденно говоритъ Фуйядъ, съ удовольствіемъ оглядывая наше тѣсное и грязное помѣщеніе, которое не на много лучше нашихъ окоповъ. По кому придетъ въ голову такое сравненіе?

— А вотъ ребята изъ девятой роты здорово устроились,—говоритъ Пепъ. Какая-то старуха приняла ихъ даромъ—только потому, что ея мужъ, умершій пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, служилъ въ свое время вольтижеромъ. Кажется, она даже подарила имъ зайца, и теперь они его уплетаютъ.

— Всюду есть добрые люди. Но девятой ротѣ вообще страшно везетъ. Во всей деревнѣ только она одна напала на добрыхъ людей.

Пальмира приноситъ кофе, которое она сварила для насъ. Она понемногу приручается, слушаетъ насъ и даже задаетъ намъ вопросы.

Когда она уходитъ, мы оцѣниваемъ ея кофе.

— Да это совсѣмъ вода! Сахаръ насквозь видно!

— За эту дрянь она беретъ тридцать сантимовъ!

— Да, чистая вода!

Дверь пріоткрывается и пропускаетъ полоску свѣта. Показывается лицо мальчика. Его манятъ пальцемъ, ласкаютъ, какъ котенка, и даютъ ему кусочки шоколада.

— Меня зовутъ Шарло—лепечетъ ребенокъ.—Мы живемъ рядомъ, и у насъ тоже есть солдаты. У насъ они всегда бывали. Мы продаемъ имъ все, что они захотятъ. Только плохо, что иногда они пьяны.

— Послушай, малышъ, поди-ка сюда!—говоритъ Коконъ, сажая мальчика на колѣни.—Слушай внимательно. Вѣдь правда, что твой папа говоритъ: «Пускай бы война тянулась подольше»? Правда?

— Правда,—отвѣчаетъ Шарло кивая головой,—потому что мы богатѣемъ. Онъ сказалъ, что къ концу мая мы заработаемъ пятьдесятъ тысячъ.

— Пятьдесятъ тысячъ! Это неправда!

— Да, да,—настаиваетъ ребенокъ.—Онъ такъ сказалъ мамѣ. Папа хотѣлъ бы, чтобы всегда было такъ. А вотъ мама иногда не знаетъ, что было бы лучше, потому что мой братъ Адольфъ на фронтѣ. Но скоро его переведутъ въ тылъ, и тогда война пусть себѣ продолжается.

Громкіе крики, донесшіеся изъ квартиры нашихъ хозяевъ, прерываютъ эти изліянія. Бикэ отправляется на развѣдки.

— Пустяки,—говоритъ онъ, возвращаясь.—Это мужъ кричитъ на жену, потому что она не умѣетъ хозяйничать и положила горчицы въ рюмку; онъ говоритъ, что это не полагается.

Мы встаемъ и выходимъ изъ нашего подземелья, гдѣ повисъ тяжелый запахъ трубокъ, вина и кофе. Какъ только мы переступаемъ порогъ, намъ пышетъ въ лицо удушливымъ жаромъ, усиливаемымъ ароматами кухни.

Мы проходимъ сквозь тучи мухъ, которыя толстымъ слоемъ покрываютъ стѣны и неустанно жужжатъ.

— Все то же, что и въ прошломъ году... Снаружи мухи, а внутри вши.

— И еще микробы поглубже внутри.

Въ углу грязнаго маленькаго домика, заваленнаго всякимъ хламомъ и пыльной рухлядью, копошится старикашка съ длинной шеей, точно у общипаннаго цыпленка. Лицо у него тоже куриное: нѣтъ подбородка, а носъ длинный. На впалыхъ щекахъ сѣрая бороденка. Его большія круглыя вѣки поднимаются и опускаются точно крышки надъ матовымъ стекломъ глазъ.

Баркъ уже видѣлъ его.

— Взгляни на него: онъ ищетъ кладъ. Говоритъ, что гдѣ-то въ этомъ домѣ лежитъ зарытое богатство. Поминутно становится на четвереньки и заглядываетъ во всѣ углы.

Старикъ все время роется и ищетъ, постукивая палкой по стѣнѣ и полу. Проходя мимо него, домашніе толкаютъ его, а Пальмира то и дѣло задѣваетъ его метлой, не обращая на него никакого вниманія.

Двѣ кумушки вполголоса обмѣниваются своими секретами, стоя въ оконной нишѣ, подлѣ карты Россіи, засиженной мухами.

— Главное, надо быть осторожной съ горькой. Если недостаточно ловко наливать—никакъ не выйдетъ двѣнадцати рюмокъ изъ бутылки, и тогда выгоды мало. Понятно, своего-то не потеряешь, а все-таки можно заработать и больше. Чтобы помочь бѣдѣ, надо было бы столковаться всѣмъ торговцамъ, но это не такъ легко сдѣлать, даже для общаго блага.

На улицѣ жарко и полно мухъ, которыхъ за послѣдніе дни появилось безчисленное множество. Я выхожу въ сопровожденіи Ламюза. Мы идемъ пошляться. Сегодня мы спокойны: намъ даютъ

полный отдыхъ послѣ цѣлой ночи марша. Можно было бы выспаться но лучше погулять, а то завтра снова работы и ученіе.

А другимъ меньше удачи, чѣмъ намъ: ихъ уже впрягли въ работу.

Корвизаръ, которому Ламюзъ предлагаетъ погулять съ нами, отвѣчаетъ, теребя носъ, торчащій горизонтально, точно пробка:

— Не могу, надо чистить.

И онъ показываетъ на лопату и метлу, которыми убираетъ вдоль стѣнъ, уже загаженныхъ солдатами.

Мы медленно шагаемъ. Жаркій день нависъ надъ дремотными полями и давитъ на наши переполненные желудки. Мы изрѣдка переговариваемся.

Издали доносятся крики: это съ Баркомъ раздѣлывается цѣлый звѣринецъ хозяекъ. На это смотритъ маленькая блѣдная дѣвочка съ волосами, собранными въ косички, и съ прыщами на губахъ. Поглядываютъ на него и женщины, которыя, сидя въ тѣни передъ своими домами, заняты рукодѣліемъ.

Проходятъ шесть солдатъ съ капраломъ-каптенармусомъ. Они несутъ цѣлую гору новыхъ шинелей и сапогъ.

Ламюзъ глядитъ на свою рваную обувь.

— Мнѣ необходимы сапоги, а то скоро видать будетъ мои мозоли... Не ходить же мнѣ босикомъ!

Гдѣ-то пыхтитъ аэропланъ. Мы поднимаемъ головы и слезящимися отъ яркаго свѣта глазами слѣдимъ за его движеніями. Затѣмъ Ламюзъ говоритъ мнѣ:

— Отъ этихъ машинъ никогда не будетъ прока.

— Ну, что ты! Подумай, какъ ихъ усовершенствовали за короткое время!

— Да, но дальше не пойдутъ. Лучше никогда не будетъ.

Я не спорю, потому что безполезно убѣждать невѣжественнаго человѣка въ его неправотѣ и вселять въ него вѣру въ прогрессъ.

Затѣмъ, нагнувъ ко мнѣ голову, онъ открываетъ мнѣ свою затаенную мысль:

— А знаешь, Евдокія здѣсь.

— Неужели?

— Да, старина. Ты никогда ничего не замѣчаешь, а я замѣтилъ (и Ламюзъ снисходительно улыбается). Понимаешь, если она здѣсь, значитъ —кто-то ее занимаетъ, не правда ли? За кѣмъ-то изъ насъ

она ѣхала сюда; ужъ навѣрно, что такъ. И вотъ что я тебѣ скажу, старина: она пріѣхала ради меня.

— Ты въ этомъ увѣренъ.

— Да,—глухо отвѣчаетъ человѣкъ-быкъ.—Во-первыхъ, я ее хочу. А, во-вторыхъ, она два раза попалась мнѣ на глаза... Понимаешь? Ты скажешь, она побѣжала прочь отъ меня, а я тебѣ на это отвѣчу, что это отъ робости...

Онъ остановился посреди улицы и взглянулъ на меня. Его толстое лицо, съ носомъ и щеками, лоснящимися отъ жира, стало серьезнымъ. Онъ поднесъ пухлый кулакъ къ темно-желтымъ, заботливо закрученнымъ усамъ и нѣжно ихъ погладилъ. Затѣмъ продолжалъ:

— Я ее хочу. Но, знаешь, я даже готовъ жениться на ней. Ее зовутъ Евдокіей Дюмай. Раньше я не думалъ о женитьбѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ знаю ея фамилію, мнѣ кажется, будто что-то измѣнилось, и я бы согласился. Чортъ возьми, какая она красивая! И дѣло не только въ красотѣ... О!...

Этотъ толстый парень такъ и брызжетъ сантиментальностью и волненіемъ и старается выразить свои чувства словами.

— Эхъ, старина, бываютъ минуты, когда меня надо бы удерживать крючьями,—говоритъ онъ, и кровь приливаетъ къ его щекамъ и бычачьей шеѣ.—Она такъ красива, она... а я.. Она такъ не похожа... Вѣдь, ты навѣрно, замѣтилъ? Ты все замѣчаешь... Она крестьянка... А между тѣмъ въ ней есть что-то позанятнѣе, чѣмъ въ парижанкѣ, даже самой шикарной, расфуфыренной парижанкѣ... Правда вѣдь? Она... я...

Онъ нахмурилъ свои рыжія брови. Ему хотѣлось выразить все очарованіе этой женщины, всю яркость, которую видѣлъ въ ней. Но онъ не сумѣлъ и умолкъ. Такъ онъ оставался всегда наединѣ со своимъ невыразимымъ чувствомъ.

Мы продолжали идти рядомъ вдоль домовъ. Передъ дверьми появились повозки съ боченками. Въ окнахъ, выходящихъ на улицу, запестрѣли разноцвѣтныя коробки консервовъ, пучки шнуровъ трута,—словомъ, все, что вынужденъ покупать солдатъ. Почти всѣ крестьяне торговали бакалейнымъ товаромъ. Мѣстная торговля медленно развивалась, но теперь пошла полнымъ ходомъ. Каждый пускался въ спекуляцію, охваченный жаждой наживы, ослѣпленный прибылью.

Зазвонили колокола. Показалась процессія. Это были военныя похороны. На возу лежалъ гробъ, завернутый въ знамя. За нимъ слѣдовалъ отрядъ съ адъютантомъ, священникомъ и однимъ штатскимъ.

— Жалкіе похороны съ обрубленнымъ хвостомъ!—воскликнулъ Ламюзъ.— Здѣсь недалеко лазаретъ. Онъ понемножку пустѣетъ. Счастливъ тотъ, кто умеръ. Но только иногда... Не всегда...

Мы вышли за околицу. Въ полѣ, въ концѣ улицы, расположился полковой обозъ: походныя кухни, повозки, нагруженныя всякимъ матеріаломъ, фургоны Краснаго Креста, грузовики, кабріолетъ почтальона, фуражныя телѣги.

Палатки шофферовъ, погонщиковъ и конвоя раскинулись вокругъ обоза. Въ свободныхъ промежуткахъ стоятъ лошади и уставились въ небо своими стеклянными глазами. Четыре солдата устанавливаютъ столъ. Чадитъ кузница. Этотъ пестрый поселокъ, раскинувшійся на утоптанномъ полѣ, многочисленныя колеи котораго высыхаютъ отъ жары, покрылся по обочинамъ всякими нечистотами и отбросами.

На краю лагеря выдается среди другихъ своей чистотой и опрятностью большой бѣлый фургонъ. Можно подумать, что это передвижной ярмарочный балаганъ — самый дорогой на ярмаркѣ.

Это и есть знаменитый стоматологическій фургонъ, который искалъ Блэръ. А вотъ и Блэръ. Онъ стоитъ и созерцаетъ фургонъ. Повидимому, онъ уже давно похаживаетъ вокругъ и разглядываетъ его. Санитаръ Самбомезъ возвращается изъ деревни и поднимается по легкой деревянной лѣсенкѣ, ведущей къ двери фургона. У него въ рукахъ ящикъ бисквита большихъ размѣровъ, сдобный хлѣбъ и бутылка шампанскаго. Блэръ окликаетъ его:

— Скажи-ка, господинъ Ягодица, это и есть фургонъ дантиста?

— Здѣсь написано,—отвѣчаетъ Самбрмезъ, маленькій толстякъ, чистенькій, выбритый, съ бѣлымъ, точно накрахмаленнымъ подбородкомъ.—Если не видишь надписи, то тебѣ бы обратиться не къ дантисту, а къ ветеринару, чтобы онъ тебѣ протеръ глаза.

Блэръ, подойдя поближе, разглядываетъ фургонъ.

— Штука!—говоритъ онъ.

Затѣмъ приближается еще, снова отходитъ, колеблется и никакъ не можетъ рѣшиться втащить свою челюсть въ фургонъ. Наконецъ онъ набирается рѣшимости, ставитъ ногу на лѣсенку и исчезаетъ за дверью.

* * *

Мы продолжаемъ нашу прогулку. Заворачиваемъ на тропинку, высокіе кусты которой посыпаны пылью. Шумъ затихаетъ.

Яркій свѣтъ нагрѣваетъ и сушитъ скатъ дороги, разстилая ослѣпительную и жгучую бѣлизну, и трепещетъ въ безоблачно-синемъ небѣ.

При первомъ поворотѣ до насъ доносится легкій скрипъ шаговъ; и вскорѣ мы... лицомъ къ лицу съ Евдокіей.

Ламюзъ испускаетъ глухое восклицаніе. Быть можетъ, онъ снова вообразилъ, что она ищетъ его, и вѣритъ въ свою судьбу. Онъ подходитъ къ ней вплотную.

Она смотритъ на него и останавливается въ рамѣ изъ боярышника. Ея до странности худое и блѣдное лицо тревожно, вѣки быстро мигаютъ. Она—простоволосая. Ея холщевый корсажъ вырѣзанъ на груди. Вблизи эта женщина, увѣнчанная золотомъ волосъ, дѣйствительно, обольстительна. Лунная бѣлизна ея кожи привлекаетъ и поражаетъ взоръ; глаза сверкаютъ; зубы поблескиваютъ въ яркомъ прорѣзѣ полуоткрытаго рта, алаго, какъ сердце.

— Скажите... Я хочу вамъ сказать...—лепечетъ Ламюзъ.—Вы такъ мнѣ нравитесь...

И онъ протягиваетъ руку къ Евдокіи.

Она вздрагиваетъ и отвѣчаетъ:

— Оставьте меня въ покоѣ! Вы мнѣ противны!

Рука его хватаетъ одну изъ ея маленькихъ ручекъ. Она пытается высвободиться. Ея яркіе волосы распустились и колеблются точно пламя. Онъ притягиваетъ ее къ себѣ, наклоняется къ ней, хочетъ поцѣловать ее. Онъ жаждетъ этого всѣми силами, всею своей жизнью. Онъ готовъ умереть, лишь бы прикоснуться къ ней губами.

Но она отбивается, испускаетъ заглушенный крикъ. Ея шея вздувается и трепещетъ, а лицо вдругъ дурнѣетъ отъ злости.

Я подхожу и кладу руку на плечо товарища, но мое вмѣшательство излишне: самъ онъ уже пятится назадъ и что-то бормочетъ, побѣжденный.

— Ужъ не помѣшались ли вы?—кричитъ ему Евдокія.

— Нѣтъ,—стонетъ несчастный, пришибленный и обезумѣвшій.

— Чтобы этого никогда больше не повторялось,—говоритъ она и уходитъ, вся трепещущая.

Онъ даже не смотритъ ей вслѣдъ. Съ повисшими руками и раскрытымъ ртомъ, онъ замеръ на мѣстѣ, пробужденный отъ своей мечты.

Я увлекаю его. Онъ молча слѣдуетъ за мной и тяжело дышетъ, точно долго бѣжалъ.

Проходитъ странствующій виноторговецъ, подталкивая свой возокъ съ боченкомъ; онъ продалъ нѣсколько литровъ обознымъ солдатамъ и исчезаетъ за поворотомъ дороги; лицо у него желтое и плоское, какъ сырокъ камамбера; его рѣдкіе волосы развѣваются пыльными прядями; весь онъ тощій до такой степени, что ноги кажутся привязанными къ туловищу веревками.

Между праздными солдатами начинается бесѣда по поводу этого бродячаго полишинеля.

— У него противная физія,—говоритъ Бигорно.—И знаешь, что я тебѣ скажу? Не дѣло пропускать на фронтъ всѣхъ этихъ штафирокъ, особенно субъектовъ, про которыхъ не знаешь кто они.

— Вздоръ, летучая вошь,—отвѣчаетъ Корнэ.

— Толкуй, подметка,—настаиваетъ Бигорно,—у насъ недостаточно осторожны. Ужъ когда я говорю, то знаю, что говорю!..

— А вѣдь Пепэра переводятъ въ тылъ,—заявляетъ Канаръ.

— Здѣшнія бабы,—бормочетъ Лямолеттъ,—ужасно некрасивы; прямо зелье какое-то.

Остальные солдаты, бродя взоромъ въ пространствѣ, слѣдятъ за двумя вражескими аэропланами, которые описываютъ сложные круги. Эти механическія птицы, сообразно игрѣ свѣта, кажутся на высотѣ то черными, какъ вороны, то бѣлыми, какъ чайки, и вокругъ нихъ взрываются шрапнели, точно хлопья снѣга подъ синимъ небомъ.

* * *

Мы возвращаемся. Намъ навстрѣчу идутъ двое: это Карассю и Шессье.

Они сообщаютъ, что кашеваръ Пепэръ уходитъ въ тылъ. Къ нему подошелъ законъ Дальбье, и онъ будетъ зачисленъ въ территоріальный полкъ.

— Вотъ счастье для Блэра!—говоритъ Карассю; у него странный и большой носъ, совсѣмъ не идущій къ его лицу.

Въ деревнѣ шатаются банды солдатъ и разговариваютъ. Другіе, парами, то сходятся, то расходятся, перекидываясь нѣсколькими словами.

Толкотня и давка. Въ самой гущѣ бѣлѣетъ бумага. Это газетчикъ, продающій пятисантимовыя газеты по десяти сантимовъ. Фуйядъ, тощій, какъ заячья лапа, остановился посреди дороги. На

углу у одного изъ домовъ Парадизъ подставилъ солнцу свое лицо, розовое, какъ ветчина.

Бикэ присоединяется къ намъ въ рабочей блузѣ. Онъ облизывается:

— Повстрѣчалъ товарищей... Выпили маленечко... Понимаешь, завтра придется снова приняться за работу и, прежде всего, почистить платье и «пращу». Ужъ съ одной только шинелью сколько возни будетъ; не шинель стала, а кираса какая-то.

Монтрей, служащій въ канцеляріи, появляется и зоветъ Бикэ.

— Эй, ты! Письмо тебѣ. Вотъ ужъ часъ, какъ тебя ищу. Вѣчно пропадаетъ.

— Не могу же я быть и здѣсь и тамъ, торба ты толстая! Давай!

Онъ смотритъ на письмо, взвѣшиваетъ его на рукѣ и говоритъ, вскрывая конвертъ:

— Это отъ моей старушки.

Мы замедляемъ шагъ. Онъ читаетъ, водя пальцемъ по строкамъ, покачивая головой и шевелитъ губами, точно молится.

По мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ центру деревни, толпа увеличивается. Козыряемъ батальонному командиру и священнику, идущему въ сторонкѣ. Насъ окликаютъ Пижонъ, Гепонъ, молодой Эскютнеръ, Клодоръ... Ламюзъ кажется слѣпымъ и глухимъ и шагаетъ, какъ автоматъ.

Шумно приближаются Бизуарнъ, Шанріонъ и Рокеттъ и сообщаютъ великую новость:

— А знаешь, Пепэра переводятъ въ тылъ.

— Вотъ смѣшные люди, — говоритъ Бикэ, отрываясь отъ письма,—старуха-то все безпокоится обо мнѣ.—И онъ показываетъ мнѣ отрывокъ изъ письма матери: «Когда ты получишь это письмо,— читаетъ онъ по складамъ,—ты, вѣроятно, будешь сидѣть въ грязи и въ холодѣ и страдать отъ лишеній, мой бѣдный Евгеній»...

Онъ смѣется.

— Это написано десять дней тому назадъ. Попала пальцемъ въ небо! А намъ ничуть не холодно, потому что сегодня великолѣпная погода. И не бѣдствуемъ мы также, разъ у насъ есть своя столовая. Натерпѣлись, правда, но теперь хорошо.

Мы возвращаемся въ свою конуру, размышляя по поводу послѣдней фразы Бикэ. Ея трогательная простота волнуетъ меня; она обнажаетъ человѣческую душу. Только потому, что показалось солнце,

что мы почувствовали на себѣ его теплые лучи и получили подобіе комфорта, все прошлое, полное страданій, перестало существовать, какъ и все страшное будущее... «Теперь хорошо»...

Бикэ, какъ баринъ, устраивается за столомъ, чтобы писать отвѣтъ. Онъ заботливо раскладываетъ бумагу, чернила, перо и начинаетъ покрывать листикъ бумаги своимъ крупнымъ почеркомъ, все время улыбаясь.

— Ты бы посмѣялся, — говоритъ онъ мнѣ, — если бы зналъ, что я пишу старушкѣ.

Онъ перечитываетъ письмо, и улыбка не сходитъ съ его лица.

VI.

Привычки.

Мы располагаемся на птичьемъ дворѣ.

Большая курица, бѣлая, какъ сливочный сыръ, сидитъ въ корзинѣ на яйцахъ, подлѣ собачьей конуры, обитатель которой запертъ и визжитъ. Черная курица все время расхаживаетъ. Она то втягиваетъ, то вытягиваетъ свою гибкую шею и манерно шагаетъ. Мы ясно различаемъ ея профиль и слушаемъ ея кудахтанье, какъ бы производимое металлической пружиной. Она расхаживаетъ и сверкаетъ черными отблесками перьевъ, напоминающими волосы цыганокъ, а за нею тащится куча цыплятъ.

Эти маленькіе желтые шарики кидаются ей подъ ноги и поклевываютъ. Только двое стоятъ неподвижно и задумчиво, не обращая вниманія на материнское кудахтанье.

— Это дурной знакъ,—говоритъ Парадизъ;—если цыпленокъ размышляетъ, значитъ, онъ боленъ.

И Парадизъ то кладетъ ногу на ногу, то раздвигаетъ ихъ.

Рядомъ на скамейкѣ Вольпаттъ растянулся во всю длину, протяжно зѣваетъ и глазѣетъ; онъ больше всѣхъ насъ любитъ наблюдать птицъ.

Впрочемъ, мы всѣ теперь на нихъ смотримъ,—особенно я, на стараго общипаннаго пѣтуха, ляжки котораго, темныя, какъ поджаренная котлета, совершенно облысѣли. Онъ подходитъ къ бѣлой насѣдкѣ, но та отворачиваетъ голову, точно кидая рѣзкій отказъ. Пѣтухъ, скребнувъ землю когтями, смотритъ на нее своими синими, точно эмальированными глазами.

— Хорошо здѣсь,—говоритъ Баркъ.

— А ты посмотри-ка на утятъ,—отвѣчаетъ Вольпаттъ.

Проходитъ цѣлая стайка утятъ, совсѣмъ еще маленькихъ, точно яйца на лапкахъ. Большая голова тянетъ впередъ все слабенькое прихрамывающее тѣло. Собака въ уголкѣ также слѣдитъ за ними своими честными глазами, на которые косой солнечный лучъ кладетъ красивый рыжеватый бликъ.

За дворомъ, въ просвѣтъ низкой изгороди, виденъ садъ, и зеленая трава тамъ влажная и густая. Дальше протянулась стѣна зелени, покрытой цвѣтами, бѣлыми, какъ гипсовыя статуэтки, и пестрыми, точно галстуки. Еще дальше раскинулся лугъ, по которому тополи стелютъ свои черно-зеленыя и черно-золотистыя тѣни, и затѣмъ—квадратъ хмеля, за нимъ—грядка капусты. Въ воздухѣ носится жужжаніе пчелъ и стрекотаніе кузнечика.

Съ верхушки тополя, кружась, слетаетъ сорока, полубѣлая, получерная; она кажется издали наполовину обуглившейся газетой.

Солдаты съ наслажденіемъ потягиваются на каменной скамьѣ, полузакрывъ глаза, и подставляютъ себя солнечнымъ лучамъ, нагрѣвающимъ воздухъ, какъ въ банѣ.

— Вотъ уже семнадцать дней, какъ мы здѣсь. А думали, что скоро уйдемъ отсюда.

— Такъ никогда и не знаешь,—говоритъ Парадизъ, покачивая головой и щелкая языкомъ.

На дорогѣ мы видимъ черезъ открытыя ворота кучку солдатъ; они разгуливаютъ, задравъ носы, и наслаждаются солнцемъ. Затѣмъ проходитъ въ одиночку Теллюрюръ. Онъ шагаетъ посреди улицы, несетъ на искривленныхъ въ дугу ногахъ свой толстый животъ и плюется во всѣ стороны часто и обильно.

— Думали, будетъ худо, какъ на прежнихъ стоянкахъ, а вышло, что настоящій отдыхъ и по времени, и по удовольствію.

— И занятій немного, и на работу не посылаютъ.

— Есть время притти сюда и поваляться.

Старичокъ, сидящій въ концѣ скамьи,—не кто иной, какъ свекоръ нашей хозяйки, кладоискатель, съ которымъ мы познакомились въ первый же день,—пододвигается поближе и поднимаетъ палецъ.

— Когда я былъ молодъ, женщины заглядывались на меня,—заявляетъ онъ, покачивая головой.—У меня ихъ было сколько угодно.

— Вотъ какъ!—разсѣянно отвѣчаемъ мы; наше вниманіе отвлечено отъ его старческой болтовни пріятнымъ грохотомъ проѣзжающей мимо нагруженной повозки.

— А теперь,—продолжаетъ старикъ,—я думаю только о деньгахъ.

— Да, вы все ищете кладъ.

— Разумѣется,—отвѣчаетъ старый крестьянинъ.

Чувствуя скептическое отношеніе къ его поискамъ, онъ стучитъ пальцемъ по лбу, затѣмъ, указывая на домъ, говоритъ:

— Вотъ взгляните на насѣкомое, что ползетъ по стѣнѣ. Что оно говоритъ? Оно говоритъ: «Я паукъ, который ткетъ нитку Богородицы». Никогда не слѣдуетъ судить о томъ, что люди дѣлаютъ, потому что не знаешь, что можетъ случиться.

— Правильно,—вѣжливо отвѣчаетъ ему Парадизъ.

— Смѣшной старикъ,—цѣдитъ сквозь зубы Мениль Андрэ, вынимая изъ кармана зеркальце, чтобы полюбоваться на свою физіономію при солнцѣ.

— У него клепки не хватаетъ,—блаженно бормочетъ Баркъ.

— Ну, я ухожу,—говоритъ старичокъ, которому не сидится. Онъ встаетъ и снова идетъ искать свой кладъ. Войдя въ домъ, онъ оставляетъ дверь открытой, и мы видимъ въ комнатѣ у огромной печи маленькую дѣвочку; она съ такимъ серьезнымъ видомъ играетъ въ куклы, что Вольпаттъ говоритъ:

— Она дѣло дѣлаетъ.

— Игры дѣтей—серьезное занятіе. Только взрослые играютъ.

Поглазѣвъ на птицъ и на гуляющихъ товарищей, мы стараемся какъ-нибудь убить время. Мы наблюдаемъ жизнь вещей, природы. Мы привязались къ этому уголку, куда среди нашихъ вѣчныхъ странствованій забросила насъ судьба и гдѣ мы продержались дольше и жили спокойнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Уже наступилъ сентябрь, канунъ октября, самый трогательно-печальный изъ всѣхъ мѣсяцевъ. Хорошіе ясные дни изрѣдка смѣняются осторожными предупрежденіями о надвигающейся осени. Мы начинаемъ понимать, что значатъ эти пожелтѣвшіе листья, которые покрываютъ каменныя плиты подобно налетѣвшей стаѣ воробьевъ.

Мы свыклись съ этими мѣстами. Такъ часто гонимые съ мѣста на мѣсто, мы успѣли уже пустить корни здѣсь и перестаемъ вѣрить въ возможность отъѣзда, даже когда говоримъ о немъ.

— Вѣдь вотъ же одиннадцатая дивизія оставалась на отдыхѣ цѣлыхъ полтора мѣсяца,—говоритъ Вольпаттъ.

— А 375-й полкъ простоялъ девять недѣль,—замѣчаетъ Баркъ.

— Я думаю, что и мы останемся не меньше.

— Пожалуй, и войну здѣсь закончимъ...

Баркъ размякъ и готовъ повѣрить.

— Вѣдь, въ концѣ концовъ, кончится же она когда-нибудь?!

— Надо полагать,—говорятъ остальные.

— Ясное дѣло, никогда не знаешь,—вставляетъ Парадизъ.

Онъ говоритъ это безъ особенной убѣжденности. Однако, противъ его словъ нечего возразить. Мы про себя повторяемъ ихъ и баюкаемъ себя ими, какъ старой пѣсенкой.

* * *

Фарфадэ тоже присоединился къ намъ. Онъ усѣлся въ сторонкѣ на опрокинутой бадейкѣ и подперъ голову кулакомъ.

Онъ счастливѣе насъ, и всѣ мы это знаемъ. Поднявъ голову, онъ далекимъ задумчивымъ взглядомъ окидываетъ нашу группу, мечтающую о томъ, что, пожалуй, удастся закончить здѣсь войну, затѣмъ переводитъ глаза на кладоискателя. Нашъ чувствительный и нѣжный товарищъ какъ бы окруженъ сіяніемъ эгоистическаго счастья; оно отдѣляетъ его отъ насъ, какъ нашивки, которыя вдругъ свалились бы ему съ неба.

Его идиллія съ Евдокіей продолжается здѣсь. У насъ имѣются неопровержимыя доказательства, а разъ онъ даже самъ объ этомъ говорилъ.

Она живетъ невдалекѣ, и они часто встрѣчаются. Только на-дняхъ вечеркомъ я видѣлъ ее за церковной стѣной. Она, повидимому, отправлялась на свиданіе, торопилась и улыбалась. Волосы ея пламенѣли сквозь кружевную косынку.

Вкорѣ Фарфадэ, вѣроятно, покинетъ насъ: его командируютъ въ тылъ, въ штабъ бригады, гдѣ нуждаются въ писцѣ, умѣющемъ писать на машинкѣ. Объ этомъ уже офиціально извѣстно. Онъ спасенъ: мрачное будущее, въ которое другіе не смѣютъ заглянуть, для него ясно.

Онъ смотритъ въ раскрытое окно, надѣется и ждетъ. Онъ счастливъ, ибо близкое счастье, которое еще не пришло, единственное истинное счастье на землѣ.

И въ насъ невольно зарождается зависть.

— Никогда не знаешь,—снова шепчетъ Парадизъ, все такъ же неувѣренно, какъ всегда.

VII.

Погрузка.

На слѣдующій день Баркъ говорилъ мнѣ:

— Я объясню тебѣ, въ чемъ дѣло. Есть люди, которые...

Пронзительный свистокъ рѣзко прервалъ его объясненіе.

Мы находились на дебаркадерѣ. Почью внезапная тревога вырвала насъ изъ объятій сна и увела изъ деревни. Мы промаршировали весь остатокъ ночи и пришли сюда. Отдыхъ кончился. Мы мѣняли секторъ и отправлялись въ другое мѣсто. Разстались съ Гошэномъ во мракѣ, не повидавъ ни людей, ни вещей, ни съ кѣмъ не простившись взглядомъ и, уходя, ни на что не взглянувъ въ послѣдній разъ.

....Мимо насъ, совсѣмъ близко, едва насъ не задѣвъ, прошелъ маневрирующій локомотивъ, пыхтя своими могучими легкими. Я видѣлъ, какъ раскрытый ротъ Барка закрылся отъ пронзительнаго свистка этого огромнаго сосѣда и слышалъ, какъ онъ выругался. На лицахъ всѣхъ другихъ также появилась гримаса недовольства отъ этого оглушительнаго свиста.

Всѣ мы были въ каскахъ и въ полномъ снаряженіи, такъ какъ состояли въ нарядѣ по охранѣ вокзала.

— Да замолчи, наконецъ!—крикнулъ сердитый Баркъ, обращаясь къ свистку.

По безпощадный локомотивъ не унимался. Когда онъ, наконецъ умолкъ и только эхо еще продолжало звенѣть въ нашихъ ушахъ, начатый было разговоръ уже не налаживался, и Баркъ кратко сказалъ лишь въ заключеніе:

— Да...

Мы оглядѣлись вокругъ. Повидимому, тутъ былъ какой-то городъ. Нескончаемые хвосты вагоновъ и поѣздовъ образовали какъ бы ряды

домовъ съ мрачными, низкими и совершенно одинаковыми фасадами, раздѣленные узкими уличками. Передъ нами стояли на главной линіи уходившіе безъ конца въ даль готовые поѣзда. Другіе еще только составлялись и передвигались съ мѣста на мѣсто. Со всѣхъ сторонъ доносились грохотъ, пронзительные свистки, звонъ сигнальнаго колокольчика, звяканье цѣпей. Въ нижнемъ этажѣ зданія, поднимавшагося, подобно ратушѣ, въ центрѣ вокзала, дребезжащій звонъ телеграфнаго звонка трещалъ долго и надоѣдливо. Кругомъ, на усыпаной углемъ землѣ, раскинулись товарные склады, заваленные всякой кладью, будки стрѣлочниковъ, лѣсъ стрѣлокъ, водокачки, столбы, увѣшанные проволоками, семафоры, доски и, возвышаясь надъ всѣмъ остальнымъ, двѣ паровыхъ лебедки, подобныя двумъ колокольнямъ.

Дальше въ полѣ, вокругъ этого лабиринта платформъ, линій и зданій, разсыпались военныя повозки и грузовики, лошади и фургоны.

— Ты представляешь себѣ, какая предстоитъ работа?

— Вѣдь надо погрузить цѣлый корпусъ.

— Посмотри-ка, уже идутъ!

Туча, заслонявшая дребезжащія и грохочущія повозки и звенящихъ подковами лошадей, все больше приближалась по улицѣ, которая вела къ вокзалу.

— Орудія уже погружены.

На открытыхъ платформахъ, между двухъ горъ ящиковъ, дѣйствительно виднѣлись профили колесъ и жерла орудій. Ящики, пушки и колеса были пестро раскрашены въ желтый, коричневый и зеленый цвѣта.

— Ишь, какъ ихъ размазали. Я видѣлъ здѣсь также раскрашенныхъ лошадей. Да вотъ, посмотри-ка на ту, съ толстыми ногами, которая точно въ панталонахъ. Она была бѣлой, а ее перекрасили.

Лошадь, о которой говорили, стояла въ сторонкѣ отъ остальныхъ; онѣ какъ бы чурались ея. Она была сѣровато-желтая.

— Бѣдная,—проговорилъ Тюлакъ.

— Вотъ черти!—возмутился Парадизъ.—Не только на смерть посылаютъ несчастную тварь, а еще издѣваются надъ ней.

— Вѣдь это для ея же пользы.

— Ну да, какъ все дѣлается для нашей...

Къ вечеру стали прибывать солдаты. Они стекались къ вокзалу со всѣхъ сторонъ. По бокамъ отрядовъ шли офицеры; они направляли эту живую волну и выстраивали ее вдоль барьеровъ. Сол-

даты составляли ружья, складывали ранцы и, не имѣя праза отлучаться, ждали въ тѣснотѣ и полумракѣ.

Прибытіе отрядовъ шло все быстрѣе по мѣрѣ наступленія ночи. Одновременно съ войсками прибывали и автомобили. Вскорѣ начался безпрерывный грохотъ: подкатывали то лимузины, то маленькія машины, то громадные грузовики. Все это выстраивалось, равнялось и втискивалось на указанныя мѣста. Шумъ голосовъ и грохотъ колесъ и моторовъ неумолчно поднимался надъ этимъ моремъ людей и машинъ.

— Это еще что,—проговорилъ Коконъ, человѣкъ-цифра.— Въ одномъ только штабѣ корпуса имѣется тридцать офицерскихъ автомобилей. А ты знаешь, сколько понадобится поѣздовъ пятидесятивагоннаго состава, чтобы погрузить весь корпусъ—людей и снаряженіе,—не считая, разумѣется, грузовиковъ, которые переберутся на новый секторъ на собственныхъ лапахъ? Не пытайся, братъ, угадать. Понадобится девяносто такихъ поѣздовъ.

— Чортъ возьми! А у насъ вѣдь тридцать три корпуса?

— Даже цѣлыхъ тридцать девять, слюнтяй!

Оживленіе растетъ. Вокзалъ запруженъ до крайности; на всемъ пространствѣ, которое можетъ охватить взоръ, невообразимая суматоха и движеніе. Вся офицерская іерархія суетится, распоряжается, носится по всѣмъ концамъ, подобно метеорамъ, размахиваетъ руками, сверкаетъ позументами, разсылаетъ ординарцевъ и велосипедистовъ, которые шныряютъ по всѣмъ направленіямъ, какъ рыбы въ водѣ.

Вотъ и вечеръ. Пятна, образуемыя шинелями солдатъ, сгрудившихся вокругъ составленныхъ ружей, становятся еле замѣтными и сливаются съ землей, а позже ихъ едва можно различить по вспышкамъ трубокъ и папиросъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ курильщиковъ такъ много, что получается какъ бы сплошная иллюминація вдоль улицы.

Смѣшанный гулъ голосовъ и колесъ подобенъ шуму морского прибоя. Покрывая этотъ шумъ, въ темнотѣ раздаются крики команды, грохотъ нагружаемыхъ ящиковъ, глухой стукъ парового молота и клокотаніе паровозныхъ котловъ.

Постепенно мракъ начинаетъ проясняться; всюду загораются огоньки.

Это электрическіе фонари офицеровъ и начальниковъ отрядовъ, ацетиленовые фонарики велосипедистовъ и разсыльныхъ.

Вокзалъ принимаетъ фантастическій видъ. Выступаютъ изъ мрака странныя формы, заслоняющія небо. Нагромождаются горы, раскинувшіяся какъ развалины города и уходящія во мракъ.

Слѣва отъ насъ приближаются цѣлымъ потокомъ отряды кавалеріи и пѣхоты. Доносится гулъ голосовъ. При мелькающемъ свѣтѣ фонаря выступаютъ отдѣльные ряды людей и затѣмъ снова исчезаютъ во мракѣ.

При свѣтѣ мерцающихъ факеловъ видны сѣрыя массы лошадей, нагружаемыхъ въ вагоны съ наклонныхъ площадокъ. Доносятся оклики, восклицанія, топотъ упирающихся лошадей, ругань погонщиковъ.

Въ сторонѣ, на открытыхъ платформахъ перевозятъ автомобили и кареты. Высится цѣлый холмъ прессованнаго сѣна.

— Вотъ уже три часа, какъ мы стоимъ,—вздыхаетъ Парадизъ.

— А это кто такіе?

При вспышкахъ свѣта мы замѣчаемъ цѣлую ленту огоньковъ, окруженныхъ какъ бы свѣтляками.

— Это отдѣлъ прожекторовъ,—говоритъ Коконъ.

— О чемъ ты задумался, товарищъ?

— Въ настоящее время въ каждомъ корпусѣ имѣется четыре дивизіи,—отвѣчаетъ Коконъ. — Иногда бываетъ три, а иногда пять. Сейчасъ четыре. Каждая изъ нашихъ дивизій,—продолжаетъ человѣкъ-цифра, которымъ гордится нашъ взводъ,—содержитъ три полка пѣхоты, два батальона стрѣлковъ, одинъ территоріальный полкъ, не считая спеціальныхъ полковъ—артиллерійскихъ, саперныхъ, желѣзнодорожныхъ и т. д., не считая также штаба дивизіи и бригадныхъ службъ. Линейный полкъ изъ трехъ батальоновъ занимаетъ четыре поѣзда: одинъ для роты пулеметчиковъ и нестроевой роты и одинъ для каждаго батальона. Не всѣ войска будутъ погружены здѣсь: погрузка будетъ происходить вдоль линіи, сообразно съ мѣстомъ стоянки и временемъ.

— Я усталъ,—говоритъ Тюлакъ.—Пища у насъ недостаточно сытная. Мы держимся еще на ногахъ просто потому, что такой фасонъ завели, но нѣтъ у насъ силъ и крѣпости.

— Я навелъ справки,—продолжаетъ Коконъ.—Войска, настоящія войска, начнутъ погружать только среди ночи. Они еще раскинуты по деревнямъ въ десяти километрахъ отсюда. Во-первыхъ, это все службы корпуса; онѣ отправятся первыми; затѣмъ идутъ внѣдивизіонные составы. Среди нихъ нѣтъ ни аэро-

статчиковъ, ни летчиковъ: это слишкомъ громоздкая мебель, которая перемѣщается собственными средствами. Къ внѣдивизіоннымъ частямъ причисляется также полкъ развѣдчиковъ.

— Нѣтъ никакого полка развѣдчиковъ,—легкомысленно замѣчаетъ Баркъ.—Есть батальоны.

Въ темнотѣ видно, какъ Коконъ пожимаетъ плечами и презрительно глядитъ сквозь очки.

— Эхъ ты, молокососъ! Прими къ свѣдѣнію, что есть пѣшіе и конные развѣдчики. Вотъ тебѣ и два батальона.

— Тьфу, я о конныхъ и забылъ,—извиняется Баркъ.

— То-то же,- замѣчаетъ Коконъ.—Кромѣ того, къ внѣдивизіоннымъ частямъ корпуса причисляется артиллерія, т.-е. центральная артиллерія, которая пополняетъ дивизіонную. Въ нее входитъ тяжелая артиллерія, окопная артиллерія, артиллерійскіе парки, самодвижущіяся пушки, зенитныя батареи и много чего другого. Есть еще саперы, корпусная полиція, жандармы пѣшіе и конные, санитарная служба, ветеринарная служба, желѣзнодорожный батальонъ, территоріальный полкъ для охраны и работъ, интендантская служба. Есть еще скотъ, депо ремонта и т. д. Затѣмъ автомобильная служба... Если бы я хотѣлъ, я могъ бы перечислять тебѣ службы цѣлый часъ. Плательщикъ, завѣдующій казной, военный совѣтъ, телеграфные парки, электротехники. И все это имѣетъ начальство, отдѣленія, подотдѣленія, все это полно писцовъ, ординарцевъ, денщиковъ,—словомъ, цѣлый базаръ. Теперь ты можешь себѣ представить, что окружаетъ корпусного командира.

Въ этотъ моментъ подлѣ насъ появилась группа солдатъ; они несли, помимо собственнаго снаряженія, ящики и завязанные въ бумагу узлы.

— Это секретари штаба корпуса. Они входятъ въ составъ главной квартиры, составляя какъ бы свиту корпусного командира. При переѣздѣ на новое мѣсто они перетаскиваютъ свои архивы, столы, списки и всю дребедень, которая нужна для писанія. Вотъ взгляни. Этотъ старый папаша и молоденькій что-то несутъ на ружьѣ; это—пишущая машина. Они распредѣлены по тремъ бюро, а есть еще почтовая секція, потомъ канцелярія, потомъ топографическая секція, распредѣляющая дивизіямъ карты и изготовляющая планы по снимкамъ съ аэроплановъ и по показаніямъ плѣнныхъ. Все это — офицеры; они состоятъ подъ командой помощника начальника и начальника, которые оба полков-

ники. Все вмѣстѣ и составляетъ штабъ корпуса, но главная квартира включаетъ еще денщиковъ, поваровъ, каптенармусовъ, рабочихъ, электротехниковъ, жандармовъ и конвой...

Въ этотъ моментъ всѣхъ насъ что-то толкаетъ, мы начинаемъ пятиться.

— Сторонись! — кричитъ солдатъ, подталкивающій съ помощью нѣсколькихъ другихъ къ вагону нагруженный возокъ.

Работа трудная. На этомъ мѣстѣ скатъ, и нагруженные возы катятся назадъ какъ только ихъ перестаютъ подталкивать. Мрачные люди, сжимая зубы и ворча, напираютъ на возокъ, точно это какое-то чудовище.

Баркъ, потирая бока отъ толчка, окликаетъ одного изъ работающихъ.

— Что-жъ, ты дотащишь возокъ до вагона, старый селезень?

— Чортъ тебя дери! — восклицаетъ тотъ, не отрываясь отъ дѣла.—Прочь съ дороги, а то вы опрокинете мнѣ всю штуку.

Рѣзкимъ движеніемъ онъ снова толкаетъ Барка и теперь накидывается на него.

— Куда ты лѣзешь, поганецъ?

— Скажи-ка, ты не пьянъ?—отвѣчаетъ ему Баркъ.—Еще спрашиваетъ, куда я лѣзу! Опросчикъ какой нашелся!

— Сторонись!—кричитъ новый голосъ солдата, который ведетъ нѣсколько человѣкъ, согнувшихся подъ тяжелыми ношами.

Нѣтъ больше возможности оставаться на мѣстѣ. Всюду ты мѣшаешь. Отовсюду выталкиваютъ, гонятъ.

— А затѣмъ, какъ я уже сказалъ, — безстрастнымъ тономъ ученаго продолжаетъ Коконъ,—есть еще дивизіи, которыя организованы приблизительно такъ же, какъ и корпуса.

— Да, знаемъ, знаемъ мы это. Хватитъ!

— А эта лошадь-то какъ разбушевалась въ своей передвижной конюшнѣ, — замѣчаетъ Парадизъ. — Она вѣрно теща той другой.

— Однако, все это хорошо слажено, что и говорить,—восхищается Ламюзъ, отступая передъ толпой артиллеристовъ, несущихъ какіе-то ящики.

— Это правда, — соглашается Мартро. — Чтобы справиться со всей этой толпой и все поставить на рельсы, надо быть съ башкой и не бездѣльничать... Эй, ты, поосторожнѣй! Смотри, куда лапы ставишь, требуха ты этакая!

— Переѣздъ не шуточный! Когда я устраивался со своей семьей въ Маркуси, тоже было довольно хлопотъ, а все-таки здѣсь побольше.

Всѣ умолкаютъ, и Коконъ снова говоритъ:

— Для того, чтобы прошла вся французская армія, не считая тыла, гдѣ имѣется вдвое больше людей, чѣмъ на фронтѣ, и не считая санитарной службы, эвакуирующей 7.000 больныхъ ежедневно, — нужно столько шестидесятивагонныхъ поѣздовъ, что, если бы они чередовались черезъ каждые четверть часа, понадобилось бы, чтобы видѣть ихъ всѣ, простоять безпрерывно сорокъ дней и сорокъ ночей.

— Тьфу, чортъ возьми!

Это слишкомъ грандіозно для ихъ воображенія. Огромность цифръ ихъ отвращаетъ и перестаетъ интересовать. Они зѣваютъ и слезящимися глазами слѣдятъ за суетой, трескомъ, грохотомъ и появляющимся вдали на горизонтѣ стальнымъ чудовищемъ — блиндированнымъ поѣздомъ.

VIII.

Въ отпуску.

Эвдоръ сѣлъ на минуту подлѣ придорожнаго колодца, прежде чѣмъ вступить на дорогу, ведущую къ окопамъ, наперерѣзъ полей. Обхвативъ колѣно скрещенными руками и поднявъ блѣдное безусое лицо, на которомъ едва намѣчается по маленькому пучку волосъ надъ углами рта, онъ насвистываетъ, затѣмъ зѣваетъ до слезъ.

Водоносъ, остановившійся на опушкѣ лѣса, гдѣ стоитъ цѣлый рядъ возовъ и лошадей, напоминая цыганскій таборъ, привлеченъ сюда близостью колодца; онъ медленно шагаетъ съ двумя парусиновыми ведрами. Онъ останавливается передъ безоружнымъ пѣхотинцемъ, съ набитымъ до полна мѣшкомъ черезъ плечо, и спрашиваетъ:

— Въ отпускъ ходилъ?

— Да,—отвѣчаетъ Эвдоръ,—теперь назадъ иду.

— Что-жъ, братъ, — говоритъ водоносъ, удаляясь,—не дурно, я полагаю, погулять шесть деньковъ.

По дорогѣ спускаются четыре солдата, грузно и медленно шагая. Ихъ сапоги съ прилипшей грязью кажутся огромными, точно это карикатуры на сапоги. Они, какъ одинъ, останавливаются, замѣтивъ Эвдора.

— Вотъ Эвдоръ! Эй, Эвдоръ! Эй! Ты уже вернулся? — восклицаютъ они, кидаясь къ нему, и протягиваютъ ему руки, такія вздувшіяся, что кажется, будто на нихъ надѣты коричневыя шерстяныя перчатки.

— Здравствуйте, ребята!—говоритъ Эвдоръ.

— Ну, что? Какъ? Доволенъ? Разсказывай же!

— Да,—отвѣчаетъ Эвдоръ,—недурно было...

— Мы только что выпили маленько. Пойдемъ-ка вмѣстѣ домой.

Они спускаются съ насыпи дороги и, поддерживая другъ дружку, плетутся полемъ, шлепая по грязи.

— Такъ ты видѣлъ твою жену, твою Маріетту? Вѣдь, ты только этимъ и жилъ и не могъ открыть рта, чтобы не наговорить съ три короба о ней.

Блѣдное лицо Эвдора становится мрачнымъ.

— Видѣть видѣлъ, но только одинъ разокъ. Больше не удалось... Не повезло мнѣ на этотъ счетъ...

— Какъ такъ?

— Да, вотъ такъ. Какъ тебѣ извѣстно, мы живемъ въ Вилье-Аббэ; это деревушка изъ четырехъ домиковъ, ни больше ни меньше, по обѣ стороны дороги. Одинъ изъ этихъ домиковъ и будетъ нашъ кабачекъ, который содержитъ жена; теперь-то онъ внѣ линіи огня. И вотъ, въ ожиданіи моего отпуска, она попросила пропускъ въ Монъ-Сенъ-Элуа, гдѣ живутъ мои родители, а я также взялъ отпускъ въ это мѣсто. Понимаешь, какъ мы это надумали? Такъ какъ она баба съ головой, то стала хлопотать о пропускѣ задолго до того, когда я могъ разсчитывать получить отпускъ. Однако, отпускъ я получилъ раньше, чѣмъ она свой пропускъ. Я все-жъ-таки уѣхалъ: ты самъ знаешь, что въ ротѣ нельзя пропускать свою очередь. И вотъ я сталъ ждать ее у родителей. Я ихъ очень люблю, но все-таки заскучалъ. Они-то были рады мнѣ, но ихъ огорчало, что я скучаю у нихъ. Что-жъ было дѣлать? Къ концу шестого дня, т.-е. уже наканунѣ того, какъ мнѣ возвращаться сюда, одинъ паренекъ привозитъ мнѣ на велосипедѣ письмо отъ Маріетты, въ которомъ она пишетъ, что еще не получила пропуска.

— Ахъ, ты, горе какое!—восклицаютъ слушатели.

— Оставалось только одно,—продолжаетъ Эвдоръ,—попросить мэра въ Монъ-Сенъ-Элуа, чтобы онъ похлопоталъ за меня у военныхъ властей и чтобы мнѣ разрѣшили побывать въ Вилье...

— Надо было сдѣлать это въ первый же день, а не на шестой.

— Ясное дѣло; но я боялся разойтись съ нею, такъ какъ съ самаго пріѣзда ждалъ съ минуты на минуту ея появленія. Я поступилъ такъ, какъ она сказала.

— Что же, ты все-таки повидался съ нею?

— Да, но пробылъ у нея только одинъ день или, вѣрнѣе, одну ночь,—отвѣтилъ Эвдоръ.

— Этого достаточно!—шутливо воскликнулъ Ламюзъ.

— Еще бы! — прибавилъ Парадизъ. — За одну ночь такой парень, какъ ты, способенъ много наработать и даже впрокъ заготовить!

— Не даромъ же у него такой усталый видъ! Вотъ, вѣроятно, угостился, босякъ этакій! Эхъ, ты, падаль!

Эвдоръ покачалъ головой, и отъ этихъ шутокъ его блѣдное лицо стало еще мрачнѣе.

— Заткните глотки, товарищи, минутъ на пять.

— Ну, ладно, разсказывай, разсказывай!

— Это не сказка,—отвѣтилъ Эвдоръ.

— Ты, значитъ, сказалъ, что тебѣ было скучно со стариками?

— Да... Они тщетно старались замѣнить мнѣ Маріетту нашей великолѣпной ветчиной, сливовой водкой, починкой бѣлья и всякимъ баловствомъ... Я даже замѣтилъ, что они старались не ссориться другъ съ другомъ, какъ обыкновенно... Но это не то... Я все поглядывалъ на дверь, ожидая появленія жены. Ну, пошелъ я, значитъ, къ мэру, получилъ разрѣшеніе и вчера, часа въ два пополудни, двинулся въ путь. Мнѣ оставалась ровно одна ночь свободы. Подъѣхалъ я это въ сумерки къ своимъ мѣстамъ по узкоколейной желѣзной дорогѣ и какъ будто узнаю ихъ, а какъ будто не узнаю. Такъ кое-что осталось прежнимъ. Начинаешь узнавать; потомъ смотришь, снова не то. Наконецъ, вылѣзаемъ изъ поѣзда, и, что хуже всего, за цѣлую станцію до нашей остановки, такъ что конецъ пути пришлось пройти пѣшкомъ. И знаете, братцы, никогда еще не было такой погоды: цѣлыхъ шесть дней шелъ дождь! Шесть дней небо мыло и выполаскивало землю! Она размякла и расползалась во всѣ стороны.

— У насъ было то же самое. Дождь перестал лить только сегодня утромъ.

— Такая ужъ мнѣ была незадача. Кругомъ цѣлыя рѣки; съ холмовъ такъ и текло; вѣтеръ гналъ воду прямо въ лицо и за шиворотъ. Словомъ, кое-какъ я добрался до станціи. Вмѣстѣ со мною пріѣхали еще нѣсколько отпускныхъ; они ѣхали, правда, не въ Вилье, но попали туда проѣздомъ. Такимъ образомъ, насъ собралась цѣлая компанія, пять товарищей, и всѣ не знали дороги. Узнать мѣстность не было никакой возможности, потому что чемоданы расковыряли тамъ больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; а къ тому еще дождь и темнота. Какъ я уже сказалъ вамъ, въ нашей деревушкѣ

всего четыре дома, но они довольно далеко отстоять одинъ отъ другого. Я не очень твердо зналъ, въ какомъ мѣстѣ нахожусь, и товарищи также, хотя они и были изъ тѣхъ же мѣстъ. Итти медленно, чтобы приглядѣться, не было никакой возможности. Пустились бѣгомъ. Прошли мимо фермы Аллэ. Это первый домъ въ деревушкѣ. Отъ него остался каменный призракъ: куски стѣнъ, точно колонны, выступали изъ воды. Другая ферма находилась немножко дальше и тоже была залита водой. Нашъ домъ третій. Онъ находится на краю дороги, на самой верхушкѣ ската. Взбираемся наверхъ. Дождь такъ и хлещетъ по лицу и слѣпитъ глаза. Наконецъ, вотъ и нашъ домъ. Бѣгу, какъ на приступъ. Маріетта! Я вижу ее на дорогѣ. Она поднимаетъ руки къ небу, и кажется, будто это стоитъ Богородица въ нишѣ. Я быстро кидаюсь къ ней, но все-жъ-таки зову за собой и товарищей. Мы всѣ входимъ въ домъ. Маріетта смѣется, но на глазахъ у нея слезы. Она все ждала, когда мы останемся одни, чтобы поплакать и посмѣяться на свободѣ. Я приглашаю товарищей присѣсть и отдохнуть. Они усѣлись—кто на стулья, а кто на столъ.

«Куда ѣдутъ твои товарищи,—спрашиваетъ Маріетта.—Мы ѣдемъ въ Вевель».—Да что вы!—восклицаетъ она,—никогда вамъ туда не добраться. Вѣдь туда порядочный конецъ, а дороги размыты дождемъ, да и темно. Лучше и не пытайтесь.—Ладно, тогда пойдемъ завтра, только бы найти, гдѣ переночевать.—Я пойду съ вами, говорю я имъ,—до фермы «Повѣшеннаго». Тамъ хватитъ мѣста. Вы тамъ поспите, а на разсвѣтѣ двинетесь въ путь.—Что-жъ, давай пойдемъ. . Эта ферма—послѣдній домъ въ Вилье и находится на скатѣ, поэтому можно было надѣяться, что она не залита водой. Выходимъ. Бѣжимъ. Мы до того промокли, что вода набралась даже въ носки. Но прежде, чѣмъ добраться до фермы, мы повстрѣчались съ какой-то тѣнью въ длинномъ черномъ плащѣ и съ факеломъ. При свѣтѣ факела мы увидѣли золотой галунъ на рукавѣ, а затѣмъ и сердитое лицо.—Чего вы тутъ шляетесь?—закричала тѣнь, подбоченившись и не обращая вниманія на дождь, который такъ и барабанилъ по капюшону.—Это отпускные; идутъ въ Вовель. Сегодня вечеромъ никакъ нельзя туда добраться; имъ бы переночевать на фермѣ.—Что? Провести здѣсь ночь! Да вы обалдѣли! Здѣсь полицейскій постъ. Я—унтеръ-офицеръ охраны, а у насъ тутъ на фермѣ плѣнные боши. Поэтому убирайтесь-ка поскорѣе! Спокойной ночи! Мы повернули и стали спускаться назадъ, скользя и спотыкаясь, точно пьяные. Одинъ изъ товарищей говоритъ мнѣ, стараясь перекричать шумъ

вѣтра и дождя:—Мы проводимъ тебя до дому. Вѣдь намъ все равно некуда дѣваться. Намъ не къ спѣху.—Гдѣ же вы будете спать?—спрашиваю я.—Да ужъ найдемъ, гдѣ провести нѣсколько часовъ, не безпокойся.—Найдете, что и говорить... А пока пойдемте-ка назадъ ко мнѣ.—Что-жъ, на минутку можно». И вотъ мы, пятеро, промокшіе до костей, снова возвращаемся къ Маріеттѣ. Сбились мы всѣ въ кучу въ маленькой комнаткѣ. Вѣдь нашъ домикъ не дворецъ. — «Скажите-ка сударыня, — спрашиваетъ одинъ изъ товарищей, —нѣтъ ли здѣсь погреба?—Онъ полонъ воды,—отвѣчаетъ Маріетта. Второй ступеньки уже не видать.—Чертъ возьми, вотъ бѣда! А у васъ подъ чердака тоже нѣтъ»? Черезъ минуту этотъ товарищъ встаетъ. Встаютъ и остальные.—«Спокойной ночи, товарищъ, говорятъ они мнѣ.—Какъ же вы уйдете въ такую погоду?—А ты что-жъ думалъ, не станемъ же мы мѣшать тебѣ поговорить съ женой...—Но какъ же вы, бѣдные...—Никакихъ но! Сейчасъ девятый часъ, а ты долженъ уйти на разсвѣтѣ. Ну, досвиданья! Пойдемъ, товарищи!—Пойдемъ! Спокойной ночи, господа». И вотъ они направляются къ двери, открываютъ ее. Мы съ Маріеттой переглядываемся, не знаемъ, что дѣлать. Снова переглядываемся, затѣмъ кидаемся за товарищами. Я поймалъ одного за полы, Маріетта другого.—«Ни за что мы васъ не отпустимъ!—Но...—Никакихъ но!—отвѣчаю я». А Маріетта въ это время запираетъ дверь.

— Ну, и что же?—спрашиваетъ Ламюзъ.

— Да ничего,—отвѣчаетъ Эвдоръ.—Вотъ такъ мы и провели всю ночь... Забились по угламъ, точно мертваго сторожили, да позѣвывали. Сначала немножко болтали. Отъ времени до времени кто-нибудь выглядывалъ, все ли еще идетъ дождь. Да, впрочемъ, не стоило труда: и безъ того было слышно, что льетъ. Одинъ изъ товарищей, толстякъ, съ усами болгарина, все время клевалъ носомъ и боролся со сномъ изо всѣхъ силъ. Иногда одинъ или двое засыпали. Но все время хоть одинъ изъ вѣжливости бодрствовалъ, потягивался и усаживался поудобнѣе. Маріетта и я не спали. Мы все глядѣли другъ на друга и поглядывали на гостей. Наконецъ, за окномъ забрезжилъ свѣтъ. Я всталъ и пошелъ посмотрѣть, какова погода. Дождь все еще лилъ. Въ комнатѣ, въ полумракѣ, видны были фигуры товарищей, которые ворочались и шумно дышали. У Маріетты глаза покраснѣли отъ того, что она безпрерывно глядѣла на меня всю ночь. Между нею и мною сидѣлъ товарищъ, ляскалъ отъ холода зубами и набивалъ трубку. Вдругъ стукъ въ окно. Пріоткрываю. Показывается

человѣкъ въ каскѣ, съ которой течетъ ручьемъ. Онъ входитъ и спрашиваетъ: «Нельзя ли получить кофе»?—«Сейчасъ, сударь»,—отвѣчаетъ Маріетта. Она встаетъ, разминается, поправляется передъ обломкомъ зеркала и говоритъ: «Пойду приготовить кофе для всѣхъ». Когда мы напились, пора была всѣмъ тронуться въ путь. А тутъ уже стали подоспѣвать другіе посѣтители. То одинъ, то другой просовывалъ голову въ окно и просилъ кофе. Товарищи подошли къ Маріеттѣ, чтобы проститься съ нею. Они отлично понимали, что были лишними въ эту ночь, но я видѣлъ, что они никакъ не могли рѣшить, что лучше, — говорить ли объ этомъ, или молчать. Наконецъ, толстый болгаринъ рѣшился открыть ротъ: «Ну, что, миленькая, надоѣли мы вамъ за эту ночь?» Онъ сказалъ это, чтобы показать свою воспитанность. Маріетта стала отнѣкиваться и протянула ему руку: «Что вы, ничуть не бывало! Желаю вамъ пріятно провести отпускъ». А я крѣпко обнялъ ее и цѣловалъ—долго, долго... Особенно доволенъ я не былъ, но все-таки было пріятно, что Маріетта не пожелала выгнать товарищей на улицу, какъ собакъ. И я чувствовалъ, что и ей пріятно, что я этого не сдѣлалъ. «Подождите-ка, это еще не все,—проговорилъ одинъ изъ товарищей, откидывая полу у шинели и запуская руку въ карманъ.—Сколько мы вамъ должны за кофе?»—«Да ничего: вы были нашими гостями».—«Что вы сударыня, это невозможно!»—И вотъ начинаются препирательства и всякія церемоніи. Знаешь, братъ, говори, что хочешь, а все это было очень трогательно. Наконецъ, товарищи уходятъ. Я остаюсь послѣднимъ, наединѣ съ Маріеттой. Но въ это время новый посѣтитель стучится въ окно и проситъ кофе. Маріетта кричитъ ему: «Сейчасъ»! Затѣмъ беретъ въ руки узелокъ, который лежалъ у нея наготовѣ, и говоритъ мнѣ:

— Я купила маленькій окорокъ и бутылку хорошаго вина... Думала, поужинаемъ вдвоемъ съ тобою. Но, когда я увидѣла, что васъ пятеро, мнѣ не захотѣлось дѣлить на мелкіе куски. Вотъ окорокъ, хлѣбъ и вино... Возьми ихъ, чтобы хоть полакомиться, какъ слѣдуетъ...

— Бѣдная Маріетта! — вздыхаетъ Эвдоръ, — я ее не видѣлъ пятнадцать мѣсяцевъ и когда-то я теперь ее еще увижу!..

Затѣмъ онъ открываетъ свой мѣшокъ и говоритъ:

— Вотъ взгляните... Здѣсь у меня окорокъ, бутылочка и хлѣбъ... Знаете, что мы сдѣлаемъ? Давайте-ка закусимъ вмѣстѣ, товарищи...

IX.

Великій гнѣвъ.

Когда Вольпаттъ вернулся послѣ двухмѣсячнаго отпуска, полученнаго имъ для поправки здоровья, мы всѣ окружили его. Но онъ былъ молчаливъ и все забивался въ уголъ.

— Что-жъ ты, Вольпаттъ, намъ ничего не разсказываешь?

— Разскажи, что ты видѣлъ въ лазаретѣ во время леченія и на поправкѣ, старый ты колоколъ! Вѣдь, небось, многаго насмотрѣлся съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ весь въ перевязкахъ, съ лицомъ, точно взятымъ въ кавычки. Да говори же, чортъ возьми!

— Ничего больше не скажу за всю свою проклятую жизнь,— отвѣтилъ, наконецъ, Вольпаттъ.

— Что? Что ты сказалъ?

— Надоѣло мнѣ все, вотъ что! Терпѣть не могу людей!

— Что они тебѣ сдѣлали?

— Они—скоты!

Онъ стоялъ передъ нами съ приросшими ушами, со своей обычной физіономіей, со своими татарскими скулами, и упорно отнѣкивался на всѣ наши разспросы. Мы чувствовали, что гдѣ-то въ затаенныхъ уголкахъ его души все бушуетъ, но онъ сдерживается, не желая высказаться.

Наконецъ, намъ удалось вытянуть изъ него нѣсколько словъ. Повернувшись въ сторону тыла, онъ погрозилъ ему кулакомъ и проговорилъ:

— Ихъ слишкомъ много! Слишкомъ много!

И казалось, что онъ мысленно отталкиваетъ цѣлый рой призраковъ и грозитъ имъ. Потомъ мы снова стали разспрашивать его, отлично зная, что онъ не сумѣетъ долго сдерживать все, что наки-

пѣло внутри, и при первомъ же удобномъ случаѣ гнѣвъ его вырвется наружу.

Мы находились въ глубокомъ соединительномъ ходу, гдѣ собрались закусить послѣ цѣлаго утра земляныхъ работъ. Шелъ проливной дождь. Мы промокли до костей и ѣли, стоя гуськомъ подъ открытымъ небомъ. Приходилось дѣлать невѣроятныя усилія, чтобы предохранить мясо и хлѣбъ отъ струй, стекавшихъ отовсюду; мы ѣли, пряча, по мѣрѣ возможности, руки и лица подъ капюшономъ, но все-таки дождь всюду проникалъ. Ноги увязали все больше на днѣ глинистаго рва, гдѣ образовался цѣлый ручей.

Нѣкоторые смѣялись, несмотря на струившіеся съ усовъ потоки; другіе сердились, что приходится глотать мокрый хлѣбъ и размокшее мясо.

Баркъ, прижимавшій къ груди свою миску, крикнулъ Вольпатту:

— Итакъ, значитъ, ты говоришь, что, кромѣ скотовъ, никого не видѣлъ тамъ, откуда пришелъ?

— Разскажи-ка все толкомъ,—присталъ Блэръ.—Какихъ это ты скотовъ видалъ?

— Тамъ есть,—началъ Вольпаттъ,—всякіе... нѣтъ, слишкомъ это гнусно, чортъ возьми!..

Онъ пытался выразить свои чувства, но все только повторялъ: «Слишкомъ гнусно». Онъ былъ угнетенъ, отдувался и ѣлъ мокрый хлѣбъ, весь во власти воспоминаній.

— Это ты про отлынивающихъ говоришь?

— А то про кого?

Швырнувъ черезъ насыпь остатокъ мяса, онъ громко вздохнулъ.

— Не разстраивай себя изъ-за нихъ, братъ, — посовѣтовалъ ему Баркъ шутливо, хотя и не безъ горечи.—Не къ чему это.

Сжавшись, чтобы получше спрятаться подъ клеенчатымъ капюшономъ, и протянувъ подъ дождь свою кружку, чтобы вымыть ее, Вольпаттъ проворчалъ:

— Я не сумасшедшій и отлично знаю, что въ тылу нужны люди... Но ихъ слишкомъ много. И хуже всего то, что это всегда одни и тѣ же—и притомъ все самая дрянь. Вотъ что меня мутитъ!

Облегченный этимъ объясненіемъ, которое бросало нѣкоторый свѣтъ на причины его гнѣва, Вольпаттъ сталъ отрывисто дѣлиться съ нами своими переживаніями.

— Начиная съ перваго же пункта, куда меня послали малой скоростью, я наглядѣлся всякой всячины, и сразу же мнѣ не

понравилось. Все тебѣ тамъ службы, подслужбы, дирекціи, центры, бюро, группы, комитеты. Въ первое время, какъ попадаешь туда, видишь, что каждый человѣкъ какъ будто въ другомъ учрежденіи служитъ, а на дѣлѣ—только названія разныя. Прямо съ ума сойти! Хитрая, вѣрно, была голова у того, кто выдумалъ названія всѣхъ этихъ службъ. Какъ же мнѣ не злиться! Всѣ эти субъекты, которые возятся тамъ, мараютъ бумагу, всѣ эти франты во френчахъ и офицерскихъ шинеляхъ, въ ботинкахъ... Все это сладко ѣстъ, дѣлаетъ, что хочетъ, тянетъ, что можетъ, бѣлоручничаетъ, безпрестанно куритъ, а по ночамъ спитъ на перинахъ и читаетъ газеты. И потомъ эта шваль будетъ говорить: «Я былъ на войнѣ».

Одна подробность особенно поразила Вольпатта и врѣзалась ему въ память.

— Всѣ эти фрукты не имѣютъ при себѣ ложки и миски, чтобы лопать, гдѣ стоишь. Имъ непремѣнно нужны удобства. Они предпочитаютъ устраиваться въ ресторанахъ за отдѣльнымъ столомъ, имѣютъ свою особую посуду, свои банки консервовъ, — словомъ, всѣ удобства богачей и мирнаго времени.

Сосѣдъ Вольпатта покачалъ головой и сказалъ:

— Тѣмъ лучше для нихъ...

— Я не сумасшедшій...—снова началъ Вольпаттъ.

— Быть можетъ, но ты непослѣдователенъ...

Вольпаттъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ этимъ словомъ. Онъ привскочилъ, сердито поднялъ голову, и подстерегавшій его дождь такъ и хлынулъ ему въ лицо.

— Что? Непослѣдователенъ? Еще что скажешь?

— Разумѣется, братъ,—настаивалъ сосѣдъ. Я говорю, что ты ругаешься, а самъ ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы быть на мѣстѣ этихъ господчиковъ.

— Само собой. Но что же это доказываетъ? Во-первыхъ, мы подвергались опасности, и, по справедливости, теперь бы намъ чередъ побарствовать. А между тѣмъ, въ тылу устраиваются всегда одни и тѣ же; и, какъ на зло, среди нихъ много молодыхъ, сильныхъ, какъ быки, мускулистыхъ, какъ борцы. И вообще ихъ слишкомъ много. Слишкомъ, слишкомъ много!

— Слишкомъ много! Да что ты въ этомъ понимаешь? Развѣ ты знаешь, для чего нужны всѣ эти учрежденія?

— Я не знаю, для чего они нужны,—возразилъ Вольпаттъ,— но я говорю...

— Ты думаешь, что это такая простая штука — управлять всѣми дѣлами арміи?

— Да мнѣ наплевать. Но...

— Но ты хотѣлъ бы быть на ихъ мѣстѣ... Не правда ли?— насмѣшливо спросилъ невидимый сосѣдъ; въ глубинѣ своего капюшона, поливаемаго дождемъ, онъ скрывалъ либо полнѣйшее равнодушіе, либо желаніе подзадорить Вольпатта.

— Я не могъ бы быть на ихъ мѣстѣ, потому что не знаю, какъ пробраться туда,—просто отвѣтилъ тотъ.

— А другіе знаютъ—въ этомъ вся разница,—вмѣшался пронзительный голосъ Барка.—Вотъ, напримѣръ, у меня одинъ знакомый...

— И у меня были такіе знакомые,—зарычалъ Вольпаттъ.— Да вотъ тутъ, недалеко отъ фронта, гдѣ находится эвакуаціонный госпиталь и отдѣленіе интендантства, я встрѣтилъ такого угря. Онъ былъ моимъ проводникомъ и совѣтчикомъ во всей этой путаницѣ, гдѣ легко потеряться, какъ на ярмаркѣ. Онъ водилъ меня по корридорамъ, по разнымъ заламъ, по добавочнымъ баракамъ. Онъ открывалъ мнѣ двери съ надписями, показывалъ и говорилъ: «Посмотри-ка вотъ это, да вотъ еще это». Я побывалъ съ нимъ всюду, но онъ не вернулся вмѣстѣ со мной въ окопы. Да онъ и не нюхалъ никогда окоповъ. Когда я впервые встрѣтилъ этого молодчика, онъ прогуливался по двору. Побесѣдовали... На слѣдующій день я узналъ, что онъ пристроился денщикомъ, чтобы улизнуть отъ отправки на фронтъ, такъ какъ подошла его очередь—въ первый разъ съ начала войны. У порога комнаты, гдѣ онъ дрыхалъ всю ночь подъ периной, онъ ваксилъ сапоги своей мартышкѣ. Ужъ онъ не жалѣлъ ваксы! Я остановился, чтобы поглазѣть, и онъ разсказалъ мнѣ свою исторію. Я уже не помню всей чуши, которой онъ набилъ мнѣ голову, какъ не помню исторіи Франціи и хронологіи, о которой намъ болтали въ школѣ. Ни одного раза онъ не былъ посланъ на фронтъ, хотя и принадлежитъ къ призыву 1903 года и крѣпокъ, какъ буйволъ. Опасность, усталость, всѣ невзгоды войны—все это было для другихъ, не для него. Онъ отлично понималъ, что стоитъ ему ступить ногой на линію огня, какъ она втянетъ его всего, и поэтому ни за что не двигался съ мѣста. Фронтъ всѣми способами тащилъ его, но онъ выскальзывалъ изъ рукъ всѣхъ капитановъ, всѣхъ полковниковъ, всѣхъ майоровъ, которые, однако, здорово на него злились. Все это онъ самъ разсказалъ мнѣ. Какъ онъ это

устраивалъ? Онъ, что называется, садился на землю. Притворялся дуракомъ, колбасой гороховой. Становился точно узломъ грязнаго бѣлья. «У меня общая усталость», зюзюкалъ онъ. Никакъ нельзя было его поймать и, въ концѣ концовъ, на него махнули рукой и оставили въ покоѣ. Да... А свои повадки и штуки онъ мѣнялъ сообразно обстоятельствамъ. Понимаешь? Иногда у него немножко побаливала нога, хоть онѣ у него были здоровенныя. Въ другой разъ у него болѣло что-нибудь другое. Въ третій разъ знакомство помогало. Что подѣлаешь съ парнемъ, который знаетъ наизусть расписаніе поѣздовъ? Всюду онъ проскальзывалъ, всюду пристраивался и всюду старался быть полезнымъ и устроить такъ, чтобы въ немъ нуждались. Вставалъ въ три часа утра, чтобы приготовить кофе, ходилъ по-воду, когда другіе ѣли. Словомъ, всюду, куда онъ втешется, онъ сейчасъ становится своимъ. Онъ производилъ на меня впечатлѣніе человѣка, который честно заработалъ бы сотню монетъ тѣмъ количествомъ труда, которое кладетъ на то, чтобы сфабриковать фальшивый полусотенный билетъ. Этотъ, небось, спасетъ свою шкуру! На фронтѣ его бы подхватило и понесло теченіемъ; но онъ не такъ глупъ. Онъ насмѣхается надъ тѣми, которые добросовѣстно работаютъ, пока живы, и еще больше будетъ смѣяться надъ ними, когда они будутъ подъ землей. Когда мы кончимъ драться, онъ вернется домой и скажетъ своимъ друзьямъ и знакомымъ: «Вотъ я здравъ и невредимъ». И его товарищи будутъ довольны, потому что онъ хорошій парень, съ ласковыми повадками, хоть и подлецъ. Глупѣе всего то, что хоть онъ негодяй, а все-таки всякому нравится. И не думайте, что такихъ парней мало. Въ каждомъ учрежденіи ихъ тьма-тьмущая. Они вцѣпились въ свои мѣста и ни за что не сдвинутся, и никто ихъ не сдвинетъ на фронтъ.

— Это не ново, — замѣчаетъ Баркъ. — Мы отлично все это знаемъ.

Но Вольпаттъ уже не можетъ остановиться.

— Затѣмъ идутъ всякія канцеляріи. Ими полны цѣлые дома, цѣлые улицы и кварталы. Я видѣлъ только одинъ кусочекъ тыла, одну точку, да и то чего только не наглядѣлся. Никогда бы я не повѣрилъ, что во время войны столько людей спокойно сидятъ на стульяхъ!

Кто-то высунулъ руку и проговорилъ:

— А соусъ-то какъ будто не течетъ больше.

— Ну, значитъ, насъ сейчасъ погонятъ; вотъ увидишь.

И, дѣйствительно, раздалась команда: «Маршъ!»

Ливень кончился. Мы зашлепали по лужамъ, образовавшимся въ глубинѣ окопа.

Подъ шлепанье нашихъ ногъ Вольпаттъ продолжалъ ворчать.

Я шелъ позади, глядя на его мокрую спину и слушалъ. Вольпаттъ громилъ жандармовъ.

— Чѣмъ дальше уходишь отъ фронта, тѣмъ ихъ все больше.

— У нихъ другой фронтъ, чѣмъ у насъ.

У Тюлака былъ давній зубъ противъ жандармовъ.

— Поглядѣлъ бы ты, какъ эти братцы ведутъ себя на стоянкахъ. Сначала стараются получше устроиться и получше поѣсть, а потомъ, когда брюхо ублажено, начинается преслѣдованіе тайной торговли виномъ. Подстерегаютъ солдатъ при выходѣ изъ домовъ, чтобы подмѣтить, нѣтъ ли кого-либо навеселѣ.

— Есть и хорошіе. Я знаю одного въ моихъ краяхъ.

— Замолчи,—прервалъ его Тюлакъ. — Всѣ они другъ друга стоятъ. Одинъ лучше другого!

— Да... Они счастливцы, — продолжалъ Вольпаттъ. — Но ты думаешь, они довольны? Ни капельки! Ругаются! Встрѣтилъ я одного такого. Ему надоѣли инструкціи: «Не стоитъ труда учить ихъ, — говорилъ онъ, — потому что они все время мѣняются... И когда только кончится эта проклятая война?!»,—жаловался онъ мнѣ.

— Они выполняютъ то, что имъ приказываютъ,—робко проговорилъ Эвдоръ.

— Разумѣется... Въ общемъ они не виноваты. А все-таки правда остается правдой. Вѣдь, какъ-никакъ, они солдаты по службѣ; получаютъ жалованье, медали, а мы только штатскіе. Между тѣмъ, мы воюемъ, а они ничего не дѣлаютъ.

— Это мнѣ напоминаетъ одного полѣсовщика, котораго я встрѣтилъ въ тылу; онъ тоже жаловался, что ему приходится работать не по чину. «Прямо чортъ знаетъ что!—говорилъ онъ мнѣ.— Чего только намъ не приходится дѣлать! Мы — старые унтеръ-офицеры, солдаты, за которыми числится, по крайней мѣрѣ, четыре года службы. Правда, намъ хорошо платятъ, но жизнь-то какая! Мы—государственные служащіе, а насъ въ штабъ-квартирахъ заставляютъ чистить уборныя, убирать соръ. Штатскіе видятъ, на какія работы насъ посылаютъ, и презираютъ насъ. А если вздумаешь

протестовать, тебѣ грозятъ послать въ окопы простымъ пѣхотинцемъ. А что станется съ нашимъ престижемъ? Когда мы вернемся въ свои деревни въ качествѣ полѣсовщиковъ, люди скажутъ: «А, такъ это вы подметали улицы въ такомъ-то городѣ?» Чтобы возстановить уваженіе къ себѣ, намъ придется составлять протоколы за протоколами, даже противъ богачей».

— А я,—говоритъ Ламюзъ,—видѣлъ жандарма, который справедливо разсуждалъ о себѣ: «Жандармъ вообще скроменъ, говорилъ онъ, но всюду и вездѣ есть мерзавцы. Обыватель боится жандармовъ— это такъ, и, надо сознаться, что среди насъ есть такіе, которые этимъ злоупотребляютъ. Но это выродки. Они берутъ взятки, принимаютъ угощеніе. Если бы я былъ начальникомъ или бригадиромъ, я бы ихъ приструнилъ, потому что общественное мнѣніе возстаетъ противъ нашего ремесла по винѣ нѣсколькихъ подлецовъ».

— Самымъ несчастнымъ днемъ въ моей жизни, — вмѣшался Парадизъ, — былъ тотъ, когда я по ошибкѣ козырнулъ жандарму, принявъ его за подпоручика изъ-за бѣлыхъ нашивокъ. Къ счастью, онъ, кажется, не замѣтилъ этого. Только это меня утѣшаетъ.

Наступаетъ молчаніе.

— Да, разумѣется,—вполголоса проговорили солдаты,—все это такъ; но что же дѣлать?

* * *

Нѣсколько позже, когда мы сидѣли рядышкомъ у стѣны, упершись ногами во влажную грязную землю, Вольпаттъ продолжалъ дѣлиться съ нами своими впечатлѣніями.

— Вхожу это я въ канцелярію, кажется, въ бухгалтерскую часть. Тамъ кишмя-кишитъ столами. Людей точно на базарѣ. Тучи словъ! Вдоль стѣнъ съ каждой стороны и посрединѣ сидятъ франты передъ своими прилавками, точно торговцы старой бумагой. Я подалъ прошеніе, чтобы меня вернули въ мой полкъ, и мнѣ сказали: «хлопочи самъ и дѣлай что надо». Попадаю на сержанта, свѣженькаго франтика, въ золотыхъ очкахъ и съ галуномъ. Онъ былъ молодъ, но такъ какъ пошелъ добровольцемъ, то имѣлъ право не итти на фронтъ. Я говорю ему: «Сержантъ»... Но онъ меня не слушаетъ и оретъ на какого-то писаря: «Бѣда съ вами, милѣйшій,—говоритъ онъ.—Я уже двадцать разъ вамъ повторялъ, что надо посылать приказы начальникамъ эскадроновъ безъ подписей, а вы все свое!

Вѣдь просто, кажется». Я отошелъ на три шага въ ожиданіи, пока онъ кончитъ орать. Черезъ пять минутъ снова подхожу. Онъ говоритъ мнѣ: «Милый мой, мнѣ не до васъ. У меня голова занята другимъ». И дѣйствительно, онъ барабанилъ на своей машинкѣ и, зазѣвавшись, вкатилъ цифру вмѣсто прописной буквы. Тогда онъ разсердился и сталъ ругать американцевъ, потому что его пишущая машинка была изъ Америки. Затѣмъ онъ сталъ орать на другого писаку, потому что въ спискѣ по распредѣленію картъ что-то забыли обозначить. Рядомъ другой типъ упорно старался отпечатать на гектографѣ какъ можно больше циркуляровъ. Пыхтѣлъ, потѣлъ, и, въ концѣ концовъ, у него получились листки, на которыхъ ничего нельзя было разобрать. Другіе болтали всякую всячину. И ни одинъ не называлъ вещи своими именами: «Скажите мнѣ, пожалуйста, какіе элементы расквартированы въ X...?» Элементы... Развѣ такъ говорятъ?—возмущался Вольпаттъ. — Въ концѣ большого стола, гдѣ сидѣли франты, о которыхъ я вамъ говорю, за цѣлой горой бумагъ, какой-то сержантъ отдавалъ распоряженія и ни черта не дѣлалъ; на него была возложена обязанность писать отпуска, а такъ какъ началось наступленіе, то отпуски были прекращены. «Вотъ такъ лафа!»—говорилъ онъ. И это все происходило только за однимъ столомъ, въ одной комнатѣ, въ одной службѣ. Но я видалъ еще и еще канцеляріи—и всюду одно и то же. Прямо съ ума сойти можно!

— А у нихъ нашивки были?

— Не у многихъ. Но въ канцеляріяхъ второй линіи онѣ имѣются почти у всѣхъ.

— Видѣлъ я одного забавнаго субъекта съ нашивками,—вмѣшивается Тюлакъ.—Это былъ автомобилистъ. На немъ было сукно прямо какъ шелкъ. Новенькія нашивочки, а ремни всѣ, какъ на англійскомъ офицерѣ, хоть онъ и былъ только простымъ солдатомъ. Подперши щеку пальцемъ, онъ возсѣдалъ на своей машинѣ съ хрустальными стеклами и корчилъ изъ себя барина.

— Совсѣмъ какъ солдаты, которыхъ рисуютъ въ иллюстрированныхъ бульварныхъ журналахъ.

У каждаго находится свое воспоминаніе, свое словечко насчетъ тѣхъ, кто умѣетъ устраиваться и отвильнуть отъ фронта.

— А вотъ я,—разсказываетъ въ заключеніе Вольпаттъ,—такъ видѣлъ, какъ работаютъ языкомъ эти тыловые крикуны. Въ теченіе двухъ дней я былъ помощникомъ на кухнѣ въ ожиданіи отправки

въ полкъ. Чтобы я пока не ходилъ безъ дѣла, меня опредѣлили кашеваромъ. Разъ я подавалъ къ столу, такъ какъ главный поваръ только-что вернулся съ четвертаго отпуска и чувствовалъ себя, изволите видѣть, усталымъ. Я видѣлъ и слышалъ всѣхъ этихъ господъ каждый разъ, когда входилъ въ столовую, которая помѣщалась въ префектурѣ. Тамъ возсѣдали только вспомогательные чины, но были также и изъ дѣйствующей арміи, и не только старики, но и молодые. И вотъ я слышу, какъ одинъ изъ этихъ лодырей говоритъ: «Лучше для безопасности закрыть ставни». Подумайте, мы находились на разстояніи двухсотъ километровъ отъ линіи огня, а эта рябая собака дѣлала видъ, что намъ угрожаетъ опасность бомбардировки съ аэроплановъ.

— Вотъ тутъ мнѣ пишетъ двоюродный братъ,—проговорилъ Тирлуаръ, — роясь въ карманѣ. — Смотрите-ка: «Дорогой Адольфъ, я окончательно устроился въ Парижѣ при шестидесятомъ запасномъ полку. Пока ты тамъ, я остаюсь въ столицѣ подъ вѣчной угрозой таубе и цеппелиновъ...»

— Ха-ха-ха!.. Хи-хи-хи!.. Хо-хо-хо!..

Эта фраза вызываетъ общее веселье, и ее смакуютъ, какъ лакомый кусочекъ.

— А послѣ того,—продолжалъ Вольпаттъ,—я еще многаго другого наслушался среди этихъ лодырей. Насчетъ обѣда нельзя было пожаловаться: по случаю пятницы была треска, но приготовленная шикарно, какъ камбала «Маргериттъ». Говорили, главнымъ образомъ, о себѣ. Каждый старался объяснить, почему онъ здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ, и, понятно, вралъ, уплетая какъ прорва: «Я боленъ, я ослабѣлъ, посмотрите, какая я развалина.» Чтобы оправдать себя въ глазахъ другихъ, они придумывали всяческія болѣзни: «Я хотѣлъ пойти на фронтъ, но у меня грыжа, двѣ грыжи, три грыжи.» Проклятые болтуны! Циркуляры объ отправкѣ на фронтъ всѣхъ поголовно,— объяснялъ одинъ изъ этихъ бездѣльниковъ, — въ родѣ, какъ въ водевиляхъ: есть всегда послѣднее дѣйствіе, которое все улаживаетъ. Это послѣднее дѣйствіе представлено слѣдующимъ параграфомъ циркуляра:... «если только интересы службы отъ этого не пострадаютъ»... И послѣ него еще одинъ сталъ разсказывать про себя: «У меня было трое друзей, на поддержку которыхъ я разсчитывалъ. Я хотѣлъ обратиться къ нимъ. Но, на бѣду, прежде, чѣмъ я успѣлъ начать хлопотать, всѣ трое были убиты. Вотъ не везетъ!...» Другой объяснялъ третьему, что онъ очень желалъ бы пойти на

фронтъ, но старшій врачъ силой удержалъ его въ запасномъ лазаретѣ. «Что дѣлать,—говорилъ онъ,—пришлось покориться. Въ концѣ концовъ, я окажу больше услугъ родинѣ своими знаніями, чѣмъ ружьемъ.» А тотъ, который былъ рядомъ, одобрительно кивалъ головой и соглашался. Онъ, молъ, тоже противъ воли согласился поѣхать въ Бордо, когда боши приближались къ Парижу и Бордо сдѣлался въ родѣ столицы; но потомъ онъ вернулся поближе къ фронту, въ Парижъ... При этомъ онъ прибавилъ что-то въ такомъ родѣ: «Я полезенъ Франціи своимъ талантомъ и обязательно долженъ сохранить его для родины.» Потомъ они заговорили объ отсутствующихъ: о батальонномъ командирѣ, у котораго характеръ сдѣлался несноснымъ, и онъ становился все болѣе взыскательнымъ, чѣмъ больше разваливался. Потомъ о генералѣ, который производилъ внезапныя ревизіи спеціально для того, чтобы выуживать лодырей; но вотъ уже недѣля, какъ онъ лежитъ больной. «Онъ, навѣрно, умретъ; его состояніе не внушаетъ больше никакихъ опасеній»,—говорили они, покуривая папиросы, которыя дурни изъ высшаго общества посылаютъ солдатамъ въ окопы. «Ты знаешь»,—говорили они, — «маленькій Фрази, такой хорошенькій, — онъ, наконецъ, нашелъ способъ устроиться: требовался на бойнѣ рѣзникъ. Вотъ онъ по протекціи и попалъ на это мѣсто, хотя имѣетъ дипломъ юриста и служитъ у нотаріуса. Что же касается молодого Фландрена, то ему удалось зачислиться полицейскимъ стражникомъ»... И все въ такомъ же родѣ.

— Вотъ болванье,—ворчитъ Мартро.

— Всѣ они почему-то завидовали какому-то Бурену; когда-то онъ велъ широкую парижскую жизнь: завтракалъ и обѣдалъ въ гостяхъ или по ресторанамъ, дѣлалъ по восемнадцати визитовъ въ день, порхалъ по салонамъ отъ файвъ-о-клока до зари. Онъ былъ неутомимъ въ дирижированіи котильонами, въ организаціи всякихъ праздненствъ, въ посѣщеніи театровъ, не считая автомобильныхъ экскурсій. И все это поливалъ шампанскимъ. Но вотъ началась война. Тогда бѣдняжка становится вдругъ слабенькимъ и не въ силахъ пробыть немного позже вечеромъ на караулѣ въ окопахъ и рѣзать проволочныя загражденія. Ему, видите ли, необходимо быть въ теплѣ и вести спокойную жизнь. А затѣмъ, какъ же онъ, парижанинъ, можетъ поѣхать въ провинцію и зарыться въ окопную жизнь? «Да никогда въ жизни!» — «Ну, а вотъ человѣкъ, которому тридцать семь лѣтъ, какъ мнѣ, — отвѣтилъ другой фруктъ,—

долженъ непремѣнно слѣдить за своимъ здоровьемъ.» И когда онъ говорилъ это, мнѣ вспомнился лѣсникъ Дюмонъ; ему было сорокъ два года, и его пробуравило насквозь на высотѣ «132», рядышкомъ со мной — такъ близко, что отъ пачки пуль, попавшихъ ему въ голову, даже меня всего затрясло.

— А какъ они относились къ тебѣ, эти шелопаи?

— Очень презрительно, только не высказывали этого за рѣдкими исключеніями. Обыкновенно они искоса поглядывали на меня и, главнымъ образомъ, старались не прикасаться ко мнѣ, проходя мимо, потому что я еще былъ грязный послѣ окоповъ. Мнѣ было противно оставаться среди этой кучи бездѣльниковъ, но я говорилъ себѣ: «Ничего, потерпи, Фирменъ, ты здѣсь не надолго.» Какъ-то разъ я чуть было не вспылилъ, когда одинъ изъ нихъ сказалъ: «Потомъ, когда мы вернемся съ войны, если только намъ суждено вернуться...» Онъ не имѣлъ права такъ говорить! Чтобы смѣть произносить подобныя фразы, надо этого заслужить: это своего рода отличіе! Пускай бездѣльничаютъ, чортъ съ ними, но разыгрывать еще человѣка, подвергающагося опасности, когда лодырничаешь, это ужъ благодарю покорно! А потомъ послушалъ бы ты, какъ они разсказываютъ о сраженіяхъ; они вѣдь въ курсѣ дѣла побольше твоего и за всѣмъ слѣдятъ. А послѣ, когда нашъ братъ вернется домой, если только вернется, то не сумѣетъ такъ красно разсказать свою маленькую правду, какъ вся эта куча болтуновъ. Эхъ, братцы, посмотрѣли бы вы на всѣ эти физіономіи по вечерамъ при яркомъ свѣтѣ—какъ они наслаждались жизнью, точно въ мирное время! Прямо балетъ какой-то, фантасмагорія! И сколько ихъ! Прямо сотни тысячъ!— закончилъ Вольпаттъ.

Но солдаты, платившіе своими силами и жизнью за безопасность другихъ, забавлялись гнѣвомъ Вольпатта и все подзадаривали его.

— Хорошо еще, что онъ не разсказываетъ намъ о тѣхъ рабочихъ на заводахъ, которые стали учиться работѣ лишь во время войны, и обо всѣхъ, которые остались дома подъ предлогомъ національной обороны,—проговорилъ Тиреттъ.—Это была бы длинная исторія!

— Ты вотъ говоришь, что ихъ сотни тысячъ,—проговорилъ, посмѣиваясь, Баркъ.—А знаешь ли ты, что въ 1914 году военный министръ Мильеранъ сказалъ депутатамъ? Онъ сказалъ: «У насъ нѣтъ уклоняющихся».

— Мильеранъ?—проворчалъ Вольпаттъ.—Я этого человѣка не знаю, но если онъ сказалъ это, то, ей-Богу, онъ паршивецъ!

— Да ужъ пускай они живутъ въ тылу какъ хотятъ; но бѣда въ томъ, что даже здѣсь, въ одномъ и томъ же линейномъ полку, не всѣ на равномъ положеніи. Многіе стараются отвильнуть.

— Да,—подтвердилъ Бертранъ.—Всякій старается выѣхать на чужихъ плечахъ.

— Это правда. Кто бы ты ни былъ, всегда окажется, что есть кто-нибудь порядочнѣе тебя и кто-нибудь подлѣе.

— Всѣ тѣ у насъ въ полку, кто отвиливаютъ отъ окоповъ, или тѣ, которые никогда не идутъ въ первую линію или даже идутъ лишь изрѣдка,—все это уклоняющіеся; и ты увидѣлъ бы, сколько ихъ, если бы отличія и награды давались только настоящимъ бойцамъ.

— Ихъ по двѣсти пятьдесятъ человѣкъ на каждый двух-батальонный полкъ,—сказалъ Коконъ.

— Есть денщики, ординарцы, а одно время были даже какіе-то спеціальные помощники адъютантовъ.

— Потомъ кашевары и помощники.

— Потомъ старшіе сержанты и квартирмейстеры.

— Потомъ кадровые капралы и рабочія команды.

— Да еще канцелярскія крысы и караулъ при знамени...

— Почтальоны...

— Погонщики, шофферы, рабочіе, саперы.

— Велосипедисты.

— Да, но не всѣ.

— Почти весь санитарный персоналъ.

— Только не санитары-носильщики, разумѣется; у нихъ не только чертовски тяжелая служба, но они и живутъ вмѣстѣ съ ротой и, въ случаѣ атаки, идутъ впереди со своими носилками. Вотъ развѣ только обыкновенные санитары...

— Это почти все попы, особенно, въ тылу. Мнѣ вѣдь, знаешь, не приходилось видѣть поповъ въ настоящемъ походѣ.

— И мнѣ не приходилось. Только въ газетахъ читалъ, но на дѣлѣ не видалъ.

— Сказываютъ, что есть все-таки такіе.

— Да что тамъ. Одно только можно сказать, что если кому достается въ эту войну, такъ только пѣхотинцу.

— И другіе подвергаются опасности, не только мы.

— Почти исключительно мы,—сурово проговорилъ Тюлакъ.

Затѣмъ онъ прибавилъ:

— Я знаю: ты мнѣ возразишь, что, молъ, автомобилисты и артиллеристы пострадали у Вердена. Это правда, но все-таки имъ легче чѣмъ намъ. Мы подвергаемся всегда такой опасности, какой они подвергались одинъ только разъ. Тяжелая артиллерія жила такъ спокойно, что разводила кроликовъ подлѣ своихъ прикрытій и въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ била баклуши, да лакомилась омлетами. Мы-то въ постоянной опасности, а кто подвергается ей лишь изрѣдка, въ счетъ не идетъ. А то бы всѣ считали, что они въ одинаковыхъ условіяхъ съ нами,—даже нянька, которая разгуливаетъ по парижскимъ улицамъ: ей тоже грозитъ опасность отъ таубе и цеппелина, какъ говорила эта колбаса, о которой только-что разсказывалъ товарищъ.

— Во время первой экспедиціи въ Дарданеллы такъ даже одинъ фармацевтъ былъ раненъ осколкомъ.

— Это случайность. Вотъ съ моимъ товарищемъ Мангустомъ, который служитъ въ обозѣ, тоже подобное приключилось: онъ былъ раненъ, но только не осколкомъ, а грузовикомъ.

— Разумѣется... Словъ нѣтъ, бомба можетъ свалиться и на какой-нибудь бульваръ въ Парижѣ или Бордо.

— Ну, да. Поэтому и говорятъ: «Всѣ подвергаются одинаковой опасности». Позвольте, господа! Въ началѣ войны нѣкоторые изъ этихъ людей были убиты по несчастной случайности, среди насъ же только нѣкоторые остались въ живыхъ по счастливой случайности. Это не одно и то же, потому что, когда человѣкъ умеръ, то ужъ надолго.

— Да,—согласился Тиреттъ. Но вы надоѣли мнѣ разсказами про лодырей. Разъ противъ этого ничего нельзя подѣлать, то не стоитъ и разговаривать. Это мнѣ напоминаетъ стараго сельскаго стражника въ Шере, гдѣ мы стояли въ прошломъ мѣсяцѣ. Онъ ходилъ по улицамъ и всюду выслѣживалъ штатскихъ, которые по возрасту казались пригодными для службы. Разъ онъ остановился вдругъ передъ толстой кумой, у которой были усы; не видя ничего, кромѣ этихъ усовъ, онъ какъ закричитъ: ты почему не на фронтѣ?!

— Я,—проговорилъ Пепэнъ,—не порчу себѣ крови изъ-за такихъ лодырей или полулодырей, потому что это напрасный трудъ; но я не могу имъ простить, когда они строятъ фокусы. Я согласенъ съ

Вольпаттомъ: пусть ни черта не дѣлаютъ,—это человѣческая слабость,—но пускай же послѣ не смѣютъ говорить: «Я былъ на войнѣ». Вотъ возьмемъ хотя бы добровольцевъ...

— Добровольцы бываютъ разные. Тѣ, которые пошли въ пѣхоту, не ставя никакихъ условій, достойны уваженія, какъ и тѣ, которые пали на полѣ битвы. Но добровольцы спеціальныхъ родовъ оружія и даже въ тяжелой артиллеріи, а также во всякаго рода учрежденіяхъ, меня раздражаютъ. Знаемъ мы этихъ птицъ. Послѣ войны они будутъ жантильничать въ своемъ обществѣ. Я, молъ, пошелъ на войну добровольцемъ.— «Ахъ, какъ это красиво!—скажутъ ему, — вы по доброй волѣ подвергались опасности!»—«Разумѣется, маркиза, такой ужъ я человѣкъ». Чтобъ васъ черти подрали, болтуны проклятые!

— Я знаю одного господина, который пошелъ добровольцемъ въ авіаціонный паркъ. На немъ была красивая форма, и ему бы лучше поступить въ оперетку.

— Да... Но это недостаточно лестно. Онъ бы не могъ говорить въ своихъ салонахъ: «Посмотрите-ка на меня: вотъ какой я храбрый».

— Если бы онъ поступилъ въ театръ, это было бы не только лучше, но и вообще очень хорошо. Тогда бы онъ по-настоящему смѣшилъ людей, а такъ онъ ихъ только бѣситъ.

— Все это красивые глиняные горшки, наново выкрашенные и разрисованные; но въ огонь они не идутъ.

— Если бы всѣ были такими, боши добрались бы уже до Байонны.

— Разъ война, такъ надо рисковать своей шкурой, не правда ли, капралъ?

— Да,—отвѣтилъ Бертранъ, — бываютъ минуты, когда долгъ и опасность одно и то же. Когда страна, справедливость и свобода въ опасности, эти блага надо защищать, не прячась за безопасными прикрытіями. Война—смертельная опасность и жертва жизнью за всѣхъ; и она должна быть для всѣхъ одинакова. Исключеній не должно быть ни для кого. Надо итти прямо до конца, а не притворяться, что дѣлаешь дѣло, надѣвъ какую-нибудь форму. Тыловыя службы, которыя необходимы, должны пополняться автоматически дѣйствительно слабыми и старыми людьми.

— Дѣло, видишь ли, въ томъ, что у насъ слишкомъ много богачей и людей со связями, которые кричали: «Спасемъ Францію! и начнемъ со спасенія самихъ себя». Когда объявлена была война, появилось много разнаго народа, старавшагося увильнуть. Самые ловкіе добились этого. И я въ своей провинціи замѣтилъ, что отлыни-

вали, главнымъ образомъ, тѣ, которые прежде больше всего кричали о патріотизмѣ. Во всякомъ случаѣ, правду сказали товарищи, что лодырничаніе—это еще полбѣды; подлость въ томъ, что эти люди притворяются, будто подвергались опасности. А тѣ, которые дѣйствительно подвергаются опасности, достойны такого же уваженія, какъ убитые.

— Что-жъ подѣлаешь? Это всегда такъ было и будетъ. Людей не передѣлаешь.

— Да, дѣлать нечего. Не жаловаться же... Вотъ, кстати, насчетъ жалобъ... Ты зналъ Маргулена?

— Маргулена? Этого славнаго парня, котораго оставили на полѣ битвы, думая, что онъ уже мертвый?

— Да. Вотъ онъ хотѣлъ жаловаться. Каждый день онъ говорилъ, что изложитъ все это капитану, батальонному командиру, и потребуетъ установленія такого порядка, чтобы каждый поочередно шелъ въ окопы. «Вѣрно говорю тебѣ, что потребую,—утверждалъ онъ.—Какъ вѣрно то, что передо мною стоитъ вино». А потомъ онъ сказалъ: «Если я этого не сдѣлалъ, такъ только потому, что никогда передъ мной не стояло вино»... А когда поставили передъ нимъ вино онъ сказалъ; «Какъ, неужели это вино? Ну, ладно, вотъ увидишь, что я пойду жаловаться». Такъ онъ ничего и не сказалъ. Правда, онъ былъ убитъ; но до этого у него было достаточно времени тысячу разъ сдѣлать то, что хотѣлъ, если бы у него хватило смѣлости.

— Все это меня бѣситъ,—проворчалъ Блэръ, мрачный, со сверкнувшимъ въ глазахъ огонькомъ гнѣва.

— Мы-то ничего не видѣли и потому не знаемъ... Но если бы увидѣли...

— Знаете, что я вамъ скажу,—воскликнулъ Вольпаттъ.—Надо бы взять хорошую метлу и начисто вымести весь тылъ. А пока всѣ они прекрасно живутъ тамъ и каждую ночь спокойно дрыхнутъ.

Солдатъ умолкъ. Впереди онъ видѣлъ лишь ночь, которую проводишь, скрючившись въ глубинѣ норы и вслушиваясь, съ напряженнымъ вниманіемъ, въ грохотъ орудій.

Коконъ горько замѣтилъ:

— Прямо охота пропадаетъ умирать послѣ такихъ разсказовъ.

— Да чего ты!—миролюбиво возразилъ кто-то.—Не преувеличивай, селедка копченая!

X.

Расправа.

Съ полей надвигался вечерній сумракъ, обвѣянный нѣжнымъ, какъ слова, вѣтеркомъ.

Въ домахъ, стоявшихъ вдоль сельской дороги, мѣстами переходившей въ большую сельскую улицу, окна были освѣщены лампами и свѣчами.

На околицѣ бродили солдаты, задравъ носъ. Мы спокойно заканчивали свой день и наслаждались отдыхомъ; всю прелесть его испытываешь лишь тогда, когда усталъ по-настоящему. Была хорошая погода. Нашъ отдыхъ только начинался, и мы предвкушали всю его сладость. Отъ наступающихъ сумерекъ лица становились какъ бы серьезнѣе и задумчивѣе.

Сержантъ Сюиларъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и увлекъ съ собой.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ мнѣ.—Я тебѣ что-то покажу.

Околица была обсажена рядами большихъ деревьевъ, и густая листва ихъ отъ времени до времени медленно покачивалась подъ легкимъ дыханіемъ вѣтра.

Сюиларъ шелъ впереди. Онъ велъ меня по углубленной дорогѣ, которая круто заворачивала. Съ обѣихъ сторонъ росли кусты, и верхушки ихъ сближались. Нѣсколько минутъ мы шли, сплошь закрытые этой нѣжной зеленью. Послѣдній отблескъ свѣта, косо падавшій на дорогу, покрывалъ листву желтыми точками, круглыми, какъ золотыя монеты.

— Какъ тутъ красиво,—проговорилъ я.

Онъ ничего не отвѣтилъ и все поглядывалъ въ сторону. Наконецъ, онъ остановился.

— Это, кажется, здѣсь.

По небольшой тропинкѣ мы взобрались на поле, окруженное большими деревьями и благоухавшее свѣже-скошеннымъ сѣномъ.

— Что это?—проговорилъ я,—глядя на землю. Какъ здѣсь утоптано! Что здѣсь происходило?

— Пойдемъ,—сказалъ мнѣ Сюиларъ.

Онъ повелъ меня немного дальше. Тамъ стояла кучка солдатъ, говорившихъ вполголоса. Мой спутникъ протянулъ руку.

— Это здѣсь,—сказалъ онъ.

Низенькій столбикъ, не выше метра, былъ вбитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ изгороди, образуемой въ этомъ мѣстѣ молодыми деревцами.

— Тутъ разстрѣляли сегодня утромъ солдата 204-го полка. Ночью вбили столбикъ, на разсвѣтѣ привели бѣднягу и заставили товарищей по взводу разстрѣлять его. Онъ хотѣлъ увильнуть отъ своей очереди идти въ окопы. Во время отправки онъ отсталъ, потомъ потихоньку вернулся въ свое расположеніе. Въ этомъ вся его вина. Я полагаю, что его разстрѣляли для острастки.

Мы стали вслушиваться въ разговоры солдатъ.

— Да нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ,—говорилъ одинъ. — Онъ не былъ негодяй. Мы съ нимъ пошли въ одно время. Онъ былъ такой же человѣкъ, какъ и мы, ни хуже, ни лучше; немножко лѣнивый, правда, но это все. Онъ былъ въ первой линіи съ самаго начала войны, и я ни разу не видѣлъ его пьянымъ.

— Горе въ томъ, что у него было плохое прошлое. Какъ тебѣ извѣстно, они сбѣжали вдвоемъ. Другого засадили только на два года въ тюрьму. Но за Кажаромъ *), въ виду того, что онъ былъ подъ судомъ до военной службы, не признали смягчающихъ обстоятельствъ. Оказывается, что, когда онъ еще былъ на волѣ, онъ какъ-то съ пьяныхъ глазъ набѣдокурилъ и былъ осужденъ по суду.

— Если вглядѣться, то на землѣ замѣтно немного крови,— сказалъ одинъ изъ солдатъ, нагнувшись.

— Здѣсь продѣлали всю церемонію съ начала до конца, — сказалъ другой. — Полковникъ верхомъ, разжалованіе... Затѣмъ его привязали къ этому столбику, который такъ невысокъ, что бѣднягѣ, вѣроятно, пришлось стать на колѣни или сѣсть на землю.

---

*) Я измѣнилъ фамилію этого солдата, равно какъ и названіе деревни. *А. Б.*

— Понять не могу, — замѣтилъ третій, послѣ молчанія, — почему такая строгость! Развѣ только, дѣйствительно, для острастки, какъ сказалъ сержантъ.

На столбикѣ солдаты нацарапали цѣлый рядъ надписей и протестовъ. Къ нему былъ прибитъ грубо вырѣзанный военный крестъ. На немъ надпись: «Кажару, мобилизованному въ августѣ 1914 года,— благодарная Франція».

Вернувшись въ наше расположеніе, я увидѣлъ Вольпатта, окруженнаго товарищами. Онъ разсказывалъ новые анекдоты изъ временъ своей поѣздки къ счастливцамъ.

XI.

Собака.

Была ужасная погода. Вѣтеръ и дождь чуть не опрокидывали прохожихъ, все заливали и вспучивали дорогу.

Вернувшись съ работъ, я забрался въ наше расположеніе въ концѣ деревни. Сквозь густой дождь пейзажъ казался грязно-желтымъ, а небо чернымъ, какъ грифельная доска. Вдоль стѣнъ шмыгали согнувшіяся тѣни, шлепая въ грязи.

Несмотря на дождь, на низкую температуру и рѣзкій вѣтеръ, передъ воротами фермы, гдѣ мы жили, собралась кучка солдатъ. Прижавшись другъ къ другу, люди казались издали огромной губкой. Нѣкоторые, привставъ на цыпочки, заглядывали черезъ головы товарищей и говорили:

— Ай, да молодчага!

— Онъ совсѣмъ не боится холода, лишь бы отдѣлаться отъ вшей.

Затѣмъ любопытные, съ покраснѣвшими носами и мокрыми лицами, стали расходиться, засунувъ руки въ карманы.

Посрединѣ, подъ дождемъ, стоялъ Фуйядъ; это онъ-то и оказался предметомъ общаго любопытства. Онъ былъ совершенно голый и мылся прямо подъ дождемъ.

Тощій, какъ насѣкомое, размахивая длинными, худыми руками и пофыркивая, онъ мылилъ себѣ голову, шею и грудь. Отъ энергичнаго намыливанія на его впалыхъ щекахъ образовалась снѣжно-бѣлая борода, а голова превратилась въ снѣжный шаръ, пронизываемый каплями дождя.

Вмѣсто ведра онъ наполнилъ водой три бадейки. Такъ какъ кругомъ не было ни одного сухого мѣста, то онъ пряталъ полотенце

за поясъ штановъ, а мыло каждый разъ по минованіи надобности засовывалъ въ карманъ.

— У него прямо болѣзнь чистоплотности, — говорили вокругъ него.

— А знаешь, говорятъ, онъ будетъ упомянутъ въ приказѣ по полку за дѣло съ воронкой отъ снаряда...

— Что-жъ, онъ заслужилъ такую награду. Молодчина!

И солдаты какъ-то безсознательно объединяли оба подвига. Одинъ настоящій, въ окопахъ, и другой вотъ этотъ: надо имѣть мужество, чтобы въ такой холодъ мыться подъ ливнемъ. Онъ былъ героемъ дня. Не обращая вниманія на сгрудившихся людей, Фуйядъ фыркалъ, отдувался, отплевывался и пытался вытереться насухо подъ этимъ небеснымъ душемъ. Наконецъ, онъ сталъ одѣваться.

* * *

Послѣ мытья ему сдѣлалось холодно.

Тогда онъ повернулся и сталъ у входа въ сарай, гдѣ мы были расквартированы.

Леденящій вѣтеръ покрывалъ красными пятнами его худощавое загорѣлое лицо. Глаза у него слезились, а съ кончика носа капало.

Побѣжденный ѣдкими укусами вѣтра, который щиплетъ его за уши, несмотря на обернутое вокругъ головы кашнэ, онъ входитъ въ сарай, но тотчасъ же снова выскакиваетъ, сердито поводя глазами и бормоча: «чортъ возьми!»

И онъ остается стоять снаружи. Вѣтеръ жестоко треплетъ его тощее тѣло, напоминающее пугало.

Дѣло въ томъ, что нашъ сарай почти не приспособленъ для жилья. Онъ теменъ, узокъ, какъ колодезь, и пропускаетъ дождь. Наполовину онъ залитъ водой, по поверхности которой плаваютъ крысы. Люди сбились въ кучу въ другой половинѣ. Стѣны, сдѣланныя изъ тонкихъ досокъ и покрытыя высохшей грязью, потрескались и просвѣчиваютъ во многихъ мѣстахъ. По прибытіи мы всю ночь затыкали щели,—гдѣ могли,—листьями и вѣтками. Но отверстія въ верхней части стѣны и въ крышѣ зіяютъ попрежнему. Въ нихъ проникаетъ слабый свѣтъ, но зато вѣтеръ врывается со всѣхъ сторонъ, и мы находимся на вѣчномъ сквознякѣ.

Когда входишь туда, приходится оставаться на ногахъ и бродить наощупь, ляская зубами отъ холода.

Фуйядъ, подстегиваемый холодомъ и снова вернувшись въ сарай, жалѣетъ, что мылся. У него ломитъ поясница и колетъ въ боку. Хотѣлось бы что-нибудь предпринять, но что?

Сѣсть? Невозможно. Кругомъ слишкомъ грязно. Земля и каменныя плиты покрыты грязью, а настланная солома вся промокла отъ проникающаго дождя и грязныхъ ногъ, которыя объ нее вытираютъ. Къ тому же, когда садишься, становится еще холоднѣе, а когда ложишься на солому, дурѣешь отъ вони навоза и запаха отхожаго мѣста... Фуйядъ, позѣвывая, смотритъ на свое мѣсто.

— Не думайте,—говоритъ Мартро,—что другіе устроились лучше нашего. Послѣ обѣда я навѣстилъ товарищей изъ одиннадцатой роты на фермѣ, подлѣ лазарета. Пришлось перелѣзать по коротенькой лѣсенкѣ черезъ стѣнку. Вотъ была работа!—восклицаетъ Мартро, у котораго ноги слишкомъ короткія.—Но тамъ еще хуже, чѣмъ у насъ,—прямо негдѣ ногу поставить. Всѣ толкаются и бранятся. Я тотчасъ же сбѣжалъ оттуда.

— Когда мы поѣли,—говоритъ Коконъ,—я хотѣлъ пойти къ кузнецу купить чего-нибудь горячаго. Вчера онъ продавалъ кофе, но сегодня утромъ прошли жандармы. Поэтому онъ боится торговать и заперъ дверь на ключъ.

Ламюзъ пытается вычистить свое ружье. Но нѣтъ возможности сдѣлать это, даже усѣвшись на землѣ подлѣ двери и приподнявъ полотнище парусины, которымъ завѣшанъ входъ. Слишкомъ темно.

— А затѣмъ, если ты здѣсь уронишь винтикъ, можешь проститься съ нимъ; особенно, когда не чувствуешь рукъ отъ холода.

— Мнѣ надо бы кое-что починить, но не тутъ-то было!

Остается одно: растянуться на соломѣ, завернувъ голову въ платокъ или полотенце, чтобы не слышать вони отъ гніющей соломы, и уснуть. Фуйядъ сегодня свободенъ отъ работъ и наряда; онъ вполнѣ располагаетъ своимъ временемъ и рѣшаетъ такъ и поступить. Онъ зажигаетъ свѣчу, чтобы порыться въ своихъ вещахъ, и, снявъ съ головы кашнэ, сгибается надъ своимъ мѣшкомъ.

— Эй, вы тамъ, ягнята, маршъ чистить картофель!—кричитъ съ порога какая-то фигура въ капюшонѣ.

Это сержантъ Анріо. Онъ хорошій, но хитрый парень и, хоть и пошучиваетъ, но строго слѣдитъ за расположеніемъ, чтобы никто не сбѣжалъ, когда всѣхъ куда-нибудь отправляютъ. На улицѣ подъ безконечнымъ дождемъ шлепаетъ уже второе отдѣленіе, также

посланное на работу. Оба отдѣленія смѣшиваются. Мы плетемся по дорогѣ и взбираемся на глинистый пригорокъ, гдѣ дымитъ походная кухня.

— Живѣй, братцы, приналягте. Работы не надолго, когда всѣ возьмутся за дѣло... Ну, нечего ворчать! Все равно не поможетъ!

Черезъ двадцать минутъ мы возвращаемся быстрымъ шагомъ. Въ сараѣ все промокло; отовсюду течетъ, и къ запаху гнили присоединяются теперь тяжелыя испаренія мокраго тѣла.

Мы собираемся въ кучку вокругъ столбовъ, поддерживающихъ крышу сарая, и остаемся на ногахъ.

— Вотъ они!—восклицаютъ всѣ.

На порогѣ, одна вслѣдъ за другой, появляются двѣ тѣни, съ которыхъ струится вода: это Ламюзъ и Баркъ, которые пошли добыть огня. Они возвращаются злые и разстроенные: «Нѣтъ нигдѣ ни уголька! Хоть лопни, нигдѣ не достанешь ни дерева, ни угля!»

Значитъ, огня у насъ не будетъ.

— Ужъ если мнѣ не удалось, такъ не удастся никому,—съ гордостью заявляетъ Баркъ, который достаточно доказалъ свою расторопность прежними подвигами.

Мы стоимъ на мѣстѣ или медленно бродимъ по небольшому пространству, не залитому водой.

— Чья это газета?

— Моя,—отвѣчаетъ Бекювъ.

— Что тамъ пишутъ? Тьфу, чортъ возьми, въ этой темнотѣ не разберешь!

— Тамъ сказано, что въ настоящее время для солдатъ сдѣлано все, что требуется, и что имъ будетъ тепло въ окопахъ. У нихъ, молъ, есть и шерстяное бѣлье, и рубашки, и печи, и огонь и дрова, и уголь... И все это имѣется даже въ передовыхъ окопахъ...

— Ахъ, дьяволы!—ворчитъ кто-то изъ несчастныхъ обитателей сарая и грозитъ кулакомъ въ пространство и газетѣ.

Но Фуйядъ не прислушивается къ тому, что говорятъ. Онъ скрючилъ во мракѣ свое тѣло, тощее, какъ у Донъ-Кихота, и надъ чѣмъ-то возится.

Его заинтересовалъ Лабри, нашъ песъ.

Лабри, полукровная овчарка съ отрубленнымъ хвостомъ, лежитъ, свернувшись калачикомъ на соломенной подстилкѣ.

Фуйядъ и собака переглядываются.

Подходитъ Бекювъ иговоритъ напѣвнымъ акцентомъ окрестностей Лилля:

— Онъ не ѣстъ своей похлебки? Не здоровъ, вѣрно. Лабри, что съ тобой? Вотъ тебѣ хлѣбъ, вотъ тебѣ мясо,—лопай! Вѣдь вкусно... Онъ скучаетъ, страдаетъ... боюсь, онъ скоро возьметъ да околѣетъ.

Лабри несчастенъ. Солдатъ, которому ввѣрены заботы о немъ, жестокъ, плохо съ нимъ обращается и почти не заботится о немъ. Бѣдная собака сидитъ на привязи весь день. Ей холодно, неудобно. Она не живетъ своей обычной жизнью. Отъ времени до времени, видя, какъ всѣ вокругъ куда-то собираются, она надѣется, что ее возьмутъ съ собой, встаетъ, потягивается и помахиваетъ хвостомъ. Но это ошибка. Лабри снова ложится и какъ бы нарочно не глядитъ на свою полную миску, не подходитъ къ ней.

Ему скучно, и жизнь ему опротивѣла. Даже если его пощадитъ пуля, либо осколокъ, которые грозятъ ему одинаково съ нами, онъ, все равно, не выживетъ.

Фуйядъ кладетъ свою исхудавшую руку на голову собаки, и она снова глядитъ на него. Ихъ взгляды одинаковые, съ той только разницей, что одинъ смотритъ сверху внизъ, а другой снизу вверхъ.

Наконецъ, Фуйядъ все-таки сѣлъ. Была не была! Онъ выбралъ для этого уголокъ посуше и спряталъ руки въ складки шинели, а ноги подогнулъ подъ себя.

Закрывъ глаза, онъ о чемъ-то думаетъ. Въ такія минуты особенно отчетливо и упорно встаетъ въ воображеніи далекая родина и кажется особенно милой. Благоухающій пестрый Эро, улицы Сетта... Онъ видитъ ихъ такъ близко и ясно, что даже какъ будто слышитъ плескъ веселъ на каналѣ и громыханіе выгружаемыхъ товаровъ на пристаняхъ.

Вверху дороги, которая пахнетъ тиміяномъ и иммортелями такъ сильно, что онъ почти чувствуетъ ихъ вкусъ, на самомъ солнопекѣ, подъ нѣжнымъ ароматнымъ вѣтеркомъ, цвѣтетъ и зеленѣетъ домикъ его родныхъ. Оттуда одновременно видны и прудъ То, бутылочнаго цвѣта, и Средиземное море, синее, какъ небо; а иногда на лиловомъ фонѣ неба вырисовываются также, словно призракъ, Пиренеи.

Тамъ онъ родился и выросъ, счастливый и свободный. Онъ рѣзвился на золотисто-бурой землѣ и даже игралъ въ солдаты.

Когда онъ размахивалъ игрушечной шпагой, его круглыя щеки, нынѣ впалыя и испещренныя морщинами, оживлялись... Онъ открываетъ глаза, смотритъ вокругъ себя, покачиваетъ головой и грустить о томъ времени, когда война и слава будили въ немъ чистое, восторженное, солнечное чувство.

Фуйядъ закрываетъ рукою глаза, какъ бы желая подольше удержать видѣніе.

Теперь встаютъ новые образы.

Вотъ тамъ, наверху, онъ позже встрѣтился съ Клемансъ. Въ первый разъ она прошла, вся залитая солнцемъ. Она несла въ рукахъ снопъ соломы и была такая бѣлокурая, что рядомъ съ ея головой солома казалась темной. Во второй разъ она шла въ сопровожденіи подруги. Обѣ остановились, чтобы поглядѣть на него. Онъ слышалъ, какъ онѣ шепчутся, и повернулся къ нимъ. Увидѣвъ, что онъ ихъ замѣтилъ, дѣвушки убѣжали со смѣхомъ, точно куропатки.

Тамъ же они позже основали свой очагъ. Передъ домомъ тянется виноградникъ, въ которомъ онъ работаетъ, разгуливая въ соломенной шляпѣ во всякое время года. У входа въ садъ растетъ розовый кустъ; Фуйядъ съ нимъ въ дружбѣ, и кустъ пользуется своими шипами только для того, чтобы попытаться удержать его подольше подлѣ себя.

Вернется ли онъ ко всему этому? Фуйядъ слишкомъ далеко заглянулъ въ глубь прошлаго, чтобы не видѣть также будущаго во всей его ужасающей опредѣленности! Онъ думаетъ о потеряхъ своего полка послѣ каждаго выступленія, объ опасныхъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ и которыя еще предстоятъ, о болѣзни и постепенномъ разрушеніи организма отъ лишеній...

Онъ встаетъ и встряхивается, чтобы освободить мысли отъ образовъ прошлаго и видѣній грядущаго. И снова онъ среди леденящаго мрака, пронизываемаго вѣтромъ, среди обезкураженныхъ людей, которые, точно слѣпые, ждутъ вечера. Онъ вернулся къ настоящему, и его снова пробираетъ дрожь.

Сдѣлавъ два шага, онъ натыкается на кучку солдатъ; чтобы разсѣяться и утѣшиться, они вполголоса говорятъ объ ѣдѣ.

— У меня дома,—говоритъ одинъ,—пекутъ огромные хлѣба, круглые, величиной съ каретное колесо.

И онъ радостно расширяетъ глаза, какъ бы для того, чтобы получше разглядѣть эти далекіе хлѣба.

— У насъ,—вмѣшивается бѣдный южанинъ, — праздничные обѣды такъ долго тянутся, что хлѣбъ, свѣжій вначалѣ, становится черствымъ къ концу.

— У насъ есть одно винцо... на видъ оно какъ будто неважное. Но въ немъ, я скажу тебѣ, братъ, не меньше пятнадцати градусовъ крѣпости!

Тогда Фуйядъ заговариваетъ объ одномъ винѣ, красномъ до такой степени, что оно кажется почти фіолетовымъ; оно хорошо для смѣсей—точно создано для этого.

— У насъ,—говоритъ беарнецъ,—есть одинъ сортъ вина,—жюрансонъ, но настоящій. Не тотъ, что обыкновенно продаютъ за жюрансонъ, хотя онъ фабрикуется въ Парижѣ.

— Если ты будешь въ нашихъ мѣстахъ,—говоритъ Фуйядъ,— то знай, что у меня есть мускатныя вина всѣхъ сортовъ, всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, точно образцы шелка. Заходи ко мнѣ, и я въ теченіе цѣлаго мѣсяца ежедневно буду угощать тебя каждый день другимъ виномъ.

— Вотъ кутнемъ! —восклицаетъ благодарный солдатъ.

И при воспоминаніи о своихъ винахъ Фуйядъ умиляется. Онъ вспоминаетъ и запахъ чеснока, который такъ любятъ въ его краяхъ. Ароматы краснаго вина и нѣжной гаммы ликеровъ ударяютъ ему въ голову въ этой печальной обстановкѣ холоднаго сарая.

Вдругъ онъ вспоминаетъ, что въ деревушкѣ, гдѣ они стоятъ, живетъ кабатчикъ, родомъ изъ Безье, нѣкій Маньякъ, который сказалъ ему: «Зайди какъ-нибудь, товарищъ, мы выпьемъ нашего вина. У меня припрятано нѣсколько бутылокъ».

Эта перспектива приводитъ въ восторгъ Фуйяда. Его пронизываетъ трепетъ наслажденія, точно онъ обрѣлъ, наконецъ, свою настоящую дорогу... Выпить южнаго вина, и даже своего родного, выпить много... Хорошо бы вновь увидѣть все въ розовомъ свѣтѣ, хотя на одинъ день. Ему нужно вино, и онъ мечтаетъ о выпивкѣ.

Не теряя ни минуты, онъ покидаетъ собесѣдниковъ, чтобы прямо пойти къ Маньяку. Но у входа онъ натыкается на капрала Бруайе, который перебѣгаетъ отъ сарая къ сараю и кричитъ:

— Собирайтесь слушать приказъ!

Рота выстраивается въ карре на глинистой возвышенности, гдѣ дымитъ подъ дождемъ походная кухня.

— Пойду выпить послѣ приказа,—говоритъ себѣ Фуйядъ.

И онъ разсѣянно слушаетъ чтеніе приказа. Но какъ онъ ни разсѣянъ, ухо его ясно улавливаетъ слѣдующую фразу: «Строжайше воспрещается выходить за мѣсто расположенія раньше семнадцати часовъ и позже двадцати». И капитанъ, не обращая вниманія на ропотъ слушателей, объясняетъ этотъ приказъ:

— Здѣсь находится штабъ-квартира дивизіи. Пока вы стоите здѣсь, не показывайтесь, спрячьтесь! Если дивизіонный генералъ увидитъ кого-нибудь изъ васъ на улицѣ, онъ немедленно пошлетъ его на работу. Ни одинъ солдатъ не долженъ попадаться ему на глаза. Прячьтесь весь день. Дѣлайте, что хотите, но чтобы васъ никто не видѣлъ!

И всѣ возвращаются въ сарай.

* * *

Два часа пополудни. Стемнѣетъ лишь черезъ три часа, и только тогда можно будетъ рискнуть показаться на улицу.

Поспать, что ли, пока? Но Фуйяду не хочется спать. Надежда на выпивку встряхнула его. И если онъ будетъ спать днемъ, то не сможетъ уснуть ночью. Это послѣднее дѣло. Провести цѣлую ночь съ открытыми глазами—хуже кошмара.

Погода портится все больше. Дождь и вѣтеръ усиливаются и снаружи и внутри.

Какъ же быть, если нѣтъ возможности ни оставаться неподвижнымъ, ни сѣсть, ни лечь, ни работать, ни пойти пошляться?

Глубокое отчаяніе охватываетъ кучку усталыхъ и промокшихъ людей, не знающихъ, что съ собой начать дѣлать.

— Господи, какъ тутъ плохо!

Несчастные выкрикиваютъ свою жалобу, точно призывъ на помощь.

Затѣмъ они инстинктивно отдаются единственному возможному здѣсь занятію—шаганію взадъ и впередъ, чтобы размяться и согрѣться.

И вотъ они начинаютъ шагать вдоль и поперекъ по узкому помѣщенію, кружатся, сталкиваются, засунувъ руки въ карманы и топая ногами. Эти существа, обдаваемыя холоднымъ вѣтромъ, кажутся сбродомъ несчастныхъ городскихъ бродягъ, которые подъ нависшимъ зимнимъ небомъ ждутъ, когда откроется дверь ночлежки. Но дверь не откроется для этихъ людей, а если и от-

кроется дня черезъ четыре, въ концѣ отдыха, то лишь для того, чтобы вернуть ихъ въ окопы.

Только Коконъ одиноко присѣлъ въ углу. Его поѣдомъ ѣдятъ вши, но, ослабѣвъ отъ холода и сырости, онъ не имѣетъ даже достаточно мужества, чтобы перемѣнить бѣлье. И онъ замеръ, мрачный, неподвижный...

По мѣрѣ того, какъ время подходитъ къ пяти часамъ, Фуйядъ снова начинаетъ опьянять себя мечтой о винѣ и ждетъ съ просвѣтлѣвшей душой.

— Который часъ?.. Безъ четверти пять... Гайда!

И вотъ онъ на улицѣ, среди мрака ночи. Большими шагами, хлюпая по грязи, онъ направляется въ заведеніе Маньяка, своего великодушнаго земляка, и съ большимъ трудомъ нащупываетъ въ темнотѣ дверь... Господи, заведеніе не освѣщено! Заперто! При свѣтѣ зажженной спички, которую его большая рука заслоняетъ, точно абажуръ, онъ читаетъ надпись: «Заведеніе закрыто для солдатъ». Очевидно, Маньякъ въ чемъ-то провинился, и ему запретили торговать.

И Фуйядъ отходитъ отъ кабачка, но не отказывается отъ своей мечты. Что-жъ, онъ пойдетъ въ другое мѣсто и выпьетъ простого вина, за которое заплатитъ, вотъ и все!

Онъ запускаетъ руку въ карманъ и вытаскиваетъ кошелекъ: тамъ должно быть тридцать семь су! Это—не золотыя розсыпи, но все-таки... Но вдругъ онъ подскакиваетъ, хлопая себя по лбу. На вытянутомъ лицѣ появляется страшная гримаса. Вѣдь, у него нѣтъ тридцати семи су! Дуракъ же онъ, дуракъ! Онъ и забылъ о коробкѣ сардинъ, купленной наканунѣ, чтобы хоть разъ отдохнуть отъ прiѣвшихся сѣрыхъ макаронъ, забылъ о кружкахъ пива, которыми угостилъ сапожниковъ, починившихъ ему обувь.

Ахъ ты горе какое! Осталось только тринадцать су.

Чтобы хоть немного подпить и забыть окружающее, ему надо полтора литра вина, а здѣсь литръ стоитъ двадцать одинъ су. До этого много не хватаетъ!

И бѣдняга озирается во мракѣ. Онъ ищетъ кого-нибудь. Быть можетъ, найдется товарищъ, который дастъ ему взаймы денегъ или угоститъ его.

Но кто? Не Бекювъ же: у него только одна крестная, которая посылаетъ ему каждыя двѣ недѣли табаку и почтовой бумаги. Не Баркъ, который ни за что не раскошелится. Не Блэръ, который

скупъ и не пойметъ. Не Бикэ, который, повидимому, на него сердится, не Пепэнъ, который и самъ попрошайничаетъ и никогда не платитъ, даже когда приглашаетъ. Вотъ если бы Вольпаттъ былъ здѣсь!.. Правда, есть Мениль Андрэ, но ему Фуйядъ уже долженъ за нѣсколько угощеній. Быть можетъ, капралъ Бертранъ? Нѣтъ, онъ какъ-то съ нимъ поругался, и теперь они косятся другъ на друга... Фарфадэ? Обыкновенно, они даже не разговариваютъ... Нѣтъ, Фуйядъ прекрасно чувствуетъ, что къ Фарфадэ обращаться неловко. Да и къ чему перебирать всѣхъ? Гдѣ они теперь?

Медленно онъ возвращается назадъ въ стойло. Затѣмъ машинально снова поворачиваетъ и нерѣшительно шагаетъ впередъ. Онъ все-таки попытается. Быть можетъ, повстрѣчаетъ товарищей за столиками... И онъ направляется къ центральной части деревни.

Двери и окна кабачковъ освѣщены и бросаютъ темные блики на лужи главной улицы. Черезъ каждые двадцать шаговъ—кабачокъ. Въ окна видны тяжелыя фигуры солдатъ; они идутъ, въ большинствѣ случаевъ компаніями. По улицѣ также шатаются кучки. Когда проѣзжаетъ автомобиль, всѣ сторонятся, ослѣпленные фонарями и обдаваемые грязью.

Фуйядъ входитъ наудачу въ одинъ изъ кабачковъ. Уже съ порога его обдаетъ теплымъ дыханіемъ, свѣтомъ и запахомъ хмельного. Онъ мякнетъ. Всѣ эти люди за столиками такъ напоминаютъ прошлое.

Онъ озирается по сторонамъ, безпокоитъ сидящихъ за столами и ищетъ знакомыхъ. Чортъ возьми! Никого!

Въ слѣдующемъ кабачкѣ то же самое. Не везетъ ему. Напрасно онъ вытягиваетъ шею и высматриваетъ, не попадется ли знакомое лицо среди этихъ людей, которые группами или парами попиваютъ вино и бесѣдуютъ или сидятъ въ одиночку и пишутъ. У него видъ нищаго, и никто на него не обращаетъ вниманія.

Не найдя ни одной отзывчивой души, онъ рѣшается истратить, по крайней мѣрѣ, то, что есть въ карманѣ, и пробирается къ стойкѣ.

— Кружку хорошаго вина.

— Бѣлаго?

— Да.

— Вы, видно, южанинъ?—говоритъ хозяйка, наливая ему вина и получая свои двѣнадцать су.

Онъ устраивается у края стола, уже занятаго четырьмя посѣтителями, играющими въ карты, и жадно пьетъ...

— Эй, за твое здоровье! Не разбей стакана! — кричитъ у него кто-то надъ самымъ ухомъ. Это — оружейникъ Гарленгъ.

Не очень-то красиво сидѣть передъ кружкой вина въ присутствіи товарища, который также не прочь выпить. Но Фуйядъ дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ вожделѣній Гарленга, и быстро допиваетъ. Оружейникъ поворачивается къ нему спиной и, уходя, ворчитъ: «Жадюги эти южане!»

Фуйядъ оперся подбородкомъ на кулаки и смотритъ невидящими глазами въ уголъ кабака, гдѣ толпятся проходящіе солдаты.

Это бѣлое винцо довольно хорошее, но развѣ нѣсколько капель его могутъ утолить жажду истомленнаго, какъ въ пустынѣ, Фуйяда? Тоска, на минуту отступившая, снова охватываетъ его.

Онъ встаетъ и уходитъ съ кружкой вина въ желудкѣ и однимъ су въ кошелькѣ. У него хватаетъ рѣшимости зайти еще въ одинъ кабачокъ, поискать знакомыхъ, но поиски напрасны. Чтобы не выдать своего жалкаго положенія, онъ, выходя, говоритъ вслухъ: «Чортъ бы его взялъ! Никогда эта свинья не является вовремя».

Затѣмъ онъ возвращается въ сарай. Тамъ все такъ же холодно и мокро. Фуйядъ зажигаетъ свѣчу и при ея колеблющемся пламени подходитъ къ Лабри.

Присѣвъ на корточки передъ бѣдной собакой, которая, быть можетъ, умретъ раньше его, онъ глядитъ на нее. Лабри спитъ, но очень чутко; онъ тотчасъ же пріоткрываетъ одинъ глазъ и помахиваетъ хвостомъ.

Южанинъ ласкаетъ его и тихо говоритъ:

— Ничего не подѣлаешь... Ничего...

Больше онъ ничего не говоритъ Лабри, чтобы не слишкомъ опечалить его; но песъ одобрительно качаетъ головой и снова закрываетъ глаза.

Фуйядъ съ трудомъ встаетъ, потому что его сочлененія уже начали «ржавѣть», и идетъ спать. Теперь онъ надѣется только на одно: уснуть какъ можно скорѣе, чтобы кончился этотъ мрачный день, какихъ еще будетъ много впереди, прежде чѣмъ наступитъ послѣдній день войны или жизни...

XII.

Портикъ.

— Сейчасъ туманно... Хочешь, пойдемъ?

Этотъ вопросъ задаетъ мнѣ Потерлу, поворачиваясь ко мнѣ своимъ добродушнымъ лицомъ, обрамленнымъ бѣлокурыми волосами; оно кажется прозрачнымъ отъ свѣтло-синихъ глазъ.

Потерлу родомъ изъ Сушэ, и съ тѣхъ поръ, какъ эта мѣстность снова отбита у нѣмцевъ, у него явилось желаніе взглянуть на свою деревню, гдѣ онъ нѣкогда жилъ счастливо и свободно.

Опасное паломничество! И не потому, что это далеко: Сушэ подъ носомъ. Въ теченіе шести мѣсяцевъ мы живемъ и работаемъ въ окопахъ вблизи этой деревни. Достаточно перебраться отсюда на Бетюнскую дорогу, вдоль которой тянутся окопы и подъ которой прорыты наши прикрытія, затѣмъ спуститься по этой дорогѣ съ полкилометра — и мы въ Сушэ. Но всѣ эти мѣста регулярно обстрѣливаются. Со времени своего отступленія нѣмцы, не переставая, шлютъ туда свои чемоданы, и взрывы ихъ, сопровождаемые столбами земли и обломковъ, вышиной въ церковь, мы наблюдаемъ очень часто.

Почему они бомбардируютъ Сушэ? Неизвѣстно. Ибо въ деревнѣ, переходившей изъ рукъ въ руки, не осталось никого и ничего.

Но сегодня утромъ насъ обволакиваетъ густой туманъ, и подъ этимъ прикрытіемъ можно рискнуть... Мы, по крайней мѣрѣ, увѣрены, что насъ не увидятъ. Туманъ герметически заслоняетъ усовершенствованную подзорную трубу нѣмецкой колбасы, которая находится, вѣроятно, гдѣ-нибудь здѣсь въ высотѣ; онъ виситъ тонкой, но непроницаемой завѣсой между нашими линіями и нѣмецкими наблюдательными пунктами въ Лансѣ и Ангрѣ.

— Ладно,—говорю я Потерлу.

Адъютантъ Бартъ, посвященный въ нашъ замыселъ, киваетъ головой сверху внизъ и опускаетъ глаза, точно желая сказать, что смотритъ сквозь пальцы на нашу затѣю.

Вылѣзаемъ изъ окоповъ—и вотъ мы оба на Бетюнской дорогѣ.

Я впервые здѣсь при дневномъ свѣтѣ. Мы видѣли ее всегда только издалека,—эту страшную дорогу, которую столь часто перебѣгали прыжками, согнувшись подъ свистящими пулями и падающими снарядами.

— Ну, что-жъ, идешь, братъ?

Черезъ нѣсколько шаговъ Потерлу остановился посреди дороги и, выпучивъ свои глубокіе глаза, открылъ ротъ.

— Ай—ай—ай!.. —кричитъ онъ.

Я поворачиваюсь къ нему, онъ указываетъ мнѣ на дорогу и говоритъ, качая головой:

— Это она... Господи, сказать только, что это она... Я знаю ее такъ хорошо, что, закрывъ глаза, вижу ее, какой она была. А теперь страшно на нее смотрѣть! Какая была прекрасная дорога, вся обсаженная большими деревьями, и во что она превратилась! Вся изрыта, обезображена... Печальное зрѣлище... Взгляни на эти линіи окоповъ съ обѣихъ сторонъ, на разрытое шоссе, продырявленное воронками, на эти вырванныя съ корнемъ, изодранныя въ клочья, обожженныя деревья, раскиданныя во всѣ стороны! Эхъ, братъ, ты представить себѣ не можешь, до чего эта дорога изуродована!

И онъ идетъ впередъ, озираясь на каждомъ шагу и продолжая ужасаться.

Онъ правъ. Это нѣчто фантастическое! Нельзя представить себѣ ничего ужаснѣе этой дороги, по обѣ стороны которой зарылись двѣ арміи и перекидываются снарядами въ теченіе полутора лѣтъ. Это страдный путь, и по нему проносятся лишь пули и снаряды, изрѣзавшіе его по всѣмъ направленіямъ, засыпавшіе его землей, снесенной съ полей, и вспахавшіе его до самой глубины.

— Если бы ты ее зналъ раньше. Она была ровная и опрятная, говоритъ Потерлу.—Деревья были тутъ самыхъ разнообразныхъ видовъ. Ихъ покрывали листья всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, подобно бабочкамъ, и почти всегда кто-нибудь проходилъ по ней и привѣтливо здоровался съ путникомъ: то женщина, нагруженная двумя корзинами, то крестьяне, проѣзжающіе на возу, громко бесѣдуя подъ пріятнымъ вѣяніемъ вѣтерка, надувающаго ихъ блузы. Да, счастливо здѣсь жилось когда-то!

И Потерлу подходитъ къ краю туманной рѣки, какъ бы текущей по руслу дороги. Онъ нагибается и останавливается у еле замѣтныхъ бугорковъ, надъ которыми водружены кресты: это могилы; онѣ покрываютъ обочины дороги подобно крестовому пути въ церквахъ.

Я зову его.—Если мы будемъ подвигаться такъ медленно, то никогда не доберемся. Прибавимъ шагу.

Мы приближаемся къ цѣли; я впереди, Потерлу—нѣсколько отставая отъ меня. Онъ идетъ, опустивъ голову, тяжелую отъ думъ, и напрасно пытается разглядѣть знакомые предметы. Здѣсь дорога идетъ уклономъ, образуя выступъ, который скрываетъ ея продолженіе со стороны сѣвера. Это мѣсто достаточно защищено, и тутъ чувствуется немного жизни и движенія.

На невспаханной землѣ, засоренной и больной, покрытой высохшей травой, лежатъ мертвые. Ихъ переносятъ сюда, когда опоражниваютъ окопы или очищаютъ по ночамъ равнину. И мертвецы ждутъ здѣсь,—многіе уже очень давно,—когда ихъ, наконецъ, ночью отвезутъ въ тылъ, на кладбище.

Мы медленно къ нимъ приближаемся. Они лежатъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Каждый изъ нихъ застылъ въ томъ положеніи, въ какомъ его оставила агонія. У нѣкоторыхъ лицо заплѣснев̣ѣло, кожа покрылась желтымъ налетомъ съ черными пятнами. У многихъ лица черныя, смолистыя, губы вздутыя и огромныя: точно головы негровъ, надутыя, какъ пузыри. Между двухъ тѣлъ высовывается неизвѣстно кому изъ нихъ принадлежащая отрѣзанная кисть руки; она заканчивается цѣлымъ моткомъ спутанныхъ нитей.

Другіе представляютъ какія-то безформенныя массы, изъ которыхъ выступаютъ принадлежности обмундировки или обломки костей. Еще дальше лежатъ трупы, перевезенные сюда въ такомъ состояніи, что они уже совершенно разсыпались; чтобы не растерять ихъ по дорогѣ частями, пришлось нагрузить ихъ на желѣзныя сѣтки, подвѣшенныя по угламъ. Въ этихъ металлическихъ гамакахъ ихъ и оставили. Въ такомъ трупѣ нельзя различить, гдѣ верхъ и гдѣ низъ тѣла. Въ безформенной кучѣ замѣтенъ только свисающій карманъ брюкъ. Какое-то насѣкомое то вползаетъ въ карманъ, то снова выползаетъ.

Вокругъ мертвыхъ летаютъ письма, выскользнувшія изъ кармановъ или изъ патронташей, когда тѣла выгружались на землю.

На одномъ изъ листковъ бумаги я, слегка наклонившись, читаю такую фразу: «Мой дорогой Анри, какая дивная погода въ день твоего рожденія!..» Человѣкъ лежитъ на животѣ. У него тѣло перерѣзано на высотѣ поясницы глубокой бороздой; голова повернута въ полъоборота; видны опустѣвшія орбиты глазъ, а на вискѣ, щекѣ и шеѣ проросъ какъ бы зеленый мохъ.

Отвратительная вонь разносится вѣтромъ во всѣ стороны. Кругомъ—полотнища палатокъ, обрывки платья, затвердѣвшаго отъ высохшей крови и обуглившагося отъ снарядовъ. Все кишитъ червями. Мы переглядываемся, покачивая головой, не рѣшаясь громко сказать, что здѣсь невыносимая вонь; удаляемся отсюда, не торопясь.

Въ туманѣ мы различаемъ согнутыя спины людей, которые что-то несутъ. Это санитары, нагруженные новыми трупами. Они идутъ, опустивъ старыя головы, кряхтя и потѣя. Нести мертваго вдвоемъ въ соединительномъ ходу, когда кругомъ грязно и мокро, это почти сверхчеловѣческій трудъ.

Они кладутъ мертвеца, который одѣтъ во все новое.

— Онъ еще недавно былъ на ногахъ,—говоритъ одинъ изъ носильщиковъ.—Всего только два часа, какъ онъ получилъ пулю въ голову, когда вздумалъ пойти поискать на равнинѣ нѣмецкую винтовку. Въ среду ему предстояло поѣхать въ отпускъ, и онъ непремѣнно хотѣлъ повезти такую штучку въ подарокъ. Это сержантъ 405-го полка, призыва 1914 года. Славный паренекъ былъ.

И онъ показываетъ намъ его. Приподымаетъ платокъ, закрывающій лицо. Мертвый совсѣмъ еще молодъ и будто спитъ. Только глаза помутились, щеки пожелтѣли, и розовая жидкость увлажняетъ его ноздри, ротъ и глаза.

Это тѣло вноситъ немного жизни въ мертвое царство; оно еще совсѣмъ гибкое. Голова склоняется на бокъ, когда его трогаютъ, точно выискивая болѣе удобное положеніе. Но, будучи менѣе обезображеннымъ, мертвецъ какъ-то ближе тому, кто на него смотритъ, ближе и понятнѣе... И если бы мы сказали что-либо при видѣ наваленныхъ тѣлъ, наши слова относились бы исключительно къ этому свѣжему трупу: «Бѣдный мальчикъ!»

Мы продолжаемъ свой путь, который съ этого мѣста начинаетъ спускаться вглубь, къ Сушэ. Дорога представляется намъ въ бѣлесомъ туманѣ страшной долиной скорби. Груды обломковъ и нечистотъ нагромоздились на ней, и она становится непроходимой.

деревья устилають землю. Скаты изрыты снарядами. Вдоль всей дороги, по обѣ стороны, гдѣ сохранились только водруженные кресты, тянутся окопы,—двадцать разъ засыпанные и снова отрытые,—воронки, провалы...

По мѣрѣ того какъ мы подвигаемся впередъ, все кажется чудовищно изуродованнымъ, полнымъ гнили и разложенія. Во всемъ чувствуется катаклизмъ. Мы ступаемъ по землѣ, усѣянной осколками, на каждомъ шагу натыкаемся на обломки оружія, на остатки кухонной утвари, бидоновъ, печей, швейныхъ машинъ, мотковъ проволоки, нѣмецкаго и французскаго форменнаго платья, покрытаго потемнѣвшей кровью... И надо осторожно ступать, потому что кругомъ валяются также не взорвавшіеся снаряды, повсюду высовывающіе свои коническіе концы и бока разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ.

— Это бывшій нѣмецкій окопъ, изъ котораго ихъ, наконецъ, выбили...

Мѣстами онъ засыпанъ, въ другихъ изрѣшетенъ снарядами. Мѣшки съ землей продраны, разсыпались и теперь, опустѣвшіе, треплются на вѣтру. Деревянныя обшивки раскололо въ щепы и разнесло во всѣ стороны. Прикрытія доверху наполнены землей и еще Богъ вѣсть чѣмъ. Можно подумать, что предъ вами наполовину высохшее русло рѣки. Въ одномъ мѣстѣ окопъ совершенно стертъ артиллерійскимъ огнемъ. Расширяющійся кверху ровъ прерывается и переходитъ просто во вспаханное поле, покрытое симметрично расположенными въ длину и ширину ямами.

Я указываю Потерлу на это необычайное поле, по которому какъ бы прошелъ гигантскій плугъ.

Но онъ занятъ своими мыслями и все ужасается страшной перемѣнѣ пейзажа.

* * *

Онъ указываетъ пальцемъ на одно мѣсто равнины и, пораженный, какъ бы очнувшись отъ сна, восклицаетъ:

— Это Красный Кабачокъ!

То, что онъ назвалъ такимъ именемъ, представляетъ собою ровное поле, покрытое битымъ кирпичемъ.

А это что такое?

Верстовой придорожный камень? Нѣтъ! Это голова, черная голова. Ротъ перекосился, надъ верхней губой топорщатся усы... Большая обуглившаяся, точно кошачья голова. Подъ ней трупъ нѣмца.

*

А это что?

Какая-то зловѣщая смѣсь изъ совершенно бѣлаго черепа и пары сапогъ недалеко отъ него; а между ними обрывки ремней и потемнѣвшаго тряпья.

— Пойдемъ, туманъ становится прозрачнѣе. Надо торопиться...

Въ ста метрахъ впереди проносится со свистомъ снарядъ и разрывается. Онъ упалъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ намъ предстоитъ пройти.

Мы спускаемся. Скатъ становится болѣе покатымъ.

Идемъ рядомъ. Мой спутникъ ничего не говоритъ и только поглядываетъ направо и налѣво.

Затѣмъ онъ снова останавливается. Я слышу, какъ онъ тихо лепечетъ:

— Ну, что-жъ... Мы пришли... Это здѣсь...

Мы не покидали безплодной и выжженной равнины,—и, однако, это и есть Сушэ...

* * *

Деревня исчезла. Никогда еще мнѣ не доводилось видѣть подобнаго исчезновенія деревни. Абленъ-Сенъ-Назеръ и Каранси еще сохраняютъ форму поселка, со своими разрушенными домами и дворами, заваленными штукатуркой и черепицей. Здѣсь же, среди сваленныхъ деревьевъ, которыя насъ окружаютъ, не осталось ничего, что сохранило бы какую-нибудь форму, нѣтъ ни кусочка стѣны, рѣшотки, воротъ,—и какъ будто даже удивляешься, замѣтивъ остатки мостовой сквозь нагроможденныя балки, камни и желѣзо: значитъ, здѣсь проходила улица.

Всю мѣстность можно принять за грязный, болотистый пустырь близъ города, куда въ теченіе многихъ лѣтъ регулярно свозилось все негодное, всякіе обломки, остатки матеріаловъ отъ разрушенныхъ построекъ, износившіяся орудія. Это образуетъ однообразный слой нечистотъ и всякой рухляди, среди которой подвигаешься медленно и лишь съ большимъ трудомъ. Бомбардировка до того все измѣнила, что даже отвела въ другомъ направленіи ручей, и онъ течетъ теперь вдалекѣ отъ мельницы, которую приводилъ въ движеніе.

Нѣсколько воронокъ отъ снарядовъ, гдѣ гніютъ вздувшіеся трупы лошадей и безформенные остатки того, что когда-то было людьми.

Вотъ поперекъ тропинки, среди осколковъ, лежитъ растянувшійся и какъ бы спящій человѣкъ. Но онъ плотно прилегаетъ къ

землѣ, и сразу видно, что это мертвецъ. Онъ, повидимому, кашеваръ: подлѣ него валяются нанизанные на веревку круглые хлѣбцы и висящія на ремняхъ фляги товарищей. Вѣроятно, только этой ночью осколокъ снаряда пробилъ ему спину. Несомнѣнно, что мы первые наткнулись на этого невѣдомаго солдата, умершаго также въ безвѣстности. Быть можетъ, онъ сгніетъ прежде, чѣмъ еще кто-нибудь наткнется на него. Мы ищемъ его номерокъ. Онъ лежитъ въ лужѣ крови. Я списываю его фамилію.

Потерлу не вмѣшивается во все это. Онъ ходитъ точно лунатикъ. Смотритъ, растерянно озирается по сторонамъ и какъ бы чего-то ищетъ среди разрушенія.

Затѣмъ онъ садится на балку, отшвырнувъ ногой стоявшую на ней изогнутую кастрюлю. Я сажусь рядомъ съ нимъ. Мороситъ мелкій дождикъ.

Потерлу шепчетъ:

— Богъ знаетъ что такое!..

Онъ вытираетъ лобъ и поднимаетъ на меня молящій взоръ Онъ пытается понять, постичь это разрушеніе, вникнуть въ этотъ ужасъ и лепечетъ безсвязныя слова и восклицанія. Онъ снимаетъ свою каску, и я вижу, какъ надъ его головой поднимается испарина. Затѣмъ онъ съ трудомъ говоритъ мнѣ:

— Ты не можешь себѣ представить, не можешь... Красный Кабачокъ находился тамъ, гдѣ лежитъ эта голова боша, а кругомъ всякая мерзость... Вѣдь теперь это настоящая клоака... А прежде здѣсь, на краю дороги, былъ кирпичный домъ и два домика пониже. Сколько разъ, бывало, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились, я кивалъ на прощаніе головой стоящей на порогѣ и улыбающейся женщинѣ, а затѣмъ направлялся въ деревню. Потомъ сдѣлаешь нѣсколько шаговъ, повернешься и крикнешь ей какую-нибудь шуточку... Ты не можешь себѣ представить... Вотъ это... Все это...

Онъ обводитъ рукой все опустѣвшее пространство.

— Не слѣдуетъ задерживаться здѣсь слишкомъ долго, братъ. Туманъ разсѣивается.

Онъ съ усиліемъ встаетъ.

— Пойдемъ...

Предстоитъ самое трудное,—найти его домъ.

Онъ неувѣренно озирается, старается сообразить, ищетъ...

— Вотъ здѣсь... Нѣтъ, мы уже прошли... Это тамъ... Не знаю гдѣ... Эхъ, горе горькое!

Онъ заламываетъ руки, охваченный отчаяньемъ, и съ трудомъ держится на ногахъ среди балокъ и обломковъ. Затерянный среди этой загроможденной равнины, сбитый съ толку, онъ озирается и старается сообразить, какъ неразумное дитя, или безумный. Онъ ищетъ уютъ своихъ разрушенныхъ комнатъ, форму бывшихъ здѣсь предметовъ.

Послѣ нѣсколькихъ колебаній онъ останавливается на одномъ мѣстѣ и слегка отступаетъ.

— Это было здѣсь... Я больше не сомнѣваюсь... Видишь, я узнаю по этому камню. Тутъ была отдушина. Вотъ слѣды желѣзной полосы, загораживавшей отдушину, прежде чѣмъ ее сорвало.

Онъ какъ бы все обнюхиваетъ, тянетъ носомъ, соображаетъ, медленно качая головой.

— Только когда ничего не осталось, начинаешь понимать, какъ счастливо жилось прежде.

Онъ подходитъ ко мнѣ и нервно смѣется.

— Это не совсѣмъ обычная штука, а? Я увѣренъ, что ты никогда ничего подобнаго не видѣлъ: чтобъ не найти своего дома, въ которомъ человѣкъ жилъ всю жизнь!

Онъ дѣлаетъ полъоборота и тащитъ меня.

— Ладно, давай уходить, разъ ничего больше не осталось.

Мы уходимъ. Среди этого призрачнаго пространства, этой деревни, которая устилаетъ землю, мы единственныя два живыя существа.

Поднимаемся назадъ. Становится свѣтлѣе. Туманъ быстро разсѣивается. Мой спутникъ дѣлаетъ большіе шаги, уткнувшись носомъ въ землю, и молчитъ. Затѣмъ, указывая на поле, онъ говоритъ:

— Это кладбище. Оно было здѣсь прежде, чѣмъ распространилось всюду, прежде чѣмъ захватило все, точно всемірная болѣзнь.

На полдорогѣ мы замедляемъ шагъ.

Потерлу подходитъ ко мнѣ.

— Это выше моихъ силъ... Вся моя предыдущая жизнь слишкомъ стерлась, до того стерлась, что мнѣ даже страшно...

— Да ну! Вѣдь твоя жена здорова и дочурка также. Ты же это отлично знаешь.

На его лицѣ появляется странное выраженіе.

— Моя жена... Я тебѣ что-то скажу... Моя жена...

— Чтоже?

— Я ее видѣлъ, братъ.

— Ты ее видѣлъ? А я думалъ, что она въ оккупированныхъ мѣстахъ.

— Да, она въ Лансѣ у родителей... И я ее видѣлъ... А затѣмъ... Ну, ладно, такъ и быть, я все тебѣ разскажу. Я былъ въ Лансѣ три недѣли тому назадъ. Это было одиннадцатаго числа.

Я, точно ошалѣлый, гляжу на него... Но видъ у него такой, будто онъ, дѣйствительно, говоритъ правду. Продолжая итти рядомъ со мной, онъ бормочетъ:

— Ты, быть можетъ, помнишь? Какъ-то разъ намъ сказали... Но тебя, кажется, не было здѣсь... Намъ сказали: надо укрѣпить проволочныя загражденія впереди окоповъ Бильяра. Ты знаешь, что это значитъ? До сихъ поръ это никакъ не удавалось. Какъ только ты вылѣзалъ изъ окоповъ, тебя сейчасъ замѣчали на спускѣ, который носитъ какое-то странное названіе...

— Тобогганъ.

— Вотъ, вотъ! И это мѣсто одинаково опасно и ночью или въ туманное время, и днемъ, потому что на него заранѣе наведены ружья на подставкахъ и пулеметы. Когда боши ничего не могутъ разобрать въ темнотѣ, они безпрерывно поливаютъ насъ снарядами. Для этого опаснаго дѣла назначили землекоповъ изъ нестроевой роты, но нѣкоторые увильнули, и ихъ замѣнили строевыми солдатами изъ ротъ. Я былъ среди нихъ. Ладно. Вылѣзаемъ. Ни одного выстрѣла... Что бы это значило?—говоримъ мы себѣ. И вдругъ мы видимъ одного боша, потомъ двухъ, десять бошей; они вылѣзаютъ изъ-подъ земли и дѣлаютъ намъ знаки, крича: «Камрадъ!.. Мы—эльзасцы»,—говорятъ они, продолжая вылѣзать изъ своего «интернаціональнаго» соединительнаго хода.—«Мы не будемъ стрѣлять въ васъ, не бойтесь, друзья; дайте намъ только похоронить своихъ». И вотъ обѣ стороны начинаютъ дѣлать свое дѣло. Даже переговариваемся, потому что это были эльзасцы. Они ругали войну и своихъ офицеровъ. Нашъ сержантъ отлично зналъ о запрещеніи вступать въ разговоры съ непріятелемъ, и намъ даже читали спеціальные приказы, что съ врагомъ надо разговаривать только ружьемъ. Но сержантъ соображалъ, что это единственный случай укрѣпить проволочныя загражденія, и разъ намъ давали возможность работать, то слѣдовало воспользоваться этимъ... И вотъ одинъ изъ бошей вдругъ говоритъ намъ: «Нѣтъ ли среди васъ кого-либо изъ оккупированныхъ мѣстностей, кто пожелалъ бы получить извѣстія о своей семьѣ?» тутъ, братъ, я не могъ

удержаться. Не зная, хорошо или дурно я поступаю, я подхожу и говорю: «Ладно, вотъ я желалъ бы». Бошъ начинаетъ разспрашивать меня. Я отвѣчаю, что моя жена съ дочкой въ Лансѣ у родителей. Онъ спрашиваетъ меня, гдѣ она живетъ. Я объясняю, и онъ говоритъ, что хорошо знаетъ это мѣсто. «Послушай,—говоритъ онъ мнѣ,—я понесу туда письмо и не только понесу письмо, но даже отвѣтъ тебѣ принесу». Затѣмъ вдругъ хлопаетъ себя по лбу, подходитъ поближе и шепчетъ: «Послушай, товарищъ, я еще и получше устрою. Если ты сдѣлаешь такъ, какъ я тебѣ скажу, ты увидишь свою жену и ребятъ и все свое, вотъ какъ я вижу тебя». И онъ объясняетъ мнѣ, что для этого въ такомъ-то часу надо пойти съ нимъ, напяливъ на себя нѣмецкую шинель и кепку. Онъ приметъ меня въ рабочую команду углекоповъ, которая идетъ въ Лансъ. Тамъ я смогу повидать своихъ при условіи, что буду остороженъ и никому не покажусь на глаза, потому что, хоть онъ и отвѣчаетъ за свою партію, но въ домѣ у моей жены живутъ унтеръ-офицеры, а за нихъ онъ отвѣчать не можетъ... Я согласился.

— Это опасная была штука.

— Разумѣется. Но я рѣшился, не размышляя, не желая даже размышлять, до того я радовался возможности увидѣть своихъ близкихъ. И если бы послѣ этого меня разстрѣляли, все равно: за хорошій товаръ хорошая цѣна. Таково предложеніе закона и спроса, какъ говорится, не правда ли? И знаешь, братъ, все пошло какъ по маслу. Единственное затрудненіе было въ томъ, что никакъ не удавалось найти кепку по моей головѣ. Вѣдь она у меня большая. Наконецъ, и это уладилось: нашли вшивую коробку, достаточно большую для моей башки. Кстати, у меня имѣются также нѣмецкіе сапоги,— знаешь, тѣ, которые оставилъ Каронъ. И вотъ мы отправились въ окопы къ бошамъ (скажу тебѣ мимоходомъ, что они такіе же дрянные, какъ наши). Все шло такъ хорошо и просто, что я даже забылъ объ опасности. Съ наступленіемъ ночи мы прибыли въ Лансъ. Помню, какъ мы прошли мимо ратуши и направились по «Улицѣ 14 іюля». Я видѣлъ на улицахъ людей, но не узнавалъ ихъ въ темнотѣ, а они меня также; да и не могло имъ придти въ голову, что это я въ нѣмецкой шинели... Было такъ темно, что хоть глазъ выколи, когда я приблизился къ дому. Сердце у меня билось, я дрожалъ съ головы до ногъ, точно весь превратился въ сердце.

И я удерживался, чтобы громко не кричать отъ радости, до того я былъ счастливъ и взволнованъ. «Камрадъ» мнѣ говоритъ: «Пройди одинъ разъ, потомъ второй разъ, поглядывая въ окно и въ дверь; только поглядывай осторожнѣе, чтобы не возбудить подозрѣній»... И вотъ я беру себя въ руки, сдерживаю волненіе. Мой бошъ былъ хорошій человѣкъ: онъ вѣдь рисковалъ головой, если бы я влопался... Какъ тебѣ извѣстно, у насъ, какъ и всюду въ Па-де-Калэ, входныя двери раздѣлены надвое: внизу какъ бы барьеръ до половины, а сверху что-то въ родѣ ставни. Такимъ образомъ, можно закрыть только нижнюю половину и имѣть подобіе окна. Ставня стояла открытой. Столовая была освѣщена, и до меня доносились голоса. Я прошелъ, повернувъ голову въ ту сторону, и увидѣлъ головы мужчинъ и женщинъ за круглымъ столомъ подъ лампой. Мои глаза сразу впились въ нее, въ мою Клотильду. Она сидѣла между двухъ типовъ, кажется, унтеръ-офицеровъ, которые съ ней разговаривали. А она что дѣлала? Ничего... Улыбалась, мило нагнувъ головку, обрамленную свѣтлыми волосами, какъ бы позолоченными отъ свѣта лампы. Она улыбалась. Она была довольна. Казалось, что она отлично себя чувствуетъ подлѣ этой бошской сволочи, подъ ярко горящей лампой и близъ очага, тепло котораго доходило до меня. Я прошелъ разъ, затѣмъ повернулъ назадъ и снова прошелъ. Она все улыбалась. И улыбка была не вынужденная, а настоящая. Въ короткій мигъ, когда я проходилъ мимо, я замѣтилъ также мою дѣвочку; она протягивала ручонки къ одному изъ этихъ толстяковъ въ галунахъ и пыталась взобраться къ нему на колѣни. А рядомъ кого я увидѣлъ? Мадлену Вандеръ, жену Вандера, моего товарища изъ 19-го полка, который былъ убитъ на Марнѣ, въ Монтіонѣ. Она отлично знала, что онъ убитъ, потому что была въ траурѣ. И она также смѣялась во-всю. Поглядывала на бошей и какъ бы говорила: «Какъ мнѣ здѣсь хорошо!» Эхъ, братъ! Я ушелъ оттуда и чуть не упалъ на руки «камрадовъ», поджидавшихъ меня, чтобы проводить назадъ. Не смогу сказать тебѣ, какъ я вернулся. Я былъ пришибленъ. Шелъ спотыкаясь, какъ проклятый. Знаешь, въ этотъ моментъ опасно было бы подойти ко мнѣ: я бы зарычалъ во всю глотку, надѣлалъ бы скандала, чтобы попасть подъ разстрѣлъ и покончить съ этой паршивой жизнью. Ты понимаешь... Моя жена, моя Клотильда улыбалась въ такое время! Такъ какъ же, значитъ? Достаточно отсутствовать нѣкоторое время, чтобы не идти больше въ счетъ? Ты ухо-

дишь на войну, и о тебѣ какъ будто жалѣютъ. А потомъ привыкаютъ жить безъ тебя, понемножку утѣшаются, точно ты никогда не существовалъ, обходятся безъ тебя и попрежнему улыбаются. Охъ, Господи! Я уже не говорю о той другой, которая смѣялась, но вѣдь улыбалась моя Клотильда; она какъ бы издѣвалась надо мной—какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я случайно увидалъ ее. И еще если бы она была въ обществѣ друзей, близкихъ. Такъ нѣтъ же! Вокругъ сидѣли только боши. Скажи мнѣ, развѣ этого было недостаточно, чтобы влетѣть въ комнату, влѣпить ей пару пощечинъ и свернуть шею этой курицѣ въ траурѣ? Да, да, я подумывалъ объ этомъ. Я знаю, что это было бы безуміе, но что подѣлаешь? И замѣть, что я не хочу сказать ничего дурного про жену. Клотильда хорошая женщина, я ее знаю и довѣряю ей. Можешь не сомнѣваться, что если бы я былъ убитъ, она выплакала бы всѣ слезы. Но она считаетъ меня въ живыхъ. Я это понимаю. Только не въ этомъ дѣло... Она не можетъ побороть чувства довольства, когда подлѣ нея жарко натопленная печь, ярко горящая лампа и компанія...

— Ты преувеличиваешь, братъ, — проговорилъ я, увлекая Потерлу.—Зачѣмъ такія мысли?...

Мы пошли молча. Приближались къ концу ската. Туманъ серебрился прежде чѣмъ разсѣяться. Скоро покажется солнце; и оно показывается.

* * *

Потерлу взглянулъ на меня и сказалъ:

— Мы пойдемъ окольнымъ путемъ по дорогѣ въ Каранси, а потомъ повернемъ назадъ.

И мы свернули въ поле. Черезъ нѣсколько минутъ онъ сказалъ мнѣ:

— Ты думаешь, что я преувеличиваю?

Онъ задумался, затѣмъ прибавилъ, странно дернувъ головой, какъ тамъ, на развалинахъ:

— Словомъ, это такъ...

Мы стали взбираться по откосу. Холодъ смѣнился тепломъ. Когда мы добрались до ровной площадки, онъ предложилъ мнѣ:

— Присядемъ-ка еще на минутку, прежде чѣмъ вернуться.

Точно отяжелѣвъ отъ думъ и размышленій, онъ грузно сѣлъ. На лбу его застыли складки. Затѣмъ онъ повернулся ко мнѣ и

со смущеннымъ видомъ, точно собирался попросить меня объ услугѣ, сказалъ:

— Скажи мнѣ, братъ, я вотъ спрашиваю себя, правъ я или нѣтъ?

Поглядѣвъ на меня, онъ окинулъ взглядомъ все окружающее, точно искалъ отвѣта на свой вопросъ.

Въ небѣ и на землѣ все преображалось. Туманъ становился почти только мечтой. Пространства открывались въ своей прозрачности. Равнина, до того стѣсненная, сѣрая и печальная, расширилась, гнала тѣни и окрашивалась. Понемногу свѣтъ, подобно крыльямъ, покрывалъ ее съ востока на западъ.

И вотъ вдали у нашихъ ногъ мы увидѣли среди деревьевъ Сушэ. Благодаря разстоянію и игрѣ свѣта, маленькая мѣстность какъ бы возстанавливалась на нашихъ глазахъ, обновленная солнцемъ.

— Правъ ли я?—повторилъ Потерлу, уже менѣе увѣренно.

Прежде чѣмъ я успѣлъ заговорить, онъ самъ себѣ отвѣтилъ. Вполголоса онъ говорилъ:

— Знаешь, она совсѣмъ еще молода — ей двадцать шесть лѣтъ. Она не можетъ совладать со своей молодостью, которая брызжетъ изъ нея, и когда она отдыхаетъ въ теплѣ, при свѣтѣ лампы, то не можетъ не улыбаться. И даже если бы она громко смѣялась и хохотала, это была бы все та же молодость, которая поетъ у нея въ груди. Она улыбалась совсѣмъ не другимъ, по правдѣ сказать, а только самой себѣ. Это жизнь... Она живетъ... Да, она живетъ... Вотъ и все. Не виновата же она, что жива. Вѣдь не требовать же отъ нея, чтобы она умерла? Но, въ такомъ случаѣ, что ей дѣлать? Оплакивать по цѣлымъ днямъ меня и проклинать войну? Кричать? Нельзя же плакать и жаловаться въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ... Это невозможно. Вотъ и все.

Онъ умолкаетъ, чтобы окинуть взглядомъ панораму Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ, залитую солнцемъ.

— Вотъ тоже и моя дѣвочка. Приласкалъ ее чужой человѣкъ — она и рада взлѣзть къ нему на колѣни. Ей бы, пожалуй, и хотѣлось, чтобы на его мѣстѣ былъ дядя или другъ ея отца, но все-таки она ничего не имѣетъ противъ этого человѣка, потому что онъ всегда здѣсь, на глазахъ, хоть онъ и толстая свинья въ очкахъ. Конечно, — воскликнулъ онъ, вставая и размахивая руками, — мнѣ могли бы отвѣтить на это вотъ что: а если бы я не вернулся съ

войны? «Что-жъ, — я сказалъ бы,—смирись, братъ, тебѣ крышка. Нѣтъ больше ни Клотильды, ни любви. Въ одинъ прекрасный день твое мѣсто въ ея сердцѣ будетъ занято другимъ. Нечего обманывать себя,—воспоминаніе о тебѣ, твой образъ, который она носитъ въ душѣ, постепенно сотрется; другой его заслонитъ, и она начнетъ новую жизнь». Все это такъ — если бы я не вернулся!

И онъ добродушно засмѣялся.

— Но я намѣренъ вернуться! Необходимо нужно вернуться! Иначе... Если тебя не будетъ тамъ, то пусть бы всѣ святые ангелы были за тебя, ты все равно проиграешь. Такова жизнь. Но я буду тамъ.

И онъ продолжаетъ смѣяться.

— Я очень буду, какъ говорится.

Я также встаю и хлопаю его по плечу.

— Ты правъ, братецъ. Все это кончится.

Онъ потираетъ руки и продолжаетъ говорить:

— Да, чортъ возьми! Все это кончится когда-нибудь! О, я отлично знаю, что придется еще понатужиться для того, чтобы это кончилось, а послѣ еще труднѣе будетъ. Придется поработать, и не только руками. Придется все перестроить заново. Что-жъ, перестроимъ. Домъ? Исчезъ. Садъ? Нѣтъ его! Что-жъ, отстроимъ домъ. Раскинемъ садъ. Чѣмъ меньше осталось, тѣмъ больше сдѣлаемъ заново. Въ концѣ концовъ, такова жизнь, и мы существуемъ для того, чтобы все возстановлять. Не правда ли? Возстановимъ также нашу совмѣстную жизнь и счастье. Возстановимъ дни, возстановимъ ночи. И другіе тоже такъ сдѣлаютъ. Всѣ возстановятъ свое. И знаешь, что я тебѣ скажу? Быть можетъ, это сдѣлается даже скорѣе, чѣмъ кажется... Я ясно представляю себѣ, что Мадлена Вандеръ выйдетъ замужъ за другого. Она вдова, но вотъ уже восемнадцать мѣсяцевъ, какъ она овдовѣла. Это тебѣ не фунтъ изюму. Насколько мнѣ извѣстно, такъ долго даже трауръ не полагается носить. И какъ люди не правы, когда говорятъ: «Какая она дрянь»... Что же, они хотѣли бы, чтобы она руки на себя наложила? Все забывается; приходится все забыть. Никто въ этомъ не виноватъ, даже мы сами. Такъ должно быть. Когда я увидѣлъ вдругъ, что она смѣется, это меня такъ взорвало, точно ея мужъ только вчера былъ убитъ. Это понятно. Но какъ подумаешь, такъ уже изрядное времячко прошло съ тѣхъ поръ, какъ бѣднягу кокнули, слишкомъ даже изрядное. Все мѣняется. Только

держись! Обязательно надо вернуться туда, надо быть на мѣстѣ! И я вернусь и займу свое мѣсто.

Продолжая шагать, онъ поглядывалъ на меня, подмигивалъ и повеселѣлъ, какъ бы найдя точку опоры для своихъ мыслей.

— Я себѣ представляю ясно, какъ послѣ войны всѣ мы въ Сушэ примемся за трудъ и начнемъ снова жить. Вотъ будутъ дѣла-то! Взять хотя бы дядюшку Понса. Это номеръ. Онъ всегда былъ до того аккуратенъ, что подметалъ траву въ своемъ садикѣ волосяной щеткой, либо подстригалъ ножницами газоны на своей лужайкѣ. Что-жъ, онъ опять за это возьмется. А г-жа Имажинеръ, которая жила въ одномъ изъ крайнихъ домовъ со стороны замка Карлёль. Она полная женщина, которая точно катилась на колесикахъ, спрятанныхъ подъ юбкой. Каждый годъ она рожала по ребенку, какъ заведенная машина: настоящій пулеметъ, выпаливающій дѣтворой. Что-жъ, она снова примется рожать.

Онъ остановился, задумался, улыбнулся, затѣмъ продолжалъ, какъ бы про себя.

— ...Знаешь, я замѣтилъ... Это не очень важно, но я все же замѣтилъ, что у насъ стало какъ будто чище, чѣмъ при мнѣ...

По землѣ протянулись двѣ ленты маленькихъ рельсъ, теряющіяся среди высохшаго на корню сѣна. Потерлу сапогомъ указываетъ мнѣ на эту покинутую колею и, улыбаясь, говоритъ:

— Это наша желѣзная дорога. Черепаха, какъ ее у насъ называли. По ней не очень быстро катили; даже улитка бы поспѣла за поѣздомъ. Что-жъ, и ее также отстроимъ. Разумѣется, скорѣе она отъ этого не пойдетъ; это ей запрещается.

Когда мы взобрались на гребень подъема, онъ повернулся и въ послѣдній разъ окинулъ взоромъ искалѣченныя мѣста, которыя мы посѣтили. Еще явственнѣе, чѣмъ прежде, разстояніе какъ бы возрождало деревню среди остатковъ деревьевъ, казавшихся издали молодыми ростками. Еще явственнѣе, чѣмъ прежде, ясное небо накладывало на эти бѣлыя и розовыя груды отпечатокъ жизни и даже подобіе мысли. Камни преображались, готовя обновленіе. Красота лучей возвѣщала то, что будетъ, и показывала грядущее. Лицо солдата, созерцавшаго все это, озарилось также отблескомъ воскресенія. Весна и надежда вызвали улыбку на его лицѣ. И его розовыя щеки, ясные голубые глаза и золотистыя брови казались выкрашенными въ свѣжія краски.

* * *

Мы спускаемся въ соединительный ходъ. Солнечный свѣтъ проникаетъ туда. Ровъ посвѣтлѣлъ, высохъ и сталъ звонкимъ. Я восхищаюсь его выдержанной геометрической глубиной, гладкими, отполированными лопатой стѣнами и испытываю радость, вслушиваясь въ ясные звуки отъ гулко топающихъ по дну ногъ.

Смотрю на часы. Они показываютъ девять и въ то же время отражаютъ на циферблатѣ синее небо и тонкіе профили маленькихъ деревьевъ, нависшихъ надъ краями окопа.

Мы съ Потерлу радостно переглядываемся; мы радуемся другъ другу, точно послѣ долгой разлуки. Онъ говоритъ со мной, и хотя я привыкъ къ его напѣвному сѣверному акценту, я точно впервые замѣчаю, что онъ поетъ.

Были у насъ тягостные дни и страшныя ночи, проведенные въ холодѣ, въ водѣ и грязи. Теперь, хотя еще зима, но первое ясное утро возвѣщаетъ намъ о приближеніи новой весны. Уже наверху окопа появилась нѣжная зеленая травка, въ которой трепещетъ пробуждающійся цвѣтокъ. Скоро конецъ короткимъ днямъ. Весна приходитъ и сверху, и снизу. Мы дышимъ полной грудью.

Да. Кончатся тягостные дни. И война также кончится. И кончится она въ эту прекрасную пору, которая приближается, уже озаряетъ насъ своими лучами и ласкаетъ своимъ вѣтеркомъ.

Свистъ. Шальная пуля.

Пуля? Да нѣтъ! Это, вѣроятно, птичка защебетала.

До странности схожіе звуки... Птички, которыя щебечутъ, поля, смѣна временъ года, уютъ комнатъ, залитыхъ свѣтомъ... Да, война кончится, и мы навсегда вернемся къ своимъ близкимъ: къ женѣ, къ дѣтямъ или къ той, которая совмѣщаетъ въ себѣ и жену и дитя; и мы улыбаемся имъ при свѣтѣ этой юной зари, которая уже соединяетъ насъ.

...Въ мѣстѣ скрещенія двухъ соединительныхъ ходовъ высится нѣчто въ родѣ портика. Это двѣ балки, опирающіяся другъ о дружку, и на нихъ висятъ электрическія проволоки, напоминающія ліаны. Выходитъ очень эффектно. Можно подумать, что это театральная декорація. Тоненькое ползучее растеніе обвило одну изъ балокъ и уже перекидывается на другую.

Вскорѣ, подвигаясь вдоль соединительнаго хода, стѣны котораго покрыты травой и трепещутъ точно бока живого коня, мы доходимъ до нашего окопа на Бетюнской дорогѣ.

Вотъ и наше расположеніе. Товарищи сбились въ кучку. Они ѣдятъ и наслаждаются тепломъ.

Покончивъ съ ѣдой, вытираютъ миски и тарелки изъ алюминія кусочкомъ хлѣба.

— А солнце-то исчезло.

Дѣйствительно, туча закрыла его.

— Вѣроятно, скоро польетъ,—говоритъ Ламюзъ.

— Вотъ оно, наше счастье! Какъ разъ когда намъ уходить!

— Проклятый край!—злится Фуйядъ.

И, дѣйствительно, сѣверный климатъ отвратительный. Моросить, льетъ, застилаетъ все туманомъ. А когда показывается солнце, оно быстро гаснетъ на этомъ влажномъ небѣ.

Кончены наши четыре дня въ окопахъ. Сегодня вечеромъ смѣна. Мы медленно приготовляемся къ уходу. Наполняемъ и укладываемъ мѣшки и ранцы. Вычищаемъ ружье и затыкаемъ дуло. Уже четыре часа. Быстро темнѣетъ. Мы еле различаемъ другъ друга.

— Чортъ возьми, вотъ и дождь!

Нѣсколько капель. Затѣмъ ливень. Натягиваемъ на головы капюшоны, накрываемся брезентомъ. Входимъ въ прикрытіе, плескаясь въ лужахъ и попадая колѣнами, руками и локтями въ грязь, ибо дно окопа начинаетъ становиться мокрымъ и липкимъ. Въ своей норѣ мы едва успѣваемъ зажечь свѣчу, поставленную на камень, и дрожимъ отъ холода.

— Пора отправляться въ путь!

Выбираемся наружу во мракѣ, подъ дождемъ и вѣтромъ. Я смутно различаю могучую фигуру Потерлу. Мы стоимъ рядомъ. Когда мы начинаемъ шагать, я кричу ему въ темнотѣ:

— Ты здѣсь дружище?

— Да, впереди тебя,—отвѣчаетъ онъ, поворачиваясь.

Въ эту минуту дождь и вѣтеръ хлещутъ его по лицу, но онъ смѣется. У него съ самаго утра счастливое выраженіе лица. И не ливню лишить его довольства, которое онъ носитъ въ своемъ мужественномъ сердцѣ. Не мрачный скучный вечеръ погаситъ солнце, засіявшее нѣсколько часовъ тому назадъ въ его глазахъ и въ его помыслахъ.

Мы шагаемъ, толкаемся, спотыкаемся... Дождь не прекращается, и вода стекаетъ на дно окопа. Рѣшетчатые люки шатаются на размокшей землѣ. Нѣкоторые изъ нихъ скосились направо или налѣво, и по нимъ скользитъ нога. Къ тому же, въ темнотѣ ихъ не видно, и случается, что попадаешь ногой мимо, въ лужи.

Я не теряю изъ виду каску Потерлу, по которой, точно по крышѣ, стекаетъ вода. Гляжу на его широкую спину, закрытую поблескивающимъ квадратомъ клеенки. Я отъ него не отстаю и отъ времени до времени окликаю его. Онъ отвѣчаетъ мнѣ все такъ же спокойно и добродушно.

Когда кончаются рѣшетчатые люки, мы начинаемъ хлюпать по густой грязи. Теперь совсѣмъ темно. Мы неожиданно останавливаемся, и я налетаю на Потерлу. Впереди слышны сердитые крики.

— Что-жъ, пойдешь ты, или нѣтъ? Вѣдь мы отстанемъ отъ переднихъ!

— Никакъ не могу вытащить ногу, — отвѣчаетъ жалобный голосъ.

Наконецъ, увязшему удается вылѣзть, и теперь намъ приходится бѣжать, чтобы нагнать роту. Мы едва переводимъ духъ и ругаемъ тѣхъ, которые впереди. Ставимъ ноги куда попало. Скользимъ, хватаемся за стѣнки и пачкаемъ руки въ грязи. Наше передвиженіе превращается въ бѣгъ, сопровождаемый металлическимъ грохотомъ и ругательствами.

Дождь усиливается. Вторая внезапная остановка. Кто-то упалъ. Шумъ.

Онъ встаетъ, и мы снова идемъ. Я стараюсь не отставать отъ каски Потерлу, которая мерцаетъ передо мной во мракѣ, и время отъ времени кричу ему:

— Ну что, какъ ты?

— Да ничего,—отвѣчаетъ онъ мнѣ, потягивая носомъ и отдуваясь, но все такимъ же звучнымъ и поющимъ голосомъ.

Ранецъ больно впился въ плечи. Окопъ вдругъ преграждается обваломъ, въ которомъ мы увязаемъ... Приходится съ большими усиліями вытаскивать ноги изъ рыхлой и липкой земли, высоко поднимая ихъ на каждомъ шагу. Выбравшись, наконецъ, изъ обвала, мы попадаемъ въ скользкую лужу. Сапоги образуютъ въ глубинѣ двѣ узкія рытвины, въ которыя нога попадаетъ, точно въ желобъ. Въ одномъ мѣстѣ приходится низко нагнуться, чтобы пройти подъ массивнымъ мосткомъ, перекинутымъ черезъ окопъ, и это удается не безъ труда. Мы вынуждены становиться на колѣни въ грязи, припадать къ землѣ и ползти на четверенькахъ. Немного подальше приходится обойти вѣху, которая наклонилась отъ дождя и загораживаетъ проходъ.

Вотъ мы на скрещеніи двухъ ходовъ.

— Впередъ, товарищи!—кричитъ старшій, забившись въ нишу, чтобы пропустить насъ впередъ.

— Мы устали,—говоритъ кто-то хриплымъ, задыхающимся голосомъ, который трудно узнать.

— Чортъ побери, я больше не могу, я останусь! — стонетъ другой, совершенно обезсилѣвъ.

— Что же мнѣ дѣлать?—отвѣчаетъ старшій.—Не моя это вина. Идемте скорѣй, братцы! Это опасный участокъ. Предыдущую смѣну здѣсь обстрѣляли...

Мы идемъ, обдаваемые вѣтромъ и водой. Кажется, будто мы спускаемся въ яму. Скользимъ, падаемъ, налетаемъ на стѣнку окопа, затѣмъ локтемъ отталкиваемся отъ нея, выравниваемся и снова идемъ.

Гдѣ мы? Несмотря на дождь, бьющій въ лицо, я поднимаю голову. На фонѣ едва замѣтнаго неба я различаю верхній край окопа и что-то въ родѣ мрачныхъ воротъ изъ двухъ наклоненныхъ другъ къ дружкѣ балокъ, съ проволоками, нависшими на нихъ, точно паутина. Это портикъ.

— Впередъ, впередъ!

Я нагибаю голову и больше ничего не вижу. Только снова слышу шлепаніе сапогъ, звяканье штыковыхъ ноженъ, глухія восклицанія и учащенное дыханіе.

Снова неожиданная остановка; какъ въ предыдущій разъ, я налетаю на Потерлу и упираюсь въ его могучую спину, мощную, какъ стволъ дерева, какъ само здоровье и надежда. Онъ кричитъ мнѣ:

— Бодрѣй, братъ! Скоро конецъ!

Мы останавливаемся, пятимся назадъ... Чортъ возьми! Нѣтъ, снова идемъ впередъ.

Вдругъ надъ нами раздается оглушительный взрывъ. Меня всего подбрасываетъ. Металлическій гулъ наполняетъ мнѣ голову. Обжигающій запахъ сѣры проникаетъ въ носъ и затрудняетъ дыханіе. Земля разверзлась предо мной. Ослѣпленный этой вспышкой и грохотомъ, я чувствую, какъ меня приподняло и отбросило въ сторону... Однако, я ясно помню одно: въ тотъ мигъ, когда, обезумѣвъ, я инстинктивно искалъ своего брата по оружію, я увидѣлъ, какъ его подбросило, какъ онъ широко распростеръ руки и какъ на мѣстѣ его головы вспыхнуло пламя.

XIII.

Грубыя слова.

Баркъ смотритъ, какъ я пишу. Ползая на четверенькахъ по соломѣ, онъ приближается ко мнѣ и поднимаетъ на меня свое лукавое лицо съ рыжеватымъ локономъ, какъ у клоуна; оно озарено живыми глазками, и надъ ними образовались двѣ наклонно сходящіяся складки. Его ротъ ходитъ во всѣ стороны, потому что онъ жуетъ плитку шоколада, огрызокъ которой еще держитъ въ рукѣ.

Дыша на меня запахомъ лавки и кондитерской, онъ, съ полнымъ ртомъ, бормочетъ мнѣ:

— Скажи-ка, ты вотъ пишешь книги. Ты потомъ будешь писать о насъ, о солдатахъ?

— Разумѣется, сынокъ; я буду писать и о тебѣ, и о товарищахъ, и обо всей нашей жизни.

— А скажи мнѣ...

Онъ киваетъ головой на бумагу, на которой я дѣлалъ замѣтки. Держа карандашъ въ рукахъ, я гляжу на Барка и слушаю. Ему хочется задать мнѣ нѣсколько вопросовъ.

— Скажи, пожалуйста... Я хотѣлъ кое-о-чемъ спросить тебя. Вотъ въ чемъ дѣло: если въ твоей книгѣ будутъ разговаривать солдаты, какъ они будутъ говорить, — какъ на самомъ дѣлѣ, или ты это передѣлаешь по-вашему? Я насчетъ грубыхъ словечекъ... Потому что хоть мы и добрые товарищи, но все-таки, даже когда мы не ссоримся, ты никогда не услышишь, чтобы два солдата разговаривали и ежеминутно не произносили и не повторяли вещей, которыя книгопечатники не очень то любятъ печатать. Такъ какъ же? Если ты этихъ словъ не станешь приводить, твой портретъ не будетъ похожъ: выйдетъ такъ, точно ты хотѣлъ насъ нарисовать и не

положилъ самой яркой краски гдѣ надо. А съ другой стороны, какъ будто не подходитъ.

— Я приведу всѣ эти грубыя словечки, потому что этого требуетъ правда.

— Но если ты напишешь ихъ, развѣ въ твоемъ обществѣ, которому дѣла нѣтъ до правды, не обзовутъ тебя свиньей?

— Можетъ быть, но я все-таки такъ поступлю, не обращая ни на кого вниманія.

— Хочешь знать мое мнѣніе? Хотя я и не много смыслю въ книгахъ, но все-таки скажу тебѣ, что очень смѣло и замѣчательно съ твоей стороны, если ты рѣшишься написать вещи, которыя не приняты у васъ. Но въ послѣднюю минуту тебѣ будетъ непріятно и трудно, потому что ты слишкомъ вѣжливъ... Это одинъ изъ твоихъ недостатковъ, и я знаю его за тобой съ первой минуты знакомства. Это и еще вотъ та нехорошая привычка, которой ты отличаешься, когда намъ раздаютъ водку: подъ предлогомъ, что ты считаешь ее вредной, ты, вмѣсто того, чтобы дать свою долю товарищу, выливаешь ее себѣ на голову для уничтоженія вшей...

XIV.

Солдатское имущество.

Сарай находится въ концѣ двора «Фермы нѣмыхъ», въ низкой постройкѣ, напоминающей пещеру. Даже въ домахъ намъ достаются подземелья! Когда проходишь дворъ, гдѣ навозъ уходитъ съ бульканьемъ изъ-подъ ногъ, или когда обходишь его, съ трудомъ держась въ равновѣсіи на узкой каменной обочинѣ, и стоишь, наконецъ, у двери въ сарай, — то сразу ничего не видно.

Затѣмъ, привыкнувъ къ темнотѣ, начинаешь различать какое-то мрачное углубленіе, гдѣ лежатъ или двигаются смутныя формы. Въ глубинѣ справа и слѣва мерцаютъ блѣдные огоньки свѣчей, окруженные туманнымъ кольцомъ, подобно далекой лунѣ. При ихъ свѣтѣ, наконецъ, различаешь людей, изо рта которыхъ вылетаетъ то паръ, то густой дымъ.

Сегодня вечеромъ въ нашей норѣ, куда я проникаю съ осторожностью, царитъ необычайное оживленіе. Завтра утромъ мы отправляемся въ окопы и поэтому сегодня укладываемся.

Я осторожно пробираюсь въ полумракѣ среди груды бидоновъ, котелковъ и всякой рухляди, валяющейся на землѣ, но чуть не падаю, наткнувшись на громоздящіеся посрединѣ, какъ накиданные торцы, круглые хлѣбцы... Я пробираюсь въ свой уголъ. Тамъ, склонившись надъ разложенными по землѣ бездѣлушками, высится огромная круглая спина въ шерстяной курткѣ. Я хлопаю согнувшагося человѣка по плечу. Онъ поворачивается, и при свѣтѣ мерцающей свѣчи, вставленной въ кольцо воткнутаго въ землю штыка, я вижу половину лица, глазъ, конецъ уса и уголъ пріоткрытаго рта. Солдатъ благодушно ворчитъ и продолжаетъ разглядывать свой хламъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь?

— Да вотъ привожу все въ порядокъ, укладываюсь.

Этотъ человѣкъ въ родѣ разбойника, подсчитывающаго добычу, — мой товарищъ Вольпаттъ. Я вижу, въ чемъ дѣло: онъ разложилъ на своей парусинной палаткѣ, сложенной вчетверо поверхъ постели, т.-е., попросту, охапки соломы, все содержимое своихъ кармановъ.

И это цѣлая лавочка, которую онъ окидываетъ заботливымъ взглядомъ хозяйки и внимательно слѣдитъ, чтобы никто не наступилъ на его добро. Я вглядываюсь въ эту выставку.

Вокругъ носового платка, трубки, кисета, въ которомъ лежитъ также папиросная бумага, и рядомъ съ ножомъ, кошелькомъ и огнивомъ, т.-е. рядомъ съ необходимыми предметами солдатскаго обихода, лежатъ два обрывка кожаныхъ шнурковъ; они обвиты, точно земляные черви, вокругъ часовъ, спрятанныхъ въ прозрачный целлулоидный футляръ, отъ старости уже потускнѣвшій. Затѣмъ маленькое круглое зеркальце и другое квадратное; послѣднее разбито, но оно лучшаго качества, хорошо отшлифованное. Пузырекъ скипидара, флаконъ минеральнаго масла и еще третій пустой пузырекъ. Пряжка отъ нѣмецкаго кушака съ надписью: «Gott mit uns», нѣмецкій темлякъ, завернутая въ бумагу стрѣлка для метанья съ аэроплана; она имѣетъ форму стального карандаша и заостренна, какъ игла. Складныя ножницы, складная ложка-вилка. Огрызокъ карандаша, кусокъ свѣчки. Стеклянная трубочка съ таблетками аспирина и опіума, нѣсколько коробокъ изъ бѣлой жести.

Видя, что я разсматриваю его имущество, Вольпаттъ даетъ мнѣ объясненія.

— Это—старая офицерская замшевая перчатка. Я срѣзаю съ нея пальцы, чтобы заткнуть дуло моего арбалета. Вотъ это телефонная проволока; только такой проволокой и слѣдуетъ пришивать пуговицы къ шинели, чтобы онѣ держались. А вотъ это — бѣлыя нитки, только не такая дрянь, какой тебѣ шьютъ костюмы и которая вытягивается, какъ макароны на вилкѣ. А вотъ это цѣлый наборъ иголокъ. Англійскія булавки лежатъ особо. Это мои бумаги. Библіотека...

Дѣйствительно, среди предметовъ, выложенныхъ изъ кармана Вольпатта, имѣется также странная груда бумагъ: фіолетовый пакетикъ почтовой бумаги, солдатская книжка съ обтрепанными краями, записная книжка въ кожаномъ переплетѣ, наполненная записками и портретами, съ фотографіей жены и дѣтей посрединѣ.

Вольпаттъ вытаскиваетъ ее и еще разъ показываетъ мнѣ. Я снова знакомлюсь съ г-жей Вольпаттъ, полногрудой, добродушной женщиной, окруженной двумя мальчиками въ бѣлыхъ воротничкахъ.

— А у меня,—говоритъ Бике, которому двадцать лѣтъ,— только фотографія моихъ стариковъ.

И онъ показываетъ намъ при свѣтѣ свѣчи фотографію своихъ стариковъ-родителей; они серьезно глядятъ на насъ, благонравные, какъ дѣти Вольпатта.

— У меня также есть фотографія родныхъ,– говоритъ другой. Я никогда съ нею не разстаюсь.

— Да, каждый изъ насъ уноситъ съ собой свою родню,— прибавляетъ третій.

— Странное дѣло,—замѣчаетъ Баркъ,—когда слишкомъ долго смотришь на портретъ, онъ отъ этого изнашивается. Не слѣдуетъ слишкомъ часто разглядывать карточки; я самъ не знаю почему, а только сходство отъ этого пропадаетъ.

— Ты правъ,—говоритъ Блэръ.—Я также это нахожу.

— Среди моихъ бумагъ имѣется также карта этой мѣстности,— продолжаетъ Вольпаттъ.

Онъ разворачиваетъ ее. Протершаяся на сгибахъ и изношенная, она кажется шторой, сдѣланной изъ сшитыхъ квадратиковъ.

— Есть у меня еще газета (онъ разворачиватъ газетную статью о солдатахъ), потомъ книга (дешевый романъ подъ заглавіемъ «Дважды дѣвственница»). А это еще что за клочокъ газеты? «Этампская пчела»... Не знаю, почему я отложилъ это. Вѣроятно что-нибудь тамъ есть. Надо будетъ просмотрѣть на досугѣ. Затѣмъ еще колода картъ и игра въ шашки изъ бумаги съ сургучными шашками.

Баркъ, подошедшій поближе, смотритъ на вещи и говоритъ:

— У меня въ карманахъ еще много другого есть.

Затѣмъ, обращаясь къ Вольпатту, спрашиваетъ:

— Есть у тебя бошскій сольдбухъ (солдатская книжка), черепъ ты вшивый? Есть у тебя пузырьки іода, браунингъ? У меня все это имѣется, да вдобавокъ два ножа.

— У меня нѣтъ ни револьвера, ни бошской книжки,—возражаетъ Вольпаттъ,—но я могъ бы имѣть два и даже десять ножей, только мнѣ достаточно и одного.

— Это смотря какъ,—говоритъ Баркъ.—А есть у тебя механическія пуговицы?

— Есть!—восклицаетъ Бекювъ.

Солдатъ не можетъ безъ нихъ обойтись,—увѣряетъ Ламюзъ,—иначе подтяжки никакъ держаться не будутъ.

— У меня всегда есть въ карманѣ,—говоритъ Блэръ,—наборъ для обтачиванія колецъ.

И онъ вытаскиваетъ изъ кармана этотъ наборъ, завернутый въ мѣшочекъ изъ-подъ противогазовой маски.

— При мнѣ всегда бичевка,—это очень нужная вещь,—говоритъ Бике.

— Все не такъ, какъ гвозди,—замѣчаетъ Пепэнъ и показываетъ три гвоздя—большой, средній и маленькій.

Постепенно въ эту бесѣду вмѣшиваются другіе и показываютъ свое добро. Мы привыкли уже къ полумраку. Но капралъ Салаверъ, пользующійся репутаціей мастера на всѣ руки, вставляетъ свѣчу въ своеобразную подвѣску, которую онъ сфабриковалъ изъ коробки отъ сыра и проволоки. Зажигаемъ свѣчу, и вокругъ этой люстры каждый любовно, какъ мать своихъ дѣтей, перечисляетъ содержимое своихъ кармановъ.

— Во-первыхъ, сколько у насъ всѣхъ кармановъ?

— Кармановъ? Восемнадцать,—говоритъ кто-то; оказывается что это, конечно, человѣкъ-цифра, Коконъ.

— Восемнадцать кармановъ? Что-то врешь ты, крысиный носъ,—восклицаетъ Ламюзъ.

— Я утверждаю, что восемнадцать, — настаиваетъ Коконъ.— Вотъ сосчитай, если ты такой умникъ.

Ламюзъ хочетъ сосчитатъ и, чтобы не ошибиться, подноситъ обѣ руки къ свѣту и начинаетъ считать по пальцамъ: два кармана заднихъ шинельныхъ, затѣмъ карманъ для перевязочнаго матеріала, въ которомъ мы держимъ табакъ, два боковыхъ шинельныхъ спереди, два внѣшнихъ съ обѣихъ сторонъ съ клапанами, три въ шароварахъ и даже три съ половиной, потому что есть передній карманчикъ.

— Я тамъ держу компасъ,—говоритъ Фарфадэ.

— А я шнуръ трута.

— А я,—говоритъ Тирлуаръ,—маленькій свистокъ, который мнѣ послала жена съ припиской: «Если тебя ранятъ, свистни, чтобы товарищи пришли спасти тебѣ жизнь».

Всѣхъ смѣшитъ эта наивная фраза. Тюлакъ вмѣшивается въ разговоръ и снисходительно говоритъ Тирлуару:

— Что съ нихъ возьмешь? Онѣ тамъ въ тылу не знаютъ, что такое война, какъ ты не знаешь, что такое тылъ. Вѣдь, небось, если бы ты сталъ говорить о немъ, такъ напоролъ бы ерунды.

— Ну, этого кармана мы считать не будемъ: онъ слишкомъ маленькій,—говоритъ Салаверъ. Итого десять.

— Въ курткѣ четыре. Значитъ, пока всего только четырнадцать.

— А еще два кармана для патроновъ.

— Шестнадцать,—говоритъ Салаверъ.

— Эхъ ты, головотяпъ, посмотри-ка хорошенько на мою куртку! А эти два кармана ты не считалъ? Почему? Это настоящіе карманы, и находятся они тамъ, гдѣ полагается,—самые что ни на есть штатскіе карманы, въ которыхъ, обыкновенно, держатъ табакъ, адреса и всякую другую дребедень.

— Восемнадцать!—важно провозглашаетъ Салаверъ тономъ чиновника или аукціониста.—Правильно! Восемнадцать!

Въ этотъ моментъ кто-то спотыкается о порогъ и топчется, точно ретивая лошадь. Слышна ругань.

Затѣмъ, послѣ краткаго молчанія, раздается повелительный окликъ.

— Эй, вы тамъ! Укладываетесь, что ли? Надо, чтобы все было готово сегодня вечеромъ; да поосновательнѣе укладывайте: на этотъ разъ мы пойдемъ на передовыя позиціи, и, быть можетъ, будетъ даже жаркое дѣло...

— Ладно, ладно,—разсѣянно отвѣчаютъ голоса.

— Какъ пишется Арнессъ?—спрашиваетъ Бекювъ, который, стоя на четвереньках, пишетъ карандашомъ адресъ на конвертѣ.

Межъ тѣмъ, какъ Коконъ диктуетъ ему по буквамъ слово «Эрнестъ», начальство удаляется, громко повторяя у другихъ сараевъ то же распоряженіе, и Блэръ говоритъ намъ:

— Послушайте, ребята, я вамъ дамъ хорошій совѣтъ. Непремѣнно держите свою кружку въ карманѣ. Ужъ я пробовалъ всюду пристраивать ее, но практичнѣе всего карманъ. Когда ты въ походѣ, во всей амуниціи или налегкѣ въ окопахъ, она у тебя подъ рукой на всякій случай: бываетъ, что какой-нибудь товарищъ богатъ виномъ и хочетъ угостить тебя, или попадается виноторговецъ по дорогѣ.

— Вотъ ужъ гдѣ я не стану ее держать,—протестуетъ Ламюзъ.—Придетъ же въ голову такая глупость. Я предпочитаю привѣсить ее на крючкѣ къ ремню.

— А еще лучше повѣсить ее на пуговицу шинели, какъ противогазовую маску.

— У меня нѣмецкая кружка,—заявляетъ Баркъ.—Она плоская и, если хочешь, можешь ее помѣстить въ боковой карманъ, либо въ патронташъ, когда онъ немножко освободился, или же ты пересыпалъ патроны въ мѣшокъ.

— Нѣмецкая кружка ни къ чорту не годится,—возражаетъ Пепэнъ.—Она неустойчивая и только мѣшаетъ.

— Подожди ка,—говоритъ Тиреттъ, не лишенный наблюдательности.—Если мы, дѣйствительно, пойдемъ на этотъ разъ въ атаку, какъ сказалъ адъютантъ, тебѣ, быть можетъ, удастся найти нѣмецкую кружку. Вотъ тогда мы и посмотримъ, станешь ли ты ее ругать.

— Адъютантъ сказалъ,—замѣчаетъ Эвдоръ,—но вѣдь навѣрняка онъ не знаетъ...

— Нѣмецкая кружка вмѣщаетъ больше четверти литра,—говоритъ Коконъ,—такъ какъ вмѣстимость четверти обозначена у нихъ чертой на разстояніи трехъ четвертей отъ дна. А это очень удобно, потому что если у тебя точная четверть, то надо, когда тебѣ наливаютъ кофе, вина или «святой воды», чтобы наполнили ее до краевъ, а это никогда не дѣлается при раздачѣ. А если бы и сдѣлали, ты все равно прольешь.

— Никогда этого не дѣлаютъ,—говоритъ Парадизъ, всегда возмущавшійся недоливаніемъ.—Раздатчикъ, когда наливаетъ тебѣ, всегда суетъ въ кружку свой палецъ, да еще хлопаетъ пару разъ по дну, чтобы вогнать его поглубже. Такимъ образомъ, у тебя оттягиваютъ, по крайней мѣрѣ, треть кружки и безсовѣстно тебя надуваютъ.

— Это правда,—соглашается Баркъ.—Но не хорошо также, чтобы кружка была слишкомъ большая, потому что въ этомъ случаѣ раздатчикъ не довѣряетъ тебѣ и скорѣе не дольетъ, чѣмъ перельетъ. Ты же окажешься въ убыткѣ.

Вольпаттъ тѣмъ временемъ раскладываетъ предметы своей выставки по карманамъ. Когда подходитъ очередь кошелька, онъ печально смотритъ на него.

— Плоскій какой сталъ, говоритъ онъ и считаетъ—три франка... Надо будетъ снова опериться, а то бѣда.

— Ты не одинъ безъ гроша.

— Солдатъ тратитъ больше, чѣмъ зарабатываетъ, иначе ему нельзя. Я спрашиваю себя, что бы съ нимъ сталось, если бы онъ получалъ только свой паекъ?

Парадизъ съ классической простотой отвѣчаетъ:

— Онъ бы подохъ.

— А вотъ взгляните, что у меня въ карманѣ; съ этимъ я никогда не разстаюсь.

И Пепэнъ гордо показываетъ серебряный приборъ.

— Онъ принадлежалъ, — говоритъ онъ, — старой обезьянѣ, у которой мы жили въ Грандъ-Розуаръ.

— Быть можетъ, онъ еще и теперь принадлежитъ ей?...

Пепэнъ дѣлаетъ неопредѣленный жестъ, выражающій одновременно и гордость и скромность; затѣмъ смѣлѣетъ, улыбается и говоритъ:

— Ужъ я ее знаю, эту старую коргу. Я увѣренъ, что она будетъ всюду рыскать до конца дней въ поискахъ за своимъ приборомъ.

— Мнѣ, — говоритъ Вольпаттъ,—никогда не удавалось ничего стянуть, кромѣ пары ножницъ. Другимъ везетъ, а мнѣ нѣтъ. Вотъ почему я храню ихъ, какъ сокровище, хотя они мнѣ ни къ чему.

— Мнѣ изрѣдка удавалось стибрить кое-какія мелочи, но что съ того? Саперы у меня ихъ всегда лимонили.

— Какъ ни изворачиваться, всегда кто-нибудь да пообчиститъ тебя. Не стоитъ и огорчаться.

— Эй, вы тамъ, кто хочетъ іодовой тинктуры! — кричитъ санитаръ Сакронъ.

— Я сохраняю письма жены,—говоритъ Блэръ.

— Я отсылаю ихъ ей назадъ.

— А я берегу. Вотъ они....

Эвдоръ вытаскиваетъ связку смятыхъ бумагъ.

— Я ихъ храню и иногда перечитываю. Когда холодно или плохо себя чувствуешь, возьмешь и перечитаешь ихъ. Это тебя не согрѣетъ, но все-таки покажется, что теплѣе.

Эта фраза, повидимому, таитъ въ себѣ глубокую правду, ибо нѣсколько человѣкъ одновременно поддакиваютъ.

Бесѣда продолжается въ этомъ сараѣ, по которому движутся тѣни; онѣ не проникаютъ лишь въ темные углы, не освѣщенные мерцающимъ свѣтомъ убогихъ свѣчекъ.

Эти тѣни движутся взадъ и впередъ, присѣдаютъ, ложатся на землю, укладываются, говорятъ сами съ собой, перекликаются, путаясь во всякой рухляди и хвастая своими богатствами.

— Взгляни-ка на эту штуку.

— Здорово, — отвѣчаетъ завидующій голосъ.

Всѣмъ хотѣлось бы имѣть все, что есть у другихъ. У насъ во взводѣ имѣются легендарныя сокровища, составляющія предметъ общей зависти. Напримѣръ, двухлитровый бидонъ, принадлежащій Барку и раздутый умѣлымъ холостымъ выстрѣломъ до объема въ два съ половиной литра. Затѣмъ знаменитый большой ножъ съ роговымъ черенкомъ, принадлежащій Бертрану.

Несмотря на суету, солдаты искоса поглядываютъ на эти музейныя рѣдкости, затѣмъ каждый продолжаетъ укладывать свои вещи.

Какое убогое имущество! Все, что сфабриковано спеціально для солдата, плохого качества и безобразно, начиная съ картонныхъ ботинокъ и кончая плохо скроеннымъ платьемъ, которое и плохо сшито, плохо окрашено, и сдѣлано изъ просвѣчивающаго гнилого, точно пропускная бумага, сукна, выцвѣтающаго послѣ одного солнечнаго дня и промокающаго насквозь послѣ одного часа дождя. И ремни у нихъ тонкіе, какъ стружки. Никуда не годится фланелевое бѣлье, не стоющее даже бумажнаго. Противенъ и табакъ, напоминающій солому.

Мартро рядомъ со мной. Онъ указываетъ мнѣ на товарищей и говоритъ:

— Посмотри только на этихъ бѣднягъ, любующихся своимъ скарбомъ. Точно толпа матерей, которыя заглядѣлись на своихъ дѣтей. Ты послушай, какъ они называютъ свои вещи: «Мой ножъ». Это звучитъ совсѣмъ какъ: «Мой Леонъ, мой Шарль или мой Адольфъ». И знаешь, они никакъ не могутъ брать съ собой меньше поклажи. Не потому, что не хотятъ, — вѣдь силъ то на военной службѣ немного остается!—а потому, что не могутъ. Они слишкомъ любятъ свои вещи.

И, дѣйствительно, поклажа у солдата огромная, такъ что каждая лишняя вещь, это—лишній трудъ, лишняя усталость и лишняя боль въ плечахъ.

Нагрузка не ограничивается тѣмъ, что находится въ карманахъ и мѣшкахъ. Есть еще установленный правилами грузъ, который носятъ на спинѣ.

Ранецъ, это—чемоданъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, шкафъ. И старые солдаты отличаются искусствомъ чудесно увеличивать его вмѣстимость умѣлымъ распредѣленіемъ предметовъ. Вотъ каковъ обязательный грузъ: двѣ коробки мясныхъ консервовъ, двѣнадцать бисквитовъ,

двѣ таблетки кофе и два пакета конденсированнаго супу, мѣшочекъ сахару, перемѣна бѣлья и запасные ботинки. Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ мы ухитряемся умѣстить нѣсколько коробокъ консервовъ, табакъ, шоколадъ, свѣчи и туфли; затѣмъ мыло, спиртовую ламночку, твердый спиртъ и шерстяныя вещи. Если къ этому прибавить одѣяло, одѣяльце для ногъ, кусокъ просмоленнаго холста, всякіе инструменты, миску, лагерныя принадлежности, то поклажа становится чудовищной. И мой сосѣдъ правъ: каждый разъ, когда солдатъ послѣ многихъ километровъ маршировки по дорогѣ и по соединительнымъ окопамъ приходитъ на пунктъ, онъ клянется, что въ слѣдующій разъ отдѣлается отъ кучи вещей и облегчитъ плечи отъ лишней тяжести. Но каждый разъ, когда онъ снова готовится въ путь, онъ упорно тащитъ тотъ же грузъ и ни за что съ нимъ не разстанется, хотя и клянетъ его.

— Есть такіе хитрецы,—говоритъ Ламюзъ,—которые кладутъ свои вещи въ ротную повозку или санитарную... Но понятно, что изъ двухсотъ пятидесяти человѣкъ роты это немногимъ удается, тѣмъ болѣе, что этимъ преимуществомъ пользуются нашивочники. Да и начальство частенько заглядываетъ въ фургоны и, если увидитъ тамъ твой хламъ, то вышвырнетъ его прямо посреди дороги, да еще и выругаетъ тебя.

— Въ началѣ войны было иначе. Были такіе, я видѣлъ это своими глазами, которые нагружали весь свой багажъ и даже свой шкафъ въ дѣтскую колясочку и толкали ее впереди себя, идя въ походъ.

— Хорошее это было время! Теперь ужъ не то.

Глухой ко всѣмъ этимъ разговорамъ Вольпаттъ накрылся, какъ шалью, своимъ одѣяломъ, которое придаетъ ему видъ старой вѣдьмы, и все похаживаетъ вокругъ какого-то предмета, лежащаго на землѣ.

— Я спрашиваю себя,—говоритъ онъ, ни къ кому не обращаясь,—взять ли мнѣ съ собой эту дрянную флягу или не брать? Только я одинъ во всемъ взводѣ всегда таскалъ ее. Но бѣда, что она течетъ.

Онъ никакъ не можетъ рѣшиться, и мы наблюдаемъ настоящую сцену разставанія.

Баркъ искоса поглядываетъ на него и посмѣивается, бормоча: «Старый дуракъ». Но вскорѣ перестаетъ насмѣхаться и говоритъ:

— Въ концѣ концовъ, всякій другой на его мѣстѣ поступалъ бы какъ онъ.

Вольпаттъ откладываетъ свое рѣшеніе на-позже.

— Увижу завтра утромъ, когда окончательно нагружусь.

Послѣ осмотра и заполненія кармановъ наступаетъ чередъ мѣшковъ, патронташей. Баркъ разглагольствуетъ о способѣ умѣстить законныя двѣ сотни патроновъ въ три патронташа. Связками это невозможно сдѣлать. Надо ихъ распаковать и разложить рядышкомъ, головками вверхъ и внизъ поперемѣнно. Такимъ образомъ патронташъ набивается плотно, безъ пустотъ.

Ружья уже вычищены. Остается только провѣрить обмотку казенной части и снабдить дуло затычкой. Это необходимая предосторожность, потому что иначе осыпающаяся въ окопахъ земля засоряетъ ружье.

Затѣмъ каждому необходимо имѣть на своемъ ружьѣ какой-нибудь отличительный знакъ.

— Я сдѣлалъ нарѣзки на ремнѣ. Вотъ посмотри.

— А я привязалъ къ ремню кусокъ шнурка отъ сапоговъ, такъ что могу найти свою винтовку даже въ темнотѣ.

— А я нацѣпилъ на ремень механическую пуговицу. Такъ не ошибешься. Пащупаю въ темнотѣ эту пуговицу и сейчасъ знаю,— «вотъ моя винтовка». Потому что, понимаешь, есть такіе молодцы, которые никакихъ знаковъ не дѣлаютъ и ружей своихъ не чистятъ, а потомъ возьмутъ, да и прихватятъ чужое вычищенное ружье. И у нихъ еще хватаетъ наглости заявлять потомъ: «У меня, капитанъ, ружье чистенькое, какъ глазъ.» Но со мной это не сойдетъ!

А ружья, хоть и всѣ одинаковые съ виду, но, на самомъ дѣлѣ, различны, какъ почерки.

* * *

— Странное дѣло,—говоритъ мнѣ Мартро,—завтра мы отправляемся въ окопы, а между тѣмъ никто еще не напился и никто не лѣзетъ въ драку. Что касается меня... Разумѣется,—уступаетъ онъ,—я не стану утверждать, что вотъ эти двое не подъ градусомъ... Но они еще не совсѣмъ готовы... Такъ только, клюкнули немножко...

— Это Пуатронъ и Пуальпо, изъ взвода Бруайе.

Они лежатъ и тихо переговариваются. Мы ясно различаемъ круглый носъ одного изъ нихъ, поблескивающій при свѣтѣ свѣчи, и его руку съ поднятымъ пальцемъ, которымъ онъ дѣлаетъ объяснительные жесты.

— Я умѣю развести огонь, но не знаю, какъ снова разжечь его, когда онъ погасъ,—заявляетъ Пуатронъ.

— Балда,—говоритъ Пуальпо.—Если ты умѣешь развести огонь, значитъ долженъ умѣть и зажечь его, потому что это одно и то же.

— Толкуй! Я не понимаю твоихъ разсужденій, говорю тебѣ, и повторяю, что развести огонь я мастеръ; но, когда онъ погасъ, я не знаю, что дальше дѣлать. Это все, что я могу тебѣ сказать.

Я не слышу возраженія Пуальпо. Зато отчетливо улавливаю крикъ Пуатрона.

— Вотъ упрямый человѣкъ! Тридцать разъ говорю тебѣ, что не умѣю. Надо же имѣть такую свиную голову!

— Противно слушать,—говоритъ мнѣ Мартро.

Повидимому, онъ поспѣшилъ со своимъ заключеніемъ, когда удивлялся отсутствію пьяныхъ.

Возбужденіе, вызванное прощальными возліяніями, растетъ въ нашемъ логовищѣ, полномъ пыльной соломы; солдаты, стоя и слегка покачиваясь, другіе на колѣняхъ или сидя на землѣ, чинятъ, приспособляютъ и укладываютъ свои вещи. Въ тонѣ голосовъ появляется какая-то неувѣренность. Жесты безпорядочны.

Изъ смежнаго сарая, отдѣленнаго отъ нашего лишь перегородкой въ человѣческій ростъ, доносятся крики. Тамъ яростно ссорятся двое, но вскорѣ одного изъ нихъ, который забрелъ туда изъ другого взвода, выгоняютъ, и все затихаетъ.

— У насъ пока держатся прилично,—съ нѣкоторой гордостью замѣчаетъ Мартро.

Это правда. Благодаря Бертрану, преслѣдующему пьянство, нашъ взводъ меньше всѣхъ другихъ злоупотребляетъ виномъ и водкой.

... Кричатъ, поютъ, бѣснуются, безъ конца смѣются.

Дѣлаю попытку заглянуть поглубже въ души нѣкоторыхъ изъ этихъ людей, двигающихся въ полумракѣ, подобно тѣнямъ; но это мнѣ не удается. Лица дѣлались непроницаемыми.

* * *

— Уже десять часовъ, друзья мои,—говоритъ Бертранъ.— Завтра закончите. Пора завернуть говядину въ тряпки.

Всѣ медленно начинаютъ укладываться спать. Болтовня не прекращается. Солдатъ дѣлаетъ все съ прохладцой, если нѣтъ настоя-

тельной необходимости торопиться. Каждый ходитъ взадъ и впередъ, держа что-нибудь въ рукахъ, и я вижу на стѣнѣ скользящую тѣнь Эвдора; онъ проходитъ мимо свѣчи и придерживаетъ кончиками пальцевъ два мѣшочка камфары.

Камюзъ все ворочается, ища удобнаго положенія. Повидимому, онъ не очень хорошо себя чувствуетъ: какъ ни велика вмѣстимость его желудка, онъ сегодня, вѣроятно, переѣлъ.

— Дайте спать! Заткните глотку!—кричитъ съ постели Мениль Жозефъ.

Этотъ призывъ вноситъ минутное успокоеніе, но не останавливаетъ окончательно ни шума голосовъ, ни суетливыхъ расхаживаній.

— Завтра мы отправляемся въ окопы, а къ вечеру насъ пошлютъ на передовыя позиціи,—говоритъ Парадизъ.—Но никто объ этомъ даже не думаетъ..

Понемногу всѣ улеглись. Я растянулся на соломѣ; рядомъ со мной Мартро пеленаетъ себя въ одѣяло.

Входитъ колоссальная туша и осторожно ступаетъ, чтобы не шумѣть. Это сержантъ-фельдшеръ, «братъ-маристъ», огромный человѣкъ, съ бородой и въ очкахъ; онъ, повидимому, медлитъ раздѣться, и ждетъ пока всѣ уснутъ, потому что стыдится показать свои ляжки. Онъ торопится потомъ улечься какъ можно незамѣтнѣе, отдувается, вздыхаетъ и бормочетъ.

Мартро киваетъ на него головой и тихо говоритъ мнѣ:

— Посмотри-ка на него... Эти люди всегда болтаютъ не то, что думаютъ. Когда спрашиваешь, чѣмъ онъ занимался на волѣ, онъ не скажетъ тебѣ: «Я учитель въ церковной школѣ», а отвѣтитъ, опуская глаза: «Я преподаватель». Когда онъ встаетъ на разсвѣтѣ, чтобы отправиться въ церковь, и замѣчаетъ, что ты проснулся, онъ не скажетъ тебѣ: «Я иду къ заутренѣ», а совретъ: «У меня животъ болитъ, пойду освободиться».

Немножко дальше дядюшка Рамюръ говоритъ о своихъ мѣстахъ.

— Нашъ поселокъ, очень небольшой. Мой старикъ по цѣлымъ днямъ обкуриваетъ трубки. Работаетъ ли или отдыхаетъ, а вѣчно дымитъ...

Я вслушиваюсь въ этотъ разговоръ, который вдругъ принимаетъ спеціальный, техническій характеръ.

— Для этого онъ приготовляетъ соломку. Знаешь, что такое соломка? Берешь стебелекъ отъ зеленаго колоса и снимаешь кожицу. Затѣмъ разрѣзаешь его надвое, потомъ еще надвое, и та-

кимъ образомъ получаются разныя величины, въ нѣкоторомъ родѣ разные номера. Затѣмъ ниткой и четырьмя стебельками соломы онъ обматываетъ мундштукъ трубки...

Лекція прерывается, такъ какъ никто ее не слушаетъ.

Осталось только двѣ зажженныхъ свѣчи. Тѣнь своимъ громаднымъ крыломъ накрываетъ лежащихъ людей.

Отдѣльные тихіе разговоры еще доносятся съ разныхъ концовъ этого незатѣйливаго дортуара.

Теперь Рамюръ ругаетъ батальоннаго командира.

— Я замѣтилъ, братъ, что хоть онъ и въ большомъ чинѣ, а курить не умѣетъ. Тянетъ, тянетъ свою трубку и сжигаетъ ее. Можно подумать, что у него не ротъ, а пасть. Дерево трескается и обугливается. Глиняныя трубки еще могутъ выдержать, но и онѣ лопаются у него. Я тебѣ предсказываю, что случится когда-нибудь большой скандалъ. Раскаленная трубка треснетъ и ахнетъ его по мордѣ при всѣхъ; вотъ увидишь.

Понемногу въ сараѣ водворяются тишина и полный мракъ, погребающій всѣ заботы и надежды обитателей. Правильные ряды совершенно одинаковыхъ формъ кажутся какимъ-то гигантскимъ оргáномъ, издающимъ разнообразный храпъ.

Уткнувшись носомъ въ одѣяло, я слышу какъ Мартро начинаетъ разсказывать мнѣ о себѣ:

— Я торгую тряпками; короче говоря, я—тряпичникъ, но я оптовщикъ. Покупаю товаръ у уличныхъ тряпичниковъ и устроилъ складъ—попросту чердакъ. Я покупаю тряпки и всякую рухлядь, начиная съ бѣлья и кончая коробками изъ-подъ консервовъ. Но, главнымъ образомъ, ручки щетокъ, мѣшки и домашнія туфли и, разумѣется, еще кроличьи шкурки.

Нѣсколько позже онъ говоритъ мнѣ:

— Ты не смотри на то, что я малъ ростомъ и плохо сложенъ. Я въ состояніи втащить на чердакъ въ деревянныхъ сапогахъ грузъ въ сто кило. Какъ-то разъ у меня было дѣло съ однимъ темнымъ человѣкомъ, который, какъ поговаривали, торговалъ живымъ товаромъ. Ну, такъ вотъ...

— Чего я никакъ не могу вынести,—вдругъ восклицаетъ Фуйядъ,—это упражненій и маршировки, которыми насъ мучатъ во время отдыха. Просто мочи нѣтъ!

Со стороны Вольпатта доносится дребезжаніе металла: онъ все-таки рѣшился взять свою флягу.

— Когда, наконецъ, кончится эта война!—стонетъ какой-то полусонный солдатъ.

Съ другого конца раздается странный и неожиданный крикъ возмущенія:

— Они добираются до нашей шкуры.

Затѣмъ слѣдуетъ неопредѣленный отвѣтъ: «Не скули».

* * *

... Я просыпаюсь, когда бьетъ два часа, и вижу при блѣдномъ, очевидно, лунномъ свѣтѣ копошащійся силуэтъ Пинегаля. Вдали поетъ пѣтухъ. Пинегаль наполовину приподнялся и говоритъ:

— Совсѣмъ еще ночь, а пѣтухъ оретъ! Пьянъ, что ли?

И онъ смѣется, повторяя: «Этотъ пѣтухъ пьянъ». Затѣмъ снова заворачивается въ одѣяло и засыпаетъ.

Пинегаль разбудилъ Кокона. Человѣкъ-цифра размышляетъ вслухъ:

— Нашъ взводъ состоялъ въ началѣ войны изъ семнадцати человѣкъ. Въ настоящее время, благодаря пополненіямъ, въ немъ попрежнему семнадцать. Каждый человѣкъ уже износилъ четыре шинели, одну синяго цвѣта, первоначальнаго оттѣнка, затѣмъ три—дымчатаго, затѣмъ двѣ пары панталонъ, шесть паръ сапогъ; надо считать по двѣ винтовки на человѣка. Двадцать три раза возобновляли нашъ запасный раціонъ. Изъ семнадцати человѣкъ четырнадцать упоминались въ приказахъ: двое въ приказѣ по бригадѣ, четверо по дивизіи и одинъ по арміи. Разъ мы оставались въ окопахъ шестнадцать дней безъ перерыва. Мы были расквартированы въ сорока семи различныхъ деревняхъ. Съ начала кампаніи черезъ полкъ прошло двѣнадцать тысячъ человѣкъ, при нормальномъ составѣ въ двѣ тысячи...

Его прерываетъ странное зюзюканіе. Это Блэръ, которому новая челюсть мѣшаетъ говорить и принимать пищу. Но онъ надѣваетъ ее каждый вечеръ и держитъ во рту всю ночь, такъ какъ ему обѣщали, что, въ концѣ концовъ, онъ къ ней привыкнетъ.

Я наполовину приподымаюсь, какъ на полѣ битвы. Еще разъ созерцаю эти существа, собравшіяся отовсюду силою обстоятельствъ. Я смотрю на нихъ; погрузились въ забытье, на краю котораго нѣкоторые какъ бы еще удерживаются со всѣми своими жалкими заботами, ребяческими инстинктами и рабскимъ невѣжествомъ.

Сонъ одолѣваетъ меня. Но я помню, что они сдѣлали и что еще сдѣлаютъ. И передъ этимъ зрѣлищемъ бѣдной человѣческой ночи, которая наполняетъ пещеру, затянутую мракомъ, я грежу о какомъ-то невыразимо яркомъ свѣтѣ.

XV.

Яйцо.

Всѣ были разстроены и пришиблены. Были голодны, хотѣли пить... Но на этой несчастной стоянкѣ ничего не было.

Подвозъ снабженія, обыкновенно правильный, на сей разъ запоздалъ, и лишенія остро давали себя чувствовать.

Наша изголодавшаяся группа скрежетала зубами. Убогая площадь окружала насъ своими облупившимися воротами, обнаженными скелетами домовъ и лысыми телеграфными столбами. Мы удостовѣрились въ отсутствіи всякихъ припасовъ.

— Нѣтъ ни мяса, ни кофе, ни картофеля... Придется затянуть поясъ потуже.

— Нѣтъ также ни сыру, ни варенья, ни масла...

— Да, нѣтъ ничего,—и никакія слова не помогутъ.

— Вотъ такъ стоянка! Три совершенно пустыя лавченки, по которымъ только вѣтеръ гуляетъ!

— Будь ты хоть семи пядей во лбу, ничего не добудешь, разъ нѣтъ торговцевъ!

— Будь ты хоть Ротшильдомъ или военнымъ портнымъ, твое богатство ни къ чему тебѣ здѣсь не послужитъ.

— Вчера подлѣ седьмой роты мяукалъ котъ. Я увѣренъ, что его тамъ поджарили.

— Я его также видалъ. Онъ былъ такой тощій, что всѣ ребра можно было сосчитать.

— Ничего не подѣлаешь... Шутки плохи...

— Другіе,—сказалъ Блэръ,—не зѣвали и успѣли купить нѣсколько бидоновъ вина у кабатчика на углу.

— Черти! Хорошо имъ теперь; есть, по крайней мѣрѣ, что за воротникъ налить!..

— Хотя, правду сказать, вино было дрянное и годилось только развѣ для того, чтобы выполоскать кружки.

— Говорятъ даже, что нѣкоторые кое-что и на зубъ успѣли положить.

— Проклятые,—выругался Фуйядъ.

— Я и не трудился искать понапрасно: у меня оставалась одна сардина, а въ мѣшечкѣ немного чаю, который я пожевалъ съ кусочкомъ сахара.

— Ну, этимъ не насытишься!

— Да, этого недостаточно, даже если ты не обжора и у тебя маленькая глотка.

— За два дня только одинъ разъ дали поѣсть какую-то желтую мѣшанину, блестѣвшую, какъ золото. Не думай, что это былъ бульонъ! Такъ, ерунда какая-то. Все осталось.

— Вѣроятно ее изъ сальныхъ свѣчей вытопили.

— И хуже всего, что даже трубки нельзя закурить.

— Горе, да и только! У меня нѣтъ больше трута. Было нѣсколько кусочковъ, да сплыли. А купить негдѣ.

— У меня еще остался крохотный кусочекъ, но я его берегу.

Дѣйствительно, тягостно смотрѣть на солдатъ, которые не могутъ закурить трубки или папиросы и покорно слоняются съ мѣста на мѣсто. Къ счастью, у Тирлуара нашлась зажигалка съ капелькой бензина. Кто знаетъ про это, окружаютъ его, вооружившись набитыми трубками. Нѣтъ даже бумаги, которую можно было бы зажечь о пламя зажигалки. Поэтому приходится прикуривать непосредственно отъ фитиля и тратить послѣдніе остатки бензина.

...Мнѣ повезло... Я вижу Парадиза, который бродитъ, задравъ вверхъ свое добродушное лицо, и мурлычетъ, пожевывая кусокъ дерева.

— На вотъ, возьми,—говорю я ему.

— Коробка спичекъ! — восклицаетъ онъ, восхищенно глядя, точно на драгоцѣнность. Вотъ такъ здорово! Спички!

Черезъ минуту онъ закуриваетъ трубку, и его лицо становится пурпурнымъ отъ отблеска пламени. Всѣ восклицаютъ:

— У Парадиза есть спички!

Къ вечеру я встрѣчаю Парадиза у развалинъ дома на углу двухъ улицъ этой жалкой деревни. Онъ киваетъ мнѣ.

— Тсссъ!..

У него странный, слегка смущенный видъ.

— Послушай, — говоритъ онъ мнѣ растроганно, поглядывая себѣ въ ноги,—только-что ты подарилъ мнѣ коробку спичекъ... Вотъ тебѣ въ награду за это... На, возьми...

И онъ кладетъ мнѣ что-то въ руку.

— Осторожно,—шепчетъ онъ мнѣ.—Хрупкое!..

Ослѣпленный великолѣпіемъ и бѣлизной его подарка и не смѣя вѣрить глазамъ, я вижу... яйцо.

XVI.

Идиллія.

— Право,—говоритъ мнѣ Парадизъ, шагающій рядомъ со мной,— хочешь вѣрь, хочешь не вѣрь, но я выбился изъ силъ... никогда я такъ не уставалъ отъ ходьбы, какъ сейчасъ.

Онъ волочилъ ноги и согнулся подъ тяжестью мѣшка, величина и толщина котораго казались фантастичными. Два раза онъ споткнулся.

Парадизъ выносливъ, но всю ночь онъ промотался въ окопахъ, неся обязанности по службѣ связи. Другіе же въ это время спали. Поэтому онъ имѣетъ основанія чувствовать усталость.

— Что же это такое!—ворчитъ онъ.—Эти километры тянутся, точно они резиновые...

И черезъ каждые три шага онъ рѣзкимъ толчкомъ поправляетъ ранецъ, отдувается и, обвѣшанный со всѣхъ сторонъ узлами, производитъ впечатлѣніе стараго нагруженнаго осла.

— Скоро придемъ,—говоритъ старшій.

Старшіе всегда это говорятъ—при каждомъ удобномъ случаѣ. Но на этотъ разъ, мы, дѣйствительно, скоро пришли въ деревню, гдѣ дома будто нарисованы мѣломъ и толстыми черными линіями на синеватой бумагѣ неба; а черный силуэтъ церкви, со стрѣльчатой колокольней и двумя башенками, кажется громаднымъ кипарисомъ.

Но когда солдатъ входитъ въ деревню, гдѣ назначена стоянка, ему еще предстоитъ много хлопотъ. Очень рѣдко случается, чтобы взводъ могъ расквартироваться въ томъ именно помѣщеніи, которое для него предназначалось; тутъ же на мѣстѣ приходится распутывать всякія недоразумѣнія, неправильныя распоряженія, и

только послѣ продолжительныхъ объясненій и пререканій уставшихъ солдатъ ведутъ на постой.

Такимъ образомъ, послѣ обычныхъ блужданій мы попали въ свое помѣщеніе только къ ночи. Это былъ навѣсъ на четырехъ столбахъ и безъ стѣнъ. Но крыша была хорошая. А это большой выигрышъ. Подъ навѣсомъ уже стояли повозка и плугъ, рядомъ съ которыми мы и стали устраиваться. Парадизъ, не перестававшій охать и ругаться во время нашихъ блужданій по деревнѣ, швырнулъ свой ранецъ, затѣмъ бросился на землю и, разбитый, оставался нѣкоторое время неподвижнымъ, жалуясь, что не чувствуетъ своихъ членовъ.

Но вотъ въ домѣ, насупротивъ нашего навѣса, появился свѣтъ. Ничто такъ не привлекаетъ солдата среди однообразной сѣрости вечера, какъ окно, за которымъ звѣздочкой сверкаетъ лампа.

— Не пойти ли намъ туда?—предлагаетъ Вольпаттъ.

— Что-жъ, пойдемъ,—соглашается Парадизъ.

Онъ встаетъ и, ковыляя отъ усталости, направляется къ позлащенному свѣтомъ окну, затѣмъ къ двери.

Мы съ Вольпаттомъ слѣдуемъ за нимъ.

Входимъ и спрашиваемъ старика съ быстро мигающими глазами и трясущейся головой, поношенной, какъ старая шапка, нѣтъ ли вина.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ старикъ, покачивая черепомъ, на которомъ мѣстами торчатъ какъ бы пучки ваты.

— Ни кофе, ни пива, ни вообще чего-нибудь?..

— Нѣтъ, друзья мои. Ничего. Мы не здѣшніе... Бѣженцы...

— Что-жъ, если ничего нѣтъ, надо уходить.

Поворачиваемся. Все-таки за этотъ короткій мигъ мы успѣли насладиться тепломъ и свѣтомъ... Вольпаттъ уже на порогѣ, и его плечи исчезаютъ во мракѣ.

Однако, я замѣчаю старуху, сидящую на стулѣ въ другомъ концѣ кухни и какъ будто чѣмъ-то занятую.

Я щиплю Парадиза за руку.

— Видно, это хозяйка, поухаживай-ка за ней.

Парадизъ дѣлаетъ презрительный жестъ. Наплевать ему на женщинъ! Онъ на нихъ вниманія не обращаетъ уже въ теченіе полутора лѣтъ,—съ тѣхъ поръ, какъ всѣ онѣ не для него. Впрочемъ, если бы онѣ и были для него, ему также наплевать.

— Хоть старая, хоть молодая, мнѣ все равно,—говоритъ онъ, позѣвывая. Но отъ бездѣлья и нежеланія уйти онъ все-таки подходитъ къ старухѣ.

— Здравствуйте, бабушка,—бормочетъ онъ, переставая зѣвать.

— Здравствуйте, дѣтки,—отвѣчаетъ старуха.

Вблизи ее можно разсмотрѣть въ подробностяхъ. Она вся сморщенная, скрюченная; лицо у нея плоское и бѣлое, какъ циферблатъ.

Что это она дѣлаетъ? Усѣвшись на стулъ и опершись о край стола, она пытается вычистить сапоги. Для ея дѣтскихъ рукъ это тяжелый трудъ: ея движенія лишены увѣренности: не разъ щетка скользитъ мимо сапога. Къ тому же, обувь страшно грязная.

Увидавъ, что мы смотримъ на нее, она лепечетъ, что ей необходимо сегодня же почистить ботинки своей внучкѣ, которая работаетъ модисткой въ городѣ и завтра утромъ отправляется туда.

Парадизъ нагнулся къ ботинкамъ, чтобы получше разглядѣть ихъ, затѣмъ вдругъ протягиваетъ руку и говоритъ:

— Оставьте это, бабушка, я вамъ ихъ вычищу въ три секунды.

Старушка отрицательно качаетъ головой.

Но Парадизъ силой беретъ у нея ботинки, не обращая вниманія на старуху, которая слабо противится.

Взявъ въ каждую руку по ботинку, онъ ихъ бережно держитъ, разглядываетъ и какъ бы слегка сжимаетъ.

— Какія крохотныя!—говоритъ онъ какимъ-то страннымъ, измѣнившимся голосомъ, какимъ не разговариваетъ съ нами.

Онъ беретъ щетку и начинаетъ осторожно, но усердно чистить; я вижу, что, уставившись глазами на свою работу, онъ улыбается.

Затѣмъ, когда грязь съ ботинокъ снята, онъ беретъ немного ваксы и смазываетъ ихъ.

Обувь тонкая, какая бываетъ у кокетливыхъ дѣвушекъ. На ней сверкаютъ ряды пуговокъ.

— Всѣ пуговки на мѣстѣ, — шепчетъ онъ мнѣ съ гордостью.

Его больше не клонитъ ко сну; онъ пересталъ зѣвать. Напротивъ, его губы сжаты. Молодой весенній лучъ озаряетъ его лицо. За минуту до того казалось, что онъ вотъ-вотъ заснетъ, а теперь онъ какъ будто только-что проснулся.

Онъ проводитъ пальцами по ботинку, постепенно расширяющемуся кверху и до нѣкоторой степени напоминающему форму нижней части ноги. Его пальцы, столь ловкіе при чисткѣ, становятся какъ будто угловатыми, когда онъ ласкаетъ эти ботинки и улы-

бается имъ. Старуха поднимаетъ руки къ небу и, призывая меня въ свидѣтели, восклицаетъ:

— Вотъ услужливый солдатъ!

Кончено. Ботинки навакшены и вычищены. Они такъ и сверкаютъ.

Парадизъ ставитъ ихъ на край стола съ такими предосторожностями, точно это реликвіи.

Онъ еще долго не сводитъ съ нихъ глазъ. Затѣмъ, опустивъ носъ, глядитъ на свою обувь. Я помню, что, сдѣлавъ это сопоставленіе, этотъ рослый парень, съ судьбой героя, цыгана и монаха, еще разъ улыбнулся отъ всего сердца.

Старуха заволновалась. У нея появилась какая-то мысль.

— Я сейчасъ скажу ей. Она поблагодаритъ васъ, сударь. Эй, Жозефина!—позвала она, поворачиваясь къ двери.

Но Парадизъ широкимъ жестомъ, который мнѣ показался великолѣпнымъ, остановилъ ее.

— Нѣтъ. Не стоитъ труда, бабушка. Оставьте ее. Мы уходимъ... Не стоитъ труда...

Онъ такъ убѣжденно и властно произнесъ эти слова, что старуха подчинилась и умолкла.

Мы ушли спать подъ навѣсъ, въ объятія поджидавшей насъ сохи.

И Парадизъ снова принялся зѣвать; но при свѣтѣ свѣчки, поставленной въ ясли, я видѣлъ, что на его лицѣ еще продолжала играть счастливая улыбка.

XVII.

Сапа.

Въ сутолокѣ раздачи почты,—съ которой нѣкоторые возвращаются обрадованные письмомъ, другіе полуобрадованные открыткой, а иные съ быстро возрождающейся надеждой,—одинъ изъ товарищей, размахивая бумагой, сообщаетъ намъ сенсаціонную новость:

— Знаете, что я вамъ скажу? Помните кладоискателя въ Гошенѣ?

— Такого придурковатаго старичка?

— Да-да. Вѣдь онъ нашелъ!..

— Врешь!..

— Говорю, что нашелъ, чурбанъ ты этакій! Что-жъ тебѣ еще сказать? «Отче нашъ» прочесть—что ли? Прочелъ бы, да не помню... Дворъ его хаты былъ обстрѣлянъ, и подлѣ стѣны, въ разрытой землѣ, оказался ящикъ, полный монетъ. Попъ прямо обалдѣлъ и объявилъ, что это чудо, совершенное мѣстнымъ святымъ.

Мы разинули рты.

— Кладъ?.. Ай, да, старикашка!

Эта новость будитъ въ насъ рой размышленій.

— Никогда не знаешь, что можетъ случиться...

— А сколько мы издѣвались надъ этой развалиной, когда онъ болталъ о своемъ кладѣ и всѣ уши намъ прожужжалъ...

— Вѣдь говорили же мы тамъ, что всяко бываетъ. Оказывается, мы были правы.

— Все-таки бываетъ иногда, что сразу повѣришь,—замѣтилъ Фарфадэ, ставшій задумчивымъ и молчаливымъ съ той минуты, какъ заговорили о Гошенѣ, точно какой-то милый образъ улыбался ему.—Но этому,—прибавилъ онъ,—я бы никогда не повѣрилъ...

Вотъ, навѣрно, чваниться станетъ старикашка, когда я вернусь туда послѣ войны...

* * *

— Требуется доброволецъ въ помощь саперамъ для одной работы,—заявляетъ адъютантъ.

— Держи карманъ,—ворчатъ солдаты, не двигаясь.

— Необходимо выручить товарищей,—продолжаетъ адъютантъ.

Тогда ворчаніе прекращается, и поднимаются нѣсколько головъ.

— Я!—кричитъ Ламюзъ.

— Изготовься, братецъ, и пойдемъ со мной.

Ламюзъ надѣваетъ ранецъ, сворачиваетъ одѣяло и беретъ свой мѣшокъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ успокоился послѣ своей неудачной любви, онъ сталъ еще мрачнѣе и хотя какимъ-то роковымъ образомъ и продолжаетъ полнѣть, но весь ушелъ въ себя, держится въ сторонкѣ и почти не разговариваетъ.

Вечеромъ въ окопѣ показывается какая-то фигура, то поднимающаяся, то опускающаяся, въ зависимости отъ горбовъ и впадинъ дна. Кажется, будто эта темная фигура плыветъ во мракѣ и отъ времени до времени протягиваетъ руку, какъ бы призывая на помощь.

Это Ламюзъ. Онъ вернулся, весь облѣпленный землей и грязью. Вздрагивающій, весь потный, онъ производитъ впечатлѣніе страшно напуганнаго человѣка. Его губы шевелятся, и онъ долго мычитъ, прежде чѣмъ ему удается произнести слово.

— Въ чемъ дѣло?—спрашиваемъ мы его, но не получаемъ отвѣта.

Онъ опускается на землю и ложится.

Мы предлагаемъ ему вина. Онъ знакомъ отказывается. Затѣмъ онъ поворачивается ко мнѣ и кивкомъ головы подзываетъ меня. Когда я подхожу, онъ тихо, какъ въ церкви, шепчетъ мнѣ:

— Я видѣлъ Евдокію...

Ему трудно дышать. Въ груди свиститъ. Затѣмъ, собравшись съ силами, со взглядомъ, застывшимъ какъ бы отъ созерцанія кошмара, онъ продолжаетъ:

— Она вся сгнила... Это было въ томъ мѣстѣ, которое мы потеряли; колоніальныя войска снова отбили его въ штыковой атакѣ десять дней тому назадъ... Сначала мы рыли муя для сапы.

Такъ какъ я работалъ сильнѣе другихъ, то вскорѣ выдвинулся впередъ, остальные же расширяли и укрѣпляли проходъ позади меня. Но вотъ передо мной какое-то нагроможденіе балокъ: я попалъ въ старый окопъ, очевидно, полузасыпанный, потому что мѣстами сохранились пустоты. Среди наваленныхъ кусковъ дерева, которые я постепенно убиралъ передъ собой, лежалъ какъ бы мѣшокъ земли, а надъ нимъ что-то висѣло. Потомъ одна изъ подставокъ сдала, и этотъ странный мѣшокъ повалился на меня. Меня обдало трупнымъ запахомъ... Повыше этого тюка лежала голова со свисавшими волосами... Понимаешь, тамъ трудно было разглядѣть что-нибудь, но я сразу узналъ эти волосы, потому что другихъ такихъ нѣтъ на свѣтѣ... А потомъ я разглядѣлъ также и лицо, все распухшее, покрытое плѣсенью... Это была Евдокія... Да, это была та женщина, которая раньше никогда не подпускала меня къ себѣ и которую я видѣлъ только издали, не имѣя надежды прикоснуться къ ней, какъ къ бриллiантамъ. Ты знаешь, что она всюду слонялась, лазила даже на передовыя позиціи. Вѣроятно, какъ-то разъ въ нее угодила пуля, и она умерла, а потомъ и затерялась въ окопѣ, пока я не нашелъ ее, благодаря этой сапѣ... Ты представляешь себѣ... Я вынужденъ былъ изловчиться такъ, чтобы поддерживать ее одной рукой, а другой продолжать работать. Ежеминутно она едва не сваливалась на меня всей своей тяжестью... Эхъ, братъ... Она хотѣла обнять меня, а я не хотѣлъ... Это было ужасно! . Она какъ бы говорила мнѣ: «Ты хотѣлъ меня поцѣловать; что-жъ, цѣлуй!..» У нея сохранился пристегнутымъ на груди букетикъ цвѣтовъ, который также сгнилъ и казался мнѣ трупомъ маленькаго звѣрька... Пришлось взять ее на руки и осторожно повернуться, чтобы положить ее позади себя. Было такъ тѣсно, что, поворачиваясь, я невольно прижалъ ее къ своей груди изо всѣхъ силъ, какъ сдѣлалъ бы это прежде, если бы она пожелала... Полчаса я отряхивался отъ этого прикосновенія и запаха. Какое счастье, что это прошло!.. Хорошо еще, что я такъ усталъ... Хоть усну...

Ламюзъ повернулся, сжалъ кулаки и уснулъ, уткнувшись головой въ землю и отдаваясь своей страшной грезѣ любви и тлѣна.

XVIII.

Спички.

5 часовъ вечера. Всѣ трое двигаются въ глубинѣ темнаго окопа.

Они ужасны, черны и зловѣщи въ этой длинной ямѣ вокругъ погасшаго костра. Дождь и нерадивость погасили огонь, и четверо кашеваровъ глядятъ на трупы головешекъ, похороненныхъ въ пеплѣ, на эти остатки потухшаго костра.

Вольпаттъ неувѣренной поступью пробирается къ этой группѣ и сбрасываетъ съ плеча черный кусокъ дерева.

— Я вытащилъ его изъ ограды и постарался, чтобы это было не очень замѣтно.

— Дрова у насъ есть,—говоритъ Блэръ,—но надо ихъ зажечь. Иначе, какъ ты сваришь это мясо?

— Хорошій кусокъ,—вздыхаетъ кто-то во мракѣ,—лопатка... Я нахожу, что въ быкѣ это самая лучшая часть.

— Огня!—требуетъ Вольпаттъ.—Нѣтъ спичекъ, ничего больше нѣтъ.

— Необходимо раздобыть огня,—рычитъ Пупарденъ, напоминающій медвѣдя.

— Да, безъ огня никакъ не обойдешься,—подтверждаетъ Пепэнъ, вылѣзая изъ прикрытія, словно трубочистъ изъ трубы.

— Не безпокойся, найду!—заявляетъ Блэръ гнѣвно и рѣшительно.

Онъ только недавно сдѣлался кашеваромъ и желаетъ во что бы то ни стало быть на высотѣ въ столь трудныхъ обстоятельствахъ.

Въ разговорѣ онъ всегда старается подражать покойному Мартену Сезару,—этому легендарному образу кашевара, который всегда

находилъ огонь,—подобно другимъ солдатамъ, которые пытаются подражать Наполеону.

— Если понадобится, я пойду въ тылъ, гдѣ находится начальство, и потребую спичекъ у самого полковника! Я пойду...

— Пойдемъ за огнемъ...

Впереди шагаетъ Пупарденъ. Лицо у него темное, какъ дно кастрюли, закопченной огнемъ. Такъ какъ кругомъ жестокій холодъ, то онъ завернулся во все, что могъ найти. На немъ шуба, наполовину козья, наполовину овечья, наполовину коричневая, наполовину бѣлесоватая. И это дѣлаетъ его похожимъ на какого-то апокалиптическаго звѣря. На Пепэнѣ вязаный колпакъ, до того почернѣвшій и блестящій отъ грязи, что его можно принять за шелковый. Вольпаттъ, въ своихъ шерстяныхъ фуфайкахъ и платкахъ, кажется движущимся стволомъ дерева. Надъ толстой массивной корой ствола, держащагося на двухъ ногахъ, вырисовывается какъ бы квадратный прорѣзъ съ выдѣляющимся въ немъ желтымъ лицомъ.

— Пойдемъ-ка въ сторону десятой роты. У нихъ тамъ всегда есть все, что нужно. Это на Пилонской дорогѣ, подальше отъ новаго соединительнаго хода.

И всѣ четверо пускаются въ путь по извилистому окопу, не освѣщенному, не вымощенному и грязному. Впрочемъ, въ этомъ мѣстѣ онъ необитаемъ и является лишь переходомъ отъ первой ко второй линіи.

Кашевары, отправившіеся на поиски огня, встрѣчаютъ во мракѣ двухъ марокканцевъ. У одного лицо цвѣта сапога, у другого – цвѣта желтаго ботинка. Лучъ надежды проникаетъ въ сердца кашеваровъ.

— Спички есть, молодцы?

— Нѣту,—отвѣчаетъ черный, смѣясь и обнажая свои длинные, какъ бы фаянсовые зубы въ коричневой полости рта.

Желтый подходитъ и, въ свою очередь, спрашиваетъ:

— Табакъ есть? Трубку табаку...

И онъ протягиваетъ свою коричневую руку съ ладонью, точно сдѣланной изъ дуба, и съ фіолетовыми ногтями.

Пепэнъ ворчитъ, роется въ карманѣ и даетъ марокканцу щепотку табаку, смѣшаннаго съ пылью. Немножко подальше они натыкаются на часового, который дремлетъ въ полумракѣ среди обваловъ земли. Этотъ солдатъ говоритъ имъ:

— Идите направо, потомъ опять направо, а потомъ прямо. Только не сбейтесь.

Они идутъ, долго идутъ.

— Вѣроятно, мы уже далеко зашли,—говоритъ Вольпаттъ послѣ получаса безполезной ходьбы.

— Послушайте-ка, мы какъ будто круто спускаемся... Вы не находите?—спрашиваетъ Блэръ.

— Не безпокойся, старый хрычъ,—насмѣхается Пепэнъ.—Но если ты боишься, можешь оставить насъ однихъ.

Они продолжаютъ шагать. Попрежнему все еще пустынный окопъ принялъ какой-то странный запущенный видъ. Парапеты развалились. Отъ обваловъ дно стало напоминать американскія горы.

Какая-то тревога охватываетъ охотниковъ за огнемъ по мѣрѣ того, какъ они углубляются въ эту чудовищную дорогу.

Пепэнъ, идущій теперь впереди, останавливается и протягиваетъ руку, чтобы остановить остальныхъ.

— Шумъ шаговъ...—говорятъ они вполголоса.

И имъ становится страшно. Напрасно они такъ далеко ушли отъ своего расположенія. Это преступленіе и за это можетъ влетѣть.

— Войдемъ-ка скорѣе сюда,—шепчетъ Пепэнъ.

И онъ указываетъ на щель на уровнѣ земли. Ощупавъ ее, они убѣждаются, что это входъ въ прикрытіе, и быстро забираются туда, спотыкаясь и подталкивая другъ друга.

Шумъ шаговъ и голосовъ становится все явственнѣе.

Спрятавшіеся люди ощупываютъ все окружающее руками. Вдругъ Пепэнъ сдавленнымъ голосомъ шепчетъ:

— Что это такое?

— Что?—спрашиваютъ остальные, прижавшись къ нему.

— Бошскіе зарядники на планшеткѣ!

Мы попали въ нѣмецкій соединительный ходъ,—шепчетъ Пепэнъ.

Люди бросаются къ выходу.

— Господи! да не шумите же! не двигайтесь!... Идутъ!

Слышны шаги. Идетъ, повидимому, только одинъ человѣкъ.

Солдаты притаили дыханіе, замерли. Вглядываясь въ темноту, они видятъ справа проходящую тѣнь... На ней каска, покрытая чехломъ, подъ которымъ угадывается шишакъ.

Едва нѣмецъ прошелъ, какъ кашевары, не сговариваясь, одновременно устремляются впередъ и настигаютъ боша.

— Камрадъ! — кричитъ тотъ.

Но во мракѣ сверкнулъ ножъ. Нѣмецъ падаетъ, какъ бы проваливаясь сквозь землю. Въ то время какъ онъ падаетъ, Пепэнъ снимаетъ съ него каску.

— Давай удирать,—ворчитъ Пупарденъ.

— Надо раньше обыскать его...

Нѣмца приподымаютъ, поворачиваютъ. Вдругъ онъ кашляетъ.

— Онъ не умеръ!

— Умеръ. Это воздухъ выходитъ...

Вытряхиваютъ у него карманы. Въ тишинѣ слышно только учащенное дыханіе четырехъ солдатъ, склонившихся надъ трупомъ.

— Каска моя,—говоритъ Пепэнъ.—Это я его прикончилъ. Каска моя.

Изъ кармановъ мертваго вытаскиваютъ бумажникъ съ еще теплыми бумагами, бинокль, кошелекъ, затѣмъ снимаютъ съ него гетры.

— Спички!—восклицаетъ Блэръ, потрясая коробкомъ.—Цѣлый коробокъ!

— Ишь, мерзавецъ!

— А теперь—драла...

Они кладутъ трупъ въ уголкѣ и мчатся въ галопъ, охваченные внезапной паникой, не обращая вниманія на шумъ, поднимаемый топотомъ ихъ ногъ.

— Сюда, сюда! Не отставайте!

Бѣгутъ лабиринтомъ извилистаго, совсѣмъ пустого окопа, который кажется безконечнымъ.

— У меня дыханье сперлось въ груди. Я пропалъ! — стонетъ Блэръ.

Онъ спотыкается и останавливается.

— Да ну, поднатужься!—рычитъ Пепэнъ хриплымъ, задыхающимся голосомъ.

Онъ беретъ его за рукавъ и тащитъ за собой, какъ упрямую лошадь.

— Мы дома,—вдругъ говоритъ Пупарденъ.

— Да, я узнаю это дерево.

— Это дорога въ Пилонъ.

— А!—стонетъ Блэръ, пыхтя, какъ моторъ.

Собравшись съ силами, онъ устремляется впередъ и съ разбѣга садится на землю.

— Стой!—раздается окрикъ часового.

Узнавъ своихъ, онъ изумленно лепечетъ:

— Откуда вы?

Они смѣются, скачутъ, какъ паяцы, отъ радости. Они всѣ въ поту; на нихъ еще свѣжая кровь, и отъ этого они кажутся во мракѣ еще чернѣе. Каска нѣмецкаго офицера поблескиваетъ въ рукахъ Пепэна.

— Черти! да что съ вами?—бормочетъ часовой, разинувъ ротъ.

Сильное нервное напряженіе разрѣшается у нихъ необычайной возбужденностью. Они напоминаютъ бѣсноватыхъ. Всѣ говорятъ сразу. Наперебой возстанавливаютъ картину разыгравшейся драмы, отъ которой они еще не успѣли придти въ себя. Разставшись съ дремлющимъ часовымъ, они заблудились и попали въ «интернаціональный» соединительный ходъ, часть котораго наша, а другая нѣмецкая. Между обѣими частями нѣтъ никакой баррикады, никакого загражденія. Есть только нѣчто въ родѣ нейтральной зоны, по обѣимъ сторонамъ которой стоятъ часовые. Очевидно, нѣмецкаго часового не было на посту, либо онъ спрятался, увидавъ четверыхъ, либо побѣжалъ звать на помощь, но опоздалъ. А, можетъ быть, нѣмецкій офицеръ увлекся и зашелъ слишкомъ далеко... Короче говоря, солдаты и сами толкомъ не могутъ разобраться въ случившемся.

— Смѣшнѣе всего то,— говоритъ Пепэнъ,— что все это мы знали, однако не задумались пуститься въ путь.

— Вѣдь мы искали огня!—возражаетъ Вольпаттъ.

— И нашли его!—кричитъ Пепэнъ.—Да спички-то, дуракъ, у тебя? Ты не потерялъ ихъ?

— Какъ бы не такъ!—отвѣчаетъ Блэръ.—Бошскія спички лучше нашихъ, къ тому же, безъ нихъ у насъ вовсе бы не было огня. Стану я терять! Да ихъ бы у меня зубами не вырвали! Развѣ только вмѣстѣ съ рукой бы отрѣзали.

— Мы запоздали. Поди, вода въ котлѣ уже замерзла. Ходу, братцы! А потомъ мы разскажемъ товарищамъ, какую штуку мы сыграли съ бошами...

XIX.

Бомбардировка.

Мы среди поля, кругомъ необозримое море тумана...

Голубѣетъ. Падаетъ легкій снѣжокъ. Припорашиваетъ плечи и складки рукавовъ. Натянувъ капюшоны на головы, мы идемъ по четыре въ шеренгу. Въ полумракѣ мы имѣемъ видъ бродячаго племени, которое перебирается изъ одной сѣверной страны въ другую...

Мы слѣдовали дорогой, проходящей черезъ Аблемъ-Сенъ-Назеръ, весь въ развалинахъ. Мимолетно разглядѣли бѣлесоватую кучу домовъ и темную паутину ободранныхъ крышъ. Эта деревня такъ велика, что въ нее мы вошли ночью, а, когда выходили, ея послѣднія постройки уже бѣлѣли отъ предразсвѣтнаго заморозка. Въ одномъ изъ подваловъ сквозь рѣшетку мы замѣтили на краю волнъ этого окаменѣвшаго океана огонь, поддерживаемый сторажами мертваго города. Затѣмъ мы долго шлепали по болотистымъ полямъ, блуждали въ молчаливыхъ мертвыхъ зонахъ, гдѣ ноги увязали по щиколку въ грязи. Затѣмъ снова вышли на другую дорогу, ведущую изъ Каранси въ Сушэ. Окаймляющіе ее громадные тополи сломаны, стволы расщеплены. Въ одномъ мѣстѣ—громадная колоннада сломанныхъ деревьевъ. Затѣмъ потянулись во мракѣ какъ бы призраки другихъ деревьевъ, расщепленныхъ, какъ пальмы, или совершенно измолотыхъ въ корпію. Нѣкоторые стволы свисали до земли пучками волоконъ, согнутые, какъ бы колѣнопреклоненные. Отъ времени до времени мы попадаемъ въ трясины, по которымъ еле пробираемся. Дорога теперь сплошь идетъ по болоту. Тамъ проложены брусья. Мы скользимъ по нимъ, такъ какъ они покрылись иломъ. Иногда воды такъ много, что эти брусья плаваютъ и съ хлюпаніемъ погружаются, когда на нихъ ступаетъ нога. Люди падаютъ или спотыкаются и сердито бранятся.

Теперь, должно быть, уже около 5 часовъ утра. Снѣгъ пересталъ. Зловѣщій пейзажъ проясняется, но мы все еще окружены полумракомъ.

Мы все продолжаемъ идти. Наконецъ, достигаемъ мѣста, гдѣ высится темная горка; у подножія копошатся люди.

— Подходите попарно,—говоритъ начальникъ отряда. — Пусть каждая пара поочередно тащитъ одинъ брусъ и одинъ плетень.

Мы нагружаемся. Одинъ изъ пары беретъ ружье своего компаньона. Другой не безъ труда вытаскиваетъ изъ кучи длинный, грязный и скользкій брусъ, вѣсящій около 40 килограммовъ, и плетень, величиной съ дверь, который еле несешь на спинѣ, придерживая его за края поднятыми руками.

Въ обратный путь мы идемъ вразсыпную, медленно, грузно ступая, кряхтя, ругаясь сдавленнымъ отъ усилія голосомъ. Пройдя сто метровъ, пара обмѣнивается ношей, такъ что послѣ двухсотъ метровъ, несмотря на рѣзкій вѣтеръ и морозъ, всѣ, за исключеніемъ старшихъ, въ испаринѣ.

Вдругъ яркая звѣзда загорается впереди насъ, это—ракета. Она легко озаряетъ своимъ молочнымъ сіяніемъ часть неба, затмевая созвѣздія, и спускается граціозно, какъ фея.

Впереди насъ мимолетная вспышка. Молнія, грохотъ.

Это снарядъ.

Нижняя часть неба на мигъ освѣтилась отъ взрыва, и мы ясно видимъ, что впереди насъ, приблизительно въ одномъ километрѣ разстоянія, тянется съ востока на западъ гребень горы.

Этотъ гребень нашъ во всей видимой отсюда части до вершины, которую занимаютъ наши войска. На другомъ склонѣ, въ ста метрахъ отъ передовой линіи нашихъ окоповъ, идетъ нѣмецкая передовая линія.

Ядро упало на вершину, въ наши линіи. Это стрѣляютъ нѣмцы.

Второй снарядъ, затѣмъ третій, четвертый разрываются на вершинѣ холма, зажигая столбы лиловатаго цвѣта; каждый изъ нихъ смутно озаряетъ горизонтъ.

Вскорѣ это сплошное сверканіе вспыхивающихъ звѣздъ и цѣлый лѣсъ фосфоресцирующихъ султановъ по всему холму. Какая-то феерія синихъ и бѣлыхъ огней въ безднѣ ночи.

Тѣ изъ насъ, которые напрягаютъ всю мышечную силу своихъ рукъ и ногъ, чтобы удержать на плечахъ скользкую ношу и самимъ

удержаться на скользкой землѣ, ничего этого не видятъ и не говорятъ ничего. Другіе, вздрагивая отъ холода и стуча зубами, фыркая и вытирая носы мокрыми платками, проклинаютъ попадающіяся по дорогѣ препятствія, смотрятъ и комментируютъ.

— Это совсѣмъ какъ фейерверкъ.

Словно для того, чтобы дополнить эту иллюзію зловѣщей феерической декораціи, въ виду которой ползетъ и копошится въ грязи нашъ отрядъ, вспыхиваетъ красная звѣзда, за ней зеленая, затѣмъ медленно разсыпающійся снопъ красныхъ искръ.

Въ нашихъ рядахъ люди не могутъ сдержать крика восхищенія.

— Ой, красная!.. Ой, глядите! зеленая!..

Это нѣмцы сигнализируютъ, и наши также—наши требуютъ артиллеріи.

Дорога круто идетъ въ гору и заворачиваетъ. Наконецъ, окончательно разсвѣло. Все окружающее кажется грязнымъ. Вокругъ дороги, какъ бы покрытой слоемъ свѣтло-сѣрой краски съ бѣлыми пятнами, начинаетъ просыпаться реальный міръ. Мы оставляемъ позади себя разрушенный Сушэ, дома котораго превратились въ площадки, покрытыя строительнымъ матеріаломъ, и деревья, разбитыя въ щепы, и углубляемся въ зіяющую слѣва дыру. Это— отверстіе, ведущее въ соединительный ходъ.

Въ кругломъ пространствѣ, спеціально для этого отведенномъ, мы складываемъ принесенный матеріалъ и, потные, продрогшіе, съ мокрыми руками, исцарапанными и сводимыми судорогой, устраиваемся здѣсь, въ ожиданіи.

Зарывшись въ яму по подбородокъ, опираясь грудью о землю, непроницаемость которой служитъ намъ защитой, мы слѣдимъ за развертывающейся передъ нашими глазами ослѣпительной драмой. Бомбардировка усиливается. На гребнѣ свѣтящіеся столбы при блѣдномъ разсвѣтѣ превратились въ какіе-то прозрачные парашюты или въ блѣдныхъ медузъ съ огненной точкой внутри. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ свѣтлѣетъ, они начинаютъ казаться перистыми султанами изъ страусовыхъ перьевъ бѣлаго и сѣраго цвѣтовъ, вдругъ рождающимися надъ туманнымъ и мрачнымъ гребнемъ высоты «119», въ пяти или шестистахъ метрахъ впереди насъ; затѣмъ медленно исчезаютъ, словно два библейскихъ столпа, огненный и облачный, кружащіеся и гремящіе вмѣстѣ.

Въ этотъ моментъ мы видимъ на хребтѣ холма группу людей, которая спѣшитъ зарыться въ землю. Одинъ за другимъ они исчезаютъ въ муравьиныхъ норахъ, которыми усѣяны склоны.

Теперь яснѣе можно различить форму долетающихъ снарядовъ; при каждомъ разрывѣ въ воздухѣ образуются изжелта-бѣлые хлопья; какъ бы подчеркнутые чернымъ; приблизительно на высотѣ шестидесяти метровъ они раздваиваются, клубятся, и въ ихъ взрывахъ ухо улавливаетъ свистъ пачекъ пуль, посылаемыхъ этими желтыми хлопьями на землю.

Стрѣляютъ пачками, по шести въ рядъ. Это снаряды 77.

Эту мелкую шрапнель 77 презираютъ; однакоже, это не помѣшало Блебуа быть убитымъ такимъ снарядомъ три дня тому назадъ. Вообще же, они разрываются слишкомъ высоко.

Баркъ объясняетъ намъ это, хотя мы и сами все знаемъ.

— Ночной горшокъ—достаточнаязащита башки отъ этихъ свинцовыхъ пилюль. Онѣ ранятъ тебя въ плечо или сваливаютъ тебя на землю, но не убиваютъ. Разумѣется, все-таки надо остерегаться. Не вздумай задрать хоботъ въ тотъ моментъ, какъ онѣ разрываются, или высунуть руку, чтобы посмотрѣть, не идетъ ли дождь. Между тѣмъ, наша 75-миллиметровка...

— У бошей есть не только 77-миллиметровки,—прерываетъ, его Мениль Андрэ.—Есть разныя... Взгляните-ка на эту штуку...

Слышенъ пронзительный свистъ, вибрирующій и скрипучій. И на склонѣ, гдѣ спрятаны въ прикрытіяхъ наши, накопляются тучи различной формы. Къ колоссальнымъ огненнымъ и туманнымъ перьямъ примѣшиваются огромныя гроздья пара, эгретки, раскидывающія ровныя нити, плюмажи дыма, съ расширенными и спадающими книзу концами, совершенно бѣлые или зеленовато-сѣрые, углистые или съ мѣднымъ оттѣнкомъ, съ золотистыми либо съ черными пятнами.

Два послѣднихъ взрыва слѣдовали почти непосредственно одинъ за другимъ, совсѣмъ близко отъ насъ. Они образовали надъ землей огромные шары черной и бурой пыли, принимающей послѣ взрыва обликъ легендарныхъ драконовъ.

Наши лица, приходящіяся почти въ уровень съ краемъ окопа, поворачиваются въ ту сторону и изъ глубины рва слѣдятъ глазами за этимъ волшебнымъ и жуткимъ зрѣлищемъ.

— Это 150-миллиметровый...

— Даже 210-миллиметровый, телячья ты морда!

— Дурачье! Поглядите-ка на эту штуку!

Мы увидѣли снарядъ, разорвавшійся на землѣ и поднявшій вѣеромъ темныя тучи земли и обломковъ. Можно подумать, что это изверженіе вулкана сквозь расколовшуюся землю.

Насъ окружаетъ адскій шумъ. Получается впечатлѣніе безпрерывнаго нарастанія всемірнаго гнѣва. Буря глухихъ и яростныхъ ударовъ, неистовыхъ кликовъ, пронзительнаго звѣринаго воя носится надъ землей, покрытой клочьями дыма, въ которую мы зарыты по шею.

— Каково!—восклицаетъ Баркъ,—а еще говорили, что у нихъ нѣтъ больше снарядовъ.

— Да, да, знаемъ мы эти сказки! И эти, и еще другія, которыя намъ цѣлыми пачками преподносятъ газеты.

Негромкій шумъ, похожій на бой часовъ, привлекаетъ наше вниманіе среди этого оглушительнаго треска. Этотъ медленный звукъ трещетки, мѣрный и ровный, изъ всѣхъ шумовъ войны больше всего знакомъ, какъ и больше всего холодитъ душу.

— Кофейная мельница! Это наша работаетъ: у бошей промежутки между ударами неодинаковы: такъ... такъ-такъ-такъ... такъ-такъ... такъ...

— Попалъ пальцемъ въ небо! Совсѣмъ это не мельница, а мотоциклетка, катящая по дорогѣ къ 31-му прикрытію!...

— А я такъ думаю, что это скорѣе кто-нибудь сверху устроилъ намъ маленькую поливку,—заявляетъ Пепэнъ, задирая носъ въ поискахъ аэроплана.

Поднимается споръ. Точно никто не можетъ сказать, что это. Никакая привычка не поможетъ разобраться въ этихъ смѣшанныхъ шумахъ. Всегда теряешься. Вѣдь случилось же на-дняхъ, что цѣлый взводъ въ лѣсу принялъ за шумъ пролетающаго снаряда крикъ мула, который вдругъ заоралъ неподалеку.

— Посмотрите-ка, сколько сегодня колбасъ на небѣ,—замѣчаетъ Ламюзъ.

Всѣ задираютъ головы, начинается счетъ.

— Всего восемь колбасъ у насъ и восемь у бошей,—заявляетъ Коконъ, уже успѣвшій сосчитать.

Дѣйствительно, надъ горизонтомъ, чередуясь правильными промежутками, парятъ впереди непріятельскихъ привязныхъ шаровъ, кажущихся издали маленькими, восемь легкихъ и зоркихъ «глазъ арміи», связанныхъ живыми нитями съ главнымъ командованіемъ.

— Они видятъ насъ, какъ и мы ихъ. Какъ же ты хочешь ускользнуть отъ этихъ всевидящихъ божковъ?

— Вотъ нашъ отвѣтъ!

Дѣйствительно, вдругъ за нашими спинами раздается четкій, острый, оглушительный трескъ 75-миллиметровки. Грохочетъ безостановочно.

Этотъ грохотъ какъ бы опьяняетъ насъ... Мы кричимъ и смотримъ другъ на друга, не слыша даже своихъ голосовъ, за исключеніемъ необычайнаго голоса горластаго Барка. Подъ громыханіе этого чудовищнаго барабана нѣтъ возможности разговаривать.

Мы переводимъ взоры впередъ, вытягиваемъ шеи и видимъ на вершинѣ холма рядъ силуэтовъ адскихъ черныхъ стволовъ, страшные корни которыхъ впились въ невидимый склонъ.

— А это что такое?..

Въ то время, какъ батарея 75-миллиметровыхъ, находящаяся въ ста метрахъ позади насъ, продолжаетъ трещать, словно ударяя гигантскимъ молотомъ по наковальнѣ и вслѣдъ затѣмъ испуская крикъ оглушительной силы и ярости,—какое-то зловѣщее урчаніе покрываетъ всѣ шумы. Оно также доносится съ нашей стороны.

— Вотъ такъ пузанъ летитъ!

Снарядъ разсѣкаетъ воздухъ приблизительно на высотѣ тысячи метровъ надъ нами. Его грохотъ покрываетъ все какъ бы звуковымъ куполомъ. Его дыханіе медлительно. Чувствуется, что снарядъ значительно большихъ размѣровъ, чѣмъ всѣ другіе. Мы слышимъ, какъ онъ проносится, спускаясь впередъ, съ грузнымъ и все усиливающимся вибрированіемъ, напоминающимъ грохотъ поѣзда, проходящаго по туннелю. Затѣмъ его тяжелый свистъ удаляется. Мы смотримъ на холмъ насупротивъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ покрывается тучей оранжеваго цвѣта, развѣянной вѣтромъ по всей половинѣ горизонта.

— Это 220-миллиметровый, съ батареи пункта «гамма»...

— Ихъ даже услѣдить можно,—увѣряетъ Вольпаттъ.—Надо только уловить моментъ, когда они вылетаютъ изъ жерла. И, если ты правильно сталъ въ направленіи прицѣла, ты можешь ихъ видѣть даже тогда, когда они отлетѣли уже довольно далеко.

Въ это время, какъ бы желая дать возможность провѣрить это утвержденіе, пролетаетъ второй такой же снарядъ.

— Вотъ, вотъ! Ты видѣлъ?.. Ты не поспѣлъ разглядѣть? Вотъ еще одинъ! Видалъ?

— Нѣтъ, не видѣлъ.

— Вотъ тюлень! Скорѣе смотри! Вотъ еще одинъ! Видѣлъ на этотъ разъ?

— Видѣлъ... И только?

Нѣкоторые замѣтили маленькую черную массу, суживающуюся къ концу, напоминающую птичку со сложенными крыльями, которая съ высоты зенита падаетъ прямо внизъ, клювомъ впередъ, описывая кривую.

— Эта игрушка вѣситъ 118 килограммовъ, мой старый клопъ,— гордо говоритъ Вольпаттъ, — и, когда она падаетъ на прикрытіе, никто не остается въ живыхъ. Кого не убило осколками, того барабахнуло вихремъ или удушило газомъ съ такой быстротой, что онъ и ахнуть не успѣлъ.

— Очень ясно видны также 270-миллиметровые снаряды. Вотъ я вамъ доложу—штучка! Надо поглядѣть, что это такое, когда онъ взрывается!

— А потомъ еще 155-миллиметровые; но эти слишкомъ быстро ужъ теряешь изъ виду, потому что они летятъ прямо впередъ и больно далеко залетаютъ.

Среди запаха сѣры, чернаго пороха, паленой шерсти и обожженной земли, носящагося густой пеленой надъ полями, стоитъ безпрерывный грохотъ и неистовый вой; грохотаніе, завываніе, ревъ, мяуканіе кошки, пронизывающее уши и какъ бы проникающее до глубины живота, либо протяжное, пронизывающее улюлюканіе, напоминающее ревъ сирены на погибающемъ суднѣ. Иной разъ даже какъ бы вскрики скрещиваются въ воздухѣ, напоминая перекликанье человѣческихъ голосовъ. Мѣстами поле то подымается, то опускается, являя нашимъ взорамъ изъ конца въ конецъ горизонта необычайный хаосъ.

А вдали, очень далеко, глухо грохочутъ тяжелыя орудія. Ихъ грохотъ не такъ ясенъ, но о силѣ его мы можемъ судить по движенію воздуха, ударяющаго въ наши уши.

... Вотъ, покачиваясь, пронесся надъ зоной обстрѣла какъ бы тяжелый пакетъ зеленой ваты, расплывающейся во всѣ стороны. Это рѣзко выдѣлившееся цвѣтное пятно привлекаетъ наше вниманіе, и всѣ лица зарывшихся въ землю поворачиваются къ нему.

— Вѣроятно, это удушливые газы: приготовимъ свои маски.

— Свиньи!

— Это уже подлость, по-моему,—говоритъ Фарфадэ.

— Что такое?—насмѣшливо переспрашиваетъ Баркъ.

— Разумѣется, подлость...

— Ты меня смѣшишь своими подлыми и неподлыми способами борьбы.. —А когда человѣка перепиливаетъ надвое, или рветъ въ клочья обыкновеннымъ снарядомъ, когда у него животъ распоротъ и внутренности раскиданы во всѣ стороны, когда черепъ словно вилами разворочепъ, или будто молоткомъ вогнапъ въ легкія, или, когда на мѣстѣ головы остается пенекъ, изъ котораго валятся мозги, точно веренье изъ крыжовника,—это, по-твоему, не подлый способъ борьбы.

— Эхъ, ты! Знаешь, что я тебѣ скажу? Ты меня попросту смѣшишь.

И онъ отворачивается.

— Эй, ребята, берегись!

Мы настораживаемся; одинъ легъ ничкомъ, другіе, хмуря брови, инстинктивно поглядываютъ въ сторону прикрытія, до котораго ужъ не добѣжать. На двѣ секунды всѣ втягиваютъ головы въ плечи. Раздается какъ бы лязгъ гигантскихъ ножницъ, приближающійся и вдругъ заканчивающійся оглушительнымъ грохотомъ падающаго листового желѣза.

Снарядъ упалъ невдалекѣ отъ насъ: приблизительно въ двухстахъ метрахъ, и мы нагибаемся къ дну окопа и остаемся на корточкахъ въ ожиданіи, пока мелкіе осколки пронесутся надъ нашими головами.

— Непріятно, ежели этакая штука врѣжется тебѣ въ физіономію, даже на такомъ большомъ разстояніи,—говоритъ Парадизъ, вытаскивая изъ стѣны окопа осколокъ, который только что туда впился и кажется кусочкомъ кокса, усѣяннымъ рѣжущими и колющими поверхностями.

Онъ еще горячъ, и Парадизъ, чтобы не обжечься, подбрасываетъ его на рукѣ.

Внезапно онъ быстро нагибается. Мы слѣдуемъ его примѣру.

Бсссс.... Бсссс....

— Шрапнель... Пролетѣла...

Шрапнель взлетаетъ, затѣмъ падаетъ вертикально. Въ перкуссіонномъ снарядѣ стаканъ послѣ взрыва отдѣляется отъ общей массы и обыкновенно остается зарывшимся въ мѣстѣ паденія. Но иногда случается, что онъ отскакиваетъ, куда ему заблагоразсудится, подобно большому раскаленному камню. Его надо остерегаться, ибо онъ можетъ попасть въ васъ уже много времени спустя послѣ удара и притомъ совершенно неправдоподобными

путями,—напримѣръ, перелетѣвъ черезъ насыпь и проникнувъ въ отверстіе.

— Нѣтъ ничего подлѣе этой штуки! Со мной вотъ случилось...

— Есть нѣчто похуже всего этого,—прервалъ его Багъ, изъ одиннадцатой роты,—это австрійскіе снаряды 130 и 74. Этихъ я боюсь. Говорятъ, что они никкелированые; насчетъ этого я не знаю, но я знаю, такъ какъ самъ въ этомъ убѣдился, что они такъ быстры, что никакъ не поспѣешь спрятаться отъ нихъ. Только ты его услыхалъ, а онъ, глядишь, ужъ разорвался и кокнулъ тебя.

— Нѣмецкій 105-миллиметровый тоже не дастъ тебѣ времени спрятаться. Это артиллеристы мнѣ разсказывали.

— Я тебѣ вотъ что скажу: морскія орудія палятъ такими бомбочками, что ихъ и не поспѣешь услыхать. Прежде получишь посылку, а потомъ уже...

— А этотъ паршивецъ, новый снарядъ, который разрывается, только ударившись о землю и отскочивъ отъ нея дважды... Когда я знаю, что такой снарядъ поблизости, у меня душа въ пятки уходитъ.

— Все это ничего, братцы,—проговорилъ новый сержантъ, проходившій мимо и остановившійся.—Вы бы поглядѣли, чѣмъ насъ угощали подъ Верденомъ, откуда я теперь сюда переведенъ. Сплошь только большаки: 380, 420, 440. Вотъ тотъ, кто тамъ понюхалъ пороху, можетъ сказать, что онъ, дѣйствительно, нюхалъ его. Лѣса цѣлые скашивало, какъ колосья. Всѣ прикрытія продырявливало, даже когда на нихъ лежало по три слоя земли въ мѣшкахъ. Всѣ перекрестки поливало, какъ дождемъ: всѣ дороги перевернуты вверхъ дномъ, превращены въ сплошныя груды развалинъ и остатковъ всего того, что по нимъ проходило или проѣзжало. Ты могъ бы увидать по тридцати человѣкъ, убитыхъ однимъ снарядомъ на перекресткахъ, или людей, взлетавшихъ, какъ мячи, на высоту до пятнадцати метровъ, и куски панталонъ, застрявшіе на верхушкахъ деревьевъ. Ты видѣлъ бы 380-миллиметровые снаряды, влетавшіе въ дома Вердена черезъ крышу, пробивавшіе два-три этажа, разрывавшіеся внизу и разносившіе въ щепы весь домъ. А въ открытомъ полѣ отъ одного такого снаряда цѣлые батальоны припадали къ землѣ и прятались, какъ беззащитныя птицы. Въ поляхъ ты на каждомъ шагу могъ бы видѣть осколки толщиной въ свою руку, поднять которые подъ силу было бы развѣ лишь вчетверомъ. Поля превращались въ каменистые пустыри... И въ теченіе

нѣсколькихъ мѣсяцевъ это не прекращалось. А ты говоришь здѣсь—снаряды! Это что—игра!—И сержантъ удалился, несомнѣнно, съ тѣмъ, чтобы на ближайшемъ пунктѣ снова повторить эти воспоминанія.

— Посмотри-ка, капралъ, посмотри на этихъ парней, они рехнулись!

Мы увидѣли въ бомбардируемой зонѣ людей, которые торопливо направлялись къ мѣсту взрывовъ.

— Это артиллеристы, — объяснилъ Бертранъ, — которые, какъ только разорвется чемоданъ, бѣгутъ искать дистанціонную трубку, потому что по ея положенію и по тому, какимъ образомъ она вонзилась въ землю, можно установить направленіе стрѣлявшей батареи и разстояніе. Достаточно прочесть эти указанія: они обозначены на дѣленіяхъ, выгравированныхъ вокругъ трубки.

— Все равно, а все-таки они смѣльчаки, что вылазятъ въ такія минуты.

— Артиллеристъ всегда ужъ либо молодчина, либо дрянь,—вмѣшался въ разговоръ солдатъ изъ другой роты, прогуливавшійся по окопу.—Вотъ, напримѣръ, со мною было...

— Это одинаково справедливо и относительно пѣхотинцевъ, и, вообще, всѣхъ солдатъ.

— Возможно, но я говорю сейчасъ объ артиллеристахъ.

— Эй, ребята, не пойти ли намъ въ прикрытіе, чтобы уберечь свои кости, а то, неровенъ часъ, проглотишь что-нибудь?

Чужакъ такъ и не кончилъ своего разсказа. А Коконъ, въ которомъ сидѣлъ духъ противорѣчія, заявилъ:

— Воображаю, какъ намъ тамъ будетъ весело, если даже здѣсь мы такъ интересно проводимъ время.

— Погляди-ка, они палятъ торпедами,—воскликнулъ Парадизъ, указывая на наши позиціи, возвышающіяся справа.

Эти мины поднимаются прямо вверхъ или почти прямо, подобно жаворонкамъ, встряхиваясь и шурша; затѣмъ останавливаются, какъ бы колеблются и падаютъ стремглавъ, возвѣщая о своемъ паденіи въ послѣдній моментъ «дѣтскимъ крикомъ», который легко узнать. Отсюда люди на гребнѣ горы кажутся невидимыми игроками, играющими въ мячъ.

— Въ Аргоннахъ, — говоритъ Ламюзъ, — какъ мнѣ пишетъ мой братъ, швыряются «горлицами». Это большія тяжелыя штуки, которыя мечутъ на близкомъ разстояніи. Онѣ летятъ и воркуютъ, какъ голуби, а когда разрываются, вотъ поднимается кутерьма!

— Нѣтъ ничего хуже «лягушенка», который словно гонится за тобой и наскакиваетъ на тебя, а разрывается въ самомъ окопѣ, снося насыпь.

— Ты слышалъ?..

До насъ донесся свистъ, сразу затихшій. Снарядъ не разорвался.

Мы настораживаемся въ ожиданіи новыхъ снарядовъ.

Ламюзъ говоритъ:

— Всѣ поля, всѣ дороги и всѣ деревни въ этихъ мѣстахъ покрыты неразорвавшимися снарядами всѣхъ калибровъ, — и нашими также, надо правду сказать. Въ землѣ ихъ, навѣрное, множество, только ихъ не видать; и я спрашиваю себя, что будутъ дѣлать люди послѣ, когда настанетъ время опять обрабатывать землю?

* * *

Между тѣмъ, шквалъ огня и желѣза продолжается въ своей неистовой монотонности: шрапнель съ ея свистящимъ дыханіемъ, какъ бы одаренная металлической свирѣпой душой; затѣмъ большіе перкуссіонные снаряды съ ихъ грохотомъ быстро катящагося локомотива, какъ бы съ размаху налетающаго на стѣну, или, съ шумомъ и лязгомъ цѣлаго груза рельсовъ и стальныхъ стропилъ свалившагося съ насыпи. Атмосфера становится плотной, теряетъ свою прозрачность, а кругомъ продолжается все болѣе глубокое, все болѣе жестокое уродованіе земли.

Ввязываются въ бой еще какія-то орудія. Это наши. У нихъ детонація напоминаетъ 75-миллиметровыя, но болѣе сильная, съ продолжительнымъ эхо, подобнымъ горному эхо во время грозы.

— Это 120-миллиметровыя. Они расположены на опушкѣ лѣса, на разстояніи одного километра отсюда. Прехорошенькія пушечки, похожія на сѣрыхъ гончихъ: тоненькія, съ изящнымъ ротикомъ. Такъ и хочется имъ сказать: «мадамъ». Совсѣмъ не то, что 220-миллиметровыя, представляющія одну сплошную пасть, какое-то ведро изъ-подъ угля, которое выплевываетъ вверхъ свой снарядъ. Эти очень трескучи, но въ артиллерійскихъ обозахъ производятъ впечатлѣніе безногихъ на повозочкахъ.

Бесѣда не клеится. Кругомъ позѣвываютъ. Величіе и мощь этого артиллерійскаго состязанія утомляетъ разумъ. Голоса также устаютъ.

— Я еще никогда не видалъ такой бомбардировки, — кричитъ Баркъ.

— Это всегда такъ говорятъ,—замѣчаетъ Парадизъ.

— А все-таки,—оретъ Вольпаттъ,—поговариваютъ, что надняхъ будетъ атака... Повидимому, это начало чего-то...

— А!—просто восклицаютъ другіе.

Вольпаттъ выражаетъ намѣреніе вздремнуть и устраивается на землѣ, упершись спиной въ одну стѣнку, а подошвами въ другую.

Болтаютъ о разномъ. Бикэ разсказываетъ исторію о крысѣ, которую видѣлъ.

— Вотъ толстая была и здоровенная! Я снялъ свои ботинки, а она, подлая, изгрызгла весь ихъ верхній край, превративъ его въ кружево. Правда, я ихъ недавно смазалъ.

Вольпаттъ ворочается и говоритъ:

— Эй, болтуны, вы мнѣ мѣшаете спать!

— Эй ты, старая швабра, неужто ты способенъ уснуть при подобномъ шумѣ?—говоритъ Мартро.

Вольпаттъ отвѣчаетъ на это громкимъ храпомъ.

* * *

— Стройся! Маршъ!

Мы мѣняемъ мѣсто. Куда насъ ведутъ? Ничего неизвѣстно. Знаемъ только, что мы въ резервѣ и что насъ передвигаютъ съ мѣста на мѣсто для подкрѣпленія нѣкоторыхъ пунктовъ или же для поддержанія порядка при передвиженіи войскъ въ соединительныхъ ходахъ, гдѣ урегулированіе прохода войскъ столь же сложно, если желаешь избѣжать затора, какъ организація пропуска поѣздовъ на большихъ вокзалахъ. Нѣтъ возможности разобраться въ смыслѣ огромнаго маневра, въ которомъ нашъ полкъ только маленькое колесико, и нѣтъ возможности предвидѣть, что будетъ предпринято на всемъ участкѣ боя. Но затерянные въ лабиринтѣ подземелій, въ которыя мы несчетное число разъ возвращаемся, разбитые, усталые отъ долгихъ ожиданій, обалдѣвшіе отъ толкотни и шума, отравленные дымомъ, мы понимаемъ, что наша артиллерія ввязывается въ серьезное дѣло и что близко наступленіе.

* * *

— Стой!

Усиленная пальба изъ ружей, какъ горохомъ, кроетъ парапеты окопа, въ которомъ насъ остановили въ этотъ моментъ.

— Фрицъ старается... Онъ боится атаки... Вотъ сыплетъ!

И, дѣйствительно, сыпало густымъ градомъ, усѣивая всю равнину.

Я заглянулъ въ одну изъ бойницъ. Передо мною предстало мимолетное и странное видѣніе.

Впереди насъ, не больше, чѣмъ въ десяти метрахъ, растянулась шеренга солдатъ, скошенныхъ пулями, а горохъ продолжалъ посыпать ихъ.

Пули, задѣвшія землю и прорывавшія ровныя борозды, поднимали маленькія облачки пыли, дырявили и уродовали припавшія къ землѣ тѣла, ломали члены, впивались въ зеленоватыя лица, вышибали глаза и безпрерывными толчками какъ бы оживляли эти трупы.

Слышенъ былъ сухой трескъ, производимый заостренными кусками мѣди, съ налета врѣзывающимися въ ткани и тѣло; шумъ, напоминающій быстро летящій ножъ и хлопанье палки о платье. Надъ головами нашими носился рѣзкій свистъ, сопровождаемый болѣе низкими тонами рикошетовъ. И мы опускали головы подъ этимъ адомъ.

— Приказано очистить окопы! Маршъ! Живо!

* * *

Мы покидаемъ этотъ маленькій участокъ поля битвы, гдѣ ружейная пальба безъ конца ранитъ и снова убиваетъ уже павшихъ бойцовъ. Мы направляемся вправо и въ тылъ. Соединительный ходъ идетъ въ гору. Наверху ущелья мы проходимъ мимо телефоннаго пункта и группы артиллерійскихъ офицеровъ и солдатъ.

Здѣсь опять остановка. Топчемся на мѣстѣ и слушаемъ, какъ наблюдатель кричитъ распоряженія, принимаемыя и повторяемыя находящимся въ прикрытіи телефонистомъ:

— Первое орудіе: та же высота, двѣ десятыхъ налѣво! По три въ минуту.

Нѣкоторые изъ насъ рискнули высунуть голову подъ краемъ насыпи и имѣли возможность охватить мимолетнымъ взглядомъ все поле битвы, вокругъ котораго наша рота бродитъ съ утра.

Я видѣлъ сѣрую огромную равнину, по которой вѣтеръ какъ бы носитъ мутныя волны пыли, мѣстами смѣшанной съ дымомъ.

Это огромное пространство, на которое солнце и тучи отбрасываютъ черныя и свѣтлыя пятна, мѣстами тускло поблескиваетъ,—

здѣсь палятъ наши батареи. Одинъ моментъ я видѣлъ все это пространство испещреннымъ короткими вспышками. Въ другой моментъ часть поля скрылась подъ бѣлесоватой завѣсой, какъ бы напоминавшей снѣжную метель.

Вдали, на зловѣщихъ безкрайныхъ поляхъ, изрѣшетенныхъ подобно кладбищамъ, виднѣется какъ бы клочокъ рваной бумаги— тонкій силуэтъ церкви; изъ края въ край картины протянулись неясные ряды вертикальныхъ линій, напоминающихъ палки, и подчеркнутыхъ одной горизонтальной: это дороги, обсаженныя деревьями. Небольшіе изломы изрѣзываютъ равнину вдоль и поперекъ, какъ бы разграфляя ее на квадраты, и эти изломы усѣяны людьми.

Можно различить обрывки линій, образуемыхъ этими живыми точками, которыя, выходя изъ углубленныхъ бороздъ, двигаются по равнинѣ подъ грознымъ, разгнѣваннымъ небомъ.

Не вѣрится, что каждое изъ этихъ крошечныхъ пятенъ— живое существо, трепещущая хрупкая плоть, полная мыслей, воспоминаній и образовъ. Вы ослѣплены этимъ распыленіемъ людей, крохотныхъ, какъ звѣзды въ небесахъ.

Бѣдные люди, бѣдные неизвѣстные, теперь вашъ чередъ принести свою жертву. Завтра или въ другой разъ придетъ и нашъ чередъ. Быть можетъ, уже близокъ моментъ, когда мы почувствуемъ, какъ небо раскалывается надъ нашими головами или земля разверзается подъ нашими ногами, когда мы будемъ сметены дыханіемъ урагана во сто тысячъ разъ болѣе могучаго, чѣмъ ураганъ.

Насъ толкаютъ въ тыловое прикрытіе. Поле битвы исчезаетъ изъ нашихъ глазъ. Грохотъ невидимаго молота по наковальнѣ тучъ слабѣетъ. Шумъ всемірнаго разрушенія умолкаетъ. Нашъ взводъ эгоистически окунается въ привычные шумы жизни, погружается въ ласкающую тѣсноту прикрытій.

XX.

Огонь.

Внезапно разбуженный, я открываю въ темнотѣ глаза.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?

— Твоя очередь стать на часы. Теперь два часа ночи,—говоритъ мнѣ капралъ Бертранъ, котораго я слышу, но не вижу, въ отверстіе норы, на днѣ которой я лежу.

Я ворчливо отвѣчаю, что сейчасъ встану, встряхиваюсь и позѣвываю. Протягиваю руки и натыкаюсь на мокрую, холодную глину. Затѣмъ, разсѣкая ощутительно тяжелый густой воздухъ, пробираюсь въ темнотѣ, среди тѣлъ спящихъ. Натыкаясь на мѣшки, спотыкаясь о снаряженіе и раскинутыя во всѣ стороны руки и ноги, я нахожу свое ружье и, еще не совсѣмъ придя въ себя, выбираюсь на свѣжій воздухъ, гдѣ меня сразу обдаетъ рѣзкимъ вѣтромъ.

Дрожа отъ холода, я слѣдую за капраломъ, уходящимъ во мракъ среди высокихъ темныхъ нагроможденій, какъ-то странно смыкающихся внизу позади насъ. Онъ останавливается. Это здѣсь... Отъ стѣны отдѣляется и затѣмъ спускается какая-то темная масса. Эта темная масса испускаетъ зѣвокъ, похожій на лошадиное ржаніе. Я вхожу въ нишу, которую она занимала.

Луна скрыта въ туманѣ, но всѣ предметы озарены какимъ-то еле уловимымъ разсѣяннымъ свѣтомъ, къ которому глазъ привыкаетъ нескоро. Свѣтъ затемняется мракомъ, витающимъ надо мною. Я едва различаю, лишь прикоснувшись къ нему, обрамленіе и отверстіе бойницы на высотѣ моего лица, и рука моя привычнымъ жестомъ находитъ въ спеціальномъ углубленіи рядъ ручекъ гранатъ.

— Держи ухо востро, старина,—тихо говоритъ мнѣ Бертранъ.— Не забудь, что впереди слѣва находится нашъ сторожевой постъ. Ну, до свиданія.

Я слышу его удаляющіеся шаги, сопровождаемые соннымъ шагомъ часового, котораго я смѣнилъ.

* * *

Ружейные выстрѣлы трещатъ со всѣхъ сторонъ. Вдругъ пуля глухо ударяется въ землю насыпи, на которую я опираюсь. Я выглядываю въ отверстіе. Нашъ окопъ змѣится по верхнему краю лощины. Продолженіе насыпи отъ меня скрыто, и я ничего не вижу въ этой безднѣ мрака. Въ концѣ концовъ, глазъ начинаетъ все-таки различать правильную линію кольевъ нашего проволочнаго загражденія, и круглыя раны воронокъ, образованныхъ снарядами малаго, средняго и большаго калибровъ. Нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ близко и заполнены какими-то таинственными нагроможденіями. Вѣтеръ дуетъ мнѣ въ лицо. Все неподвижно, кромѣ вѣтра, который проносится мимо, и сырости, каплями стекающей внизъ. Холодно. Я дрожу. Поднимаю глаза, озираюсь. Страшная тоска нависла кругомъ. У меня ощущеніе полнаго одиночества, словно я выброшенъ на берегъ послѣ крушенія, среди міра, разрушеннаго катаклизмомъ.

Мимолетное просвѣтлѣніе въ воздухѣ, это—ракета... Окружающее на мигъ рѣзко выступаетъ передъ моими глазами. Я вижу изрѣзанный, изборожденный гребень нашего окопа, вижу черезъ каждые пять шаговъ приникшія къ передней стѣнѣ тѣни часовыхъ. Ихъ ружья поблескиваютъ подлѣ нихъ рядами отдѣльныхъ свѣтящихся точекъ. Окопъ прикрытъ мѣшками земли. Онъ всюду расширился и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прерывается обвалами. Эти мѣшки земли, нагроможденные одинъ на другой, кажутся при мимолетномъ свѣтѣ ракеты огромными плитами античныхъ развалинъ. Смотрю въ отверстіе. Въ блѣдномъ туманномъ свѣтѣ, оставленномъ послѣ себя упавшей ракетой, различаю ряды кольевъ и даже линію колючей проволоки, соединяющей ихъ. Передо мной точно проведенныя перомъ черты, испещряющія все поле. Ниже въ этомъ ночномъ океанѣ, наполняющемъ лощину, сгущается безмолвіе и неподвижность.

Я спускаюсь со своего наблюдательнаго пункта и наугадъ направляюсь къ своему сосѣду. Нащупываю его протянутой рукой.

— Это ты?—спрашиваю я тихимъ голосомъ, не узнавая часового.

— Да,—отвѣчаетъ тотъ, также не зная, съ кѣмъ говоритъ.

— Сейчасъ все спокойно, прибавляетъ онъ.—А давеча я было думалъ, что они собираются атаковать насъ. Да они, можетъ, и пытались на нашемъ правомъ флангѣ, гдѣ я слышалъ взрывы гранатъ. Но въ отвѣтъ наши 75-миллиметровыя открыли заградительный огонь. И я сказалъ себѣ: «Чортъ возьми! Эти 75-миллиметровыя палятъ, точно нанялись! Если боши вылѣзли изъ окоповъ, имъ, вѣроятно, здорово досталось на орѣхи»... Нѣтъ, ты послушай, какъ трещатъ гранаты! Слышишь?

Онъ умолкаетъ, откупориваетъ свою флягу, выпиваетъ глотокъ и, обдавая меня запахомъ вина, говоритъ вполголоса:

— Вотъ мерзость-то эта война! Развѣ намъ не лучше было бы лежать теперь дома?.. Что это такое опять?

Невдалекѣ отъ насъ грянулъ ружейный выстрѣлъ, проведя въ воздухѣ сверкающую и быстро гаснущую черту. На него откликаются по всей нашей линіи: ружейные выстрѣлы ночью заразительны.

Ощупью мы направляемся въ темнотѣ къ одному изъ стрѣляющихъ и, сдѣлавъ нѣсколько неувѣренныхъ, спотыкающихся шаговъ, находимъ его.

— Въ чемъ дѣло?

Оказалось, что ему почудилось гдѣ-то движеніе. Вотъ и все. Мы съ сосѣдомъ возвращаемся на свои мѣста все тѣмъ же неувѣреннымъ шагомъ, увязая въ липкой грязи и сгибаясь какъ бы подъ тяжестью огромнаго груза.

Въ одной точкѣ горизонта, затѣмъ въ другой, повсюду вокругъ насъ гремятъ орудійные выстрѣлы. И тяжелый ихъ грохотъ смѣшивается съ трескотней ружейной перестрѣлки, то усиливающейся, то затихающей, съ точно собранными въ гроздья ударами гранатъ, болѣе звучныхъ, чѣмъ трескотня лебелей и маузеровъ, звукъ которыхъ приблизительно схожъ со звукомъ выстрѣловъ солдатской винтовки стараго типа. Вѣтеръ все усиливается. Онъ такъ рѣзокъ, что приходится прятаться отъ него за прикрытіе. Луна заслонена огромными проносящимися по небу тучами.

Мы здѣсь вдвоемъ, совсѣмъ близко, такъ что толкаемъ другъ друга, но лишь изрѣдка, во время взрывовъ, мимолетно улавливаемъ очертанія нашихъ фигуръ. Мы здѣсь двое, сжатые мракомъ, въ центрѣ огромнаго пожара, то вспыхивающаго, то вдругъ гаснущаго въ этомъ пейзажѣ шабаша вѣдьмъ.

— Мы словно проклятые,—говоритъ мой сосѣдъ.

Затѣмъ мы разстаемся, и каждый изъ насъ замираетъ на своемъ посту, пронизывая взоромъ мракъ.

Какая ужасная и жуткая буря ждетъ насъ впереди?

Но въ эту ночь буря не разразилась. Къ концу долгаго ожиданія, на разсвѣтѣ, даже наступило успокоеніе.

Межъ тѣмъ, какъ утренняя заря поднималась надъ нами мрачнѣй грозового вечера, я еще разъ увидѣлъ, какъ подъ черными, словно сажа, тучами, выплыли и точно вновь родились обрывистые берега, печальные и грязные, покрытые обломками и нечистотами,— это были наши окопы.

Мутный мракъ понемногу блѣднѣетъ. При этомъ освѣщеніи мѣшки земли съ поблескивающими отъ сырости боками кажутся свинцовыми.

Въ стѣнѣ позади меня углубленіе, въ которомъ нагромождены какіе-то длинные горизонтальные предметы, точно полѣнья, приготовленныя для костра. Что это? Стволы деревьевъ? Нѣтъ, — это трупы...

* * *

По мѣрѣ того, какъ съ бороздъ поднимается птичій гомонъ, какъ поля выходятъ изъ мрака и свѣтъ играетъ на каждой былинкѣ, я все чаще гляжу въ лощину. Ниже изуродованнаго поля, покрытаго хребтами земли и прожженными воронками, за вздыбившимися кольями—все тотъ же мракъ, и предъ склономъ насупротивъ все такая же ночь—стѣна мрака.

Затѣмъ поворачиваюсь и разглядываю этихъ мертвецовъ, которые понемногу выступаютъ изъ мрака, показывая свои загрязненныя, застывшія формы. Ихъ четверо. Это наши товарищи—Ламюзъ, Баркъ, Бике и маленькій Эвдоръ. Они разлагаются здѣсь подлѣ насъ, наполовину загораживая широкій извилистый и грязный окопъ, еще защищаемый живыми.

Ихъ кое-какъ уложили здѣсь одного на другого. Верхній завернутъ въ холстъ. На лица другихъ положены были платки, но, задѣвая ихъ во мракѣ ночи или нечаянно днемъ, проходящіе мимо люди сбросили эти платки, и мы живемъ лицомъ къ лицу съ этими мертвецами, нагроможденными здѣсь, подобно живому костру.

* * *

Прошло уже четыре ночи послѣ той, въ которую они были убиты. Я плохо помню эту ночь, точно тяжелый сонъ. Мы находились въ

патрулѣ, — они, я, Мениль Андрэ и капралъ Бертранъ. Намъ было поручено отправиться на развѣдки новаго сторожевого непріятельскаго поста, о которомъ намъ сообщили артиллерійскіе наблюдатели. Въ полночь мы вышли изъ окопа и, растянувшись въ одну линію, съ промежуткомъ въ три-четыре шага другъ отъ друга, ползкомъ стали спускаться въ лощину до того мѣста, гдѣ, наконецъ, увидѣли бортъ «интернаціональнаго» соединительнаго окопа, напоминавшій во мракѣ растянувшееся животное. Установивъ, что въ этой части окоповъ нѣтъ сторожевого поста, мы съ безконечными предосторожностями стали возвращаться назадъ. Я неясно видѣлъ своихъ сосѣдей справа и слѣва, которые, подобно тѣнямъ, ползли, медленно скользили, катались въ грязи и карабкались вверхъ, подталкивая впереди себя винтовки. Надъ нами свистѣли пули, но онѣ на знали о нашемъ присутствіи и не искали насъ. Уже неподалеку отъ начала нашихъ окоповъ мы на минутку остановились перевести духъ. Одинъ изъ насъ вздохнулъ, другой заговорилъ, третій повернулся, и отъ неосторожнаго движенія ножны его штыка звякнули о камень. Тотчасъ же надъ «Интернаціональнымъ» ходомъ вспыхнулъ огонь. Мы тѣсно прижались другъ къ другу, сохраняя полную неподвижность, и стали ждать, когда погаснетъ эта страшная повисшая надъ нами звѣзда, залившая насъ яркимъ свѣтомъ дня на разстояніи двадцати пяти или тридцати метровъ отъ нашего окопа. Затѣмъ пулеметъ, находившійся по ту сторону лощины, сталъ поливать всю зону, гдѣ мы находились. Капралу Бертрану и мнѣ удалось найти впереди насъ въ моментъ вспышки воронку, образованную ядромъ, гдѣ валялись въ грязи сломанныя козлы. Мы оба прижались къ покатому боку этой воронки и зарылись въ грязь, позади сломанныхъ козелъ. Нѣсколько разъ проносился надъ нами смертоносный дождь пуль. Во время каждаго взрыва мы слышали пронзительный свистъ, затѣмъ сухіе рѣзкіе удары пуль о землю, одновременно съ глухимъ хлопаньемъ, сопровождаемымъ стономъ, внезапнымъ крикомъ и хрипѣніемъ, которое быстро умолкало. Бертранъ и я, задѣтые движеніемъ воздуха, вызваннымъ горизонтальнымъ градомъ пуль, проносившихся въ нѣсколькихъ сантиметрахъ отъ насъ и порой обжигавшихъ наше платье, все крѣпче прижимались къ землѣ, не смѣя шевельнуться. Наконецъ, пулеметъ затихъ. Водворилась гробовая тишина. Черезъ четверть часа мы вдвоемъ вылѣзли изъ воронки, ползя на колѣнкахъ и локтяхъ, и, наконецъ, изнуренные и обезсиленные, свалились у нашего сторожевого поста. И какъ разъ во-время,

ибо показалась луна. Послѣ этого мы оставались на днѣ окопа до утра, а затѣмъ и до вечера. Пулеметы стрѣляли, не переставая.

Въ окошко сторожевого поста не видны были распростертыя тѣла, скрытыя неровностью почвы, и только при внимательномъ осмотрѣ можно было различить какую-то массу, казавшуюся спиной одного изъ убитыхъ. Вечеромъ прорыли сапу, чтобы добраться до того мѣста, гдѣ они пали. Эта работа не могла быть закончена въ одну ночь. Она продолжалась и въ слѣдующую ночь спеціально призванными землекопами, ибо сами мы до того были разбиты, что не могли бороться съ усталостью.

Проснувшись отъ мертваго сна, я увидѣлъ четыре трупа подобранные саперами на равнинѣ съ помощью закинутыхъ изъ сапы крючковъ и веревокъ. Въ каждомъ изъ убитыхъ засѣло по нѣсколько пуль на близкомъ разстояніи одна отъ другой. Не нашли только тѣла Мениля Андрэ.

Его братъ Жозефъ совершалъ безразсудства, лишь бы найти его. Онъ одинъ вышелъ на равнину, все время посыпаемый пулеметнымъ огнемъ. Утромъ, ползая, какъ улитка, онъ вернулся съ лицомъ, чернымъ отъ грязи и неузнаваемымъ отъ горя.

Мы втащили его въ окопъ. Его щеки были исцарапаны колючками проволоки, руки въ крови, весь онъ былъ покрытъ грязью и пахнулъ трупнымъ запахомъ. Точно маньякъ, онъ все повторялъ: «Его нигдѣ нѣтъ». Затѣмъ забился въ уголъ со своимъ ружьемъ, которое принялся чистить, не слушая, что ему говорятъ, и все повторяя: «Его нигдѣ нѣтъ».

Съ тѣхъ поръ прошло уже четыре ночи, и я гляжу на эти тѣла при свѣтѣ зари, снова взошедшей какъ бы для того, чтобы омыть этотъ земной адъ.

* * *

Застывшій Баркъ кажется непомѣрно громаднымъ. Его руки вытянулись вдоль тѣла, грудь разбита, животъ вдавленъ внутрь. Голова его приподнята кучей грязи подъ нею, и онъ какъ бы смотритъ поверхъ своихъ ногъ на приходящихъ слѣва, нахмуривъ лицо, обрамленное прилипшими волосами съ застывшими черными сгустками крови. Эвдоръ, наоборотъ, кажется совсѣмъ маленькимъ. Его лицо совершенно бѣлое, какъ напудренное лицо арлекина, и какъ-то особенно жутко оно выдѣляется, подобно круглому куску бѣлой бумаги, среди сѣрой и синеватой массы труповъ. Бретонецъ Брике,

коренастый и квадратный, какъ каменная плита, производитъ впечатлѣніе человѣка, дѣлающаго страшныя усилія. У него на лицѣ съ выдавшимися скулами и лбомъ застыла гримаса. Пріоткрытый ротъ какъ бы застылъ въ послѣднемъ крикѣ. Глаза широко открыты и кажутся высѣченными изъ кремня. Пальцы рукъ свело въ послѣдней судорогѣ.

Баркъ и Бике ранены въ животъ, Эвдоръ въ горло. Когда ихъ перетаскивали и волокли на крючьяхъ, трупы еще пострадали. Толстый Ламюзъ, повидимому, совершенно истекшій кровью, пугаетъ распухшимъ лицомъ и глубоко запавшими глазами. Его завернули въ холстъ, на которомъ на мѣстѣ шеи выдѣляется черноватое пятно. У него нѣсколькими пулями разбито правое плечо, и рука держится лишь на обрывкахъ рукава и на веревкѣ, которыми они связаны. Въ первую ночь эта рука свисала и затрагивала лица проходящихъ мимо. Поэтому, пришлось пристегнуть ее булавкой къ шинели.

Удушливая вонь начинаетъ распространяться вокругъ этихъ останковъ живыхъ существъ, съ которыми мы жили такъ дружно и такъ долго страдали вмѣстѣ.

Когда мы ихъ видимъ, мы говоримъ: «Всѣ четверо убиты». Но они слишкомъ изуродованы для того, чтобы мы, дѣйствительно, думали, что это они. И лишь отвернувшись отъ этихъ недвижимыхъ чудовищъ, мы ощущаемъ пустоту, которую оставили среди насъ погибшіе.

Солдаты изъ другихъ ротъ или другихъ полковъ, которые проходятъ здѣсь днемъ, въ ужасѣ отшатываются отъ этихъ труповъ, наваленныхъ въ окопѣ. Иногда они злятся:

— И зачѣмъ это ихъ оставляютъ здѣсь!

— Это позоръ!

Затѣмъ они прибавляютъ:

— Правда, отсюда ихъ никакъ не уберешь.

А пока ихъ хоронитъ подъ своимъ покровомъ лишь темная ночь.

* * *

Наступило утро. Мы различаемъ напротивъ другой склонъ лощины: это—высота «119», изрѣзанный, взрытый, изборожденный воронками холмъ, покрытый соединительными ходами и параллельными окопами, обнажающими глину и мѣлъ. Тамъ мертвая неподвижность, и наши снаряды, попадающіе туда среди клубовъ дыма, напоминающихъ пѣну,

ударяются въ этотъ скатъ съ звонкимъ гуломъ, какъ если бы это былъ опустошенный, разрушенный молъ.

Я отстоялъ свои часы, и изъ-подъ земли, гдѣ они были спрятаны, вылѣзаютъ другіе часовые, завернутые въ полотнища палатокъ, грязные, желтые. Второй взводъ занимаетъ мѣста для стрѣльбы у бойницъ. Мы будемъ отдыхать до вечера.

Зѣваемъ, слоняемся. Проходитъ одинъ товарищъ, затѣмъ другой. По окопу шныряютъ офицеры съ перископами и подзорными трубами. Мы понемногу приходимъ въ себя и возвращаемся къ обычной жизни. Начинаются обычные разговоры и толки. И, если бы не изуродованный видъ окоповъ, въ которыхъ мы похоронены на склонѣ лощины, да не приказъ говорить тихо, мы могли бы подумать, что находимся въ тыловыхъ окопахъ. Всѣ валятся съ ногъ отъ усталости, лица у всѣхъ пожелтѣли, вѣки покраснѣли. Отъ безсонницы у насъ такой видъ, точно мы долго плакали. За нѣсколько дней всѣ мы сгорбились и постарѣли.

Постепенно товарищи изъ нашей группы собираются на поворотѣ окопа, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дно мѣловое и гдѣ у насъ надъ головами, подъ корой земли, пронизанной корнями растеній, залегаютъ слои бѣлаго камня, обнаженные, быть можетъ, впервые за сто тысячъ лѣтъ.

Здѣсь, въ расширенномъ проходѣ, размѣщается група Бертрана. Она значительно порѣдѣла, ибо, не считая убитыхъ въ ту ночь, мы потеряли еще Потерлу, убитаго во время возвращенія съ передовой линіи, Кадильяка, раненаго осколкомъ въ ногу въ одинъ вечеръ съ Потерлу, Тирлуара и Тюлака, которыхъ эвакуировали,— одного съ дизентеріей, другого съ воспаленіемъ легкихъ. Если судить по открыткамъ, которыя приходятъ изъ лазарета, болѣзнь его принимаетъ дурной оборотъ.

Я еще разъ вижу, какъ сходятся эти люди, грязные отъ вѣчнаго валянья на землѣ, закопченные пороховымъ дымомъ. И мнѣ такъ знакомы ихъ лица и позы: вѣдь мы не разставались съ перваго дня, братски скованные другъ съ другомъ.

Дядюшка Блэръ щеголяетъ новыми зубами ослѣпительной бѣлизны, такъ что во всемъ его жалкомъ лицѣ только и видишь, что эту вставную новую челюсть. Появленіе этихъ чужихъ зубовъ, къ которымъ онъ понемногу привыкаетъ и которыми иногда даже ѣстъ, глубоко измѣнило его характеръ и нравъ: онъ больше не грязенъ и почти не неряшливъ. Похорошѣвъ, онъ ощущаетъ потребность быть кокетливымъ. Въ данный моментъ онъ сумраченъ, быть можетъ

потому—о чудо!—что ему негдѣ умыться. Забившись въ уголъ, онъ поглядываетъ въ сторону, жуетъ свой усъ ворчуна—прежде единственное украшеніе его физіономіи—и отъ времени до времени выплевываетъ волоски.

Фуйядъ схватилъ насморкъ, дрожитъ отъ холода и зѣваетъ: весь онъ какой-то общипанный, съежившійся. Мартро не измѣнился: все такой же бородатый, съ круглыми голубыми глазами и такими коротенькими ножками, что кажется, будто вотъ-вотъ его штаны выползутъ изъ-подъ кушака и свалятся внизъ. Коконъ все тотъ же, все съ той же высохшей, какъ бы пергаментной головой, внутри которой роятся цифры. Но за послѣднюю недѣлю расплодившіяся на немъ вши, выползающія даже на шею и кисти рукъ, портятъ ему настроеніе и всецѣло поглощаютъ его вниманіе. Парадизъ попрежнему сохраняетъ хорошее настроеніе и здоровый цвѣтъ лица. Онъ неизмѣненъ и нѣтъ ему износу. Мы всѣ улыбаемся, когда онъ показывается вдали, выдѣляясь на фонѣ мѣшковъ съ землей, подобно новой афишѣ. Ни капельки не измѣнился также Пепэнъ, который бродитъ со своей черно-красной клеенчатой шахматной доской на спинѣ, съ острымъ, какъ лезвіе ножа, лицомъ и холодными сѣрыми глазами. Все таковъ же и Вольпаттъ со своими гетрами, съ одѣяломъ на плечахъ и лицомъ аннамита, татуированнаго грязью. Прежнимъ остался и Тиреттъ, который, правда, за послѣдніе дни по какой-то непонятной причинѣ находится въ странномъ возбужденіи; даже въ глазахъ у него появились красныя жилки. Фарфадэ держится въ сторонкѣ, задумчивый и какъ бы чего-то ожидающій. При раздачѣ писемъ онъ выходитъ изъ задумчивости, затѣмъ снова уходитъ въ себя. Своими чиновничьими руками онъ тщательно пишетъ многочисленныя открытки. Онъ еще не знаетъ о смерти Евдокіи. Ламюзъ никому больше не разсказывалъ о страшномъ послѣднемъ объятіи, въ которомъ онъ слился съ ея трупомъ. Какъ мнѣ кажется, онъ жалѣлъ даже о томъ, что открылся мнѣ, и до самой смерти ревниво пряталъ отъ всѣхъ свою тайну. Вотъ почему Фарфадэ продолжаетъ мечтать о живой свѣтловолосой дѣвушкѣ, мысленно живя съ нею и отрываясь лишь изрѣдка, чтобы обмѣняться словечкомъ съ товарищами. Капралъ Бертранъ попрежнему хранитъ свой серьезный и воинственный видъ, попрежнему спокойно намъ улыбается, даетъ точные отвѣты на всѣ наши вопросы и помогаетъ каждому изъ насъ исполнять свой долгъ.

Мы бесѣдуемъ, какъ всегда. Но обязанность говорить вполголоса сокращаетъ наши бесѣды и покрываетъ ихъ какимъ-то траурнымъ налетомъ.

* * *

Творится что-то странное: за послѣдніе три мѣсяца пребываніе каждой боевой единицы на передовыхъ позиціяхъ длилось не болѣе четырехъ дней до слѣдующей смѣны. Теперь же вотъ уже пятый день, какъ мы здѣсь, а о смѣнѣ даже не заикаются. Правда, носятся слухи о близкомъ наступленіи, приносимые солдатами изъ службы связи и службы снабженія, являющимися черезъ ночь, хотя и не особенно регулярно... Имѣются еще и другія указанія, подтверждающія слухи о наступленіи: прекращены отпуски, письма перестали прибывать, офицеры замѣтно измѣнились, стали сосредоточенными и серьезными. Но всѣ разговоры по этому вопросу заканчиваются лишь пожатіемъ плечъ. Солдатъ никогда не предупреждаютъ о томъ, что съ ними собираются дѣлать. Ихъ держатъ точно съ завязанными глазами, и повязку снимаютъ лишь въ послѣдній моментъ. Поэтому мы ограничиваемся такими разговорами:

— Что-жъ, увидимъ.

— Остается только ждать.

И не затрагиваемъ больше этого трагическаго вопроса. Потому ли, что мы не въ состояніи осмыслить его во всей полнотѣ, потому ли, что у насъ не хватаетъ духа вникнуть въ велѣнія судьбы, скрытыя за завѣсой тайны, потому ли, что мы выработали въ себѣ беззаботность покорности, потому ли, что въ насъ теплится живая вѣра, что и на сей разъ опасность насъ минуетъ? Какъ бы то ни было, но, вопреки всѣмъ признакамъ и пророчествамъ, которыя, повидимому, начинаютъ сбываться, мы попрежнему поглощены неотложными заботами: голодомъ, жаждой, вшами, уничтоженіе которыхъ окровавило всѣ наши ногти, и безмѣрной усталостью, которая подтачиваетъ наши силы.

— Ты видѣлъ Жозефа сегодня утромъ? — спрашиваетъ Вольпаттъ.—Плохи его, бѣдняги, дѣла.

— Я увѣренъ, что онъ что-нибудь набѣдокуритъ. Вотъ увидишь. Онъ обреченный. При первомъ же удобномъ случаѣ онъ самъ полѣзетъ на пулю.

— Да и есть отчего рехнуться на всю жизнь. Ихъ было шесть братьевъ. Изъ нихъ четверо убиты, — двое въ Эльзасѣ,

одинъ въ Шампани и одинъ въ Аргоннахъ. Если Андрэ убитъ, то это будетъ пятый.

— Еслибъ онъ былъ убитъ, тогда нашли бы его тѣло или, по крайней мѣрѣ, замѣтили бы его съ наблюдательнаго пункта. Тутъ нечего мудрствовать. Я полагаю, что въ ту ночь, когда они были въ патрулѣ, онъ просто сбился съ дороги. Поползъ бѣдняга въ другую сторону и попалъ къ бошамъ.

— Можетъ быть, онъ наткнулся на ихнія проволочныя загражденія, и его убило токомъ...

— Говорю тебѣ: самъ понимаешь, вѣдь, если бы онъ былъ убитъ, его бы нашли, боши-то не стали бы его хоронить. Вѣдь искали всюду. И если не нашли, значитъ, онъ попалъ въ лапы къ нѣмцамъ, раненый или невредимый.

Это столь логичное предположеніе принимается всѣми, и теперь, когда мы считаемъ Андрэ Меniля въ плѣну, имъ перестаютъ интересоваться. Но братъ его продолжаетъ убиваться.

— Бѣдняжка, онъ такой еще молодой!..

И мы съ жалостью украдкой поглядываемъ на него.

— Жрать хочется,—вдругъ заявляетъ Коконъ.

Такъ какъ часъ ужина уже миновалъ, мы требуемъ пищи. Правда, ужинъ здѣсь, ибо это остатки того, что принесли наканунѣ.

— И о чемъ это думаетъ капралъ, что заставляетъ насъ голодать? Вотъ онъ! Сейчасъ я ему задамъ... Эй, капралъ, чѣмъ это ты такъ занятъ, что не даешь намъ жрать?

— Да, да, жрать!—хоромъ кричатъ голодные.

— Сейчасъ приду,—говоритъ озабоченный Бертранъ, который всегда занятъ—и днемъ, и ночью.

— Такъ какъ же?—ворчитъ Пепэнъ, все попрежнему злой.— Эти вѣчныя макароны не очень-то меня прельщаютъ. Вотъ, возьму, да и откупорю коробку консервовъ.

Начинается обычная комедія съ ѣдой, возобновляющаяся ежедневно на фонѣ боевой страды.

— Не смѣть трогать запасовъ,—говоритъ Бертранъ.—Какъ только я вернусь отъ капитана, я раздамъ ужинъ.

Вернувшись, онъ приноситъ и раздаетъ пищу. Мы ѣдимъ салатъ изъ картофеля съ лукомъ, и по мѣрѣ того, какъ насыщаемся, лица наши проясняются.

Въ честь ужина Парадизъ напялилъ колпакъ полицейскаго. Здѣсь для этого совсѣмъ не подходящее мѣсто и время, но колпакъ

совершенно новенькій; портной, который обѣщалъ изготовить его еще три мѣсяца тому назадъ, исполнилъ, наконецъ, обѣщаніе лишь въ день нашего отправленія на передовыя. Этотъ мягкій головной уборъ изъ ярко-синяго драпа, напяленный на эту вѣчно улыбающуюся цвѣтущую физіономію, придаетъ ему видъ игрушечнаго жандарма съ раскрашенными щечками. Уплетая, Парадизъ сосредоточенно смотритъ на меня. Я подхожу къ нему и говорю:

— Ты сегодня интересный.

— Это неважно,—отвѣчаетъ онъ.—Я хотѣлъ бы побесѣдовать съ тобой. Отойдемъ-ка въ сторонку.

Онъ протягиваетъ руку къ своей кружкѣ, стоящей возлѣ его прибора, одинъ моментъ колеблется, рѣшительно выпиваетъ оставшееся вино и прячетъ кружку въ карманъ. Затѣмъ поднимается и уходитъ. Я иду за нимъ. По дорогѣ онъ захватываетъ также свою каску, лежащую на земляной банкеткѣ. Шаговъ черезъ десять онъ нагибается ко мнѣ и съ какимъ-то страннымъ видомъ, не глядя на меня, тихо говоритъ:

— Я знаю, гдѣ находится Мениль Андрэ... Хочешь его видѣть? Идемъ...

Съ этими словами онъ снимаетъ колпакъ, прячетъ его въ карманъ, надѣваетъ каску и идетъ дальше. Я молча слѣдую за нимъ.

Онъ ведетъ меня къ мѣсту, метрахъ въ пятидесяти дальше, гдѣ находится общее помѣщеніе и нѣчто въ родѣ мостика изъ мѣшковъ, наполненныхъ землей, подъ которымъ приходится проходить, низко сгибаясь, всегда съ опасеніемъ, что вотъ-вотъ все это обрушится на тебя. За этимъ мѣстомъ въ боку окопа имѣется углубленіе со ступенькой, сдѣланной изъ плетня, покрытаго глиной. Парадизъ поднимается на эту ступеньку и знакомъ приглашаетъ меня послѣдовать его примѣру. Въ этомъ мѣстѣ прежде находилось оконце для часового, которое затѣмъ было уничтожено. Бойница была прорѣзана ниже и снабжена двумя щитами. Для того, чтобы голова не высовывалась надъ этимъ отверстіемъ, приходится нагибаться.

Тихимъ голосомъ Парадизъ говоритъ мнѣ:

— Это я приспособилъ эти два щита, чтобы имѣть возможность выглянуть наружу съ меньшимъ рискомъ. У меня, видишь ли, была идея, и я хотѣлъ провѣрить ее. Приставь-ка глазъ къ этой дыркѣ.

— Я ничего не вижу. Что-то заслоняетъ ее... Что это за узелъ тряпья?

— Да это онъ и есть...

Да... Это былъ трупъ, сидящій въ дырѣ, ужасающе близко отъ насъ.

Прижавшись лицомъ къ стальному щиту и припавъ глазомъ къ дыркѣ, я увидѣлъ его всего. Онъ сидѣлъ на корточкахъ, согнувшись, такъ что голова свѣсилась внизъ, уронивъ руки на колѣни и скрючивъ пальцы—совсѣмъ, совсѣмъ близко. Его можно было легко узнать, несмотря на выкатившіеся изъ орбитъ глаза, на облипшую грязью бороду и перекосившійся ротъ съ оскаленными зубами. Казалось, что онъ въ одно и то же время улыбается и строитъ какую-то отвратительную гримасу своему ружью, торчащему передъ нимъ стоймя. Его руки, протянутыя впередъ, посинѣли сверху и какъ-то зловѣще багровѣли снизу.

Дождь мочилъ его; грязь и пѣна застывали на немъ. Онъ сидѣлъ въ этой дыркѣ уже четыре дня; его не нашли лишь потому, что это было слишкомъ близко.

Между этимъ мертвецомъ, въ его страшномъ одиночествѣ, и людьми, жившими въ окопѣ,—лишь тонкая перегородка земли, и я соображаю, что то мѣсто, куда я кладу голову, когда укладываюсь спать, приблизительно соотвѣтствуетъ снаружи тому мѣсту, куда втиснутъ этотъ трупъ.

Я отвожу глазъ отъ дырки.

Мы съ Парадизомъ переглядываемся.

— Не надо еще говорить ему,—шепчетъ мнѣ товарищъ.

— Да, не сейчасъ.

— Я сказалъ капитану, что надо подобрать трупъ. Онъ также находитъ, что не слѣдуетъ пока говорить объ этомъ брату.

Пронесся легкій вѣтерокъ.

— Чувствуется запахъ.

— Еще бы! я думаю!

Этотъ запахъ проникаетъ до самой глубины нашихъ легкихъ и вызываетъ тошноту.

— Теперь значитъ, — говоритъ Парадизъ, — изъ шести братьевъ Жозефъ остался одинъ. И знаешь, что я тебѣ скажу: не долго и ему оставаться. Онъ нарочно пойдетъ на смерть. Хорошо было бы, если бы ему свалилась съ неба удачная рана, иначе онъ погибъ. Шесть братьевъ—это слишкомъ! Ты не находишь?

Затѣмъ прибавляетъ:

— Прямо удивительно, какъ близко онъ лежалъ отъ насъ.

— Его рука приходится какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ я кладу голову.

— Да,—отвѣчаетъ Парадизъ,—правая рука, на которой у него часы съ браслетомъ.

Часы... Я останавливаюсь... Сонъ это былъ, или явь?.. Мнѣ кажется, и сейчасъ я почти въ этомъ увѣренъ, что три дня тому назадъ, прежде чѣмъ уснуть въ ту ночь, когда мы такъ устали, я слышалъ какъ бы тиканье часовъ и даже спрашивалъ себя, что это можетъ значитъ.

— Быть можетъ, ты и слышалъ сквозь землю тиканье его часовъ,—говоритъ мнѣ Парадизъ, съ которымъ я дѣлюсь этимъ воспоминаніемъ.—Человѣкъ остановился, а машина продолжала работать. Машина съ нами не считается. Она себѣ знай дѣлаетъ свое дѣло.

Послѣ краткаго молчанія я спросилъ Парадиза.

— У него руки въ крови. Куда же попала пуля?

— Не знаю. Должно-быть въ животъ, потому что гдѣ-то въ томъ мѣстѣ у него чернѣетъ. Либо въ лицо. Ты развѣ не замѣтилъ маленькаго пятна на щекѣ?

Я вспоминаю позеленѣвшее лицо мертвеца.

— Да, дѣйствительно, у него что-то есть на щекѣ. Быть можетъ, пуля попала сюда...

— Тише,—торопливо проговорилъ Парадизъ, — вотъ онъ идетъ. Напрасно мы здѣсь остались.

Но мы все-таки остаемся, захваченные врасплохъ внезапнымъ появленіемъ Жозефа Мениля, который направляется прямо къ намъ. Никогда еще онъ не казался намъ такимъ хрупкимъ. Даже издали замѣтна его блѣдность и измученный видъ. Онъ идетъ согнувшись, медленнымъ шагомъ, придавленный безконечной усталостью и упорною думой.

— Что у васъ на лицѣ?—спрашиваетъ онъ меня.

Онъ замѣтилъ, какъ я показывалъ Парадизу мѣсто, куда попала пуля.

Я притворился, что не понимаю, затѣмъ далъ ему какой-то уклончивый отвѣтъ.

— Ахъ, такъ,—сказалъ онъ разсѣянно.

Вдругъ меня охватила тревога: трупный запахъ. Онъ ясно чувствовался; ошибиться было невозможно. Близость трупа давала себя знать. И, быть можетъ, онъ вообразитъ себѣ, что...

Мнѣ кажется вдругъ, что Жозефъ чуетъ правду.

Но онъ ничего не сказалъ и ушелъ, исчезнувъ за поворотомъ.

— Вчера,—говоритъ мнѣ Парадизъ,—онъ пришелъ сюда съ полной миской риса, котораго не хотѣлъ ѣсть. Какъ нарочно онъ остановился здѣсь и, взмахнувъ миской, вздумалъ было вышвырнуть рисъ черезъ насыпь, прямо туда, гдѣ лежитъ «тотъ». Этого я не могъ допустить и схватилъ его за руку, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда миска опрокинулась. Рисъ вывалился сюда, внутрь окопа. Тогда онъ весь покраснѣлъ отъ злости и накинулся на меня: «Что это съ тобой? Ты, рехнулся!» У меня былъ совершенно растерянный видъ, я пробормоталъ, что это нечаянно. Онъ пожалъ плечами, поглядѣлъ на меня, точно взъерепенившійся пѣтухъ, и ушелъ, ворча: «Вотъ тюлень!» Вѣдь ты знаешь, что онъ у насъ вспыльчивый. И долго не могъ успокоиться. А я сердился на себя, потому что, должно-быть, я былъ неправъ, хотя все-таки поступилъ хорошо.

Мы молча возвращаемся назадъ въ свое прикрытіе, гдѣ уже собрались остальные. Это бывшій командный пунктъ, и поэтому здѣсь довольно просторно.

Въ тотъ моментъ, когда мы стали вползать туда, Парадизъ вдругъ насторожился.

— Вотъ уже часъ, какъ наши батареи жарятъ во-всю. Ты не находишь?

Я понимаю, что онъ этимъ хочетъ сказать, и съ неопредѣленнымъ жестомъ отвѣчаю:

— Увидимъ, старина, увидимъ.

Въ прикрытіи Тиреттъ разсказываетъ тремъ слушателямъ казарменные анекдоты. Въ углу храпитъ Мартро. Онъ лежитъ у самаго входа, и намъ приходится поэтому перешагнуть черезъ его короткія ноги, какъ бы вогнанныя въ корпусъ. Группа картежниковъ, стоя на колѣняхъ вокругъ сложеннаго одѣяла, играетъ въ ломберъ.

— Мнѣ тасовать.

— 40, 42!—48!—49!—Превосходно!

— Вотъ везетъ этому человѣку! Невѣроятно! Ты трижды рогатый! Не хочу больше играть съ тобой! Ты меня обобралъ сегодня и намедни тоже обчистилъ, какъ липку.

— А ты почему не взялъ козыремъ, дурень ты этакій?

— У меня только король и былъ на рукахъ, безъ маленькой.

— И при этомъ коронка на пикахъ.

— Но вѣдь это же отличная игра, слюнтяй ты!

— Однако,—бормочетъ въ углу кто-то, занятый ѣдой, — этотъ камамберъ стоитъ 25 су, а какая гадость: снаружи слой вонючей мастики, а внутри сухой гипсъ.

Между тѣмъ Тиреттъ разсказываетъ о непріятностяхъ, которыя ему пришлось испытать во время трехнедѣльныхъ учебныхъ сборовъ изъ-за дурного характера батальоннаго командира.

— Но и свинья же, скажу я вамъ, братцы! И злющій до чего! Когда онъ встрѣчался съ нами или когда намъ почему-либо приходилось являться къ нему, это была пытка. Сидитъ, бывало, развалившись на стулѣ, котораго и не видать изъ-подъ него, со своимъ огромнымъ животомъ и въ большомъ кепи, обшитомъ галунами съ верху до низу, точно бочка въ обручахъ. И тяжелъ на руку. И фамилія такая непріятная—Лебъ,—одно слово, бошъ.

— Я его знаю!—вскричалъ Парадизъ.—Когда началась война, его, разумѣется, признали неспособнымъ къ дѣйствительной службѣ. Назначили его завѣдывать учебной командой. И доставалось же намъ отъ него! Самъ, небось, отлыниваетъ отъ настоящей службы, а насъ жучитъ. За незастегнутую пуговицу—сутки ареста, а кромѣ того онъ еще при всѣхъ такое тебѣ ляпнетъ за всякую мелочь... И всѣ хохочутъ. Онъ думалъ, что это надъ тобой смѣются, а ты-то зналъ, что смѣются надъ нимъ, только тебѣ отъ этого не было легче... Здорово влетало!

— У него была жена,—продолжаетъ Тиреттъ.—Эта старуха...

— Помню, помню,—восклицаетъ Парадизъ.—Вотъ холера!

— Бываютъ люди, которые водятъ за собой на цѣпочкѣ собачку. Онъ же всюду таскалъ за собой эту отраву, желтую, какъ лимонъ, и злую, какъ вѣдьма. Это она подзадаривала старика противъ насъ. Безъ нея онъ былъ скорѣе глупъ, чѣмъ золъ. Но при ней было наоборотъ... И влетало же намъ!

* * *

Мартро, спавшій у самаго входа, со стономъ просыпается. Онъ выпрямляется и садится на солому. Его бородатый силуэтъ выдѣляется, подобно китайской тѣни. Круглые глаза озираются въ полумракѣ, какъ бы еще несовсѣмъ стряхнувъ съ себя сонъ.

Затѣмъ онъ проводитъ рукой по лицу и, связывая свой сонъ съ событіями ночи, проведенной въ окопахъ, говоритъ осипшимъ голосомъ:

— Ну, и шибко же мы поработали этой ночью! Всѣ эти войска, роты, полки, которые орали и пѣли, поднимаясь въ гору... Они все прибывали, точно вода въ морѣ, смѣняясь артиллерійскими обозами, санитарными автомобилями... Никогда я еще не видѣлъ за одну ночь такой массы войскъ и обозовъ.

Затѣмъ онъ ударяетъ себя кулакомъ въ грудь, что-то ворчитъ и умолкаетъ.

Голосъ Блэра, раздающійся среди тишины, выражаетъ вслухъ тревогу, закравшуюся въ сердца всѣхъ, здѣсь находящихся.

— Теперь четыре часа. Пожалуй, уже слишкомъ поздно для того, чтобы наши что-либо затѣяли сегодня...

Въ другомъ углу игроки продолжаютъ ссориться.

— Что-жъ, будешь ты играть или нѣтъ, червячья физіономія?

Тиреттъ продолжаетъ разсказывать о своемъ командирѣ.

— Какъ-то разъ подали намъ премерзкій супъ, чуть ли не изъ сальныхъ свѣчекъ. Господи, какъ онъ вонялъ! Тогда кто-то изъ товарищей идетъ къ капитану и подноситъ ему подъ самый носъ свою миску...

— Сапогъ,—восклицаютъ въ другомъ углу,—почему ты не пошелъ съ козырей!

— «Фу, какая мерзость,—сказалъ капитанъ. Уберите отъ меня этотъ супъ, онъ прямо воняетъ!»

— Да вѣдь не мой же былъ ходъ, — огрызается кто-то неувѣреннымъ голосомъ.

— И вотъ, значитъ, капитанъ докладываетъ батальонному. Батальонный разсердился и, кричитъ: «Дайте-ка мнѣ попробовать этого супа, которымъ они такъ недовольны». Ему приносятъ супъ въ чистой мискѣ. Онъ нюхаетъ. «Пахнетъ хорошо, лучшаго и не надо».

— Не тебѣ ходить; вѣдь онъ же сдавалъ! Сапогъ! Индюкъ! Бѣда съ тобой, да и только!

— И вотъ въ пятомъ часу, во время выхода изъ казармъ, батальонный съ супругой останавливаются у воротъ и начинаютъ провѣрять, все ли на насъ въ порядкѣ: «А, братцы, вы брезгуете великолѣпнымъ супомъ, отъ котораго мы съ майоршей пальчики облизываемъ! Погодите-же, я вамъ покажу!.. Эй, вы тамъ, длинноволосый артистъ, пожалуйте-ка сюда». И въ то время, какъ батальон-

ный распекалъ насъ, его корова стояла, точно аршинъ проглотивши, и головой кивала въ знакъ одобренія.

— Это смотря по тому... Разъ у него была на рукахъ коронка, ты могъ взять леве...

— Только вдругъ мы видимъ, что она бѣлѣетъ, какъ полотно, хватается руками за пузо, трясется, роняетъ изъ рукъ зонтикъ и давай блевать. Всю землю вокругъ себя блевотиной покрыла.

— Тише, братцы! — вдругъ восклицаетъ Парадизъ. Въ окопахъ будто кричатъ. Слышите, какъ будто: «тревога».

— Тревога? Да ты съ ума спятилъ!

Едва мы успѣли произнести эти слова, какъ чья-то тѣнь показывается у входа и кричитъ:

— Двадцать вторая, къ оружію!

Водворилась гробовая тишина. Затѣмъ слышится нѣсколько восклицаній.

— Такъ я и зналъ,—бормочетъ сквозь зубы Парадизъ и на колѣняхъ ползкомъ пробирается ко входу въ нашу кротовую нору.

Разговоры стихаютъ. Всѣ онѣмѣли. Второпяхъ всѣ вскакиваютъ, суетятся, застегиваютъ кушаки. Въ полумракѣ видны то поднимающіяся, то опускающіяся руки. Въ карманы набираютъ разныхъ вещей. Затѣмъ, волоча за собой на ремняхъ ранцы, одѣяла и мѣшки, всѣ выходятъ.

Снаружи оглушительный шумъ и суматоха. Ружейная трескотня усилилась до чрезвычайности. Она доносится и слѣва, и справа, и спереди. Наши батареи громыхаютъ безъ перерыва.

— Ты думаешь, это атака?—спрашиваетъ кто-то.

— А я почемъ знаю,—коротко и раздраженно отвѣчаетъ другой голосъ.

У всѣхъ губы сжаты. Каждый думаетъ молча. Всѣ спѣшатъ, толкаются и ворчатъ.

Слышится приказъ:

— Ранцы на плечи!

— Есть контръ-распоряженіе!..—кричитъ офицеръ, пробѣгающій по окопамъ, расталкивая всѣхъ локтями.

Конца фразы мы не разслышали.

Контръ-распоряженіе... Видимый трепетъ проносится по рядамъ. Словно отъ толчка въ сердцѣ, головы поднимаются и всѣ замираютъ въ напряженномъ ожиданіи.

Но нѣтъ. Это контръ-распоряженіе относится только къ ранцамъ: ранцевъ не брать, сдѣлать лишь скатокъ изъ одѣяла, а къ поясу привѣсить лопату.

Торопливо вытаскиваемъ одѣяла, скатываемъ ихъ. Попрежнему никто не произноситъ ни звука. У всѣхъ напряженный взглядъ, рты плотно сжаты.

Капралы и сержанты лихорадочно мечутся во всѣ стороны и всѣхъ подгоняютъ.

— Живѣй! живѣй! Чего мямлите? Торопитесь!

Отрядъ солдатъ, имѣющихъ вышитыми на рукавѣ два скрещенныхъ топора, пробирается впередъ и быстро начинаетъ рыть отверстіе въ стѣнкѣ окопа. Мы искоса поглядываемъ на нихъ, заканчивая свои приготовленія.

— Что это они дѣлаютъ?

— Это они готовятъ выходъ для насъ.

Мы готовы. Люди выстраиваются, попрежнему, храня молчаніе; они стоятъ со скатанными одѣялами черезъ плечо, съ подтянутыми подъ подбородокъ ремнями касокъ, опираясь на свои винтовки. Я взглядываю на ихъ поблѣднѣвшія лица.

Это не солдаты: это люди. Это не авантюристы, не воины, созданные спеціально для человѣческой бойни, на роли мясниковъ или скота. Это пахари и рабочіе, которыхъ легко узнать и въ солдатской шинели. Это обыватели, вырванные изъ родной почвы. Они готовы. Они ждутъ сигнала смерти и убійства. Но глядя на ихъ лица, застывшія среди торчащихъ штыковъ, я ясно вижу, что это просто люди.

Каждый знаетъ, что онъ сейчасъ понесетъ свою голову, свою грудь, свой животъ, все свое тѣло подъ наведенныя дула винтовокъ, подъ снаряды, подъ гранаты, подъ пасть никогда не промахивающагося пулемета,—словомъ, противъ всего того, что притаилось въ ожиданіи и зловѣще молчитъ, прежде чѣмъ начать свою истребительную работу. Эти люди не беззаботны, не готовы въ каждый данный моментъ поставить на карту, какъ разбойники, и не ослѣплены яростью, какъ дикари; несмотря на усердную пропаганду, они нисколько не возбуждены. Въ нихъ нѣтъ подъема и пыла. Они не опьянены ни матеріально, ни морально. Они, въ полномъ сознаніи, въ полномъ обладаніи своими силами и здоровьемъ, собираются здѣсь, чтобы лишній разъ разыграть сумасшедшихъ—роль, на которую обрекаетъ всѣхъ насъ безуміе человѣчества. Я ясно вижу, сколько, страха и безмолвнаго прощанія съ жизнью въ ихъ неподвижности,

въ этой съ виду спокойной маскѣ, нечеловѣческимъ усиліемъ скрывающей истинныя переживанія. Это не герои, но ихъ жертва цѣннѣе, чѣмъ могутъ себѣ представить люди, никогда ихъ не видѣвшіе въ такія минуты.

Они ждутъ. Ожиданіе кажется вѣчнымъ. Отъ времени до времени кто-либо въ рядахъ вздрагиваетъ, когда пуля, прилетающая спереди и задѣвающая насыпь, защищающую насъ, впивается въ заднюю стѣну окопа.

Гаснущій день разливаетъ темный свѣтъ надъ этой могучей и пока еще нетронутой массой живыхъ, только часть которыхъ доживетъ до ночи. Идетъ дождь, вѣчный дождь, который связанъ почти со всѣми моими воспоминаніями о трагедіяхъ этой величайшей изъ войнъ. Надвигается вечеръ, подобный неясной угрозѣ. Онъ готовитъ людямъ западню, великую какъ міръ.

* * *

По рядамъ изъ устъ въ уста проносится новый приказъ. Раздаютъ гранаты, надѣтыя на желѣзныя кольца... «Пусть каждый солдатъ возьметъ по двѣ гранаты»... Проходитъ командиръ. Онъ въ походной формѣ, сдержанъ и спокоенъ. Мы слышимъ, какъ онъ говоритъ:

— Добрыя вѣсти, ребята! Боши отступаютъ. Надѣюсь, вы поведете себя молодцами!

Вихремъ разносятся среди насъ новости.

— Впереди насъ наступаютъ марокканцы и двадцать первая рота. Атака началась съ праваго фланга.

Къ капитану призываютъ капраловъ. Они возвращаются съ цѣлыми охапками громыхающаго металла. Бертранъ ощупываетъ меня и нацѣпляетъ на пуговицу шинели какой-то предметъ. Это кухонный ножъ.

— Гляди-ка, что я тебѣ привѣсилъ на шинель,—говоритъ онъ мнѣ.

Затѣмъ уходитъ, ища другихъ.

— Я!— кричитъ Пепэнъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Бертранъ.— Для этого воспрещено брать добровольцевъ.

— А, ну-тебя!—ворчитъ Пепэнъ.

Мы ждемъ подъ дождемъ, прислушиваясь къ отдаленной канонадѣ. Бертранъ закончилъ раздачу и возвращается.

Нѣсколько солдатъ усѣлось. Нѣкоторые позѣвываютъ.

Велосипедистъ Биллеттъ пролетаетъ мимо насъ, держа на рукѣ непромокаемый плащъ офицера.

— Что же, ты не съ нами?—кричитъ ему Коконъ.

— Нѣтъ. Я вѣдь въ семнадцатой ротѣ, а пятый батальонъ не наступаетъ.

— Везетъ этому пятому батальону! Никогда онъ не наступаетъ!

Биллеттъ уже далеко. Солдаты, дѣлая гримасы, смотрятъ ему вслѣдъ.

Прибѣгаетъ солдатъ и что-то говоритъ Бертрану, который затѣмъ поворачивается къ намъ.

— Ну, братцы, нашъ чередъ...

Все приходитъ въ движеніе. Мы ставимъ ноги на ступеньки, приготовленныя саперами, и локоть къ локтю взбираемся на парапетъ.

* * *

Бертранъ стоитъ на скатѣ. Быстрымъ взглядомъ онъ окидываетъ полувзводъ. Затѣмъ командуетъ:

— Впередъ!

Голоса какъ-то странно резонируютъ. Выступленіе произошло быстро и неожиданно, точно во снѣ. Въ воздухѣ не слышно свиста. Среди грохота орудій явственно ощущается это необычайное отсутствіе ружейной пальбы...

Мы спускаемся по скользкому и неровному скату, по временамъ опираясь на винтовку съ привинченнымъ къ ней штыкомъ. Глазъ машинально вглядывается въ детали пути, въ развороченную землю, въ колья съ оборванной проволокой и въ воронки. Какое-то странное ощущеніе испытываешь, находясь среди дня на этомъ спускѣ, по которому нѣкоторые изъ насъ обыкновенно спускались съ такими предосторожностями и на который остальные только украдкой поглядывали сквозь бойницы. Нѣтъ... Ружья молчатъ. Кажется, будто батальонъ вышелъ изъ-подъ земли совершенно незамѣченнымъ. Это затишье полно все растущей угрозой. Блѣдный свѣтъ ослѣпляетъ насъ.

Всюду скатъ покрылся людьми, спускающимися одновременно съ нами. Справа вырисовывается силуэтъ роты, спускающейся въ лощину девяносто седьмымъ соединительнымъ ходомъ, отбитымъ нами у нѣмцевъ и полуразрушеннымъ.

Мы выходимъ за наши проволочныя загражденія. Насъ еще не обстрѣливаютъ. Менѣе ловкіе спотыкаются, падаютъ и поднимаются снова. За проволочными загражденіями мы перестраиваемся, затѣмъ начинаемъ спускаться болѣе ускореннымъ шагомъ: всѣ инстинктивно спѣшатъ впередъ. Вотъ затрещали первые выстрѣлы. Бертранъ велитъ намъ приберечь гранаты и ждать послѣдней минуты.

Но звукъ его голоса уноситъ вѣтромъ. Неожиданно впереди насъ по всей ширинѣ спуска вспыхиваютъ темные огни, оглашая пространство чудовищными взрывами. По всей линіи справа налѣво въ небѣ вспыхиваютъ огни, а изъ земли грохочутъ взрывы. Точно какой-то страшный занавѣсъ отдѣлилъ насъ отъ всего міра, отъ прошлаго и отъ будущаго Мы останавливаемся, какъ вкопанные, ошалѣвъ отъ этой внезапной грозы, грохочущей со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ общее усиліе какъ бы приподымаетъ всю массу и бросаетъ ее впередъ. Мы спотыкаемся, хватаемся за сосѣдей и, окруженные, дымомъ, идемъ впередъ. Мы видимъ, какъ внизу, куда мы направляемся, разверзаются какъ бы кратеры: это сопровождается пронзительнымъ трескомъ и цѣлыми вихрями распыленной земли. Затѣмъ мы уже перестаемъ разбирать, куда все это попадаетъ. Шквалъ такъ чудовищенъ, что мы чувствуемъ себя уничтоженными уже однимъ грохотомъ и ослѣпительнымъ сверканіемъ звѣздообразныхъ осколковъ, летающихъ въ воздухѣ. Мы видимъ и чувствуемъ, какъ мимо нашихъ головъ, шипя, пролетаетъ что-то горячее. Я внезапно роняю ружье, такъ больно мнѣ обожгло руки горячимъ дыханіемъ взрыва. Снова поднимаю его и, пошатываясь, пригнувъ голову, снова бѣгу въ эту бурю, сверкающую огнями, въ этотъ истребительный ливень. По лицу хлещутъ струи горячей пыли и копоти. Взрывы до того оглушительны, что ушамъ становится больно. Точно молотомъ ударяетъ въ затылокъ, въ виски, и нѣтъ возможности сдержать крикъ. Отъ запаха сѣры сжимается сердце. Дыханіе смерти насъ толкаетъ, поднимаетъ, бросаетъ изъ стороны въ сторону. Мы перемѣщаемся прыжками, не зная куда идемъ. Глаза мигаютъ, слѣпнутъ и слезятся. Впереди насъ сплошная огненная стѣна.

Это заградительный огонь. Намъ предстоитъ пройти черезъ этотъ вихрь пламени, черезъ эти ужасные огненные столбы. Мы проходимъ. Мы прошли. Я видѣлъ вокругъ себя людей, вдругъ подхватываемыхъ этимъ вихремъ, взлетающихъ и падающихъ, озаренныхъ точно отблескомъ

адскаго огня. Я видѣлъ какія-то странныя лица, испускавшія, повидимому, крики, которыхъ не было слышно. Огромныя раскаленныя массы, красныя и черныя, падали вокругъ меня, разрывая землю, вырывая ее изъ-подъ моихъ ногъ и швыряя мной, точно игрушкой. Я помню, что перепрыгнулъ черезъ чей-то горѣвшій, весь черный трупъ, вокругъ котораго шипѣла лужа крови; помню также, что полы шинели, двигавшейся рядомъ со мной, загорѣлись, оставляя позади себя облачко дыма. Справа отъ насъ, вдоль девяносто седьмого хода, взглядъ приковывала и ослѣпляла цѣлая цѣпь жутко вспыхивающихъ яркихъ огней, тѣсно прижатыхъ одинъ къ другому, точно люди.

— Впередъ!

Теперь мы почти бѣжимъ. Нѣкоторые изъ насъ падаютъ, какъ подкошенные, лицомъ впередъ, другіе осторожно присѣдаютъ, словно отъ усталости. Чтобы обойти растянувшихся мертвыхъ, лежащихъ въ спокойныхъ или страдальческихъ позахъ а, главное, чтобы избѣжать раненыхъ, которые корчатся на землѣ и цѣпляются за насъ, приходится дѣлать рѣзкіе прыжки то въ ту, то въ другую сторону.

Вотъ и «Интернаціональный» ходъ.

Мы на мѣстѣ. Проволочныя загражденія вырваны вмѣстѣ съ кольями, разбросаны во всѣ стороны, спутаны, сметены и чудовищно скручены огнемъ артиллеріи. Путь передъ нами свободенъ. Ходъ никѣмъ не защищенъ. Нѣмцы либо покинули его, либо впереди насъ уже прошла волна аттакующихъ. Внутри окопъ щетинится ружьями, положенными вдоль насыпи. На днѣ его валяются трупы. Отовсюду высунулись руки въ сѣрыхъ рукавахъ съ красными нашивками; мѣстами торчатъ ноги въ высокихъ сапогахъ. Кое-гдѣ насыпь снесена, деревянная обшивка расщеплена. Весь бокъ окопа разрытъ и распыленъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зіяютъ глубокіе колодцы. Особенно у меня врѣзался въ память видъ одного окопа, сплошь покрытаго разноцвѣтными тряпками: для изготовленія своихъ мѣшковъ съ землей нѣмцы, очевидно, использовали всякія матеріи, реквизированныя въ мебельномъ магазинѣ. Отъ этихъ пестрыхъ клочьевъ рябитъ въ глазахъ.

Мы разсыпались по окопу. Лейтенантъ, перепрыгнувшій на другую сторону, наклоняется и знаками зоветъ насъ.

— Не оставайтесь тамъ! Впередъ! Все впередъ!

Мы взбираемся по насыпи окопа, цѣпляясь за мѣшки и опираясь на винтовки. Въ глубинѣ лощины земля вся разрыта снаря-

дами, завалена обломками и трупами. Одни хранятъ недвижность неодушевленныхъ предметовъ, другіе судорожно вздрагиваютъ и трепещутъ. Заградительный огонь продолжаетъ свирѣпствовать позади насъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ мы прошли. Но тамъ, гдѣ мы находимся сейчасъ, у подошвы возвышенія, мертвая зона, недостижимая для непріятельской артиллеріи.

Краткое затишье. Мы начинаемъ немного слышать. Переглядываемся. Въ глазахъ лихорадочный огонь, кровь прилила къ головѣ. У всѣхъ дыханіе учащено. Сердца бьются усиленно.

Мы торопливо узнаемъ другъ друга, какъ если бы встрѣтились лицомъ къ лицу въ кошмарѣ, у береговъ смерти. Въ этомъ мгновенномъ затишьѣ, среди адскаго огня и грохота, мы обмѣниваемся нѣсколькими отрывистыми фразами.

— Это ты?

— Ну и дѣла!

— Гдѣ Коконъ?

— Не знаю.

— Ты видѣлъ капитана?

— Нѣтъ.

— Какъ ты себя чувствуешь?

— Ничего...

Дно лощины осталось позади. Передъ нами противоположный склонъ. Мы поднимаемся гуськомъ по лѣсенкѣ, выкопанной въ землѣ.

— Осторожно!

Солдатъ, достигшій средины лѣстницы и пораженный осколкомъ снаряда, падаетъ, точно пловецъ, держа руки вытянутыми впередъ. Мы различаемъ его безформенный силуэтъ, ныряющій въ пропасть. Я мелькомъ вижу деталь—волосы, развѣвающіеся вокругъ его лица.

Поднимаемся на вершину.

Передъ нами пустое пространство. Вначалѣ не видно ничего, кромѣ мѣловой каменистой равнины, изжелта-сѣрой, уходящей вдаль. Впереди насъ никто не идетъ. Впереди насъ не видно ни единой живой души; но земля усѣяна мертвыми. Это свѣжіе трупы, съ несбѣжавшимъ еще съ лица выраженіемъ страданія или покоя. Кругомъ валяются останки прежнихъ жертвъ, уже наполовину поглощенныхъ землей.

Едва мы кинулись впередъ, какъ я чувствую, что подлѣ меня падаютъ двое товарищей. Падаютъ подъ ноги бѣгущихъ. Одинъ съ

пронзительнымъ крикомъ, другой молча, какъ быкъ, сваленный топоромъ. Вотъ съ жестомъ безумца исчезъ еще одинъ, словно унесенный вихремъ. Мы инстинктивно жмемся другъ къ другу и неудержимо бѣжимъ впередъ. Каждая брешь въ нашихъ рядахъ заростаетъ сама собой. Адъютантъ вдругъ останавливается, поднимаетъ шашку, роняетъ ее и опускается на колѣни. Его колѣнопреклоненное тѣло постепенно откидывается назадъ, каска сваливается къ нему на ноги, и онъ застываетъ въ такомъ положеніи, съ обнаженной головой и лицомъ, глядящимъ на небо. Наша шеренга невольно прорвалась въ этомъ мѣстѣ, чтобы не нарушить этой неподвижности.

Не видно также лейтенанта. Мы остались безъ начальства... Колебаніе охватываетъ человѣческую волну. Слышенъ топотъ, учащенное дыханіе, хрипъ.

— Впередъ!—кричитъ кто-то изъ товарищей.

И мы снова съ возростающей поспѣшностью стремимся впередъ къ пропасти.

* * *

— Гдѣ Бертранъ?—съ трудомъ хрипитъ кто-то изъ бѣгущихъ впереди.

— Вотъ, здѣсь...

Онъ по дорогѣ остановился, нагнувшись надъ раненымъ, но быстро покидаетъ его, хотя тотъ протягиваетъ къ нему руки и будто плачетъ.

Въ тотъ моментъ, когда онъ присоединяется къ намъ, мы слышимъ впереди трескотню пулемета, скрытаго за пригоркомъ. Наступаетъ страшная минута, еще болѣе жуткая, чѣмъ та, когда мы переходили огневую завѣсу. Хорошо знакомый голосъ отчетливо и грозно раздается въ пространствѣ. Но мы уже не останавливаемся.

— Впередъ, впередъ!

Учащенное дыханіе вырывается глухимъ стономъ, но мы мчимся дальше.

— Боши! Я ихъ вижу!—восклицаетъ кто-то.

— Да... Ихъ головы тамъ, надъ окопомъ. Ишь, спрятались, подлецы! Совсѣмъ близко.

Дѣйствительно, мы различаемъ маленькія сѣрыя кепи, то показывающіяся, то скрывающіяся за выступомъ, метрахъ въ пятидесяти впереди насъ.

Нашу группу точно что-то подбрасываетъ. Неужели мы, уцѣлѣвшіе, не доберемся до цѣли, когда она уже близка, рукой подать? Доберемся? Мы учащаемъ шаги. Ничего больше не слышно. Каждый бросается впередъ, притягиваемый этимъ страшнымъ рвомъ, протянувшимся впереди насъ, почти неспособный повернуть голову вправо или влѣво.

Мы смутно сознаемъ, что многіе изъ насъ валятся на землю, какъ подкошенные. Я дѣлаю рѣзкій скачокъ въ сторону, чтобы увернуться отъ винтовки съ примкнутымъ штыкомъ, вдругъ взлетѣвшей кверху и затѣмъ свалившейся наземь штыкомъ кзади. Совсѣмъ близко отъ меня Фарфадэ, съ окровавленнымъ лицомъ, выпрямляется, толкаетъ меня, бросается къ Вольпатту, бѣгущему рядомъ со мной, и цѣпляется за него. Вольпаттъ сгибается въ три погибели и, продолжая бѣжать, волочитъ его за собой нѣсколько шаговъ. Затѣмъ стряхиваетъ его, не оглядываясь, не зная даже, кто это, и отрывисто, задыхающимся голосомъ кричитъ:

— Пусти меня! Да пусти же, чортъ возьми!.. Тебя сейчасъ подберутъ... Не бойся.

Фарфадэ падаетъ, и его лицо, покрытое кровью, лишенное всякаго выраженія, поворачивается изъ стороны въ сторону, между тѣмъ какъ Вольпаттъ, отбѣжавшій уже далеко, машинально повторяетъ сквозь стиснутые зубы: «не бойся», и не сводитъ глазъ съ линіи нѣмецкихъ окоповъ.

Туча пуль летаетъ надъ нами, умножая съ каждымъ шагомъ внезапныя остановки, паденія, крики, проклятія, глухіе возгласы и страшные предсмертные хрипы. А мы, пока еще пощаженные пулями, глядимъ все впередъ и стремительно бѣжимъ, окруженные смертью, вырывающей наудачу то одного, то другого изъ нашихъ рядовъ.

Проволочныя загражденія... Одна часть осталась нетронутой. Мы обходимъ ее. Дальше, широкая брешь, огромный прорывъ, точно колоссальный кратеръ вулкана, вырытый снарядами.

Видъ этого разрушенія поражаетъ. Кажется, что стихійныя подземныя силы произвели его. Этотъ прорывъ подстегиваетъ нашъ наступательный пылъ, и нѣкоторые изъ насъ не могутъ удержаться, чтобы не крикнуть:

— Чортъ возьми! Ну, и угостили же ихъ наши артиллеристы. Ой-ой!

Какъ бы подталкиваемые вѣтромъ, мы то поднимаемся, то спускаемся по неровностямъ почвы, проникаемъ за эту развороченную

изгородь, мѣстами расплавленную огнемъ. Земля пристаетъ къ обуви. Мы яростно отряхиваемъ ноги и бѣжимъ дальше. Различные предметы снаряженія, клочья матеріи и всякаго бѣлья, очевидно, вывалившагося изъ ранцевъ, путаются въ ногахъ. Приходится прыгать черезъ эти препятствія.

Сзади насъ подстегиваютъ восклицанія:

— Впередъ, ребята! Впередъ, чортъ возьми!

— Весь полкъ идетъ за нами!—подбадриваетъ кто-то.

Мы не оборачиваемся, чтобы убѣдиться въ этомъ, но сознаніе этого еще больше наэлектризовываетъ насъ.

За насыпью окопа, къ которому мы приближаемся, не видать больше нѣмецкихъ кепи. Впереди валяются трупы нѣмцевъ, сваленные горками или въ одиночку. Мы подходимъ вплотную. Насыпь отчетливо выдѣляется своими коварными, подстерегающими бойницами... Чудеса! Теперь мы уже совсѣмъ близко, до жуткости близко.

Впереди насъ что-то падаетъ. Это граната. Ловкимъ ударомъ ноги капралъ Бертранъ швыряетъ ее впередъ, и она разрывается за насыпью.

Такъ удачно начинается атака на нѣмецкій окопъ.

Пепэнъ на животѣ ползетъ вверхъ, огибая трупы. Доползаетъ до края насыпи и пропадаетъ въ глубинѣ. Онъ вошелъ въ окопъ первымъ. Фуйядъ, безумно жестикулирующій и кричащій, прыгаетъ, какъ бѣсноватый, надъ углубленіемъ въ тотъ самый моментъ, какъ Пепэнъ спрыгиваетъ внизъ... На мигъ я вижу рядъ черныхъ дьяволовъ, нагнувшихся надъ краемъ насыпи, готовясь спуститься.

Прямо въ лицо намъ, почти въ упоръ гремитъ залпъ. Придя въ себя, мы встряхиваемся и громко, злорадно смѣемся. Залпъ пронесся надъ нашими головами! И тотчасъ же, съ крикомъ и ревомъ, мы скользимъ, катимся, сваливаемся въ окопъ—живыми.

* * *

Густой дымъ обволакиваетъ насъ. Въ этомъ тѣсномъ рвѣ я вначалѣ вижу однѣ только голубыя шинели. Мы идемъ въ одномъ направленіи, затѣмъ въ другомъ, подталкивая другъ друга, ругаясь и разыскивая врага. Руки наши заняты ножомъ, гранатами, ружьями. Мы поворачиваемся во всѣ стороны и въ первый моментъ не знаемъ, что дѣлать.

— Они попрятались въ лисьи норы, проклятые!—кричитъ кто-то.

Глухіе взрывы колеблютъ почву: теперь схватка идетъ подъ землею, въ норахъ. Внезапно насъ заслоняетъ другъ отъ друга такая густая масса дыма, что кругомъ не видно ни зги. Мы трепыхаемся, какъ утопающіе, въ этой атмосферѣ ѣдкаго мрака, натыкаемся на раненыхъ, истекающихъ кровью и кричащихъ. Стѣны окопа едва различаешь. Временами тяжелый дымъ колеблется, и мы видимъ кишащую массу атакующихъ. Вотъ впереди насъ на насыпи завязался поединокъ. Я слышу нѣсколько визгливыхъ восклицаній: «Камрадъ», исходящихъ изъ группы въ сѣрыхъ курткахъ, загнанной въ уголъ окопа. Окутанное дымомъ, точно грозовой тучей, человѣческое море колеблется то вправо, то влѣво, яростно кружится и рокочетъ.

* * *

И вдругъ мы какъ-то сразу чувствуемъ, что все кончилось. Мы видимъ, слышимъ и понимаемъ, что наша волна, докатившаяся сюда черезъ всѣ препятствія, не встрѣтила волны, равной себѣ, и что врагъ отступилъ. Тонкая завѣса защитниковъ распылилась по норамъ, гдѣ мы беремъ ихъ живьемъ, точно крысъ, либо убиваемъ. Нѣтъ больше сопротивленія. Одна пустота. Мы подвигаемся впередъ, сбившись въ кучу, точно зрители.

И здѣсь также окопъ весь разрушенъ. Его стѣны обвалились, разрыхлились, и весь онъ производитъ впечатлѣніе пересохшей рѣки. А по берегамъ, на насыпи и въ глубинѣ валяются трупы. Въ дыму, изрыгаемомъ прикрытіями, въ атмосферѣ, сотрясаемой подземными взрывами, я натыкаюсь на компактную массу людей, вертящихся на круглой площадкѣ. Въ тотъ моментъ, когда мы появляемся, вся эта масса разсыпается, разсѣивается: битва ослабѣваетъ. Я вижу, какъ высвобождается изъ этой массы Блэръ съ каской, повисшей у него на шеѣ, на ремнѣ, съ исцарапаннымъ лицомъ. Онъ рычитъ, какъ дикарь. Я натыкаюсь затѣмъ на человѣка, который вцѣпился въ деревянную обочину при входѣ въ нору. Правой рукой онъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ размахиваетъ ручною гранатой. Сейчасъ она разорвется... И вотъ она исчезла въ норѣ. Оглушительный взрывъ. Страшный крикъ гибнущихъ людей вылетаетъ изъ нѣдръ земли. Человѣкъ хватаетъ вторую гранату.

Вотъ другой человѣкъ подобралъ съ земли кирку и съ размаху колотитъ ею по столбамъ, поддерживающимъ входъ въ прикрытіе.

Происходитъ обвалъ, и выходъ закрытъ. Я вижу, какъ нѣсколько тѣней жестикулируютъ и утаптываютъ эту могилу надъ живыми людьми...

Среди этой массы живыхъ, добѣжавшихъ до непріятельскаго окопа, преодолѣвъ столько опасностей и препятствій, я почти не узнаю тѣхъ, кого знаю, такъ хорошо, словно вся жизнь осталась гдѣ-то далеко, позади. Въ этихъ лицахъ что-то окаменѣло, что-то измѣнилось. Какое то неистовство сотрясаетъ тѣла ихъ.

— Почему мы остановились здѣсь?—спрашиваетъ одинъ, скрежеща зубами.

— Почему мы не идемъ къ слѣдующему окопу?—гнѣвно вопрошаетъ второй.—Разъ мы уже здѣсь, то въ нѣсколько прыжковъ будемъ и тамъ!..

— Я также хочу продолжать!

— Я также! О, проклятые. Подлые!

И они всѣ пылаютъ, сжигаемые нервной лихорадкой, опьяненные, полубезумные.

Мы стоимъ въ завоеванномъ окопѣ и ждемъ. До насъ доносится команда:

— Подвигайтесь направо!

Мы забираемъ вправо. Несомнѣнно, это движеніе скомбинировано гдѣ-то далеко нашими начальниками. Мы ступаемъ по мягкимъ тѣламъ, изъ которыхъ иныя еще движутся и медленно мѣняютъ мѣста, истекая кровью. Вдоль и поперекъ, подобно балкамъ, свалены трупы,—иногда поверхъ раненыхъ, дѣлающихъ нечеловѣческія усилія, чтобы высвободиться, и все-таки гибнущихъ. Мнѣ приходится столкнуть со своей дороги обезглавленное тѣло, изъ шеи котораго кровь хлещетъ фонтаномъ.

Кругомъ, среди этого катаклизма обвалившейся земли, съ торчащими обломками балокъ и обшивки, съ кишащими на днѣ ранеными и мертвыми, среди дыма, наполняющаго окопъ, теперь встрѣчаешь лишь воспаленныя лица, обливающіяся потомъ, и глаза, мечущіе искры. Среди обезумѣвшихъ группъ видны люди, пляшущіе и размахивающіе ножами. Они веселы, они обезумѣли отъ счастья, что остались въ живыхъ.

Постепенно возбужденіе гаснетъ. Одинъ изъ солдатъ спрашиваетъ:

— Что же мы будемъ дѣлать теперь?

Затѣмъ снова вспыхиваетъ боевой пылъ: въ двадцати метрахъ отсюда, на равнинѣ, слышенъ трескъ выстрѣловъ, вокругъ пулемета,

который, зарывшись въ землю, сѣетъ смерть окрестъ. Въ желтовато-синемъ дыму я вижу людей, тѣсной цѣпью окружившихъ пулеметъ, смыкаясь все ближе. Рядомъ съ собой я различаю силуэтъ Мениля Жозефа, который, даже не пытаясь за чѣмъ-либо прикрыться, прямо идетъ туда, откуда доносится трескъ.

Изъ окопа раздается выстрѣлъ. Жозефъ останавливается, шатается, нагибается и падаетъ на колѣни. Я бѣгу къ нему. Онъ смотритъ на меня и говоритъ:

— Это ничего... Я раненъ въ бедро... Доползу какъ-нибудь самъ...

Онъ какъ бы пришелъ въ себя, успокоился. И медленно поползъ назадъ...

Обходя опасное мѣсто, находящееся подъ обстрѣломъ, я озираюсь и ищу. Никого не видать изъ нашего взвода, кромѣ одного товарища, который ищетъ такъ же, какъ и я. Это Парадизъ.

Насъ толкаютъ люди, несущіе на плечахъ или подъ мышками какіе-то куски желѣза самой разнообразной формы. Они запружаютъ сапу и раздѣляютъ насъ.

— Пулеметъ взятъ седьмой ротой!—кричитъ кто-то.—Теперь онъ больше плеваться не будетъ. А, проклятый!

— Что же намъ дальше дѣлать?

— Ничего...

Мы остаемся тамъ, сбившись въ кучу. Садимся. Живые перестали учащенно дышать, мертвые перестали хрипѣть. Мы окружены копотью, огнемъ и орудійнымъ грохотомъ, какъ бы несущимся со всѣхъ концовъ свѣта... Мы не знаемъ больше, гдѣ мы находимся. Нѣтъ ни неба, ни земли,—одна сплошная туча.

Въ этой драмѣ хаоса начинаетъ какъ бы обозначаться нѣкоторая передышка. Движенія и шумы замедляются. Канонада ослабѣваетъ, уходитъ куда-то вдаль, какъ будто кашель, сотрясающій небо. Возбужденіе улеглось; остается только безконечная усталость—и снова безконечное ожиданіе.

* * *

Гдѣ же непріятель? Всюду онъ оставилъ трупы; мы видѣли ряды плѣнныхъ—вонъ тамъ, на фонѣ дымнаго неба, видна еще одна такая группа плѣнныхъ. Но главная масса бошей какъ будто разсѣялась. Случайные снаряды еще долетаютъ до насъ, но они

плохо направлены, и мы смѣемся надъ ними. Мы спасены, спокойны и теперь мы одни въ этой своеобразной пустынѣ, гдѣ несчетная масса мертвецовъ подходитъ вплотную къ линіи живыхъ.

Настала ночь. Пыль улеглась, уступая мѣсто полумраку и мраку, нависшему надъ безпорядочно лежащими людьми. Мы сходимся, садимся, встаемъ, ходимъ, опираясь или цѣпляясь другъ за друга. Среди прикрытій, заваленныхъ грудами труповъ, мы собираемся кучками. Нѣкоторые положили свои винтовки на землю и бродятъ у краевъ рва съ устало болтающимися руками. Вблизи замѣтно, что эти люди почернѣли, какъ бы обгорѣли. У нихъ глаза красны, а лицо покрыто грязью, точно шрамами. Мы почти не разговариваемъ, но начинаемъ искать.

Вотъ появляются санитары съ носилками. Они ищутъ, наклоняются, проходятъ дальше и что-то несутъ, попарно шагая въ ногу, стараясь не тряхнуть свою зловѣщую ношу. Справа отъ насъ слышны удары кирки и лопаты.

Я брожу среди этой сутолоки. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ насыпь окопа, разорванная бомбардировкой, образуетъ легкій скатъ, кто-то сидитъ. Кругомъ еще блѣднѣетъ туманный свѣтъ. Спокойная поза этого человѣка, который задумчиво смотритъ прямо впередъ, поражаетъ меня своей скульптурностью. Наклонившись, я узнаю его. Это капралъ Бертранъ.

Онъ поворачивается лицомъ ко мнѣ, и я чувствую, что онъ улыбается мнѣ въ темнотѣ своей задумчивой улыбкой.

— Я только что собирался поискать тебя,—говоритъ онъ мнѣ.— Мы организуемъ охрану окопа, въ ожиданіи прибытія вѣстей о томъ, что сдѣлали другіе и что происходитъ впереди. Я поставлю тебя часовымъ въ парѣ съ Парадизомъ на сторожевомъ посту, только-что устроенномъ саперами.

Мы смотримъ на тѣни проходящихъ и застывшихъ въ неподвижности людей, выдѣляющихся чернильными пятнами и согнувшихся въ различныхъ позахъ. Ихъ силуэты вырисовываются на сѣромъ небѣ вдоль всего разрушеннаго парапета. Они какъ-то странно копошатся въ темнотѣ и кажутся маленькими, точно червяки, среди этихъ застланныхъ мракомъ полей, умиротворенныхъ смертью. Вотъ уже два года, какъ она коситъ свою жатву, превращая солдатскіе города въ необозримые и мрачные некрополи.

Во мракѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, проходятъ двѣ тѣни и вполголоса бесѣдуютъ.

— ...Я, разумѣется, не сталъ его слушать и просто напросто всадилъ ему свой штыкъ въ животъ... Такъ глубоко, что еле вытащилъ...

— Когда я вскочилъ туда, ихъ было въ норѣ всего четверо. Я сталъ звать ихъ, чтобы они вышли, и, по мѣрѣ того какъ они вылѣзали, я ихъ приканчивалъ. У меня руки покраснѣли по локоть, и рукава прилипли.

— О, Господи!—продолжаетъ первый,—когда мы позже вернемся,—если только вернемся, къ своимъ близкимъ и станемъ разсказывать у камелька обо всемъ этомъ, кто намъ повѣритъ! Развѣ это не ужасъ?

— А мнѣ наплевать, лишь бы только вернуться,—отвѣчаетъ другой.—Скорѣе бы только конецъ!

Обыкновенно Бертранъ говорилъ очень мало, а о себѣ—никогда. Однако теперь онъ сказалъ мнѣ:

— Мнѣ пришлось имѣть дѣло съ тремя заразъ. Я кололъ штыкомъ, какъ безумный. О, да, мы всѣ стали, какъ звѣри, когда добрались сюда!

Въ его голосѣ чувствовалась сдержанная дрожь.

— Такъ надо было,—продолжалъ онъ.—Такъ надо было, ради будущаго...

Онъ скрестилъ руки и покачалъ головой.

— Будущее!—воскликнулъ онъ вдругъ тономъ пророка. — Какими глазами станутъ смотрѣть на насъ тѣ, которые будутъ жить послѣ насъ и душа которыхъ будетъ наконецъ приведена въ равновѣсіе прогрессомъ, неотвратимымъ, какъ рокъ? Какими глазами они посмотрятъ на эти убійства и на наши подвиги, о которыхъ даже мы сами, совершающіе ихъ, не знаемъ, слѣдуетъ ли сравнивать ихъ съ дѣлами героевъ Плутарха и Корнейля, или же съ подвигами апашей?.. И, однако, смотри! Есть же одно лицо, одинъ образъ, поднявшійся надъ войной, который вѣчно будетъ сверкать красотою и мужествомъ!

Опершись на палку, склонившись къ нему, я слушалъ, впивая въ себя эти слова, раздавшіяся въ безмолвіи ночи изъ этихъ почти всегда безмолвныхъ устъ. Яснымъ голосомъ онъ выкрикнулъ:

— Либкнехтъ!

И поднялся, не разжимая скрещенныхъ рукъ. Его прекрасное лицо, хранившее серьезность выраженія статуи, склонилось на грудь. Но вскорѣ онъ снова поднялъ голову и повторилъ:

— Будущее! Будущее! Дѣло будущаго—загладить это настоящее, стереть его изъ памяти людей, какъ нѣчто отвратительное и позорное. И однако, это настоящее необходимо, необходимо! Позоръ военной славѣ, позоръ арміямъ, позоръ ремеслу солдата, превращающему людей поочередно то въ безмозглыя жертвы, то въ подлыхъ палачей! Да, позоръ! Это правда, но это слишкомъ правда; эта правда для вѣчности, но еще не для насъ. Вдумайся въ то, о чемъ мы сейчасъ говоримъ. Это будетъ правдой, когда станетъ правдой Евангеліе. Это будетъ правдой, когда ее начертаютъ среди другихъ истинъ, постичь которыя мы сумѣемъ лишь позже, когда очистится духъ нашъ. Мы еще далеки отъ этого. Теперь, въ данный моментъ, эта правда почти заблужденіе; это священное слово только богохульство!

Онъ какъ-то особенно звучно разсмѣялся и задумчиво продолжалъ:

— Какъ-то разъ я сказалъ имъ, что вѣрю въ пророчества, только для того, чтобы пріободрить ихъ и заставить идти впередъ.

Я сѣлъ рядомъ съ Бертраномъ. Этотъ солдатъ, который всегда дѣлалъ больше, чѣмъ требовалъ отъ него долгъ, и все-таки остался до сихъ поръ въ живыхъ, являлъ моимъ глазамъ въ эту минуту образъ тѣхъ, которые воплощаютъ въ себѣ высокую нравственную идею и достаточно сильны, чтобы отбросить условности и доминировать надъ своей эпохой, если они попадутъ въ вихрь событій.

— Я часто думаю обо всемъ этомъ,—тихо проговорилъ я.

— А!—воскликнулъ Бертранъ.

Мы молча переглянулись. Помолчавъ, онъ сказалъ:

— Ну, надо итти служить. Бери свое ружье и идемъ...

* * *

...Съ нашего сторожевого поста мы видимъ, какъ съ восточной стороны разгорается пожаръ, болѣе блѣдный и печальный, чѣмъ настоящій пожаръ. Онъ озаряетъ небо пониже длинной, черной тучи, висящей въ воздухѣ, какъ дымъ огромнаго погасшаго костра, какъ безконечное пятно на лицѣ міра. Это рождается утро.

Такъ холодно, что нѣтъ возможности оставаться неподвижнымъ, несмотря на сковывающую члены усталость. Мы дрожимъ, стучимъ зубами. Глаза слезятся. Понемногу, съ мучительною медлительностью, день прорывается съ неба сквозь стропила черныхъ тучъ.

Все сковано холодомъ, безцвѣтно и пустынно. Молчаніе смерти царитъ повсюду. Иней и снѣгъ придавлены тяжестью тумана и мрака. Все бѣло.

Парадизъ пошевелился; въ туманѣ онъ кажется бѣлымъ призракомъ. Мы оба бѣлые. Я положилъ свой ранецъ на парапетъ сторожевого поста, и онъ теперь кажется завернутымъ въ бумагу. На днѣ норы также бѣлѣетъ снѣгъ, посѣрѣвшій подъ ногами. Снаружи, на всѣхъ этихъ нагроможденіяхъ и выемкахъ, на грудахъ мертвыхъ тѣлъ,—на всемъ лежитъ легкій бѣлый налетъ.

Сквозь туманъ видны двѣ согнувшіяся фигуры. Онѣ темнѣютъ, приближаясь къ намъ, и окликаютъ насъ. Это смѣна. У нихъ багровыя и влажныя отъ холода лица, со щеками, напоминающими черепицу, но шинели ихъ не припудрены инеемъ: они спали подъ землей.

Парадизъ вылѣзаетъ вонъ. Я иду сзади него и наблюдаю его утиную походку; спина у него бѣлая, какъ у рождественскаго дѣда, а на сапогахъ словно бѣлыя войлочныя подошвы.

Согнувшись вдвое, мы проникаемъ въ свой окопъ. Слѣды смѣнившихъ насъ отчетливо выдѣляются черными пятнами на тонкой бѣлизнѣ земли.

Въ окопѣ, надъ которымъ мѣстами протянуты, подобно громаднымъ палаткамъ, брезенты съ налетомъ инея, стоятъ часовые. А между ними разсѣяны прикурнувшіе на землѣ люди, которые кряхтятъ, пытаются укрыться отъ холода и прикрыть свою бѣдную грудь. Лишь слегка перегнувшись на бокъ, стоитъ мертвецъ; ноги его въ окопѣ, а грудь и обѣ руки лежатъ на насыпи. Его лицо, глядящее въ небо, покрыто инеемъ, вѣки побѣлѣли, какъ и глаза, а на усахъ застыла пѣна.

Видны и другія скованныя сномъ тѣла, менѣе побѣлѣвшія, ибо снѣжный покровъ остался неприкосновеннымъ только на неодушевленныхъ предметахъ и на мертвыхъ.

— Надо спать.

Мы съ Парадизомъ ищемъ уголка, гдѣ можно было бы спрятаться и закрыть глаза.

— Если въ прикрытіи окажутся трупы, не бѣда,—бормочетъ Парадизъ.—Въ такой холодъ они не будутъ слишкомъ вонять.

Мы подвигаемся впередъ, до того уставшіе, что намъ даже трудно поднять глаза.

Я одинъ... Гдѣ Парадизъ? Должно-быть, гдѣ-то улегся. Быть можетъ, онъ даже звалъ меня, но я не слышалъ.

Встрѣчаю Мартро.

— Я ищу, гдѣ бы поспать. Я былъ на часахъ, — говоритъ онъ мнѣ.

— Я также... Давай поищемъ...

— Что это за шумъ? — спрашиваетъ онъ меня.

До насъ доносится топотъ многочисленныхъ ногъ и голоса.

— Соединительные ходы полны солдатъ... Кто вы такіе?

Одинъ изъ ближайшихъ отвѣчаетъ намъ:

— Мы изъ 5-го батальона.

Вновь пришедшіе остановились. Они въ походной формѣ. Говорившій садится, чтобы перевести духъ, на мѣшокъ съ землей, выступающій за общую линію мѣшковъ, и кладетъ у ногъ свои ручныя гранаты; затѣмъ вытираетъ носъ рукавомъ.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? Вамъ сказали, зачѣмъ?

— Понятно, сказали... Мы идемъ въ атаку... Вонъ туда, до конца...

И онъ головой указываетъ на сѣверъ.

Съ любопытствомъ поглядывая на этихъ людей, мы спрашиваемъ:

— Вы захватили съ собой всю амуницію?

— А чего же ей пропадать?

— Впередъ! — раздается команда.

Они встаютъ и, полусонные, съ опухшими глазами и складками вокругъ нихъ идутъ дальше. Среди нихъ есть молодые, съ тонкими шеями и пустыми глазами, есть и старики, но, главнымъ образомъ, люди средняго возраста. Они идутъ медленнымъ, размѣреннымъ шагомъ. То, что имъ предстоитъ сдѣлать, кажется намъ, продѣлавшимъ все это наканунѣ, свыше силъ человѣческихъ. И, однако, они идутъ на сѣверъ.

— Точно пробужденіе осужденныхъ на смерть, — говоритъ мнѣ Мартро.

И мы съ ужасомъ и восхищеніемъ даемъ имъ дорогу.

Когда они прошли, Мартро качаетъ головой и шепчетъ:

— Тамъ, съ другой стороны, тоже есть люди въ сѣрыхъ куртках, которые сейчасъ готовятся. Ты думаешь, *тѣмъ* хочется воевать? Нѣтъ, ты этого не думаешь? Ты вѣдь еще не рехнулся. Но тогда зачѣмъ же они пришли? Я отлично знаю, что тутъ не въ нихъ дѣло. Но все-таки и они кое при чемъ, разъ они здѣсь... Я все знаю и понимаю, но все это странно...

Видъ проходящаго мимо солдата мѣняетъ ходъ его мыслей.

— Посмотри-ка, вонъ идетъ тотъ... Какъ его?.. Ну, этотъ длинный,—знаешь... Господи, какой онъ большой и остроконечный! Про себя-то я знаю, что ростомъ я не вышелъ, но его уже слишкомъ выгнало вверхъ. И всегда онъ все знаетъ, этотъ двойной метръ. По части всезнайства съ нимъ никто не сравняется. Давай-ка спросимъ его, гдѣ бы намъ пріютиться.

— Ты спрашиваешь, есть ли здѣсь гдѣ-либо свободные кабинеты?—отвѣчаетъ проходящая каланча, нагибаясь надъ Мартро, точно тополь.—Ну, разумѣется, есть! Сколько угодно.—И, протянувъ руку онъ начинаетъ перечислять:—Вотъ вилла Гинденбургъ, вотъ другая. Если вы останетесь недовольны, значитъ, вы очень ужъ привередливы. Быть можетъ, вы уже найдете на днѣ нѣсколько человѣчковъ, но это ничего — они сосѣди спокойные. Они не двигаются, и при нихъ можно громко разговаривать.

— Охъ, чортъ возьми!—воскликнулъ черезъ четверть часа послѣ этого Мартро, когда мы устроились въ одномъ изъ этихъ квадратныхъ рвовъ,—сколько, однако, здѣсь этихъ спокойныхъ сосѣдей, о которыхъ говорилъ громоотводъ!

Его глаза слипались, но онъ каждый разъ открывалъ ихъ, почесывая руки и бока.

— Чертовски спать хочется, а уснуть не могу.

Мы зѣвали, кряхтѣли, и кончили тѣмъ, что зажгли огарокъ свѣчи и стали зѣвать, переглядываясь.

Нѣмецкое прикрытіе состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій. Мы находились возлѣ досчатой перегородки, а за ней во второмъ отдѣленіи также бодрствовали люди: сквозь щели въ доскахъ проникалъ свѣтъ и говоръ.

— Это изъ другого отдѣленія,—сказалъ Мартро.

Затѣмъ мы машинально стали прислушиваться.

— Когда я былъ въ отпуску,—гудѣлъ голосъ невидимаго разсказчика, — мы сначала были печальны, потому что вспоминали моего бѣднаго брата, пропавшаго безъ вѣсти въ мартѣ и, вѣроятно, убитаго, а потомъ и моего сына Жюльена, призыва 15 года, убитаго во время октябрьскаго наступленія. Но понемногу мы съ женой стали чувствовать себя счастливыми, что мы снова вмѣстѣ... Что прикажешь дѣлать? Нашъ волченокъ, послѣдышъ, которому пять лѣтъ, ужъ больно насъ забавлялъ. Онъ хотѣлъ играть со мной въ солдаты. Я смастерилъ для него маленькую винтовку, объяснилъ ему устройство окоповъ, а онъ, сіяя отъ радости, точно

птенчикъ, оралъ и стрѣлялъ въ меня. Вотъ молодчина, подлецъ! Работалъ во-всю! Хорошій изъ него солдатъ выйдетъ! У него настоящій воинскій духъ.

Наступило молчаніе. Затѣмъ поднялся какой-то разговоръ, изъ котораго я уловилъ слово «Наполеонъ». Затѣмъ другой голосъ или, быть можетъ, тотъ же самый сказалъ:

— Вильгельмъ—вонючая тварь, потому что это онъ хотѣлъ войны. Но Наполеонъ—великій человѣкъ.

Мартро стоитъ невдалекѣ отъ меня на колѣняхъ, поближе къ свѣчѣ, и точно грѣется при ея свѣтѣ на днѣ этой темной и плохо прикрытой ямы, пронизываемой холоднымъ дыханіемъ вѣтра и кишащей паразитами, не покинувшими даже мертвыхъ... Онъ смотритъ на меня. Подобно мнѣ, онъ слышитъ слова невидимаго солдата: «Вильгельмъ вонючая тварь, но Наполеонъ великій человѣкъ». Слышитъ онъ также разсказъ о маленькомъ воинѣ, единственномъ ребенкѣ, оставшемся у отца. Онъ опускаетъ руки, качаетъ усталой головой и говоритъ мнѣ:

— Ахъ, всѣ мы—не плохіе люди и при этомъ такіе жалкіе и несчастные! Но мы слишкомъ глупы, слишкомъ глупы!

Онъ снова взглядываетъ на меня. На его лицѣ, обросшемъ волосами и напоминающемъ собачью морду, сверкаютъ прекрасные собачьи глаза, которые чѣмъ-то удивлены, о чемъ-то думаютъ,—пока еще смутно, но думаютъ, начинаютъ понимать.

Мы выходимъ изъ прикрытія. Слегка потеплѣло: снѣгъ растаялъ и все стало грязнымъ.

— Вѣтеръ слизалъ сахаръ,—говоритъ Мартро.

* * *

Меня командировали доставить Жозефа Мениля на эвакуаціонный пунктъ въ Пилонахъ. Сержантъ Анріо передаетъ мнѣ раненаго и даетъ на руки эвакуаціонный билетъ.

— Если вы встрѣтите по дорогѣ Бертрана,—говоритъ намъ Анріо,—скажите ему, чтобы поторапливался. Онъ отправился этой ночью въ службу связи, и мы ждемъ его уже цѣлый часъ. Старикъ уже начинаетъ сердиться...

Я отправляюсь съ Жозефомъ въ путь. Онъ немного блѣднѣе обыкновеннаго, попрежнему молчаливъ и шагаетъ медленно. Отъ времени до времени онъ останавливается, и лицо у него становится страдальческимъ. Мы идемъ по соединительному ходу.

Вдругъ появляется какой-то человѣкъ. Это Вольпаттъ, который говоритъ мнѣ:

— Я пойду съ вами до конца ската.

Праздный, не зная, что съ собой дѣлать, онъ помахиваетъ великолѣпной крученой тростью и позвякиваетъ, точно кастаньетами, драгоцѣнными ножницами, съ которыми никогда не разстается.

Мы всѣ трое выходимъ изъ окопа, когда уклонъ почвы позволяетъ это дѣлать, не рискуя очутиться подъ пулями, ибо пушки молчатъ. Выбравшись на волю, мы натыкаемся на какую-то толпу. Идетъ дождь. Сквозь лѣсъ ногъ, тяжело вростающихъ, какъ деревья, въ туманъ, мы видимъ на площадкѣ покойника.

Вольпаттъ пролѣзаетъ впередъ, затѣмъ быстро возвращается и кричитъ намъ:

— Это Пепэнъ!

— О!—восклицаетъ Жозефъ, близкій къ потерѣ сознанія.

Онъ опирается на мою руку. Мы подходимъ поближе. Пепэнъ лежитъ, вытянувшись во весь ростъ, съ напряженно сведенными руками и ногами и съ опухшимъ сѣрымъ лицомъ, по которому струится дождь.

Солдатъ, весь потный, съ киркой въ рукахъ, разсказываетъ намъ, какъ погибъ Пепэнъ.

— Онъ вошелъ въ прикрытіе, куда спрятались боши. Но товарищи объ этомъ не знали и стали прокуривать нору, чтобы опростать ее. Ну и вотъ... Послѣ этого мы нашли его мертвымъ и закопченнымъ, точно колбаса, среди бошской говядины, изъ которой онъ успѣлъ выпустить кровь. Чисто работалъ! Молодецъ! А ужъ я по этой части спеціалистъ. Не даромъ я мясникъ въ предмѣстьѣ Парижа.

— Еще однимъ меньше стало въ нашемъ взводѣ,—говоритъ Вольпаттъ, между тѣмъ какъ мы направляемся дальше.

Теперь мы находимся на верхнемъ краю оврага, гдѣ начинается плато, пройденное нами скорымъ шагомъ вчера вечеромъ, когда мы бѣжали въ атаку. Теперь оно неузнаваемо.

Эта равнина, которая вчера казалась мнѣ сплошь одного уровня, на самомъ дѣлѣ поката и представляетъ собою теперь какую-то невѣроятную живодерню. Трупами кишмя кишитъ, словно это кладбище, съ сорваннымъ верхнимъ слоемъ земли.

Кругомъ бродятъ группы людей, опознающихъ мертвыхъ, переворачивающихъ трупы лицомъ кверху и устанавливающихъ

личность по еле замѣтнымъ признакамъ. Одинъ изъ этихъ экспертовъ, опустившись на колѣни, вынимаетъ изъ руки мертваго изодранную, полустертую и также какъ бы убитую фотографію.

Черный дымъ снаряда клубами поднимается къ небу, затѣмъ гдѣ-то вдали раздается грохотъ. Цѣлыя стаи вороновъ рѣютъ въ небѣ.

Нѣмзу среди массы недвижныхъ тѣлъ бросаются въ глаза своимъ разложеніемъ зуавы, стрѣлки и легіонеры майскаго наступленія. Крайній предѣлъ нашихъ линій находился тогда въ Бертонвальскомъ лѣсу, въ пяти или шести километрахъ отсюда. Во время этой атаки, одной изъ самыхъ страшныхъ въ эту войну и, быть можетъ, во всѣ войны, они единымъ духомъ бѣгомъ добѣжали до этого мѣста. Вслѣдствіе этого они образовали выступъ, который слишкомъ выдался изъ общей линіи атаки. И ихъ стали обстрѣливать фланговымъ огнемъ изъ пулеметовъ справа и слѣва. Уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ смерть выпила ихъ глаза и сожрала щеки. Но даже теперь, по этимъ разбросаннымъ и размытымъ остаткамъ, почти превращеннымъ въ прахъ, видно, какое опустошеніе внесли въ ихъ ряды пулеметы. Многіе трупы перерѣзаны пополамъ, точно пилой. Около почернѣвшихъ и восковыхъ, какъ у мумій, головъ, кишащихъ червями и насѣкомыми и поблескивающихъ въ глубинѣ ртовъ зубами, рядомъ съ потемнѣвшими ободранными пеньками безголовыхъ шей, похожихъ на обнаженные корни деревьевъ, виднѣются также обнаженные черепа съ еще сохранившимися красными фесками и полуистлѣвшими на нихъ чехлами. Изъ груды тряпокъ, слипшихся отъ красноватой грязи, высовываются бедренныя и тазовыя кости и позвоночники. Ребра устилаютъ землю, точно старыя разрушенныя клѣтки. Потемнѣвшіе ремни, расплющенныя кружки, фляги... Вокругъ одного мѣшка, лежащаго на костяхъ и клочьяхъ одежды, разсыпаны какія-то бѣлыя точки. Нагнувшись, мы различаемъ, что это фаланги пальцевъ истлѣвшаго трупа.

Порой изъ удлиненныхъ бугровъ, образовавшихся отъ нанесенной пыли, высовывается кусокъ матеріи, указывающій, что здѣсь сама природа похоронила человѣка.

Нѣмцы, бывшіе здѣсь, вчера покинули непогребенными своихъ солдатъ рядомъ съ нашими. Они тоже лежатъ уже давно. Я стараюсь различить черты одного изъ нихъ. Отъ шеи до волосъ, прилипшихъ къ головному убору, это землистая масса, кишащая мура-

вьями. Рядомъ лежитъ другой, совершенно высохшій трупъ спиной кверху. Его руки и ноги уже успѣли врости въ землю.

— Посмотрите! Этотъ совсѣмъ недавній...

Посреди равнины, свидѣтельницы бойни, торчитъ какъ бы воткнутая въ землю голова съ большой отяжелѣвшей бородой.

Это одинъ изъ нашихъ: рядомъ валяется каска. Изъ-подъ распухшихъ вѣкъ тускло синѣютъ глаза, губа поблескиваетъ въ темной бородѣ. подобно слизняку. Очевидно, этотъ попалъ въ воронку отъ снаряда и былъ пригвожденъ вторымъ снарядомъ, который вогналъ все остальное тѣло вглубь земли, какъ это было съ тѣмъ нѣмцемъ съ кошачьей головой, котораго я видѣлъ подлѣ «Краснаго Кабачка».

— Я что-то не узнаю его,—говоритъ Жозефъ, медленно подходя и съ трудомъ произнося слова.

— А я узнаю,—отвѣчаетъ Вольпаттъ.

— Ты знаешь этого бородача?—беззвучно спрашиваетъ Жозефъ.

— У него вовсе нѣтъ бороды. Вотъ вы сейчасъ увидите.

Присѣвъ на корточки, Вольпаттъ проводитъ тростью подъ подбородкомъ трупа и отдѣляетъ налетъ грязи, казавшійся бородой. Затѣмъ онъ беретъ каску, надѣваетъ ее на мертвую голову и на мигъ приставляетъ къ ея глазамъ кольца своихъ ножницъ, какъ если бы это были очки.

— О!—восклицаемъ мы.—Это Коконъ!

Когда узнаешь о смерти человѣка, дравшагося рядомъ съ тобой и жившаго одной съ тобой жизнью, а тѣмъ болѣе, когда видишь его,—это ударъ въ самое сердце, какъ бы внезапная вѣсть о собственномъ уничтоженіи вмѣстѣ съ нимъ.

Мы глядимъ на эту отвратительную голову, своимъ безобразіемъ уже изглаживающую воспоминаніе о человѣкѣ.

Огорчаться начинаешь уже потомъ. Еще однимъ товарищемъ меньше. Мы стоимъ вокругъ оробѣлые.

— Это былъ...

Хотѣлось бы что-то сказать, что-то важное, какую-то большую правду...

— Пойдемте,—съ усиліемъ произноситъ Жозефъ, весь поглощенный своей острой физической болью.—У меня нѣтъ силъ поминутно останавливаться.

Мы покидаемъ бѣднаго Кокона, бывшаго человѣка-цифру, и въ послѣдній разъ разсѣянно оглядываемся на него.

— Прямо невозможно представить себѣ...—лепечетъ Вольпаттъ.

Да! Невозможно представить себѣ... Всѣ эти смерти слишкомъ насъ подавляютъ. Мало насъ осталось въ живыхъ. Но мы смутно чувствуемъ величіе этихъ смертей. Погибшіе отдали все: они отдали понемногу всю свою силу, а затѣмъ, и себя самихъ. Они превзошли жизнь. Въ ихъ усиліи есть нѣчто сверхчеловѣческое.

* * *

— Посмотри-ка,—этотъ мертвякъ словно только-что раненъ, а между тѣмъ...

Свѣжая рана сочится кровью на шеѣ мертвеца съ уже почти обнаженнымъ скелетомъ.

— Это крыса,—говоритъ Вольпаттъ.—Трупъ то старый, но вокругъ столько крысъ... Ты видишь эту массу дохлыхъ крысъ возлѣ каждаго трупа или подъ нимъ? Вотъ погоди, сейчасъ я тебѣ покажу.

Онъ приподнимаетъ ногой сгнившіе останки, и мы, дѣйствительно, видимъ подъ ними мертвыхъ крысъ...

— Я хотѣлъ бы разыскать Фарфадэ,—говоритъ Вольпаттъ.— Когда мы бѣжали въ атаку и онъ вцѣпился въ меня, я сказалъ ему, чтобы онъ минутку подождалъ. Дождался ли онъ, бѣдняга?

И подталкиваемый любопытствомъ, онъ обходитъ мертвыхъ, внимательно разглядывая ихъ, но это все чужіе, незнакомые. Вдругъ онъ испускаетъ горестный крикъ, машетъ намъ рукой и опускается на колѣни передъ однимъ мертвецомъ.

— Бертранъ!

Насъ охватываетъ страшное волненіе. Ахъ, и онъ такъ же убитъ, какъ другіе! Палъ тотъ, который подавалъ намъ примѣръ своимъ спокойствіемъ и энергіей, кто всегда исполнялъ свой долгъ и даже больше того. И онъ нашелъ свою смерть на полѣ брани.

Мы глядимъ на него, затѣмъ отворачиваемъ отъ него головы и переглядываемся.

Ударъ, нанесенный намъ его смертью, усугубляется видомъ его останковъ. Они отвратительны. Смерть, точно издѣваясь надъ этимъ человѣкомъ, заставила его принять смѣшную, неестественную позу и изуродовала его лицо, всегда такое красивое и спокойное. Волосы спутались надъ глазами, усы спустились въ ротъ, лицо опухло и точно смѣется. Одинъ глазъ широко открытъ, другой закрытъ. Языкъ высунутъ. Руки раскинуты крестомъ, пальцы распялились.

Правая нога протянулась въ одну сторону, лѣвая,—сломанная осколкомъ, вѣроятно и причинившимъ смерть, вызвавъ кровотеченіе,—свернута въ кружокъ. Какая-то зловѣщая иронія придала предсмертнымъ судорогамъ агоніи человѣка характеръ жестикуляціи паяца.

Мы привели въ приличный видъ тѣло и закрыли мертвому глаза, успокоивъ эту страшную маску. Вольпаттъ вытащилъ изъ кармана Бертрана бумажникъ, чтобы сдать его въ канцелярію. Онъ благоговѣйно прячетъ его среди своихъ бумагъ, рядомъ съ портретомъ жены и дѣтей. Затѣмъ встряхиваетъ головой.

— Это былъ настоящій человѣкъ. Если что-нибудь скажетъ, такъ это ужъ вѣрно. Ахъ! Какъ онъ былъ намъ нуженъ, этотъ человѣкъ!

— Да,—отвѣчаю я.—Такіе люди всегда нужны.

Вольпаттъ вздыхаетъ и вздрагиваетъ.

Жозефъ все повторяетъ вполголоса.

— А, чортъ! А, чортъ!

Вся равнина покрыта людьми, точно городская площадь. Проходятъ отряды санитаровъ и отдѣльныя личности. Санитары-носильщики терпѣливо понемногу приступаютъ къ своей страшной работѣ.

Вольпаттъ покидаетъ насъ, чтобы вернуться назадъ въ окопы и сообщить о новыхъ утратахъ и, особенно, о горестной смерти Бертрана. На прощанье онъ говоритъ Жозефу:

— Надо постараться не терять другъ друга изъ виду, не правда ли? Черкни, пожалуйста, какъ-нибудь пару словъ: «Все обстоитъ благополучно. Подпись: «Камамберъ». Ладно?

И онъ исчезаетъ среди этихъ людей, рыскающихъ по полю и подбирающихъ мертвыхъ, подъ безпрерывнымъ ливнемъ.

* * *

Жозефъ опирается на меня. Мы спускаемся въ оврагъ.

Склонъ, по которому мы спускаемся, называется «ячейками зуавовъ»... Зуавы майскаго наступленія рыли здѣсь себѣ отдѣльныя прикрытія, возлѣ которыхъ они и были убиты. Еще и теперь нѣкоторые изъ этихъ храбрецовъ, пораженные подлѣ начатой ямки, держатъ заступъ въ обнаженномъ скелетѣ руки, либо смотрятъ на свою работу опустѣвшими орбитами. Земля до того переполнена мертвыми, что при обвалахъ обнажаются цѣлые лѣса ногъ, скеле-

товъ, наполовину одѣтыхъ или совершенно обнаженныхъ, и костяки череповъ, лежащихъ рядышкомъ надъ обрывомъ, подобно фарфоровымъ кубкамъ.

Здѣсь, въ нѣдрахъ земли, мертвые лежатъ нѣсколькими слоями; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снаряды вырыли самые нижніе слои и швырнули ихъ поверхъ свѣжихъ. Дно оврага все устлано остатками оружія, бѣлья и всякаго снаряженія. На каждомъ шагу натыкаешься на осколки снарядовъ, на всякую желѣзную рухлядь, хлѣбъ и даже сухари, выпавшіе изъ мѣшковъ и еще не размытые дождемъ. Миски, фляги, коробки консервовъ и каски пронизаны пулями и напоминаютъ шумовки всякихъ видовъ и формъ.

Окопы, вьющіеся вдоль этой долины, имѣютъ видъ сейсмическихъ трещинъ: можно подумать, что на развалинахъ землетрясенія нагромождены массы всякихъ предметовъ. И тамъ, гдѣ нѣтъ мертвецовъ, сама земля уподобилась трупу.

Мы пересѣкаемъ «Интернаціональный» соединительный ходъ, все еще трепещущій разноцвѣтными лохмотьями и потому кажущійся умерщвленнымъ живымъ существомъ. Во всю длину до земельной насыпи, образующей загражденіе, тамъ нагромождены трупы нѣмцевъ; это словно нескончаемый потокъ грѣшниковъ, уносимыхъ рѣкой вѣчности. Нѣкоторые изъ нихъ высунулись изъ болотистыхъ гротовъ среди невообразимой мѣшанины балокъ, веревокъ, проволоки, плетней и щитовъ. У земляной баррикады виденъ трупъ, стоящій на грудѣ другихъ труповъ. Тамъ же другой мертвецъ окоченѣлъ, согнувшись въ дугу: создается впечатлѣніе части огромнаго колеса, засосаннаго болотомъ, или сорвавшагося крыла вѣтряной мельницы. И на всемъ этомъ, на этой грудѣ нечистотъ и разлагающейся плоти валяются иконки, почтовыя карточки, брошюры религіознаго содержанія, листовки молитвъ, отпечатанныхъ готическимъ шрифтомъ. Все это повываливалось изъ истлѣвшей одежды. Слова, напечатанныя на этихъ бумажкахъ, какъ бы расцвѣтили своей лживой бѣлизной и безплодностью эти зачумленные берега, эту юдоль небытія.

Я ищу мѣста понадежнѣе, гдѣ можно было бы пройти съ Жозефомъ безъ особенныхъ затрудненій, ибо его рана все сильнѣе парализуетъ его движенія.

Мимоходомъ приглядываюсь къ картинѣ окружающаго разрушенія.

Вотъ сидитъ фельдфебель, опершись о расщепленныя доски, очевидно, служившія будкой для часового. Подъ глазомъ у него небольшое отверстіе: ударъ штыка въ лицо пригвоздилъ его къ этимъ

доскамъ. Передъ нимъ, держа локти на колѣняхъ и подпирая шею кулаками, также сидитъ человѣкъ со снесенной крышкой черепа, точно вскрытое яйцо всмятку... Подлѣ нихъ кошмарнымъ стражемъ стоитъ полчеловѣка: онъ перерѣзанъ вдоль, отъ черепа до таза, и упирается въ стѣнку. Неизвѣстно, куда дѣвалась вторая половина этого человѣческаго клина, глазъ котораго виситъ наверху, а синеватыя внутренности спиралью обвились вокругъ единственной ноги.

По землѣ разбросаны прилипшіе къ застывшей крови французскіе штыки, согнутые, искривленные, скрюченные.

Сквозь брешь въ развороченной насыпи видны на днѣ трупы солдатъ прусской гвардіи, застывшіе на колѣняхъ, точно въ позахъ молящихся. Они проткнуты штыками. Повидимому, изъ этой группы стрѣляли въ наступающихъ. Сенегальскій стрѣлокъ гигантскаго роста, окаменѣвшій въ томъ положеніи, въ какомъ застигла его смерть, наклонился надъ пустотой, твердо стоя на ногахъ и глядя на свои оторвавшіяся кисти рукъ, которыя, очевидно, снесло разорвавшейся бомбой, бывшей въ его рукахъ. Все лицо его кишитъ червями, и кажется, будто онъ ихъ жуетъ.

— Здѣсь,—говоритъ намъ проходящій мимо альпійскій стрѣлокъ, — боши устроили свой фокусъ съ бѣлымъ флагомъ, и такъ какъ имъ пришлось имѣть дѣло съ сенегальцами, то, разумѣется, ничего не вышло. Вотъ, погляди, еще и флагъ валяется, который выкинули эти негодяи.

Онъ хватаетъ и взмахиваетъ длиннымъ древкомъ, къ которому пригвожденъ квадратъ бѣлаго холста—флагъ невинно развертывается.

Вдоль разрушеннаго окопа идутъ люди съ лопатами. Имъ приказано засыпать остатки окоповъ, чтобы такимъ образомъ тутъ же похоронить оставшихся мертвыхъ. Такъ эти труженики въ каскахъ вершатъ дѣло возмездія и справедливости, возвращая полямъ ихъ прежній видъ и выравнивая рвы, уже наполовину заполненные трупами вторгшихся въ наши предѣлы враговъ.

* * *

Съ другого бока окопа меня окликаютъ. На землѣ сидитъ человѣкъ, прислонясь къ вбитому въ землю колу. Это дядюшка Рамюръ. Подъ разстегнутой шинелью и курткой видны бинты, обвивающіе всю его грудь.

— Санитары, — говоритъ онъ глухимъ задыхающимся голосомъ,—сдѣлали мнѣ перевязку, но раньше, чѣмъ сегодня вечеромъ, они не смогутъ унести меня отсюда. Я же отлично знаю, что сейчасъ умру.

Онъ покачиваетъ головой.

— Побудь немного со мной,—проситъ онъ.

Слезы текутъ изъ его глазъ. Онъ протягиваетъ мнѣ руку и удерживаетъ меня. Ему хотѣлось бы многое сказать и почти исповѣдаться.

— Я былъ до войны честнымъ человѣкомъ, — говоритъ онъ, глотая слезы. — Работалъ съ утра до ночи, чтобъ прокормить семью. А потомъ я пришелъ сюда, убивать нѣмцевъ. И вотъ теперь меня самого убили... Слушай, слушай, слушай! Не уходи! Выслушай меня!

— Я долженъ отвести Жозефа, который выбился изъ силъ. Я послѣ вернусь.

Рамюръ поднимаетъ плачущіе глаза на раненаго.

— Господи! Не только живъ, но даже раненъ, спасенъ отъ смерти!... Ахъ! Нѣкоторымъ женамъ и дѣтямъ везетъ. Что-жъ, проводи его и вернись... Быть можетъ, я еще дождусь тебя...

Теперь намъ предстоитъ взобраться на другой бокъ оврага. Мы начинаемъ взбираться вдоль стараго 97 соединительнаго хода.

Вдругъ оглушительный свистъ разсѣкаетъ воздухъ. Надъ нами шквалъ шрапнели. Въ нѣдрахъ тучъ цвѣта охры пылаютъ аэролиты и разсѣиваются страшнымъ дождемъ. Онъ падаетъ на склонъ, разрываетъ холмъ и разворачиваетъ старыя могилы, выбрасывая наружу кости. Эти вспышки разрывовъ перебрасываются по всей линіи.

Снова начинается заградительный огонь.

Мы кричимъ, какъ дѣти:

— Довольно, довольно!

Въ этомъ ожесточеніи смертоносныхъ машинъ, въ этомъ катаклизмѣ техники, преслѣдующемъ насъ, гдѣ бы мы ни прошли, есть что-то превосходящее человѣческія силы и волю, что-то сверхъестественное. Жозефъ, держа меня за руку, оглядывается черезъ плечо, сгибаетъ шею, какъ загнанное животное, и въ страхѣ бормочетъ:

— Что-же это? Опять... Это никогда не кончится?... Мало мы еще сдѣлали?.. Мало насмотрѣлись?.. И вотъ теперь снова начинается. О, нѣтъ, нѣтъ!

Онъ падаетъ на колѣни, задыхается, съ ненавистью озирается вокругъ себя и повторяетъ:

— Значитъ, это никогда, никогда не кончится!

Я беру его подъ локоть и поднимаю.

— Пойдемъ, пойдемъ,—для тебя это уже кончилось.

* * *

Здѣсь, прежде чѣмъ подняться, приходится подождать. Я думаю вернуться къ умирающему Рамюру, который меня поджидаетъ. Но Жозефъ вцѣпился въ меня и, къ тому же, я вижу суету вокругъ того мѣста, гдѣ я покинулъ умирающаго: повидимому, не стоитъ больше труда возвращаться къ нему.

Почва оврага вся дрожитъ и колеблется. Но въ углубленіи, гдѣ мы укрылись, опасность намъ не угрожаетъ. Какъ только наступило затишье, люди, поджидавшіе этого, подобно намъ, начинаютъ подниматься по склону. Санитары съ носилками дѣлаютъ невѣроятныя усилія, чтобы взобраться наверхъ съ тѣломъ раненаго, напоминая настойчивыхъ муравьевъ, пытающихся втащить что-нибудь на возвышеніе и сбрасываемыхъ осыпающимся пескомъ. Плетутся также одинокіе раненые и солдаты службы связи.

— Что-жъ, пойдемъ, — говоритъ Жозефъ, измѣряя взглядомъ послѣдній этапъ своей Голгофы.

Кругомъ остатки деревьевъ: цѣлый рядъ ободранныхъ стволовъ ивы, расколотыхъ, пробуравленныхъ, зіяющихъ, подобно раскрытымъ гробамъ, поставленнымъ стоймя. Все вокругъ насъ разорено, покрыто буграми, пропастями, словно всѣ грозы прошли надъ этимъ мѣстомъ. А надъ всей этой потемнѣвшей изуродованной природой нависло коричневое съ молочно-сѣрыми прожилками небо, мерцающее тусклымъ блескомъ оникса.

У входа въ 97-й соединительный ходъ свалилось поперекъ громадное дерево, старый дубъ.

Самый входъ заткнутъ трупомъ. Голова и ноги застряли внутри. Все остальное покрыто слоемъ ила и песку отъ мутной воды, струящейся по дну. Сквозь этотъ влажный покровъ сквозятъ раздутые грудь и животъ, прикрытые сорочкой.

Мы перескакиваемъ черезъ эти останки, скользкіе и липкіе, точно брюхо огромной жабы, и ежеминутно скользимъ. Приходится упираться руками въ грязь склона, чтобы имѣть возможность сдѣлать шагъ впередъ.

Въ этотъ моментъ надъ нами раздается адскій свистъ. Мы гнемся, какъ тростникъ. Въ воздухѣ впереди насъ разрывается шрапнель, все ослѣпляя и оглушая. И хоронитъ насъ подъ цѣлой горой темнаго свистящаго дыма.

Солдатъ, поднимавшійся впереди насъ, высоко взмахнулъ руками и исчезъ, низринутый неизвѣстно куда. Поднялись крики и стоны. Когда вѣтеръ разгоняетъ нависшую тучу дыма, мы видимъ, какъ санитары ставятъ носилки и бѣгутъ къ мѣсту взрыва, гдѣ что-то поднимаютъ. Я вспоминаю незабываемую ночь, когда мой братъ по оружію, Потерлу, у котораго сердце было полно надежды, точно улетѣлъ съ распростертыми руками, окутанный пламенемъ взрыва.

Наконецъ, мы взбираемся наверхъ, гдѣ находимъ какого-то страннаго раненаго: онъ стоитъ на вѣтру, точно вкопанный, и все его тѣло трепещетъ. Подъ съѣхавшимъ капюшономъ, трепыхающимся на вѣтру, видно его судорожно подергивающееся лицо и ротъ, широко раскрытый отъ рева. И мы проходимъ мимо этого кричащаго дерева.

* * *

Мы добрались до нашей прежней передовой линіи, откуда мы давеча шли въ атаку. Садимся на банкетку для стрѣльбы, прислонясь спиной къ ступенькамъ, которыя саперы выкопали въ послѣднюю минуту передъ нашимъ выступленіемъ. Велосипедистъ Эвтерпъ проходитъ и здоровается съ нами; затѣмъ снова возвращается и вытаскиваетъ изъ-за обшлага конвертъ.

— Это, кажется, ты,—говоритъ онъ мнѣ,—принимаешь письма покойнаго Бикэ?

— Да.

— Вотъ одно вернулось. Адресъ стерся.

Повидимому, конвертъ попалъ подъ дождь, который все смылъ. Сохранился въ уголкѣ только адресъ отправителя... Я вынимаю письмо изъ конверта: «Дорогая мама»...

— А, помню...

Бикэ, лежащій здѣсь же, въ этомъ окопѣ, гдѣ мы отдыхаемъ, недавно написалъ это письмо, во время стоянки въ Гошенѣ, въ жаркій и ясный пополуденный часъ. Это былъ отвѣтъ на письмо его матери, тревога которой казалась неосновательной и вызывала тогда его смѣхъ...

«Ты думаешь, что я на холодѣ, подъ дождемъ, въ опасности? Ничего подобнаго; наоборотъ. Все это кончилось. Сейчасъ жарко, мы обливаемся потомъ и ничего не дѣлаемъ, только лежимъ на солнышкѣ. Я посмѣялся надъ твоимъ письмомъ...»

Я снова кладу въ измятый конвертъ это письмо, которое было бы прочтено старой крестьянкой въ тотъ моментъ, когда тѣло ея сына представляетъ собою только безжизненный прахъ, поливаемый дождемъ и размываемый водой, текущей по скату окопа, если бы случайность не пощадила ее...

Жозефъ откинулъ голову, закрылъ глаза и застоналъ.

— Мужайся,—говорю я ему.

Онъ открываетъ глаза.

— О,—отвѣчаетъ онъ,—не мнѣ надо говорить это! Взгляните вотъ на этихъ, которые возвращаются туда... И вы также скоро вернетесь... Для васъ все это еще будетъ продолжаться. О, поистинѣ надо быть сильнымъ, чтобы еще продолжать!..

XXI.

На перевязочномъ пунктѣ.

Начиная съ этого мѣста, мы находимся на виду у непріятельскихъ наблюдателей, и поэтому нельзя вылѣзать изъ окоповъ. Сначала мы идемъ вдоль Пилонской дороги. Окопъ вырытъ вдоль нея, сама же она исчезла: деревья вырваны съ корнемъ, подкошены, а то, что осталось, засыпано землей, заросло травой и слилось съ окружающимъ полемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окопа, гдѣ лопнувшій мѣшокъ съ землей оставилъ сквозную ячейку, мы видимъ на высотѣ нашихъ глазъ каменный бортъ этой бывшей дороги и корни окаймлявшихъ ее деревьевъ, которыя были срублены и пошли на укрѣпленіе скатовъ.

Мы достигаемъ скрещенія ходовъ. На вершинѣ бугра, выдѣляющагося на сѣромъ фонѣ неба, косо виситъ зловѣщая надпись. Сѣть ходовъ все больше суживается, а людей, направляющихся со всѣхъ пунктовъ этого сектора къ перевязочному пункту, становится все больше.

Эти мрачныя улички сплошь усѣяны трупами. Черезъ правильные промежутки стѣны прерываются сверху донизу свѣжими ямами и брешами, свѣжими воронками, наполненными какъ бы присѣвшими на корточки трупами, съ колѣнками на высотѣ зубовъ; они безмолвны, какъ и ихъ винтовки, стоящія рядомъ. Нѣкоторые изъ мертвыхъ застыли въ стоячемъ положеніи и смотрятъ на проходящихъ мимо своими остеклѣвшими глазами, либо уставились въ небо.

Жозефъ останавливается, чтобы перевести духъ. Я подбадриваю его, какъ ребенка.

— Мы уже близко, совсѣмъ близко.

Этотъ скорбный путь со зловѣщими скатами все больше суживается. Появляется ощущеніе удушья. Стѣны точно сходятся, на

каждомъ шагу мы вынуждены останавливаться, пролѣзать, нарушая покой мертвыхъ и толкаясь среди толпы, запружающей постепенно всѣ подходы къ перевязочному пункту: здѣсь курьеры, раненые. Кругомъ крики, стоны, мертвенно-блѣдныя или же воспаленныя отъ лихорадки лица...

*
* *

Вся эта толпа скопляется, наконецъ, на площадкѣ, съ которой открываются входы на перевязочный пунктъ.

Врачъ жестикулируетъ и покрикиваетъ, чтобы отстоять хоть немного свободнаго мѣста отъ этой живой волны, перекатывающейся черезъ порогъ. Тутъ же, подъ открытымъ небомъ, у входа, онъ дѣлаетъ наскоро перевязки; говорятъ, что онъ и его помощники не отдыхали ни одной минуты въ теченіе сутокъ, и что эта работа сверхъ человѣческихъ силъ.

Пройдя черезъ его руки, часть раненыхъ попадаетъ въ темныя, какъ колодцы, норы, часть тутъ же эвакуируется въ тылъ на другой, болѣе обширный перевязочный пунктъ, устроенный въ окопѣ вдоль Бетюнской дороги.

Въ этой узкой впадинѣ, образованной скрещеніемъ рвовъ и напоминающей логовище артели калѣкъ, мы прождали два часа, стиснутые въ толпѣ, ослѣпленной тьмой и скученной, какъ скотъ въ загородкѣ, въ одуряющемъ запахѣ крови и бойни. Лица страдальцевъ все блѣднѣютъ. Одинъ изъ нихъ не можетъ больше сдержать слезъ и плачетъ, судорожно тряся головой. Другой, изъ котораго кровь бьетъ фонтаномъ, кричитъ: «Эй, вы тамъ, займитесь мной!» Какой-то молодой солдатъ, съ лихорадочно сверкающими глазами, поднимаетъ руки и неистово кричитъ: «Я горю!».. И, дѣйствительно, пыхтитъ и шипитъ какъ костеръ.

*
* *

Жозефу сдѣлали перевязку. Онъ пробирается ко мнѣ и протягиваетъ мнѣ руку.

— Повидимому, рана не серьезная... Прощай, — говоритъ онъ мнѣ.

И тотчасъ толпа раздѣляетъ насъ. Мой послѣдній взглядъ останавливается на его измѣнившемся лицѣ; онъ уже ничего не видитъ

и не замѣчаетъ, кромѣ своего страданія. Разсѣянно, онъ даетъ санитару увести себя, держа руку на его плечѣ. Онъ исчезъ.

На войнѣ и жизнь, и смерть раздѣляютъ людей, прежде чѣмъ они успѣютъ объ этомъ подумать.

Мнѣ совѣтуютъ не оставаться здѣсь и спуститься внутрь перевязочнаго пункта, чтобы отдохнуть передъ уходомъ обратно.

На уровнѣ земли имѣются два очень низкихъ и очень узкихъ входа. Отсюда ведетъ дальше вглубь галлерея, покатая и узкая, какъ водосточная канава. Чтобы проникнуть внутрь, надо повернуться ко входу спиной и, согнувшись почти вдвое, пятиться назадъ. Черезъ каждые три шага—высокая ступенька.

Внутри попадаешь точно въ тиски и въ первый моментъ кажется, что здѣсь нѣтъ мѣста ни для спуска, ни для подъема. Постепенно сползая все ниже въ эту пропасть, все острѣе испытываешь кошмарное чувство удушья, которое постепенно наростаетъ. Поминутно стукаешься о стѣнки и застреваешь. Приходится сдвигать пониже патронташи и прижимать сумку къ груди, чтобы сдѣлаться потоньше. Начиная съ четвертой ступеньки, становится еще тѣснѣе и наступаетъ моментъ, когда тебя охватываетъ смертельный страхъ: какъ только поднимаешь колѣно, чтобы попятиться назадъ, спина упирается въ сводъ. Въ этомъ мѣстѣ приходится ползти на четверенькахъ, все ракомъ. По мѣрѣ спуска, тебя охватываетъ тяжелая отравленная атмосфера. Рука всюду ощущаетъ холодное прикосновеніе липкой глины. Земля сдавливаетъ тебя со всѣхъ сторонъ, обдавая лицо запахомъ тлѣна и плѣсени. На послѣднихъ ступенькахъ, до которыхъ добираешься послѣ долгихъ усилій, явственно различаешь поднимающійся изъ ямы гомонъ и горячія влажныя струи воздуха, точно изъ кухни.

Наконецъ достигаешь дна этого подземелья, но кошмаръ еще не конченъ: здѣсь темный погребъ, узкій и длинный, какъ корридоръ, вышиной не больше полутора метра. Когда выпрямляешься, чтобы дать отдохнуть находившимся все время въ согнутомъ положеніи колѣнкамъ, съ размаху стукаешься головой о балки, образующія потолокъ прикрытія. Со всѣхъ сторонъ несется ругань и проклятія... «Еще счастье, что на мнѣ каска», ворчитъ кто-то.

Въ уголкѣ кто-то присѣлъ на корточки и распоряжается. Это санитаръ, однотонно говорящій каждому вновь прибывающему: «Снимите грязь съ сапогъ, прежде чѣмъ войти». Такимъ образомъ, по-

немногу накапливается цѣлая горка грязи, въ которой увязаешь, спускаясь съ послѣдней ступеньки, на порогѣ этого ада.

* * *

Я пытаюсь прежде всего оріентироваться среди этого безпрерывнаго стона и жалобъ, въ атмосферѣ, насквозь пропитанной запахомъ кровоточащихъ ранъ. Вдоль погреба мерцаютъ свѣчи, освѣщающія лишь небольшое пространство вокругъ себя. Въ глубинѣ, гдѣ-то вдали, какъ бы въ концѣ подземнаго каземата, блѣднѣетъ свѣтъ дня. При немъ можно разглядѣть выстроившіяся вдоль стѣнъ носилки, напоминающія гробы. Вокругъ нихъ суетятся и надъ ними склоняются какія-то тѣни.

Я оборачиваюсь. Въ концѣ, противоположномъ тому, откуда проникаетъ отдаленный свѣтъ, толпится масса людей передъ холщевымъ занавѣсомъ, спускающимся отъ свода до земли. Позади него при свѣтѣ ацетиленовой лампы дѣлаютъ прививки отъ столбняка. Когда этотъ занавѣсъ поднимается, чтобы пропустить кого-либо наружу или внутрь, мгновенный яркій свѣтъ заливаетъ грязные лохмотья раненыхъ, ожидающихъ своей очереди. Они стоятъ согнувшись, либо сидятъ на землѣ, либо ползаютъ на колѣняхъ, толкаютъ другъ друга и стараются не пропустить своей очереди или захватить чужую съ лающимъ крикомъ: «Меня! меня! меня!»... Это отвратительное зрѣлище, въ атмосферѣ удушливой вони, становится невыносимымъ.

Я отхожу подальше и ищу, гдѣ бы присѣсть. Ощупью, въ согнутомъ положеніи, съ протянутыми впередъ руками, я медленно перемѣщаюсь.

При свѣтѣ раскуриваемой кѣмъ-то трубки я замѣчаю впереди себя скамью, занятую ранеными.

Глаза постепенно привыкаютъ къ мраку, и я начинаю различать людей въ перевязкахъ.

Изуродованные, обезображенные, неподвижные или мечущіеся во всѣ стороны, эти люди—воплощеніе человѣческихъ страданій и горя.

Одинъ изъ нихъ неожиданно вскрикиваетъ, привстаетъ и снова садится. Его сосѣдъ, въ порванной шинели и съ обнаженной головой, смотритъ на него и говоритъ:

— Ничего, потерпи!..

И повторяетъ эту фразу нѣсколько разъ, держа руки на колѣняхъ и уставившись недвижнымъ взоромъ во мракъ погреба.

Какой-то молодой человѣкъ, сидящій на срединѣ скамьи, громко разговариваетъ самъ съ собой. Онъ говоритъ, что онъ авіаторъ. У него ожоги на одной половинѣ тѣла и на лицѣ. Онъ весь горитъ въ лихорадкѣ, и ему все еще кажется, что его лижутъ жгучіе языки пламени, вырвавшіеся изъ мотора. Онъ бормочетъ: «Gott mit uns», затѣмъ: «Съ нами Богъ»...

Зуавъ, съ рукой на перевязи и слегка согнувшійся на бокъ, какъ будто его плечо стало непосильной ношей, обращается къ авіатору и спрашиваетъ:

— Ты свалился съ аэроплана?

— Да. Многаго я наглядѣлся,—съ трудомъ отвѣчаетъ авіаторъ.

— Да и мы не мало—прерываетъ его солдатъ.—Другіе бы обалдѣли, если бы видѣли то, что я.

— Присядь подлѣ насъ,—говоритъ мнѣ одинъ изъ раненыхъ, отодвигаясь.—Ты раненъ?

— Нѣтъ, я привелъ сюда раненаго и сейчасъ отправляюсь назадъ.

— Въ такомъ случаѣ, ты еще хуже, чѣмъ раненый. Присядь.

— Я состою мэромъ въ своей общинѣ,—объясняетъ одинъ изъ сидящихъ, — но когда я вернусь домой, никто меня не узнаетъ, до того я измѣнился отъ этой вѣчной тоски.

— Вотъ уже четыре часа, какъ я прикованъ къ этой скамьѣ,— со стономъ говоритъ солдатъ, имѣющій видъ нищаго, съ трясущимися руками, опущенной головой и круглой спиной. Онъ держитъ на колѣняхъ свою каску, точно кружку для подаянія.

— Мы ждемъ, чтобъ насъ эвакуировали,—объясняетъ мнѣ какой-то раненый толстякъ, который усиленно сопитъ, потѣетъ и точно кипитъ весь. Его усы свисли и словно отклеились на потномъ лицѣ.

— Вотъ именно, — говоритъ другой.—Всѣ раненые изъ нашей бригады набились сюда, не считая другихъ... Здѣсь мусорная яма цѣлой бригады.

— У меня гангрена, все у меня внутри изодрано въ клочья,— гнусаво жалуется раненый, закрывъ лицо руками.—А между тѣмъ до прошлой недѣли я былъ молодъ и опрятенъ. Меня точно подмѣ-

нили: у меня старое изуродованное грязное тѣло, которое приходится таскать за собою.

— Мнѣ, — говоритъ другой, — вчера было только 26 лѣтъ. А сколько мнѣ сегодня?

И онъ пытается показать свое состарившееся за одну ночь лицо съ ввалившимися щеками и глазами, въ которыхъ мерцаетъ маслянистый блескъ гаснущаго ночника.

— Мнѣ больно,—смиренно жалуется какое-то невидимое существо.

— Ничего, потерпи,—машинально повторяетъ его сосѣдъ.

Наступаетъ молчаніе. Вдругъ авіаторъ вскрикиваетъ:

— Священнослужители съ обѣихъ сторонъ пытались перекричать другъ друга.

— Въ чемъ дѣло?—удивленно спрашиваетъ зуавъ.

— Ты бредишь, бѣдный другъ?—спрашиваетъ раненый въ руку развѣдчикъ съ забинтованнымъ плечомъ и предплечьемъ, поднимая глаза, все время устремленные на рану.

Авіаторъ, вперивъ взоръ въ пространство, пытается объяснить содержаніе и смыслъ таинственнаго видѣнія, которое всюду преслѣдуетъ его.

— Съ высоты, съ неба, мало что увидишь, какъ вамъ извѣстно. Среди квадратовъ полей и маленькихъ кучекъ деревень, дороги кажутся бѣлыми нитками. Различаешь также нитевидныя впадины, какъ бы вычерченныя булавкой на пескѣ. Эти сѣти углубленій, покрывающихъ равнину, — это окопы. Въ воскресенье утромъ я леталъ надъ линіей огня. Между нашими и непріятельскими передовыми окопами, между двумя огромными арміями, стоящими другъ противъ друга и другъ друга не видящими, разстояніе невелико: иногда сорокъ метровъ, иногда шестьдесятъ. Мнѣ же казалось, что между ними только одинъ шагъ, такъ высоко я леталъ. И вотъ я разглядѣлъ у бошей и у насъ на параллельныхъ линіяхъ, которыя какъ бы соприкасались, совершенно одинаковую суету и движеніе: какую-то массу, напоминавшую живое ядро, а вокругъ—нѣчто, походившее на черныя песчинки, разсыпавшіяся на сѣромъ пескѣ. Затѣмъ все это замерло въ неподвижности. Незамѣтно было никакихъ слѣдовъ тревоги. Я спустился пониже, чтобы понять, въ чемъ дѣло. И понялъ: было воскресенье, и внизу съ обѣихъ сторонъ совершалось воскресное богослуженіе: алтарь, священникъ и стадо солдатъ. Чѣмъ больше я спускался, тѣмъ яснѣе я видѣлъ, до какой степени все

это одинаково, идiотски одинаково. Одна церемонiя была какъ бы отраженiемъ другой. Мнѣ казалось, что у меня двоится въ глазахъ. Я спустился еще ниже. По мнѣ не стрѣляли. Почему? Не знаю... И тогда я услышалъ... До меня долетала какъ бы одна общая молитва; одинъ общiй гулъ пѣснопѣнiй возносился къ небу, проходя мимо меня. Я леталъ взадъ и впередъ, чтобы вслушаться въ эту смутную смѣсь церковныхъ напѣвовъ,—и чѣмъ больше они силились заглушить другъ друга, тѣмъ больше они сливались воедино въ небесной выси, гдѣ я находился. Вокругъ меня стала разрываться шрапнель въ тотъ моментъ, когда, спустившись очень низко, я уловилъ два крика, слившихся воедино: «Gott mit uns!» и «Съ нами Богъ!..» Я улетѣлъ.

Молодой человѣкъ покачалъ своей забинтованной головой. Это воспоминанiе не давало ему покоя.

— Въ ту минуту я говорилъ себѣ: «Я лишился разсудка».

— Это дѣйствительность лишилась разсудка,—замѣтилъ зуавъ.

Съ глазами, сверкающими лихорадочнымъ огнемъ, разсказчикъ пытался передать намъ то глубокое впечатлѣнiе, которое произвело на него это зрѣлище.

— Что же это такое?—восклицалъ онъ.—Вообразите себѣ эти двѣ совершенно одинаковыя массы, кричащiя совершенно одинаковыя слова и все-таки другъ другу враждебныя, хотя и тождественныя по внѣшнему виду. Что же отвѣтить на это Господу Богу? Я знаю, что онъ все знаетъ. Но даже, зная все, онъ не сообразитъ, что ему дѣлать.

— Вотъ такъ исторiя!—воскликнулъ зуавъ.

— Успокойся: ему наплевать на насъ.

— А затѣмъ что же въ этомъ необыкновеннаго? Вѣдь ружья тоже говорятъ однимъ языкомъ, а между тѣмъ это не мѣшаетъ народамъ лѣзть въ драку, да еще въ какую.

— Да,—согласился авiаторъ.—Но вѣдь Богъ только одинъ. Я понимаю, что люди молятся, но какъ же Богъ-то можетъ слушать такiя молитвы?

Бесѣда умолкла.

— Здѣсь куча раненыхъ,—сказалъ мнѣ человѣкъ съ безцвѣтными глазами.—Я спрашиваю себя, какъ ихъ всѣхъ сюда стащили? Вѣдь этотъ спускъ—это что-то ужасное!

Два солдата колонiальныхъ войскъ, тощiе и мускулистые, поддерживая другъ друга, точно пьяные, наткнулись на насъ и попятились, ища мѣста на землѣ, гдѣ бы присѣсть.

— Ты знаешь, старина,—заканчивалъ, повидимому, свой разсказъ одинъ изъ нихъ,—въ этомъ окопѣ мы просидѣли три дня безъ ѣды, безъ питья, безъ всего. Что-жъ ты думаешь,—мы пили свою мочу, но вѣдь этимъ не утолишь жажды.

Другой разсказывалъ, что у него была когда-то холера.

— Мерзкая штука, скажу я тебѣ: лихорадка, рвота, колики...

— Но все-таки какъ же онъ смѣетъ, этотъ Богъ, позволять всѣмъ одинаково думать, что онъ съ ними, а не съ другими?—вдругъ воскликнулъ авіаторъ, настойчиво доискивавшійся разгадки тайны.—Почему онъ заставляетъ всѣхъ насъ кричать: «Съ нами Богъ!» «Нѣтъ, вы ошибаетесь!—Богъ съ нами!»

Съ носилокъ донесся стонъ, и нѣкоторое время только онъ одинъ раздавался въ тишинѣ, словно это былъ отвѣтъ на проклятый вопросъ.

* * *

— Я,—промолвилъ тогда скорбный голосъ,—не вѣрю въ Бога. Я знаю, что онъ не существуетъ, потому что мы страдаемъ. Пусть говорятъ, что хотятъ, и выдумываютъ, что угодно, но я не могу допустить, чтобы страданія невинныхъ исходили отъ милосерднаго Бога. Это ерунда!

— Я,—откликнулся другой изъ сидѣвшихъ на скамейкѣ,—не вѣрю въ Бога изъ-за холода. Я видѣлъ людей, постепенно застывавшихъ, отъ холода превращаясь въ окоченѣлые трупы. Если бы существовалъ Богъ, добрый и милосердный, холода не было бы. Это ужъ вѣрно.

— Для того, чтобы вѣрить въ Бога, надо было бы, чтобы не было всего того, что есть. А вѣдь оно тутъ, на глазахъ.

Нѣсколько раненыхъ, хотя и не видятъ другъ друга, одновременно киваютъ головами въ знакъ согласія.

— Вы правы!—говоритъ кто-то.—Вы правы!

У этихъ людей, разбитыхъ и уничтоженныхъ, у этихъ побѣжденныхъ, одинокихъ въ пораженіи и разбросанныхъ послѣ побѣды, начинается просвѣтлѣніе. Въ трагедіи событій бываютъ минуты, когда люди не только искренни, но и глубоко правдивы, и въ ихъ лицахъ читаешь саму истину.

— Если я не вѣрю въ Бога,—вмѣшался новый собесѣдникъ,—то лишь потому...

Фраза прервалась удушливымъ кашлемъ. Когда онъ перестанъ кашлять и умолкъ съ посинѣвшими отъ напряженія щеками, по которымъ струились слезы, его спросили:

— Куда ты раненъ?

— Я не раненъ, я боленъ.

— О, въ такомъ случаѣ!..—раздалось нѣсколько восклицаній, какъ бы обозначавшихъ, что въ такомъ случаѣ онъ не интересенъ.

Тотъ понялъ это и проговорилъ:

— Я погибъ, я кашляю кровью, у меня нѣтъ больше силъ. Вѣдь эта болѣзнь не проходитъ.

— А, — зашептали товарищи, видимо поколебленные, но все же убѣжденные въ неважности простыхъ болѣзней въ сравненіи съ ранами.

Онъ смиренно опустилъ голову и про себя тихо прошепталъ:

— Я не въ состояніи больше ходить. Куда же мнѣ дѣться?

* * *

Въ этой горизонтальной пропасти, уходящей, какъ бы все суживаясь отъ носилокъ къ носилкамъ, въ темную даль до блѣднаго просвѣта дня, въ этомъ мрачномъ подземельѣ, гдѣ мигаютъ убогія свѣчи, которыя тоже какъ бы лихорадятъ, вдругъ начинается какая-то суета. Видны движущіяся руки и ноги, слышны крики и жалобы, несущіеся отъ кучки къ кучкѣ. Лежащія на землѣ тѣла начинаютъ ворочаться и сгибаться.

И вотъ среди этой массы страдальцевъ, обреченныхъ на скорбь и муки, я различаю плотную фигуру санитара, тяжелыя плечи котораго покачиваются, подобно несомому поперекъ мѣшку, и голосъ котораго перекатывается по всему погребу.

— Ты опять развихлялъ свою перевязку, телячья голова!— кричитъ онъ.—Я тебя снова перевяжу, но если ты еще разъ прикоснешься къ перевязкѣ, тогда ты у меня увидишь!

И вотъ онъ въ полумракѣ забинтовываетъ голову маленькаго человѣчка со вздыбившимися волосами и всклокоченной бороденкой. Съ повисшими, точно плети, руками, онъ молча ждетъ конца перевязки.

Санитаръ отходитъ отъ него, смотритъ на землю и громко восклицаетъ:

— Это еще что такое? Эй, послушай, да ты въ своемъ умѣ? Выдумалъ ложиться на раненаго!

Его огромная рука встряхиваетъ лежащаго и не безъ труда высвобождаетъ другое, совершенно безвольное тѣло, служившее верхнему тюфякомъ. Между тѣмъ человѣкъ съ перевязанной головой снова пытается снять сжимающую его черепъ перевязку.

Толкотня, крики. Во мракѣ подземелья на свѣтломъ фонѣ видны странныя тѣни. Ихъ нѣсколько. Онѣ освѣщены свѣтомъ свѣчи и собрались вокругъ раненаго, котораго съ трудомъ удерживаютъ на носилкахъ. Это безногій человѣкъ. На мѣстѣ ногъ у него страшная перевязка и перетянутыя узлами веревки для задержанія кровотеченія. Все-таки кровь смочила перевязку, и получается впечатлѣніе, словно раненый въ красныхъ шароварахъ. Его лицо блеститъ восковымъ блескомъ; онъ бредитъ. Санитары изо всѣхъ силъ держатъ его за плечи и колѣна; этотъ человѣкъ съ отрубленными ногами хочетъ соскочить съ носилокъ и уйти.

— Дайте мнѣ уйти! — рычитъ онъ гнѣвнымъ голосомъ, переходящимъ въ визгъ. — Господи, Боже мой, дайте мнѣ уйти, говорю я!.. Га!.. Пустите меня!.. Вы думаете, я останусь здѣсь? Пустите, или я васъ изобью!

Онъ извивается, сгибается и выпрямляется съ такой силой, что люди, старающіеся сдержать его всей своей тяжестью, такъ и ходятъ ходуномъ. Раненый кричитъ такъ громко, что будитъ спящихъ и находящихся въ забытьѣ. Со всѣхъ концовъ поворачиваются въ его сторону, приподнимаются, прислушиваются къ его безсвязнымъ жалобамъ, которыя все-таки, въ концѣ концовъ, стихаютъ. Въ ту же минуту въ другомъ углу двое лежащихъ рядомъ раненыхъ начинаютъ ссориться, и приходится одного изъ нихъ унести, чтобы прекратить перебранку.

Я отхожу къ тому мѣсту, откуда проникаетъ промежъ балокъ дневной свѣтъ. Перескакиваю черезъ безконечные ряды носилокъ, занимающихъ всю ширину этой подземной аллеи. Человѣческія фигуры на носилкахъ теперь уже не двигаются и только глухо стонутъ и хрипятъ.

На краю однѣхъ носилокъ, опершись о стѣну, сидитъ человѣкъ; на темномъ фонѣ его разстегнутаго верхняго платья выступаетъ бѣлое пятно его истощенной груди. Откинутая голова находится въ тѣни, но я ясно различаю біеніе сердца.

Дневной свѣтъ процѣживается сквозь обвалъ: нѣсколько снарядовъ, попавшихъ въ одно и то же мѣсто, въ концѣ концовъ, пробили толстый слой земли надъ перевязочнымъ пунктомъ.

Нѣсколько блѣдныхъ бликовъ падаетъ на синія шинели, на плечи и складки платья. Чтобы подышать хоть немного свѣжимъ воздухомъ и хоть на мигъ вырваться изъ этого кладбища, у пробоины тѣснится стадо людей. На краю чернаго омута этотъ уголокъ кажется оазисомъ, гдѣ можно постоять, не сгибаясь, видѣть небо и дышать.

— Тутъ стояли люди, которыхъ убило упавшими снарядами,— говоритъ мнѣ одинъ изъ ожидающихъ.—Представляешь себѣ, какая была каша? Да вотъ, посмотри... Вонъ тамъ попъ снимаетъ остатки этихъ людей.

Плотный, могучій сержантъ-санитаръ, въ коричневомъ жилетѣ, придающемъ ему видъ гориллы, снимаетъ съ разрушенныхъ стропилъ человѣческія внутренности, повисшія на балкахъ. Онъ дѣлаетъ это при помощи ружья со штыкомъ, потому что не могъ найти достаточно длинной палки. Этотъ лысый, бородатый, толстый гигантъ неловко держитъ винтовку. У него добродушное и жалкое лицо. Онъ все время вздыхаетъ.

Его глаза закрыты синими очками. Онъ громко сопитъ. У него толстая шея и маленькая голова конической формы.

При видѣ этого человѣка, снимающаго штыкомъ цѣлыя ленты внутренностей и клочья мускуловъ, кажется, что это какой-то мясникъ, занятый дьявольскимъ дѣломъ.

Я присѣлъ въ уголкѣ, полузакрывъ глаза, и почти не вижу всего происходящаго вокругъ меня.

Смутно улавливаю обрывки фразъ. Все та же ужасная повѣсть о ранахъ.

— Чортъ возьми! Въ эту минуту казалось, что пули стукаются одна о другую, такъ густо онѣ насъ посыпали.

— У него пробило голову на вылетъ въ оба виска. Можно было бы продѣть веревку...

— Прошло не меньше часа, прежде чѣмъ эта падаль взяла прицѣлъ повыше и перестала насъ поливать.

Подлѣ меня кто-то, заплетаясь, доканчиваетъ разсказъ:

— Когда я сплю, мнѣ все кажется, что я снова убиваю его...

Доносятся, какъ жужжаніе, еще другіе обрывки фразъ, напоминая шумъ безчисленныхъ колесъ машины, которая вертится безъ остановки... И я все еще слышу раненаго со скамьи, который повторяетъ: «Ничего, потерпи». Эти слова произносятся имъ на всѣ

лады, — то повелительно, то соболѣзнующе, то пророчески, то съ отчаяніемъ.

Кто-то проходитъ мимо, нащупывая стѣнку палкой. Это Фарфадэ. Я окликаю его. Онъ поворачивается наугадъ въ мою сторону и говоритъ мнѣ, что у него поврежденъ глазъ. Другой глазъ также завязанъ. Я уступаю ему мѣсто и, придерживая его за плечи, усаживаю его. Онъ садится и терпѣливо ждетъ.

Я сажусь подальше. Вблизи меня лежатъ двое и тихо разговариваютъ. Я невольно слышу ихъ бесѣду. Это два солдата иностраннаго легіона, въ каскахъ и темно-желтыхъ шинеляхъ.

— Ничего тутъ не поможетъ,—говоритъ одинъ.—На этотъ разъ мнѣ не выскочить. Дѣло ясное: у меня просверлило кишечникъ. Если бы я попалъ въ городъ, въ лазаретъ, меня бы во-время оперировали и, быть можетъ, склеили. Но здѣсь... Я былъ раненъ вчера. Мы въ двухъ или трехъ часахъ отъ Бетюнской дороги, а оттуда тоже еще не близко до лазарета, гдѣ можно было бы сдѣлать операцію. Да и когда-то насъ еще подберутъ!.. Я понимаю, что въ этомъ никто не виноватъ, но это такъ. Ничего не подѣлаешь... Долго мнѣ не протянуть. Твоя лапа заживетъ, либо тебѣ смастерятъ другую... А я околѣю...

— Да,—соглашается другой, убѣжденный логикой своего собесѣдника.

А тотъ продолжаетъ:

— Послушай, Доминикъ, ты велъ дурную жизнь. Ты много нагрѣшилъ и съ пьяныхъ глазъ натворилъ не мало бѣдъ. Твой паспортъ со всячинкой.

— Не стану этого отрицать, потому что это правда. Да тебѣ-то какое дѣло до меня?

— Послѣ войны тебя неизбѣжно ждетъ немало непріятностей... Взять хоть бы твое дѣло съ бочаромъ...

Другой начинаетъ злиться.

— Заткни глотку! Какое тебѣ дѣло до этого?

— У меня, какъ и у тебя, нѣтъ близкихъ; только одна Луиза, которая въ счетъ не идетъ, потому что мы не вѣнчаны. За мной не числится никакихъ проступковъ, кромѣ нѣсколькихъ мелочей по службѣ. Мое имя чистое...

— Что-жъ съ того? Мнѣ наплевать!

— Сейчасъ я тебѣ скажу... Возьми мою фамилію... Возьми ее... Ятебѣ ее отдаю.

— Твою фамилію?..

— Ты будешь называться Леонардомъ Карлотти. Вотъ и все. Не все ли тебѣ равно?.. И ты сразу освободишься отъ наказанія. Тебя перестанутъ искать, и ты будешь счастливъ, какъ былъ бы я, если бы пуля не пробила мнѣ требуху.

— Тьфу, чортъ! Да неужели ты это сдѣлаешь для меня! Прямо вѣрить боюсь.

— Назовись моей фамиліей. Вотъ тамъ въ шинели моя солдатская книжка. Возьми ее и дай мнѣ свою, и я унесу ее съ собой. Ты будешь жить, гдѣ захочешь, кромѣ моихъ мѣстъ, гдѣ меня немного знаютъ: это въ Лонгвиллѣ, въ Тунисѣ... Запомни это; впрочемъ, въ книжкѣ это записано. Прочти ее хорошенько... Я никому не скажу... Для того, чтобы такая вещь удалась, надо держать языкъ за зубами.

Онъ умолкаетъ; затѣмъ продолжаетъ.

— Все-таки я, быть можетъ, скажу объ этомъ Луизѣ, чтобы она знала о моемъ хорошемъ поступкѣ и хранила добрую память обо мнѣ. Я напишу ей въ прощальномъ письмѣ.

Но затѣмъ онъ, повидимому, отбрасываетъ и эту мысль, покачиваетъ головой и говоритъ:

— Нѣтъ! Даже ей не скажу: женщины болтливы.

Другой глядитъ на него и все повторяетъ.

— Однако!... Чортъ возьми!

Незамѣтно для этихъ людей я ухожу и удаляюсь отъ драмы, разыгрывающейся въ жалкомъ углу этого ада.

Мимоходомъ я улавливаю спокойную умиротворенную бесѣду двухъ несчастныхъ:

— Да, братъ, скажу я тебѣ! Ужъ до чего онъ любитъ свой виноградникъ! Только о немъ и говоритъ.

— Когда я выходилъ съ моимъ сыночкомъ и держалъ его за ручку, мнѣ казалось, что я сжимаю теплую шейку ласточки.

Рядомъ съ этими сантиментальными изліяніями я улавливаю иныя характерно насмѣшливыя замѣчанія:

— Ты спрашиваешь, знаю ли я 547-й полкъ? Еще бы! Странный это полкъ: тамъ есть одинъ солдатъ, котораго зовутъ Птижанъ, другого—Птипьеръ, третьяго—Птилуи. Смѣшной полкъ!

Когда я направляюсь къ выходу изъ этого подземелья, тамъ поднимается какая-то суматоха, раздаются крики и шумъ падающаго тѣла.

Упалъ сержантъ-санитаръ. Въ брешь, гдѣ онъ снималъ остатки людей, влетѣла пуля и пробила ему горло. Онъ растянулся на землѣ во всю длину. Безсмысленно ворочая глазами, онъ выдуваетъ изъ себя кровавую пѣну.

Вскорѣ его ротъ и нижняя часть лица обволакиваются облачкомъ розовыхъ пузырьковъ. Ему укладываютъ голову на мѣшокъ съ перевязочнымъ матеріаломъ, который вскорѣ весь пропитывается кровью.

Одинъ изъ санитаровъ кричитъ, чтобы не портили бинты, которые очень нужны. Тогда ищутъ, куда положить эту голову, продолжающую обливаться пѣной. Не находятъ ничего, кромѣ круглаго каравая хлѣба.

Раненаго берутъ за руку, разспрашиваютъ его. Онъ продолжаетъ хрипѣть, и постепенно вся его голова и черная борода покрываются розовой пѣной. Онъ кажется мнѣ какимъ-то фыркающимъ морскимъ чудовищемъ.

Затѣмъ хрипѣніе усиливается, и онъ умираетъ, ворочая головой справа налѣво, какъ бы что-то отрицая...

Я гляжу на неподвижную огромную тушу и вспоминаю, что человѣкъ этотъ былъ добрый. У него было чувствительное сердце. И какъ я теперь упрекаю себя за свое рѣзкое отношеніе къ нему, вызванное наивной узостью его взглядовъ и свойственной служителямъ церкви неделикатностью. И какъ я теперь счастливъ среди всего этого ужаса, что сдержалъ себя какъ-то разъ, когда онъ украдкой заглянулъ въ письмо, которое я писалъ. Вѣдь если бы я тогда оборвалъ его, я бы несправедливо оскорбилъ этого простодушнаго человѣка. Я вспоминаю также случай, когда я былъ раздраженъ его объясненіями относительно Богородицы и Франціи. Мнѣ казалось невозможнымъ, что онъ искренне все это думалъ. Почему бы не было искреннимъ? Вотъ вѣдь *дѣйствительно* же онъ убитъ сегодня. Я вспоминаю также самоотверженность и терпѣніе этого толстяка, столь же чуждаго войнѣ, какъ и жизни, и все другое не важно. Даже его убѣжденія ничто въ сравненіи съ его сердцемъ, которое лежитъ здѣсь на землѣ и перестало биться. Какъ я жалѣю теперь объ этомъ человѣкѣ, съ которымъ все меня раздѣляло!

Въ эту минуту грянулъ громъ. Насъ съ невѣроятной силой швырнуло другъ на друга отъ сотрясенія, земли и стѣнъ. Казалось, будто земля, нависшая надъ нами, свалилась на насъ... Одна часть балокъ обрушилась и расширила просвѣтъ. Второй тол-

чокъ,—и еще провалъ... Трупъ сержанта-санитара откатился, какъ бревно, къ стѣнкѣ. Всѣ стропила погреба, весь этотъ черный костякъ затрещалъ... Раздался общій крикъ ужаса.

Одинъ за другимъ раздаются взрывы, разбрасывая насъ во всѣ стороны. Бомбардировка разрываетъ прикрытіе на части, уменьшая и безъ того небольшое пространство. Вмѣстѣ съ влетающими снарядами врывается дневной свѣтъ. Яснѣе и какъ-то сверхъестественнѣе выступаютъ воспаленныя или смертельно блѣдныя лица, угасающіе въ агоніи вгляды, закутанныя въ бѣлое и забинтованныя тѣла. Выступаетъ все, что было скрыто. Обезумѣвшіе отъ этого урагана желѣза и огня, раненые вскакиваютъ, разсѣиваются, пытаются бѣжать. Вся эта масса, охваченная паникой, катается по землѣ, по всей галлереѣ, точно на борту судна въ бурю.

Авіаторъ, поднявшись во весь ростъ, упираясь затылкомъ въ сводъ, размахиваетъ руками, призываетъ Бога и спрашиваетъ его, какъ его зовутъ, каково его истинное имя. Шинель того, который все повторялъ: «Ничего, потерпи!», вдругъ кажется свѣтло-зеленой,—вѣроятно, отъ пикриновой кислоты, выдѣляемой взрывами. Остальные, безпомощные, искалѣченные, ползаютъ по землѣ, залѣзаютъ въ углы, точно кроты, спасаясь отъ снарядовъ.

Бомбардировка замедляется и затихаетъ среди тучи дыма, который клубится и обжигаетъ. Я выхожу черезъ брешь, выбираюсь подъ открытое небо и увязаю въ мокрой землѣ, путаясь ногами въ балкахъ. Вотъ, наконецъ, и насыпь соединительнаго хода. Я вижу вдали все такія же массы людей, которыя выходятъ изъ окоповъ и направляются къ перевязочному пункту. И такъ будетъ продолжаться еще много дней и ночей. Еще долго сюда будутъ стекаться длинные ручьи людей, вырванныхъ съ поля битвы, изъ этой равнины, у которой есть сердце, обливающееся кровью, есть тѣло, покрытое гніющими ранами.

XXII.

Прогулка по городу.

Слѣдуя бульваромъ Республики, затѣмъ авеню Гамбетта, мы выходимъ на площадь Торговли. Гвозди нашихъ ярко вычищенныхъ сапогъ звенятъ на камняхъ тротуаровъ. Погода прекрасная. Залитое солнцемъ небо сверкаетъ, точно сквозь стекла теплицы, и озаряетъ выставки магазиновъ. Полы нашихъ тщательно вычищенныхъ шинелей спущены, и такъ какъ обыкновенно онѣ подняты, то на нихъ замѣтны два квадрата болѣе синяго цвѣта.

Наша фланирующая группа останавливается въ нерѣшительности передъ «Кафе субъ-префектуры», называемомъ также «Большимъ кафе».

— Мы имѣемъ право войти,—говоритъ Вольпаттъ.

— Тамъ слишкомъ много офицеровъ,—возражаетъ Блэръ, заглянувъ поверхъ гипюровыхъ занавѣсокъ.

— Походимъ еще по городу,—предлагаетъ Парадизъ,—мы не все осмотрѣли.

Мы снова идемъ, разглядываемъ шикарные магазины, окружающіе площадь,—модные, писче-бумажные, аптекарскіе,—и витрины ювелировъ, сверкающія какъ генеральскіе мундиры. Наши лица украсились улыбками. Мы свободны отъ всякой работы до вечера и вполнѣ располагаемъ своимъ временемъ. Ноги ступаютъ мягко и эластично. Ничѣмъ не занятыя руки также прогуливаются взадъ и впередъ.

— Хорошо въ отпуску, что и говорить,—замѣчаетъ Парадизъ.

Городъ, развертывающійся передъ нами съ каждымъ шагомъ, производитъ сильное впечатлѣніе. Мы входимъ въ соприкосновеніе съ жизнью, съ населеніемъ, съ жизнью тыла,— съ нормальной

жизнью. Вѣдь намъ такъ часто казалось «оттуда», что никогда намъ не бывать здѣсь.

Мы видимъ мужчинъ, дамъ, парочки, окруженныя дѣтьми, англійскихъ офицеровъ, авіаторовъ, которыхъ легко узнать издалека по стройному изяществу и знакамъ отличія, и солдатъ въ поношенномъ платьѣ, съ обвѣтренной кожей; ихъ единственное украшеніе, представленное номерной бляшкой, сверкаетъ на солнцѣ поверхъ шинели. Они ступаютъ съ осторожностью, точно смущены прекрасной обстановкой, далекой отъ всѣхъ кошмаровъ.

Ежеминутно мы испускаемъ крики изумленія и восторга.

— Сколько народу!—поражается Тиреттъ.

— Богатый городъ!—говоритъ Блэръ.

Проходитъ работница и смотритъ на насъ.

Вольпаттъ толкаетъ меня локтемъ и, вытянувъ шею, пожираетъ ее глазами, затѣмъ показываетъ мнѣ на двухъ другихъ приближающихся женщинъ. Глаза его сверкаютъ, когда онъ убѣждается въ изобиліи женскаго элемента.

— Ну, и бабья же здѣсь!

Парадизъ, подавляя нѣкоторую робость, подходитъ къ грудѣ пирожныхъ, разложенныхъ въ кондитерской, осторожно прикасается къ ней и ѣстъ. Ежеминутно приходится останавливаться посреди тротуара въ ожиданіи Блэра, разглядывающаго въ окнахъ магазиновъ различные предметы обмундированія, кепи, пластроны и сафьяновыя туфли.

Блэръ достигъ высшаго пункта своего преображенія. Онъ побивалъ прежде рекордъ неряшливости и нечистоплотности, а теперь онъ наиболѣе аккуратный среди насъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ему обновили сломанную во время атаки челюсть. Онъ принимаетъ непринужденный видъ.

— У него видъ юноши,—говоритъ Мартро.

Вдругъ мы сталкиваемся съ беззубымъ существомъ, улыбающимся во всю ширину рта. Рѣдкіе черные волосы выбиваются у нея изъ-подъ шляпы. Ея лицо съ крупными чертами, изрытое оспой, кажется однимъ изъ тѣхъ плохо нарисованныхъ лицъ, которыя видишь на вывѣскахъ ярмарочныхъ балагановъ.

— Какая красавица!—говоритъ Вольпаттъ.

Мартро, которому она улыбнулась, онѣмѣлъ отъ восторга.

Таковы ощущенія солдатъ, вдругъ попавшихъ въ городъ. Они наслаждаются красивой и неправдоподобно опрятной обстановкой.

Они снова входятъ во вкусъ мирной, спокойной жизни, удобствъ и благополучія.

— А вѣдь мы снова привыкли бы ко всему этому, въ концѣ концовъ!

Между тѣмъ публика толпится у витрины магазина, гдѣ торговецъ конфекціоннымъ товаромъ соорудилъ изъ деревянныхъ и восковыхъ манекеновъ смѣшную группу.

На землѣ, усѣянной маленькими камешками точно дно аквариума, нѣмецъ, въ новенькой формѣ и съ желѣзнымъ крестомъ на груди, стоитъ на колѣняхъ и протягиваетъ деревянныя руки къ французскому офицеру, завитой парикъ котораго служитъ какъ бы подушкой для дѣтскаго кепи. Щеки у офицера пухленькія, мясистыя, а стеклянные глаза смотрятъ совсѣмъ въ другую сторону. Близъ этихъ двухъ персонажей лежитъ игрушечное ружье. Подъ группой написано названіе этого художественнаго произведенія: «Камрадъ».

— Эхъ, дурачье!

При видѣ этой ребяческой группы, которая одна только и напоминаетъ здѣсь о страшной войнѣ, свирѣпствующей гдѣ-то подъ небесами, мы пожимаемъ плечами и начинаемъ злиться; мы уязвлены и оскорблены въ своихъ еще свѣжихъ воспоминаніяхъ. Тиреттъ насупился и готовъ разразиться оскорбительными сарказмами. Но протестъ какъ-то замираетъ въ его мысляхъ, потому что онъ, какъ и всѣ мы, еще не успѣлъ притти въ себя отъ внезапной перемѣны обстановки.

Проходитъ элегантная дама, шурша шелками и распространяя вокругъ себя благоуханіе; она замѣчаетъ нашу группу и, поднявъ руку въ перчаткѣ, прикасается къ рукаву Вольпатта, затѣмъ къ плечу Блэра. Оба моментально замираютъ, какъ бы окаменѣвъ отъ прикосновенія этой феи.

— Скажите мнѣ, господа, вѣдь вы настоящіе солдаты съ фронта и видѣли все это въ окопахъ, это вѣрно представлено, не правда ли?

— Гм... Да... да...—отвѣчаютъ растерянные и безконечно польщенные солдаты.

— Ну, вотъ, видишь... А вѣдь они прямо оттуда...—говорятъ въ толпѣ.

Когда мы остаемся одни на ровныхъ плитахъ тротуара, Вольпаттъ и Блэръ переглядываются и покачиваютъ головой.

— Въ концѣ концовъ,—говоритъ Вольпаттъ,—это приблизительно вѣрно изображено.

— Разумѣется.

Такъ въ этотъ день мы отреклись отъ истины.

* * *

Мы входимъ въ «Кафе промышленности и цвѣтовъ».

Великолѣпная дорожка покрываетъ средину паркета. Вдоль стѣнъ, колоннъ, поддерживающихъ потолокъ, и вдоль прилавка нарисованы фіолетовые ирисы, громадные красные маки и розы, величиной въ цвѣтную капусту.

— Словъ нѣтъ, во Франціи люди имѣютъ вкусъ,—говоритъ Тиреттъ.

— Сколько надо было терпѣнія, чтобы сдѣлать все это, — говоритъ Блэръ при видѣ пестрыхъ разводовъ.

— Здѣсь, — прибавляетъ Вольпаттъ, — не только выпить, а и посидѣть пріятно.

Парадизъ сообщаетъ намъ, что онъ былъ завсегдатаемъ въ кафе. Въ былое время онъ по воскресеньямъ всегда захаживалъ въ кафе, столь же красивое, а, быть можетъ, даже и покрасивѣе этого. Но это было уже давно и онъ окончательно отвыкъ отъ нихъ. Затѣмъ онъ указываетъ на маленькій эмальированный рукомойникъ, расписанный цвѣтами и висящій на стѣнѣ.

— Здѣсь можно и руки вымыть.

Мы изъ благовоспитанности направляемся къ рукомойнику. Вольпаттъ дѣлаетъ знакъ Парадизу открыть кранъ.

— А ну-ка, пусти въ ходъ плевательную машину.

Послѣ этого мы впятеромъ направляемся въ залъ, уже наполненный гостями, и садимся за столикъ.

— Заказать что ли пять рюмокъ вермута?..

— Да, пожалуй, не трудно бы опять втянуться во все это...

Вокругъ насъ собираются штатскіе. Кто-то говоритъ вполголоса:

— У нихъ у всѣхъ боевыя отличія... Видишь, Адольфъ? Это настоящіе фронтовики!

Товарищи слышатъ эти замѣчанія. Они перестали бесѣдовать, насторожились и безсознательно нахохлились.

Черезъ минуту мужчина и женщина, обмѣнявшіеся этими фразами, наклонились къ намъ, опершись локтями о бѣлый мраморъ столика, и начинаютъ насъ разспрашивать.

— Что, тяжело жить въ окопахъ? Не правда ли?

— Гм... Да... Не весело...

— Какая у васъ изумительная физическая и моральная стойкость! Вѣдь вы привыкаете къ такой жизни?

— Да, да... Даже очень привыкаемъ.

— А все-таки это тяжелое существованіе, ужасныя страданія,— лепечетъ дамочка, перелистывая иллюстрированный журналъ съ нѣсколькими снимками, изображающими страшные виды опустошенныхъ мѣстностей.—Такихъ вещей не слѣдовало бы печатать... Грязь, вши, каторжный трудъ... При всей вашей храбрости вы, вѣроятно, чувствуете себя несчастными...

Вольпаттъ, къ которому она обращается, краснѣетъ. Онъ стыдится тѣхъ ужасовъ и бѣдствій, отъ которыхъ только-что ушелъ и къ которымъ скоро вернется. Онъ опускаетъ голову и лжетъ, быть можетъ, не давая себѣ отчета въ размѣрахъ своей лжи.

— Нѣтъ, мы не такъ ужъ несчастны... Все это не столь ужасно, какъ кажется.

Дама соглашается съ нимъ:

— Я отлично знаю — говоритъ она,—что есть на войнѣ также много хорошаго. Вотъ, напримѣръ, атака. Вѣдь это, вѣроятно, нѣчто великолѣпное! Не правда ли? Всѣ эти массы людей, идущихъ какъ на праздникъ... Торжественные звуки рожка: «Тамъ, наверху, мы выпьемъ», и солдатики, которыхъ нѣтъ возможности удержать. Они рвутся впередъ и кричатъ: «Да здравствуетъ Франція!», умираютъ съ улыбкой на устахъ... Мы не удостоились такой чести, какъ вы! Мой мужъ служитъ въ префектурѣ, и въ настоящее время онъ въ отпуску, чтобы полечить свой ревматизмъ.

— Я также хотѣлъ бы быть солдатомъ, — говоритъ ея супругъ,—но мнѣ не повезло: мой начальникъ не можетъ обойтись безъ меня.

Люди проходятъ, толкаются. Гарсоны скользятъ съ рюмками искрящихся, сверкающихъ напитковъ—зеленаго, краснаго и свѣтло-желтаго цвѣта. Скрипъ шаговъ по паркету, усыпанному пескомъ, смѣшивается съ голосами завсегдатаевъ и звяканіемъ стакановъ по мрамору столовъ... Въ глубинѣ слышенъ стукъ шаровъ изъ слоновой кости, сталкивающихся на зеленыхъ билліардахъ; вокругъ билліарда собралась кучка зрителей, обмѣнивающихся обычными прибаутками.

— У каждаго свое дѣло, милѣйшій,— говоритъ прямо въ лицо Тиретту съ противоположнаго конца стола человѣкъ съ удивительно

здоровымъ цвѣтомъ лица. — Вы — герои, а мы содѣйствуемъ экономическому расцвѣту страны. Это такая же борьба, какъ ваша. Я приношу, не скажу больше, но, во всякомъ случаѣ, не меньше пользы, чѣмъ вы.

Я гляжу на Тиретта, нашего присяжнаго острослова: онъ выпучилъ глаза среди клубовъ сигарнаго дыма и скромно отвѣчаетъ:

— Да, это правда... Каждому свое...

Мы незамѣтно уходимъ.

* * *

Когда мы покидаемъ «Кафе промышленности и цвѣтовъ», бесѣда у насъ не вяжется. Намъ кажется, что мы разучились говорить. Какое-то недовольство сводитъ и обезображиваетъ лица моихъ товарищей. Они какъ бы чувствуютъ, что въ столь чрезвычайномъ случаѣ оказались не на высотѣ своего долга.

— Ну, и наговорили же они намъ ерунды, эти черти — ворчитъ, наконецъ, злопамятный Тиреттъ, недовольство котораго все усиливается, чѣмъ дальше мы отходимъ отъ кафе.

— Напрасно мы не напились сегодня! — грубо отвѣчаетъ Парадизъ.

Мы идемъ, не говоря ни слова. Затѣмъ, черезъ нѣкоторое время Тиреттъ снова заговариваетъ:

— Вотъ мерзкіе люди! Хотѣли пустить намъ пыли въ глаза, да не изъ таковскихъ я! Въ слѣдующій разъ, когда я ихъ встрѣчу, — говоритъ онъ возмущаясь да все сильнѣе, — я буду знать, что имъ сказать!

— Но мы ихъ больше не увидимъ, — говоритъ Блэръ.

— Черезъ недѣлю мы, быть можетъ, уже околѣемъ, — говоритъ Вольпаттъ.

На краю площади мы натыкаемся на людей, выходящихъ изъ зданія городской думы и еще другого зданія съ фронтономъ и колоннами, напоминающими храмъ. Это служащіе, у которыхъ кончились занятія: тутъ штатскіе всѣхъ видовъ и возрастовъ, молодые и старые военные; издали кажется, что они одѣты, какъ мы... Но вблизи рѣзко выступаютъ отличительные признаки этихъ отлынивающихъ дезертировъ, которымъ не скрыться подъ солдатскими костюмами и нашивками!

Ихъ поджидаютъ жены и дѣти. Торговцы закрываютъ свои лавки, довольные окончившимся днемъ и предвкушая грядущій,

подсчитывая свои возросшія прибыли и съ вожделѣніемъ поглядывая на заполняющуюся кассу. Они остались въ лонѣ своей семьи. Имъ стоитъ нагнуться, чтобы имѣть возможность поцѣловать своихъ дѣтей. Какъ только зажигаются на улицахъ фонари, всѣ эти богатые люди, которые продолжаютъ богатѣть, всѣ эти спокойные люди, которые съ каждымъ днемъ успокаиваются все больше и все молятъ Бога о большихъ богатствахъ и еще большемъ благополучіи, высыпаютъ на улицу. Затѣмъ они, не торопясь, возвращаются домой, гдѣ все благоустроенно и уютно, или идутъ въ кафе, гдѣ имъ подаютъ все готовое. Парочки, молодые женщины и мужчины, штатскіе или солдаты со значками на воротникахъ, кричащими объ ихъ дезертирствѣ, спѣшатъ при свѣтѣ фонарей въ свое уютное гнѣздышко, гдѣ ихъ ждетъ ночь отдыха и ласки.

Проходя мимо окна нижняго этажа, мы видимъ, какъ вздуваетъ вѣтеръ кружевной занавѣсъ и дѣлаетъ его похожимъ на легкую нѣжную сорочку...

Движеніе толпы отталкиваетъ насъ въ сторону, точно бѣдныхъ чужаковъ.

Мы бродимъ по сумеречнымъ улицамъ, начинающимъ позлащаться иллюминаціей, точно алмазами. Видъ этого міра, помимо нашей воли, раскрылъ намъ великую правду жизни. Мы увидѣли рознь, существующую между человѣческими существами, болѣе глубокую и болѣе непроходимую, чѣмъ рознь между націями, расами, ясно выраженную рознь между людьми одного и того же народа, между тѣми, которые страдаютъ и трудятся, и тѣми, которые этимъ пользуются, между тѣми, отъ которыхъ потребовали, чтобы они пожертвовали всѣмъ, отдали свою силу, всего себя, и тѣми, которые съ улыбкой благоденствуютъ на ихъ трупахъ.

Нѣсколько траурныхъ платьевъ выдѣляются темными пятнами среди толпы, и они близки намъ; но остальные празднуютъ непреходящій праздникъ и не знаютъ печали.

— А вѣдь правда! Выходитъ, что у насъ не одна страна, а двѣ,—съ поразительной точностью резюмируетъ Вольпаттъ наши размышленія.— Мы раздѣлены на двѣ чуждыхъ страны: на фронтъ, гдѣ слишкомъ много несчастныхъ, и на тылъ, гдѣ слишкомъ много счастливыхъ.

— Что дѣлать?.. Они нужны... Это основа... Фундаментъ...

— Я знаю; но все-таки ихъ слишкомъ много, и слишкомъ имъ хорошо! И всегда это одни и тѣ же...

— Что подѣлаешь? — говоритъ Тиреттъ.

— А, все равно! — прибавляетъ Блэръ еще проще.

— Черезъ недѣлю насъ, быть можетъ, раскромсаютъ,—говоритъ въ заключенiе Вольпаттъ.

И мы уходимъ, опустивъ головы.

XXIII.

На работѣ.

Надъ окопами спускается вечеръ. Онъ приближался въ теченіе всего дня, невидимый, какъ рокъ, и теперь заполнилъ длинные рвы, зіяющіе, какъ безпредѣльная рана.

На днѣ ямы мы съ самаго утра разговаривали, ѣли, спали и писали. Съ наступленіемъ вечера въ нашихъ норахъ началась суета. Это часъ, когда готовятся итти на работу.

Вольпаттъ и Тиреттъ подходятъ ко мнѣ вдвоемъ.

— Вотъ и еще одинъ день прошелъ, такой же, какъ всѣ другіе,—говоритъ Вольпаттъ, поглядывая на сгущающійся мракъ.

— Откуда ты знаешь? Нашъ день еще не кончился,—отвѣчаетъ Тиреттъ.

Долгій тяжкій опытъ научилъ его, что въ нашей жизни нельзя загадывать даже за нѣсколько часовъ до вечера, до нашего убогаго вечера.

— Собирайтесь!..

Мы медленно и разсѣянно дѣлаемъ привычныя приготовленія. Каждый приноситъ вмѣстѣ съ ружьемъ свой патронташъ, флягу и мѣшокъ съ кускомъ хлѣба. Вольпаттъ, со вздутой и ерзающей во всѣ стороны щекой, еще ѣстъ. Парадизъ ворчитъ, лязгаетъ зубами и потираетъ свой посинѣвшій носъ. Фуйядъ волочитъ за собой ружье, какъ метлу. Мартро разглядываетъ, затѣмъ кладетъ въ карманъ свой грязный слипшійся носовой платокъ.

Холодно, мороситъ. Мы всѣ дрожимъ. Откуда-то доносится однообразная фраза:

— Двѣ лопаты, одна кирка... Двѣ лопаты, одна кирка...

Солдаты поочередно идутъ къ матеріальному складу, берутъ, что полагается, и уходятъ, вооруженные лопатами и кирками.

— Всѣ въ сборѣ? Маршъ!—командуетъ капралъ.

Мы выходимъ и отправляемся въ путь. Мы идемъ впередъ, но не знаемъ куда. Мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что во мракѣ небо и земля слились и образуютъ одну пропасть.

* * *

Мы выходимъ изъ чернаго, какъ погасшій вулканъ, окопа на равнину.

Большія сѣрыя, тяжелыя отъ влаги, тучи нависли надъ землей. Все кругомъ сѣро отъ блѣднаго свѣта. Мѣстами торчатъ скрученныя вѣтви оголенныхъ деревьевъ.

Далеко вокругъ себя ничего не видать. Но мы смотримъ только подъ ноги, на землю; она скользкая и прилипаетъ къ ногамъ.

— Ну, и мѣсиво!

Проходя полями, мы мѣсимъ липкое тѣсто; оно расходится подъ нашими ногами и снова замыкается послѣ каждаго шага.

— Шоколадный кремъ!.. Кремъ мокка!..

На замощенныхъ частяхъ остатковъ дорогъ наши ноги втаптываютъ въ глубь липкой земли разрушающійся камень, и онъ поскрипываетъ подъ гвоздями подошвъ.

— Ходишь, точно по поджаренному хлѣбу, намазанному масломъ.

Иногда на буграхъ лежитъ подсохшая черная грязь, покрытая трещинами, какъ бываетъ вокругъ деревенскихъ колодцевъ. Во впадинахъ всюду лужи, болота и пруды, и неправильные края ихъ точно изодраны въ клочья.

Затихаютъ шуточки весельчаковъ, которые вначалѣ, попадая въ лужи, начинали крякать по утиному. Смѣхъ замолкъ. Дождь льетъ все сильнѣй. Мы его слышимъ. Кругомъ все темнѣетъ; пространство какъ бы суживается. На лужахъ понемногу умираютъ блѣдно-желтые остатки ушедшаго дня.

* * *

Съ западной стороны, точно въ туманѣ, выступаютъ подъ дождемъ силуэты монаховъ. Это 20-я рота 204-го полка, закутавшаяся въ непромокаемый холстъ. Проходя мимо, мы видимъ сѣрыя, выцвѣтшія лица, черные носы этихъ промокшихъ большихъ волковъ. Затѣмъ мы теряемъ ихъ изъ виду.

Мы идемъ среди поля, поросшаго травой и покрытаго безчисленными бороздами, вдавленными въ одномъ и томъ же направленіи ногами и колесами.

Перепрыгиваемъ черезъ зіяющіе соединительные ходы. Это не всегда легко: ихъ края становятся липкими, скользкими и расширяются отъ обваловъ. Къ тому же усталость давитъ плечи. Съ шумомъ несутся навстрѣчу намъ повозки, обдающія насъ грязью. Артиллерійскіе передки швыряютъ въ лицо струями воды. Грузовики какъ бы мчатъ на ходу кромѣ своихъ колесъ еще нѣчто въ родѣ жидкихъ колесъ, разбрасывающихъ во всѣ стороны комки грязи.

По мѣрѣ того, какъ надвигается мракъ, эти запряжки и силуэты наѣздниковъ, въ развѣвающихся плащахъ и съ ружьями за плечами, принимаютъ фантастическія формы на фонѣ мрачнаго, покрытаго тучами неба. Въ одномъ мѣстѣ сбились въ кучу зарядные ящики. Мы проходимъ мимо. Дальше слышенъ скрипъ осей, голоса спорящихъ, отрывистыя приказанія и шумъ дождя. Мы видимъ, какъ курятся въ темнотѣ крупы лошадей и плащи наѣздниковъ.

— Осторожно!

На землѣ, справа, что-то растянулось. Это рядъ мертвыхъ. Инстинктивно ноги избѣгаютъ ихъ. Замѣтны темнѣющія подошвы, шеи, впадины щекъ, полусжатыя руки...

А мы все идемъ и идемъ по этимъ еще блѣднымъ полямъ, изборожденнымъ ногами, подъ небомъ, покрытымъ обрывками тучъ. Мы идемъ, погружаясь въ чернѣющее пространство, и кажется, что оно загрязнилось отъ соприкосновенія въ теченіе долгихъ дней съ жалкими человѣческими толпами.

Затѣмъ мы спускаемся въ соединительные ходы. Они ниже обыкновеннаго. Чтобы достигнуть ихъ, мы дѣлаемъ обходъ, такъ что люди, находящіеся въ арьергардѣ, видятъ всю заворачивающую роту, и она представляется имъ рядами маленькихъ, еле замѣтныхъ человѣчковъ. Они цѣпляются за скатъ и нагружены лопатами и ружьями, положенными на оба плеча; это придаетъ имъ въ темнотѣ видъ людей, идущихъ впередъ съ молитвенно поднятыми вверхъ руками.

Эти соединительные ходы, расположенные во второй линіи, заселены. На порогахъ ихъ прикрытій, гдѣ висятъ и треплются на вѣтрѣ звѣриныя шкуры или сѣрый холстъ, сидятъ на корточкахъ люди, похожіе на дикарей, и смотрятъ на насъ глазами безъ выра-

женія, точно передъ ними пустота. Изъ-подъ другихъ спущенныхъ холстовъ выглядываютъ ноги и доносится храпъ.

— Когда этому будетъ конецъ?—начинаютъ роптать въ нашихъ рядахъ.

Вдругъ задніе натыкаются на переднихъ.

— Стой!

Приходится остановиться, чтобы пропустить другую партію. Мы сгрудились на скользкихъ бокахъ окопа. Проходитъ рота пулеметчиковъ съ своими странными ношами.

Эти долгія остановки мучительны. Мускулы судорожно стягиваются. Топтанье на мѣстѣ окончательно отнимаетъ силы.

Едва мы снова двигаемся въ путь, какъ опять приходится пятиться къ пропускному ходу, чтобы дать пройти телефонистамъ. Мы пятимся, точно сбившійся въ кучу скотъ.

Снова съ трудомъ сдвигаемся съ мѣста.

— Осторожно! Проволоки!

Телефонная проволока тянется надъ окопомъ и перерѣзаетъ его мѣстами. Когда она недостаточно натянута, ружья проходящихъ солдатъ задѣваютъ за нее. Солдаты ругаются и проклинаютъ телефонистовъ, которые никогда не умѣютъ какъ слѣдуетъ прикрѣпить свои «бичевки».

Чѣмъ дальше, тѣмъ непроходимѣе сцѣпляются нависшія проволоки. Приходится повернуть ружье прикладомъ кверху; опустить лопату и итти сгибая плечи.

* * *

Рота внезапно замедляетъ шагъ. Мы еле двигаемся, натыкаясь на переднія шеренги. Очевидно, головная часть колонны вступила въ трудно проходимое мѣсто.

Наконецъ, и мы подходимъ туда: углубленіе почвы ведетъ къ зіяющей трещинѣ. Это—«крытый ходъ». Передніе уже скрылись за этой своеобразной низенькой дверью.

— Неужто намъ лѣзть въ эту колбасу?

Каждый колеблется прежде, чѣмъ вступить въ это темное узкое подземелье, и этимъ объясняется внезапное замедленіе шага и давка въ арьергардѣ.

Съ первыхъ же шаговъ въ «крытомъ ходу» насъ обволакиваетъ густой мракъ, заслоняющій даже ближайшихъ сосѣдей. Насъ

обдаетъ запахомъ болота и плѣсени. Сквозь потолокъ тѣснины проглядываетъ нѣсколько блѣдныхъ полосъ свѣта: это щели и трещины въ доскахъ. Въ нихъ падаютъ струйки воды. Несмотря на предосторожности, на каждомъ шагу натыкаешься на груды щепокъ.

Воздухъ въ этомъ безконечномъ закрытомъ проходѣ глухо гудитъ и вздрагиваетъ: это работаетъ машина прожектора, мимо которой мы скоро пройдемъ.

Черезъ четверть часа медленнаго передвиженія наощупь, кто-то, изнемогая отъ сырости, мрака и безпрестанныхъ спотыканій, ворчитъ:

— Ну его къ черту! Я зажгу свѣтъ!

Вспыхиваетъ свѣтъ электрическаго фонарика и тотчасъ же раздается крикъ сержанта.

— Тысяча чертей! Какой это дурень вздумалъ зажигать фонарь? Обалдѣлъ, что-ли? Развѣ не понимаешь, что свѣтъ могутъ замѣтить сквозь щели, вшивая скотина?

Электрическій фонарь, освѣтивъ на мигъ темныя, сырыя стѣны, гаснетъ.

— Да что тутъ замѣчать!—бормочетъ кто-то. — Вѣдь мы, кажется, не на передовыхъ...

— Ты еще спорить вздумалъ!—огрызается сержантъ.

И, продолжая шагать, онъ все поворачивается и ворчитъ:

— Остолопъ! Шутъ гороховый!

Вдругъ онъ снова оретъ:

— Кто тутъ смѣетъ курить?

На этотъ разъ онъ хочетъ остановиться, но, какъ ни старается, какъ ни цѣпляется за стѣнку, человѣческая волна уноситъ его съ собой, заглушая его ругань. Папироса, вызвавшая его гнѣвъ, тѣмъ временемъ тухнетъ.

* * *

Ритмическій стукъ машины все усиливается, и насъ начинаетъ обволакивать тепломъ. По мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся впередъ, сгущенный воздухъ хода дрожитъ все сильнѣе. Вскорѣ пыхтѣнье мотора начинаетъ грохотать у насъ въ ушахъ и сотрясаетъ все тѣло. Жаръ усиливается, точно какое-то чудовище дышитъ намъ въ лицо. Мы спускаемся къ мѣсту, гдѣ, точно въ аду, происходитъ странная суета. Красные блики падаютъ на темныя стѣны, отражая на нихъ наши тѣни.

Среди возрастающаго грохота, горячаго вѣтра и красныхъ отблесковъ мы приближаемся къ горнилу. Всѣ оглушены. Кажется, что машина кинулась намъ навстрѣчу, подобно мчащейся мотоциклеткѣ, которая ослѣпляетъ идущихъ навстрѣчу своимъ яркимъ фонаремъ.

Обожженные, полуослѣпленные, мы проходимъ мимо багроваго очага и чернаго двигателя, маховикъ котораго гудитъ, какъ ураганъ. Мы еле успѣваемъ разглядѣть суетящихся людей. Закрываемъ глаза и задыхаемся отъ близости этого раскаленнаго и шумнаго дыханія...

Затѣмъ шумъ и жаръ остаются позади насъ, слабѣютъ... Мой сосѣдъ бормочетъ себѣ въ бороду:

— А этотъ идіотъ боялся, что замѣтятъ мой фонарикъ!..

Наконецъ, мы подъ открытымъ небомъ. Оно темно-синее, почти такое же темное, какъ земля. Дождь падаетъ все сильнѣе. Мы съ трудомъ движемся въ этой илистой массѣ. Обувь увязаетъ, и только съ безконечными усиліями, цѣной страшной усталости, удается вытаскивать ноги. Кругомъ зги не видать.

Въ этотъ моментъ прожекторъ останавливаетъ на насъ свою огненную руку, перебѣгающую изъ безконечности въ безконечность, и мы замѣчаемъ нагроможденія балокъ и сломанныхъ стропилъ, среди которыхъ валяются трупы. Близъ меня лежитъ опустившееся на колѣни тѣло; голова держится на ниточкѣ и свисла на спину: на щекѣ запекшаяся кровь... Другое тѣло обхватило руками вбитый колъ и присѣло только наполовину. Еще другое, свернутое калачикомъ, безъ панталонъ, сорванныхъ снарядомъ, лежитъ съ обнаженнымъ животомъ. А вотъ поперекъ дороги протянулась рука еще одного мертвеца. Въ этомъ мѣстѣ, гдѣ возможно пройти только ночью, ибо окопъ, загороженный обваломъ, днемъ недоступенъ, всѣ наступаютъ на эту руку, и я замѣтилъ при свѣтѣ прожектора, что она вся распласталась, подобно плавнику.

Дождь льетъ, какъ изъ ведра. Его шумъ все покрываетъ. Онъ промочилъ насъ насквозь, точно раздѣлъ до нитки. Мы входимъ въ открытый соединительный ходъ, межъ тѣмъ какъ ночь и гроза все сгущаются надъ мертвыми и живыми.

Вѣтеръ леденитъ на нашихъ лицахъ слезинки пота. Ужъ около полуночи. Вотъ уже шесть часовъ, какъ мы шлепаемъ по грязи.

Въ это время въ театрахъ Парижа, залитыхъ свѣтомъ люстръ, сверкающихъ роскошью нарядовъ, въ залахъ, дышащихъ ласкаю-

щимъ тепломъ и покоемъ, праздничная толпа сіяетъ отъ удовольствія, бесѣдуетъ, смѣется, улыбается, аплодируетъ, поддается тонкимъ переживаніямъ, которыя будитъ въ ней утонченная игра актеровъ.

— Придемъ ли мы, наконецъ, чертъ возьми? Когда же это кончится?

Слова эти раздаются со всѣхъ сторонъ въ этой щели земли. Они вырываются стономъ изъ груди человѣческой массы, которая идетъ съ ружьями, лопатами и кирками подъ безпрерывнымъ дождемъ. Усталость одолѣваетъ насъ и покачиваетъ то въ одну, то въ другую сторону. Отяжелѣвшіе, промокшіе, мы натыкаемся плечомъ на землю, промокшую, какъ мы.

— Стой!

— Что это? Пришли, наконецъ?

— Еще бы! Держи карманъ!

Всѣ пятятся назадъ. Проносится ропотъ:

— Мы заблудились!

Оказывается, что мы гдѣ-то на поворотѣ сбились съ дороги и теперь никакъ не можемъ ее найти. Хуже того: говорятъ, что позади насъ на передовыя позиціи отправляется рота, которой мы такимъ образомъ преграждаемъ путь. Это грозитъ заторомъ.

Во что бы то ни стало необходимо вернуться въ окопъ, съ котораго мы сбились и который какъ будто находится влѣво отъ насъ. Придется пробраться туда какой-нибудь сапой... Нервное напряженіе изнемогающихъ солдатъ прорывается въ громкихъ крикахъ и жестикуляціи. Они еще дѣлаютъ нѣсколько шаговъ, затѣмъ бросаютъ свое снаряженіе и останавливаются.

Офицеръ, который велъ насъ и сбился съ пути, протискивается впередъ въ поискахъ бокового прохода. Наконецъ, онъ замѣчаетъ отверстіе небольшого соединительнаго хода.

— Пойдемъ сюда! Такъ мы, несомнѣнно, выйдемъ на вѣрную дорогу. Впередъ, братцы!

Всѣ, ворча, снова навьючиваютъ на себя свои ноши... Но вдругъ до насъ доносится громкая ругань и проклятія. Кричитъ головная часть отряда.

— Да вѣдь здѣсь отхожее мѣсто, чертъ возьми!

Изъ хода навстрѣчу намъ несется невыносимая вонь, происхожденіе которой не оставляетъ никакихъ сомнѣній. Вошедшіе туда

останавливаются, не желая подвигаться. Мы сбиваемся въ кучу на порогѣ клоаки.

— Я предпочитаю пойти полемъ!—кричитъ кто-то.

Но вспышки взрывовъ разсѣкаютъ мракъ надъ рвомъ, и это зрѣлище настолько потрясающее, что никто не откликается на призывъ безумца.

Волей-неволей приходится двинуться въ эту мерзость, такъ какъ назадъ итти некуда.

— Впередъ, въ желтую сметану!—кричитъ первый входящій.

Подавляя отвращеніе, мы слѣдуемъ за нимъ. Вонь становится невыносимой. Мы идемъ прямо по экскрементамъ, которые булькаютъ подъ нашими ногами.

Свистятъ пули.

— Нагните головы!

Такъ какъ ходъ не глубокъ, мы вынуждены согнуться очень низко и видимъ близъ самаго лица всю эту гадость, закиданную бумагой, которую мы топчемъ.

Наконецъ, мы попадаемъ въ ходъ, откуда ушли по ошибкѣ, и снова идемъ. Идемъ, но все никуда не приходимъ...

Ручей, текущій по дну окопа, смываетъ нечистоты и вонь съ нашихъ ногъ, и мы плетемся, молча, съ пустой головой, близкіе къ обмороку отъ усталости.

Артиллерійская пальба все усиливается, превращаясь въ сплошной ревъ. Небо надъ нашими головами озаряется со всѣхъ сторонъ вспышками взрывовъ. Затѣмъ бомбардировка до того учащается, что свѣтъ перестаетъ гаснуть. Среди безпрерывнаго грома мы ясно различаемъ другъ друга, видимъ струящуюся съ касокъ воду и блескъ нашихъ заступовъ. Я никогда еще не наблюдалъ такого зрѣлища. Отъ безпрерывной пальбы надъ землей стоитъ какъ бы ровное лунное сіяніе.

Въ то же время съ нашихъ и непріятельскихъ линій взлетаютъ ракеты, образуя ослѣпительныя созвѣздія, освѣщающія нашъ страшный путь.

* * *

Мы снова сбились съ дороги. Теперь мы, повидимому, совсѣмъ близко отъ передовыхъ окоповъ. Но углубленіе въ почвѣ образуетъ здѣсь небольшую долину, по бокамъ которой скользятъ тѣни.

Мы прошли по сапѣ въ одномъ направленіи, затѣмъ въ обратномъ. При сверканіи взрывовъ, вспыхивающихъ прерывисто, какъ въ

кинематографѣ, мы замѣчаемъ надъ парапетомъ двухъ санитаровъ съ носилками; они пытаются перебраться черезъ окопъ.

Офицеръ, знающій, по крайней мѣрѣ, куда долженъ вести насъ, окликаетъ санитаровъ:

— Скажите, гдѣ «новый ходъ»?

— Не знаю.

Изъ нашихъ рядовъ также раздаются вопросы: «Далеко ли мы отъ бошей?..» Намъ не отвѣчаютъ. Санитары переговариваются межъ собой.

— Я дальше не иду,—говоритъ передній.—Я слишкомъ усталъ.

— Иди, чортъ возьми,—кричитъ задній, грузно хлюпая по грязи.—Не мариновать же намъ себя здѣсь!

Они ставятъ носилки на землю надъ окопомъ. Мы видимъ снизу ноги растянувшихся людей.

— Это раненый?—спрашиваемъ мы.

— Нѣтъ... трупъ,—ворчитъ санитаръ,—и вѣсу въ немъ не меньше 80 кило.

— Когда тащишь раненаго, то еще куда ни шло. Мы это дѣлаемъ безпрерывно уже двое сутокъ. А тутъ тебѣ мертвый!

И санитаръ, стоя на краю окопа, перекидываетъ ногу на противоположную сторону, затѣмъ, еле держась въ равновѣсіи, тащитъ за собой носилки.

Нѣсколько дальше мы видимъ наклонившагося офицера съ поднятымъ капюшономъ. Онъ приложилъ руки ко рту и что-то кричитъ.

Быть можетъ, онъ укажетъ намъ дорогу... Но оказывается, что онъ самъ сбился съ пути и ищетъ свою батарею.

Мы никогда не доберемся до мѣста назначенія.

Однако, мы все-таки добрались.

Мы окружены полемъ, усѣяннымъ рѣдкими кольями. Шагаемъ молча. Это здѣсь.

Начинается сложная процедура размѣщенія землекоповъ. Четыре раза насъ заставляютъ то передвигаться впередъ, то отступать, пока не удается, наконецъ, размѣстить роту вдоль того хода, который предстоитъ прорыть.

— Три шага впередъ!.. Нѣтъ, много. Шагъ назадъ! Шагъ назадъ, чертъ возьми! Оглохли, что ли! Стой!..

Размѣщеніемъ руководятъ офицеръ и саперъ, выросшій точно изъ-подъ земли. Они суетятся, бѣгаютъ вдоль рядовъ, шопотомъ командуютъ въ лицо каждому солдату и иногда берутъ его за руку,

чтобы поставить на мѣсто. Работа, начатая въ нѣкоторомъ порядкѣ, постепенно, вслѣдствіе дурного настроенія истощенныхъ людей и вязкости земли, превращается въ безпорядочную толкотню.

— Мы впереди передовой линіи,—тихо говорятъ вокругъ меня.

— Нѣтъ, — шепчетъ другой голосъ, — мы непосредственно позади ея.

Никто точно ничего не знаетъ. Дождь продолжаетъ лить, хотя и слабѣе, чѣмъ прежде. Да что намъ до дождя! Мы имѣемъ возможность лежать. Такъ хорошо дать вздохнуть уставшимъ членамъ на размягшей грязи, что все равно, если вода и заливаетъ лицо, проникаетъ въ тѣло и булькаетъ въ сапогахъ.

Но мы едва успѣваемъ перевести духъ. Надо тотчасъ же взяться за работу, ибо уже два часа ночи: черезъ четыре часа будетъ слишкомъ свѣтло, чтобы дольше оставаться. Нельзя терять ни минуты.

— Каждый человѣкъ, — говорятъ намъ, — долженъ выкопать часть хода въ полтора метра длиною, въ 70 сантиметровъ шириной и въ 80 глубиной. Такимъ образомъ, каждая группа, состоящая изъ двухъ солдатъ съ лопатами и одного съ заступомъ, должна вырыть четыре съ половиной метра. Совѣтую вамъ приналечь: чѣмъ раньше вы кончите, тѣмъ раньше сможете уйти.

Мы знаемъ эту пѣсню. Еще не было примѣра въ жизни полка, чтобы земляныя работы кончались раньше указаннаго времени, и уходили мы обыкновенно лишь тогда, когда начинала грозить опасность быть замѣченными непріятелемъ и разстрѣлянными, при чемъ въ этомъ случаѣ артиллерійскимъ огнемъ разрушалась и вся наша работа.

Кто-то бормочетъ:

— Ладно, ладно... Нечего намъ очки втирать!.. Не трудись!

Но, за исключеніемъ нѣсколькихъ солдатъ, которые не могутъ побороть сна и которыхъ вскорѣ поднимутъ для еще болѣе усиленной работы, всѣ энергично принимаются за дѣло.

Мы начинаемъ рыть первый слой новой линіи. Онъ мягкій и легко поддается. Быстрота, съ которой подвигается начало работы, создаетъ иллюзію, что все будетъ скоро кончено, и мы сможемъ, наконецъ, пойти поспать въ своей норѣ. Это прíободряетъ насъ.

Но отъ шума ли лопатъ, потому ли, что нѣкоторые солдаты, несмотря на предостереженіе, почти громко разговариваютъ, наша суета вызываетъ появленіе ракеты, взлетающей вправо отъ насъ.

— Ложись!

Всѣ приникаютъ къ землѣ, и ракета, покачиваясь, разливаетъ свою безконечную блѣдность надъ полемъ мертвыхъ.

Когда она гаснетъ, мы слышимъ со всѣхъ сторонъ, какъ люди приходятъ въ движеніе, встаютъ и уже осторожнѣе принимаются за работу.

Вскорѣ другая ракета выбрасываетъ свой длинный позолоченный стебель и снова ярко освѣщаетъ неподвижно лежащую темную линію землекоповъ. Затѣмъ третья и еще и еще.

Пули свищутъ вокругъ насъ. Доносится крикъ.

— Раненый!

Онъ проходитъ, поддерживаемый товарищами. Говорятъ, что есть даже нѣсколько раненыхъ... Мы смутно различаемъ эту кучку людей, волочащихъ другъ друга и исчезающихъ изъ виду.

Мѣсто становится опаснымъ. Мы пригибаемся, присѣдаемъ. Нѣкоторые роютъ землю, стоя на колѣняхъ. Другіе работаютъ, растянувшись во всю длину, ворочаясь съ боку-на-бокъ, какъ бы мучимые кошмаромъ. Земля, первый слой которой такъ легко поддавался, становится липкой и вязкой. Ее трудно рыть, и она прилипаетъ къ лопатамъ, какъ мастика. Каждый разъ приходится соскребать съ желѣза приставшіе комья.

Понемногу начинаетъ вырастать маленькій горбъ насыпи, и каждый изъ насъ старается укрѣпить этотъ зачатокъ окопа своимъ мѣшкомъ и свернутой шинелью, затѣмъ прижимается къ землѣ за этой маленькой тѣнью, когда проносится шквалъ.

За работой мы потѣемъ, но какъ только останавливаемся, цѣпенѣемъ отъ холода. Поэтому приходится подавлять усталость и снова приниматься за работу.

Нѣтъ, мы никогда не кончимъ!.. Земля становится все болѣе твердой. Точно какая-то злая сила околдовала насъ и парализуетъ наши руки. Ракеты преслѣдуютъ насъ, охотятся за нами и не даютъ возможности долго двигаться; и послѣ каждой вспышки приходится работать еще съ большимъ ожесточеніемъ. Съ приводящей въ отчаяніе медленностью, цѣной тяжкаго труда, мы понемногу углубляемъ ровъ.

Почва размягчается. Съ вырытой земли каплетъ... Наконецъ кто-то восклицаетъ:

— Показалась вода!

Это восклицаніе проносится по всему ряду землекоповъ.

821—18.

— Показалась вода! Работа безполезна!

— Партія Мелюссона прорыла еще глубже, и тамъ также вода!..

— Напрасный трудъ!

Мы останавливаемся совершенно растерянные. Во мракѣ ночи слышно, какъ швыряютъ заступы и лопаты. Унтеръ-офицеръ ощупью ищетъ офицера, чтобы спросить, что дѣлать. Мѣстами солдаты, никого больше не спрашивая, съ наслажденіемъ засыпаютъ подъ лаской дождя и сверканіемъ ракетъ.

* * *

Приблизительно въ этотъ моментъ, насколько мнѣ помнится, началась бомбардировка.

Первый снарядъ прилетѣлъ съ такимъ трескомъ, что воздухъ точно разорвался надвое. За нимъ послѣдовали другіе. Затѣмъ взорванная земля взлетѣла вверхъ, заливаемая багровымъ отблескомъ огня.

Несомнѣнно, что непріятель замѣтилъ насъ при свѣтѣ ракетъ и взялъ правильный прицѣлъ...

Солдаты кинулись къ маленькому, залитому водою рву, который они прорыли. Они забились туда и прикрылись желѣзомъ заступовъ. Справа, слѣва, спереди, сзади рвались снаряды въ такой близости, что каждый изъ нихъ сотрясалъ насъ. Вскорѣ началось какъ бы сплошное землетрясеніе. Осколки и обломки, наполняя пространство шипѣніемъ и свистомъ, скрещивались надъ нами. И у всѣхъ одновременно появилась одна и та же мысль:

— Теперь намъ крышка!

Немного впереди меня, справа, кто-то поднялся и крикнулъ:

— Давай уходить!

Растянувшіяся тѣла наполовину приподнялись изъ своего савана грязи, стекавшаго по нимъ струями, и эхомъ откликнулись:

— Давай уходить!

Мы на четверенькахъ стали проталкиваться въ сторону отступленія.

— Подвигайтесь! Да ну же, подвигайтесь!

Но длинная шеренга оставалась неподвижной. Ожесточенные окрики заднихъ не дѣйствовали. Находившіеся впереди не двигались, и ихъ неподвижность задерживала всю массу.

Раненые переползали одни черезъ другихъ, какъ черезъ обломки, заливая товарищей кровью.

Наконецъ, мы узнали причину задержки.

— Въ концѣ рва запруда!

Страшная паника, сопровождаемая нечленораздѣльными криками и жестами отчаянія, охватила людей. Они метались на мѣстѣ и кричали. Но какъ незначительно ни было прикрытіе во рву, никто не рѣшался выдвинуться изъ этой впадины и подняться надъ уровнемъ земли, чтобы избѣжать смерти, перебравшись въ поперечный окопъ поблизости... Раненые, которымъ было позволено переползать черезъ живыхъ, страшно рисковали, дѣлая это, и ежеминутно ихъ поражала смерть.

Начался настоящій огненный ливень, смѣшавшійся съ дождемъ. Наше тѣло отъ головы до ногъ сотрясалось отъ чудовищнаго грохота. Самая отвратительная изъ смертей спускалась и прыгала надъ нами въ волнахъ свѣта. Мы готовились къ ужасающему самопожертвованію. Охватившее насъ волненіе было настолько сильно, что только тогда мы вспомнили о многихъ такихъ же переживаніяхъ, вынесенныхъ въ предыдущіе разы. Только во время бомбардировки живо вспоминаешь прежнія.

Между тѣмъ новые раненые все уползали, несмотря на страшную опасность.

— Никто отсюда не уйдетъ живымъ,—говорили со всѣхъ сторонъ.

Вдругъ впереди человѣческой массы начала образовываться пустота: очевидно, голова шеренги стала перемѣщаться.

Мы поползли, затѣмъ побѣжали, согнувшись въ грязи и сверкающей отъ вспышекъ водѣ, спотыкаясь и падая, точно тяжелые снаряды, мчавшіеся низко надъ землей.

Мы добрались, наконецъ, до начала рва, который такъ недавно принялись рыть.

— Нѣтъ окопа! Нѣтъ ничего!..

Дѣйствительно, на равнинѣ, гдѣ начались наши земляныя работы, глазъ не открывалъ никакого прикрытія. Сплошная пустыня. Однако, окопы должны были находиться гдѣ-то поблизости, ибо мы пришли сюда, слѣдуя этими прикрытіями. Но въ какую сторону намъ направиться?

Дождь усилился. Мы въ нерѣшительности остановились на минуту. Затѣмъ въ паникѣ бросились вразсыпную,—одни направо, другіе налѣво, третьи прямо впередъ. И вскорѣ всѣхъ раздѣлилъ мракъ ночи и дождевая завѣса.

* * *

Бомбардировка ослабѣла. Она направляла свой огонь, главнымъ образомъ, въ то мѣсто, гдѣ мы находились раньше. Но съ минуты на минуту она могла перенестись и дальше и закрыть намъ всѣ выходы.

Дождь превратился въ сплошной ливень, въ потопъ. Надъ нами нависъ такой густой мракъ, что вспышки ракетъ освѣщали лишь маленькіе клочки пространства, и слабыя существа метались по нему во всѣ стороны.

Не могу сказать, сколько времени я пробродилъ съ маленькой кучкой солдатъ, отъ которой старался не отставать. Мы шли по трясинамъ. Напрасно наши взоры, ощупывая тьму, искали насыпи и спасительнаго рва.

Наконецъ, раздался облегченный крикъ, заглушившій грохотъ взрывовъ и ревъ стихіи.

— Окопъ!

Но насыпь этого окопа расползалась. Люди разбѣгались во всѣ стороны.

— Не оставайтесь здѣсь, товарищи!—кричали намъ бѣглецы, не подходите! Это сплошной ужасъ! Все обваливается! Насыпь расползается, норы законопатились. Всюду проникаетъ грязь. Завтра утромъ отъ окоповъ и слѣда не останется.

Мы пошли дальше... Куда? Мы забыли разспросить этихъ людей, которыхъ быстро поглотилъ мракъ.

Даже наша маленькая кучка постепенно разсѣялась среди этого разрушенія. Я больше не зналъ, съ кѣмъ я. То одинъ, то другой исчезалъ во мракѣ, ища спасенія.

Мы поднимались, спускались по скатамъ. Впереди себя я увидѣлъ согнувшихся людей, которые взбирались по скользкому скату и все время скатывались внизъ.

Затѣмъ мы попали въ болото, гдѣ ноги увязали по колѣно. Мы шли, точно плыли. Каждый шагъ требовалъ огромныхъ усилій.

Здѣсь насъ поджидала неминуемая смерть. Но, по счастью, намъ удалось выбраться на что-то въ родѣ глинистой насыпи, перерѣзывавшей болото. И мы вступили на скользкій хребетъ этого островка. Я помню минуту, когда опасность поскользнуться и сорваться въ болото была такъ велика, что пришлось согнуться и придерживаться руками за ряды мертвыхъ, наполовину высовы-

вавшихся изъ размытой земли. Я наткнулся на плечи, на затвердѣвшую спину, на холодное, какъ каска, лицо и на трубку, зажатую въ мертвой челюсти.

Выбравшись оттуда и приподнявъ голову, мы услышали невдалекѣ голоса.

— Голоса! Голоса!..

Они казались намъ столь милыми, точно были призывами близкихъ людей. И мы собрались, чтобы присоединиться къ тѣмъ, которые окликали насъ, какъ намъ казалось.

Голоса становились все отчетливѣе, они исходили изъ пригорка, выдѣлявшагося точно оазисъ. Но словъ нельзя было разобрать. Мы ничего не понимали.

— Что это они говорятъ?—удивленно спросилъ одинъ изъ насъ.

Мы инстинктивно перестали искать входъ.

Страшное сомнѣніе охватило насъ. И тогда мы уловили ясно произнесенныя слова:

— Achtung!... Zweites Geschütz!... Schusa!...

А позади пушечный грохотъ отозвался на этотъ приказъ по телефону.

Точно окаменѣвъ отъ ужаса, мы застыли на мѣстѣ.

— Гдѣ мы? Тысяча чертей! Гдѣ мы?

Но вопреки опасности, отяжелѣвъ отъ истощенія, мы лишь медленно повернулись и стали уходить, дѣлая надъ собой усилія, чтобы оттолкнуть искушеніе не двигаться и умереть.

Мы выбрались на большую равнину. Тамъ мы бросились на землю у подножія кургана, къ которому прислонились спиной, не будучи больше въ состояніи двинуться.

Дождь лилъ намъ прямо въ лицо, стекалъ по спинѣ и груди.

Быть можетъ, когда настанетъ утро, мы уже будемъ убиты или въ плѣну... Мы ни о чемъ больше не думали. Силы истощились...

XXIV.

Заря.

Мы ждемъ наступленія дня въ томъ мѣстѣ, гдѣ свалились. Понемногу онъ приходитъ, холодный и мрачный, озаряя мертвеннымъ свѣтомъ печальную картину.

Дождь пересталъ. Свинцовая равнина, покрытая тусклыми зеркалами воды, кажется вышедшей не только изъ ночи, но и изъ моря.

Полузаспанные, отъ времени до времени пріоткрывая глаза, парализованные и оцѣпенѣвшіе отъ холода, мы присутствуемъ при этомъ рожденіи новаго дня.

Гдѣ же окопы?

Мы видимъ озера, а между ними молочныя линіи воды.

Ея еще больше, чѣмъ мы думали. Она все заполонила, она всюду распространилась, и предсказаніе людей, которыхъ мы встрѣтили ночью, сбылось: нѣтъ больше окоповъ, ибо эти каналы и есть бывшіе окопы. Точно всемірный потопъ. Поле битвы не спитъ. Оно мертво. Можетъ быть, гдѣ нибудь вдали жизнь продолжается, но мы ея не видимъ.

Я наполовину приподымаюсь, покачиваясь, точно больной, и оглядываюсь вокругъ себя. Моя шинель притягиваетъ меня къ землѣ своимъ огромнымъ грузомъ. Подлѣ меня лежатъ какія-то чудовищно безформенныя массы. Одна изъ нихъ — Парадизъ, покрытый толстой корой грязи, съ какими-то странными вздутіями у пояса на мѣстѣ патронташей. Онъ также встаетъ. Остальные спятъ и не двигаются.

Странная, подавляющая тишина. Ни малѣйшаго шума, кромѣ всплесковъ, производимыхъ комьями земли, которые падаютъ въ воду. Стрѣльбы не слышно. Нѣтъ больше снарядовъ, потому что они бы не взорвались, нѣтъ пуль, потому что люди...

Гдѣ же люди?

Понемногу мы начинаемъ ихъ различать Они спятъ невдалекѣ отъ насъ, съ ногъ до головы покрытые грязью и почти превращенные въ неодушевленные предметы.

Въ нѣкоторомъ разстояніи я замѣчаю еще другихъ людей, скрючившихся и слившихся, какъ улитки, вдоль закругленной насыпи, наполовину разсосавшейся въ водѣ. Это неподвижная масса, какія-то пачки, лежащія въ рядъ и какъ бы вдавленныя въ грязь.

Я дѣлаю усилія, чтобы нарушить тишину. Говорю Парадизу, который также смотритъ въ ту сторону.

— Это мертвые?

— Сейчасъ мы пойдемъ и посмотримъ,—отвѣчаетъ онъ вполголоса. Полежимъ еще немного.

Мы переглядываемся, затѣмъ снова смотримъ на тѣхъ, которые лежатъ. Наши лица утратили отъ усталости человѣческій видъ, превратились въ нѣчто грязное, измученное, съ налившимися кровью глазами. Мы видѣли другъ друга во всѣхъ видахъ и положеніяхъ во время этой войны и все-таки теперь не узнаемъ себя.

Парадизъ отворачивается и смотритъ въ другую сторону.

Вдругъ я замѣчаю, какъ по его тѣлу проходитъ дрожь. Онъ поднимаетъ огромную отъ прилипшей грязи руку.

— Тамъ... тамъ...—лепечетъ онъ.

На поверхности воды, переливающейся черезъ края окопа, плаваютъ какія-то массы, точно закругленные рифы.

Мы плетемся туда... Это утопленники...

Ихъ головы и руки скрыты подъ водой. Мы видимъ на поверхности ихъ спины, ремни, синія блузы и вздувшіяся тѣла. На одной изъ скрытыхъ подъ водой головъ волосы поднялись на поверхность и торчатъ подобно водянымъ растеніямъ. Вотъ показывается лицо на самой поверхности; голова оперлась о край насыпи, а тѣло скрыто подъ водой. Бѣлыя глазныя яблоки уставились въ небо. Открытый ротъ зіяетъ чернымъ отверстіемъ. Пожелтѣвшее вздувшееся тѣло кажется размякшимъ и набухшимъ.

Здѣсь находились часовые. Имъ не удалось вылѣзть изъ грязи. Всѣ ихъ усилія выбраться изъ рва со скользкими липкими боками, постепенно наполнявшимися водой, остались очевидно тщетными. Они погибли, вцѣпившись въ глинистую землю.

Передъ нами растянулись передовыя линіи,—наши и нѣмецкія. Онѣ одинаково безмолвны и покрыты водой.

Мы идемъ къ этимъ размякшимъ развалинамъ. Проходимъ среди мѣстъ, гдѣ вчера еще только былъ ужасъ; мы находимся въ этомъ страшномъ промежуткѣ, на порогѣ котораго остановился нечеловѣческій порывъ нашей послѣдней атаки, и гдѣ пули и снаряды не прекращали своей смертоносной работы въ теченіе полутора лѣтъ, яростно скрещиваясь надъ землей изъ конца въ конецъ горизонта.

Теперь это какое-то наджизненное поле молчанія и смерти. Почва всюду устлана спящими существами, то неподвижными, то медленно ворочающимися и поднимающими головы, то умирающими.

Непріятельскіе окопы также постепенно исчезаютъ подъ водой, образуя колодцы и лужи. Обвалъ смѣняется обваломъ.

Здѣсь не видать тѣлъ. Зато я замѣчаю нѣчто болѣе страшное, чѣмъ тѣло—блѣдную обнаженную руку, высунувшуюся изъ ямы подъ водой. Человѣкъ, очевидно, былъ погребенъ въ своемъ прикрытіи и успѣлъ только высунуть руку.

Подойдя ближе, мы замѣчаемъ, что кучи земли, нагроможденныя на остаткахъ обочинъ этой пропасти,—люди. Умерли ли они, спятъ ли? Мы не знаемъ.

Нѣмцы это, или французы? Не знаемъ.

Одинъ изъ нихъ открылъ глаза и смотритъ на насъ, покачивая головой. Мы говоримъ ему:

— Французъ?

— Затѣмъ спрашиваемъ по-нѣмецки:

— Deutsch?..

Онъ не отвѣчаетъ, закрываетъ глаза и снова возвращается въ небытіе. Такъ мы и не узнали, кто онъ.

Нѣтъ возможности установить происхожденіе этихъ существъ ни по платью, покрытому толстой корой грязи, ни по головному убору, потому что его нѣтъ, ни по оружію, ибо ружей нѣтъ, или же руки лежатъ на какихъ то безформенныхъ липкихъ массахъ, напоминающихъ огромную рыбу.

Всѣ эти люди съ лицами труповъ, находившіеся передъ нами и позади насъ, окончательно истощены, безсловесны и безвольны. Они всѣ похожи другъ на друга, точно они всѣ нагіе. Кошмарная ночь всѣхъ ихъ уравняла.

Это конецъ всего. Стихіи положили конецъ битвѣ.

Было время, когда я думалъ, что самое страшное на войнѣ это пламя снарядовъ; затѣмъ я долгое время полагалъ, что самое

ужасное—это задохнуться въ подземельяхъ, которыя вѣчно поглощаютъ насъ. Но нѣтъ, настоящій адъ—это вода!

Поднимается вѣтеръ. Онъ точно ледяной и обдаетъ своимъ холоднымъ дыханіемъ наши промокшія тѣла. На этой равнинѣ, залитой водой, усѣянной, среди озеръ и лужъ, тѣлами, между неподвижными островками, слипшимися точно пресмыкающіяся, начинаетъ замѣчаться легкое движеніе. Медленно ползутъ человѣческія существа, сгибаясь подъ тяжестью шинелей, и постепенно разсѣиваются по равнинѣ. Разсвѣтъ такой грязный, что кажется, будто день уже догораетъ.

Эти люди, оставшіеся въ живыхъ, плетутся точно по опустошенной степи, гонимые огромнымъ, невыразимымъ несчастьемъ—жалкіе, трагически уродливые и полураздѣтые.

Проходя мимо, они озираются, вглядываются въ насъ и, узнавая въ насъ людей, говорятъ намъ:

— Тамъ еще хуже, чѣмъ здѣсь. Люди падаютъ въ ямы, и ихъ нѣтъ возможности вытащить. Всѣ тѣ, которые ночью стали ногой на край воронки отъ снаряда, погибли. Мы видѣли на землѣ голову, которая безпомощно ворочалась, потому что все тѣло и руки влипли въ грязь. Тамъ есть одна дорога, которая была устлана мѣстами плетнемъ; но плетень прорвался и теперь подъ нимъ образовалась мышеловка для людей. Тамъ, гдѣ нѣтъ плетня, глубина воды достигаетъ двухъ метровъ. Люди потеряли въ этой грязи платье. Взгляни вотъ на этихъ: пришлось срѣзать весь низъ шинели, чтобы высвободить ихъ, потому что у нихъ самихъ не было силъ подняться и тащить такую тяжесть. Шинель Дюма, которую мы съ трудомъ съ него стащили, вѣсила больше сорока кило... Мы еле держали ее вдвоемъ. Вотъ посмотри на этого съ голыми ногами. Земля, засосала его и сорвала съ него панталоны, кальсоны и обувь. Это небывалый ужасъ!.

И люди плетутся дальше, еле передвигая ноги.

Мы встаемъ. Леденящій вѣтеръ качаетъ насъ, какъ деревья.

Идемъ маленькими шагами. Сворачиваемъ въ сторону, привлеченные видомъ двухъ людей, стоящихъ плечомъ къ плечу, обнявшись за шеи. Что это? Тѣла враговъ, сцѣпившихся въ послѣдней схваткѣ и застывшихъ въ томъ положеніи, въ какомъ ихъ застигла смерть? Нѣтъ, это два человѣка, которые оперлись другъ о друга, чтобы уснуть. Они не могли растянуться на землѣ, уходившей изъ-подъ нихъ и собиравшейся ихъ поглотить, и поэтому склонились

другъ къ другу, обнялись и уснули, застрявъ по колѣни въ размытой почвѣ.

Мы чтимъ ихъ неподвижность и удаляемся отъ этого воплощенія человѣческаго горя.

Затѣмъ мы вскорѣ и сами останавливаемся. Мы слишкомъ разсчитывали на свои силы. Нѣтъ возможности двигаться. Еще не конецъ нашимъ бѣдствіямъ. Мы снова съ глухимъ стукомъ падаемъ на землю.

Закрываемъ глаза и лишь изрѣдка пріоткрываемъ ихъ.

Спотыкаясь, къ намъ направляются какіе-то люди, нагибаются надъ нами и говорятъ тихими усталыми голосами. Одинъ бормочетъ:

— Sie sind todt... Wir bleiben hier...

— Ja,—со вздохомъ отвѣчаетъ другой.

Они замѣчаютъ, что мы двигаемся, и тотчасъ же опускаются подлѣ насъ. Одинъ изъ нихъ беззвучно обращается къ намъ:

— Мы поднимаемъ руки,—говоритъ онъ.

И они не двигаются.

Затѣмъ они облегченно растягиваются подлѣ насъ, съ сознаніемъ, что теперь кончились ихъ муки, и на покрытомъ грязью лицѣ одного изъ нихъ появляется улыбка.

— Оставайся здѣсь,—говоритъ Парадизъ, не поворачивая головы, опирающейся о возвышеніе.—А потомъ можешь пойти съ нами, если захочешь.

— Да,—соглашается нѣмецъ.—Съ меня довольно...

Мы ему не отвѣчаемъ.

— А другимъ тоже можно остаться?—снова спрашиваетъ онъ.

— Если хотятъ, пусть остаются,—говоритъ Парадизъ.

И четверо нѣмцевъ растянулись въ грязи.

Одинъ изъ нихъ начинаетъ хрипѣть. Точно какая-то рыдающая пѣсня вырывается изъ его груди. Тогда другіе приподнимаются вокругъ него на колѣняхъ и съ ужасомъ смотрятъ на него. Мы слѣдимъ за этой сценой. Хрипѣніе затихаетъ, и судорожно подергивавшаяся шея становится неподвижной.

— Er ist todt,—говоритъ одинъ изъ нѣмцевъ.

Онъ начинаетъ плакать. Остальные укладываются спать. Продолжая плакать, засыпаетъ и онъ.

Пошатываясь, приходятъ нѣсколько солдатъ. Они точно пьяные. Подлѣ насъ имъ удобнѣе,—и мы засыпаемъ всѣ вмѣстѣ, какъ въ братской могилѣ.

* * *

Мы просыпаемся. Парадизъ переглядывается со мной, и мы пытаемся вспомнить, придти въ себя. Понемногу мы возвращаемся къ жизни, къ свѣту дня и къ продолжающемуся кошмару. Снова передъ нами опустошенная равнина, залитая водой и покрытая разлагающимися или дышащими тѣлами.

Парадизъ говоритъ мнѣ:

— Вотъ какова война.

— Да... вотъ она что...—повторяетъ онъ далекимъ голосомъ.

Я понимаю, что онъ хочетъ сказать:

— Война — это не атаки, походящія на маневры и смотры; это не битвы съ развѣвающимися знаменами; это не рукопашныя схватки, а чудовищная усталость, вода по поясъ, грязь и холодъ; это заплѣснѣвѣвшія лица, изодранная плоть и трупы, утратившіе человѣческій обликъ; это безконечное однообразіе страданій, а не сверкающіе серебромъ штыки и не трубные звуки горниста на солнечныхъ равнинахъ.

Вотъ что думалъ Парадизъ, вспомнивъ нашу прогулку по городу. И онъ проворчалъ:

— Помнишь эту бабенку, которая говорила объ атакахъ и, распуская слюни, восхищалась: «Какое, должно быть, красивое зрѣлище...»

Развѣдчикъ, лежавшій подлѣ насъ на животѣ, распростертый пластомъ, поднялъ голову изъ грязи и воскликнулъ:

— Красивое!.. Да ну его къ чорту! Это какъ если бы корова сказала: «Какое должно быть красивое зрѣлище, когда быковъ гонятъ на бойню».

И онъ выплюнулъ набившуюся въ ротъ грязь.

— Пусть скажутъ, что такъ нужно,—гнѣвно продолжалъ онъ.— Отлично, я согласенъ. Но красиво! О, нѣтъ!

Мучимый этой мыслью, онъ снова заговорилъ:

— Вотъ какими глупостями намъ набиваютъ головы, посылая насъ на смерть.

И онъ снова плюнулъ, но, истощенный усиліемъ, свалился головой на свой плевокъ.

* * *

Парадизъ, обуреваемый мучительными думами, провелъ рукой по воздуху и повторилъ свою фразу:

— Вотъ какова война... И такъ всюду. Что мы всѣ и что все вокругъ насъ? Ничто! Одна точка. Помни, что въ сегодняшнее же утро столько же несчастья и горя растянулось на три тысячи километровъ по всему свѣту, — столько же, а, быть можетъ, и больше.

— А затѣмъ,—проговорилъ лежавшій подлѣ насъ товарищъ, котораго нельзя было узнать даже по голосу,—завтра это снова возобновится. Вѣдь было же это позавчера и раньше.

Развѣдчикъ съ усиліемъ, какъ бы разрывая землю, оторвался отъ грязи, въ которой вдавилъ углубленіе, напоминающее гробъ, и сѣлъ. Затѣмъ онъ замигалъ глазами, тряхнулъ покрытымъ грязью лицомъ, чтобы сбросить кору грязи, и сказалъ.

— Быть можетъ, мы на этотъ разъ какъ-нибудь выпутаемся. Кто знаетъ, быть можетъ, выпутаемся и завтра...

Парадизъ, согнувшись подъ тяжестью налипшей глины, пытался выразить чудовищность войны.

— Когда говоришь о войнѣ въ цѣломъ,—громко размышлялъ онъ, — то это все равно, что ничего не сказать, ибо слова безсильны... Мы здѣсь глядимъ на все слѣпыми глазами...

Вблизи насъ кто-то пробасилъ:

— Нѣтъ никакой возможности представить себѣ все это...

При этихъ словахъ раздался взрывъ смѣха.

— Да и какъ представить, не побывавъ здѣсь и не увидѣвъ.

— Развѣ если съ ума сойти!—говоритъ развѣдчикъ.

Парадизъ склонился надъ растянувшейся подлѣ массой и спросилъ:

— Ты спишь?

— Нѣтъ. Но я не хочу двинуться,—отвѣтилъ сдавленный голосъ, выходившій изъ-подъ горки грязи.—Понимаешь, у меня, кажется, разворотило животъ, но я въ этомъ не увѣренъ и боюсь посмотрѣть.

— Давай посмотримъ.

— Подожди,—отвѣтилъ раненный.—Я хотѣлъ бы еще полежать немного.

Другіе пытались двигаться, волочились на локтяхъ, сбрасывая съ себя липкую, сдавливавшую ихъ кору. Оцѣпенѣніе отъ холода понемногу проходило, но дневной свѣтъ не разгорался надъ этимъ грязнымъ моремъ.

Одинъ изъ насъ проговорилъ печальнымъ, какъ похоронный звонъ, голосомъ:

— Напрасно будетъ потомъ и разсказывать все это: тебѣ не повѣрятъ... Не изъ злости или изъ желанія поиздѣваться надъ тобой, а потому, что не смогутъ повѣрить. Если ты останешься въ живыхъ и скажешь когда-нибудь: «Мы работали ночью, когда по насъ открыли огонь, а потомъ едва не утонули въ грязи», тебѣ, отвѣтятъ: «Вѣроятно, вамъ тогда было не до смѣха». И это будетъ все. И никто не будетъ знать, что мы испытали. Только мы сами.

— Нѣтъ, даже мы сами забудемъ! — воскликнулъ кто-то.

— Ты правъ: мы забудемъ... Мы уже забываемъ...

— Мы слишкомъ многаго наглядѣлись!

— И всего, что мы видѣли, было слишкомъ много. Мы не таковы, чтобы вмѣстить все это. Оно разбѣгается во всѣ стороны, потому что мы слишкомъ маленькіе.

— Да, все забывается. Не только продолжительность великаго бѣдствія, которое, какъ ты сказалъ, неизбытно: безконечные марши, вспахивающіе землю, стаптывающіе ноги, изнашивающіе кости подъ тяжестью нагрузки, которая отъ усталости какъ бы выростаетъ до небесъ, мертвенная усталость, когда забываешь даже свое имя, топтанье на мѣстѣ и неподвижность, изматывающая тебя, непосильныя работы, бдѣнія, подстереганіе врага, который всюду окружаетъ тебя, и ночью борьба со сномъ на подушкѣ изъ помета и вшей. Но забывается даже огонь чудовищныхъ орудій и пулеметовъ, фугасы, удушливые газы, контръ-атаки. Мы потрясены только въ тотъ моментъ, когда все это происходитъ. Но все это изнашивается въ памяти, и уходитъ невѣдомо куда; остаются только названія вещей, пустыя слова, лишенныя содержанія, точно въ письмѣ.

— Это правда! — вмѣшался одинъ изъ солдатъ, не поворачивая головы. Когда я былъ въ отпуску, я замѣтилъ, что уже многое забылъ изъ своей прежней жизни. Тамъ были письма отъ меня, и я ихъ перечитывалъ, точно новую книгу. И, однако, вопреки этому, я забылъ и обо всѣхъ пережитыхъ страданіяхъ. Мы машины забвенія. Люди—это вещи, которыя только иногда думаютъ, а главнымъ образомъ, забываютъ. Вотъ что мы!

— Значитъ, ни мы, ни другіе всего этого не запомнятъ! Значитъ, столько горя исчезнетъ безслѣдно!

И эта мысль усугубила скорбь людей, какъ еще большее бѣдствіе.

— О, если бы все это вспомнить потомъ!—воскликнулъ одинъ.

— Если бы все это помнилось и удержалось въ памяти,— замѣтилъ другой,—то не было бы больше войны!

Третій же мудро прибавилъ:

— Да, если бы все это запомнилось, война была бы не такой безполезной.

Но вдругъ одинъ изъ оставшихся въ живыхъ и сохранявшій до того неподвижность, поднялся на колѣни, взмахнулъ покрытыми грязью руками и, черный, какъ огромная летучая мышь, глухо закричалъ:

— Пусть не будетъ больше войнъ послѣ этой!

Въ этомъ грязномъ уголкѣ, гдѣ мы, еще слабые и безпомощные, колебались подъ холоднымъ дыханіемъ вѣтра, рябившимъ лужи и грязь, крикъ этого человѣка пробудилъ другіе такіе же крики.

— Надо, чтобы не было больше войнъ послѣ этой!

Мрачныя, гнѣвныя восклицанія этихъ прикованныхъ къ землѣ, вросшихъ въ нее людей, поднимались и разносились вѣтромъ, точно на крыльяхъ.

— Не надо больше войны! Не надо больше войны!

— Да! Довольно!

— Это слишкомъ глупо!.. Это слишкомъ глупо! Что все это означаетъ, въ сущности говоря? Что означаютъ эти вещи, которыхъ даже выразить нельзя?

И они ворчали, рычали, точно звѣри, укрывшіеся отъ наводненія на маленькомъ клочкѣ расползающейся земли. Протестъ, вырывавшійся изъ ихъ груди, былъ такъ огроменъ, что душилъ ихъ.

— Мы созданы для того, чтобы жить, а не околѣвать вотъ здѣсь.

— Люди созданы для того, чтобы быть мужьями, отцами, людьми, а не звѣрями, которые перегрызаютъ другъ другу горло.

— И всюду, всюду только звѣри и звѣри, свирѣпые звѣри! Взгляни, взгляни!..

... Я никогда не забуду вида этихъ безпредѣльныхъ полей, съ поверхности которыхъ грязная вода смыла всѣ цвѣта, всѣ выступы, всѣ черты; очертанія ихъ, разъѣденныя гнилью, распылялись и расползались во всѣ стороны, мимо торчащихъ кольевъ, колючей проволоки и разныхъ сооруженій. И тамъ, среди мрачной безпредѣльности этого Стикса, пронесся первый трепетъ разума, логики и пониманія, вдругъ озарившій, точно вспышкой безумія, этихъ жалкихъ людей.

Я видѣлъ, что эта мысль ихъ мучила. Они начинали понимать, что жить на землѣ и быть счастливыми, это не только наше право, а нашъ долгъ и даже идеалъ и подвигъ, что общественная жизнь создана лишь для того, чтобы облегчить каждому его личную жизнь.

— Жить!...

— Всѣмъ жить!... Тебѣ!... Мнѣ!...

— Не надо больше войны!.. Не надо!.. Это слишкомъ глупо!.. Хуже того, это слишкомъ...

Туманная мысль выразилась въ сверкнувшемъ словѣ... Я увидѣлъ поднятое чело, увѣнчанное грязью, и уста, изрекшія:

— Двѣ борющіяся арміи—это одна великая армія, кончающая самоубійствомъ.

* * *

— Что мы представляемъ собой вотъ уже въ теченіе двухъ лѣтъ? Мы жалкіе дикари, звѣри, бандиты, негодяи!

— Хуже того,—все повторялъ тотъ, который не находилъ другого выраженія.

— Да! Я, я согласенъ, что хуже!

И среди этой утренней передышки люди, измотанные усталостью, подхлестываемые дождемъ, разбитые цѣлой ночью грохота, эти спасшіеся съ вулкана и отъ наводненія—начинали понимать, до какой степени война, отвратительная и нравственно и физически, не только насилуетъ здравый смыслъ, опошляетъ великія идеи, толкаетъ на всѣ преступленія, но и развиваетъ въ сердцахъ всѣ дурные инстинкты безъ исключенія: жестокость, доходящую до садизма, эгоизмъ, граничащій со свирѣпостью, и потребность въ наслажденіи, граничащую съ безуміемъ.

Эти люди сказали себѣ все это и, наконецъ, смутно представили себѣ свое горе. Въ нихъ бушуютъ проклятія, которыя рвутся наружу, силятся выразиться словами. Они стонутъ отъ усилія, мычатъ. Можно подумать, что они напрягаютъ всю волю, чтобы вырваться изъ заблужденія, темноты и невѣжества, загрязняющихъ ихъ душу, какъ грязь—тѣло, и что они хотятъ, наконецъ, знать, за что ихъ караютъ.

— Такъ какъ же?—кричитъ одинъ.

— Какъ же?—еще громче повторяетъ другой.

Вѣтеръ шатаетъ залитыя пространства и ожесточенно обдаетъ эти лежащія человѣческія массы, придавленныя къ землѣ, точно каменныя плиты.

— Не будетъ больше войны,—кричитъ солдатъ,—когда больше не будетъ Германіи!

— Не то ты говоришь!—кричитъ другой.—Этого недостаточно! Войны больше не будетъ, когда будетъ побѣжденъ самый духъ войны.

И такъ какъ завыванія вѣтра заглушили эти слова, онъ поднялъ голову и повторилъ ихъ.

— Германія и милитаризмъ,—точно рубилъ въ ярости другой,—это одно и то же. Они пожелали войны и подготовляли ее. Они—это милитаризмъ.

— Милитаризмъ... проговорилъ другой солдатъ.

— Что это такое?—спрашиваютъ голоса.

— Это... Это—грубая сила, заранѣе подготовленная, которая вдругъ сразу обрушивается... Это—быть разбойниками!..

— Да. Сегодня милитаризмъ называется Германіей, но завтра какъ онъ будетъ называться?

— Не знаю,—сказалъ голосъ, звучавшій точно голосъ пророка.

— Если мы не убьемъ самаго духа войны, она будетъ существовать вѣчно.

— Да. Надо...

— Надо биться!—захрипѣлъ голосъ, вылетавшій изъ тѣла, все время лежавшаго, какъ мертвое. — Надо! — и тѣло грузно повернулось. — Мы должны отдать все, что имѣемъ, наши силы и нашу шкуру, и наши сердца, и всю нашу жизнь, и всѣ наши радости, которыя еще остались. Надо принять обѣими руками наше жалкое существованіе каторжниковъ. Надо все перетерпѣть, даже несправедливость, которая царитъ кругомъ, и позоръ и мерзость, которую мы видимъ, и быть всѣмъ на войнѣ, чтобы побѣдить! Но если необходимо принести подобную жертву, — съ отчаяніемъ прибавилъ онъ, снова поворачиваясь,—если надо биться, то во имя прогресса, а не ради одной страны, противъ несправедливости, а не противъ другой страны.

— Надо убить войну! Надо ее убить во чревѣ Германіи!

— Все-таки, — проговорилъ одинъ изъ тѣхъ, которые сидѣли, точно вросшіе въ землю стебли, — мы начинаемъ понимать, ради чего мы воюемъ.

— А все же, — въ свою очередь проговорилъ развѣдчикъ,— нѣкоторые думаютъ по иному. Я видѣлъ молодыхъ, которымъ наплевать было на идеи человѣчности. Самое главное для нихъ — это національный вопросъ, а война — дѣло патріотизма. Каждому изъ нихъ хочется придать больше блеска своей родинѣ. Вотъ и все. И эти люди хорошо дрались.

— Они еще молоды, эти пареньки, о которыхъ ты говоришь... Молоды... Надо простить имъ.

— Можно дѣлать хорошо свое дѣло, не зная хорошенько, для чего его дѣлаешь.

— Правда... Люди безумцы. Да, это святая истина...

— Шовинисты—это вши,—заворчала какая-то тѣнь.

— Нѣсколько голосовъ, какъ бы идущихъ наощупь, повторяли:

— Надо убить войну! Надо ее уничтожить!

Одинъ изъ насъ, который все время не поворачивалъ головы въ своей корѣ грязи, упрямо цѣплялся за свою мысль.

— Все это одни разговоры. Какая разница, что ты думаешь такъ или иначе? Надо побѣдить! Вотъ и все!

Но остальные уже начали упорно искать, размышлять. Они хотѣли знать и заглянуть дальше настоящаго дня. Они трепетали въ мукахъ рожденія свѣта мудрости и воли. Идеи, пока еще разрозненныя, вихремъ кружились въ ихъ головахъ. А съ устъ срывались обрывки мыслей.

— Разумѣется... — Да... Но надо понять... Надо видѣть результаты...

— Результаты? Быть побѣдителями въ настоящей войнѣ—развѣ это не все?—упорствовалъ неподвижный человѣкъ.

— Нѣтъ!

* * *

Въ этотъ моментъ послышался глухой шумъ. Вокругъ насъ раздались крики, и мы вздрогнули.

Отъ горки, о которую мы опирались, оторвалась громадная глыба глины и обнажила трупъ, сидѣвшій съ протянутыми ногами.

Отъ обвала вода, скопившаяся на верхушкѣ горки, каскадомъ полилась на трупъ.

— У него почернѣло все лицо!—воскликнули мы.

— И какое это странное лицо!—задыхаясь, прошепталъ одинъ изъ насъ.

Тѣ, которые еще были въ состояніи держаться на ногахъ, приблизились къ мертвецу. Это лицо, которое выдѣлялось барельефомъ на обнаженномъ слоѣ земли, имѣло какую-то странную форму.

— Но вѣдь это не лицо!

На мѣстѣ лица были волосы.

И тогда мы замѣтили, что трупъ, казавшійся сидящимъ, былъ сломанъ и повернутъ въ обратную сторону.

Охваченные ужасомъ, мы молча смотрѣли на эту вертикальную спину, на эти изогнутыя назадъ руки и протянутыя ноги, прикасавшіяся къ землѣ кончиками пальцевъ.

Видъ страшнаго мертвеца оживилъ наши споры. Мы гнѣвно кричали, точно онъ насъ слышалъ.

— Нѣтъ, быть побѣдителями,—это не результатъ! Надо побѣдить не враговъ, а войну!

— Значитъ, ты не понялъ, что надо разъ навсегда покончить съ войной! Если это дѣло откладывать, то все сдѣланное нами ни къ чему не послужитъ, ни къ чему! Пройдутъ еще дватри года, а, можетъ быть, и больше, которые окончательно потеряны, и въ теченіе которыхъ мы напрасно будемъ страдать!

* * *

— О, если то, что мы претерпѣли, не приведетъ къ концу всѣхъ бѣдъ, то я предпочитаю умереть, хоть и дорожу жизнью, хоть имѣю и жену и семью. У меня есть планы на будущее, и я не желалъ бы, чтобы они погибли, и все-таки лучше умереть...

— Я скоро умру, — проговорилъ въ этотъ моментъ сосѣдъ Парадиза, очевидно, взглянувшій на рану въ животѣ,—и мнѣ жаль моихъ дѣтей.

— А я, — прошепталъ кто-то другой, — именно ради моихъ дѣтей не жалѣю о своей жизни. Если я умру, то, по крайней мѣрѣ, имъ будетъ хорошо; они будутъ жить въ вѣчномъ мирѣ!

— Я, быть можетъ, не умру, — проговорилъ еще другой съ трепетной надеждой, которой не могъ скрыть даже предъ лицомъ обреченныхъ на смерть, — но буду мучиться. Ладно, говорю я себѣ: пускай такъ... Тѣмъ лучше... И я готовъ страдать еще больше, если буду знать, что это послужитъ къ чему-нибудь.

— Значитъ, послѣ войны придется снова драться?

— Да, быть можетъ...

— Тебѣ еще мало!

— Да, мало, потому что я хочу покончить съ этимъ навсегда!..

— И, быть можетъ, драться придется даже не противъ чужихъ...

— Да, быть можетъ...

Порывъ вѣтра, болѣе сильный, чѣмъ всѣ предыдущіе, закрылъ намъ глаза и перебилъ дыханіе. Когда онъ пронесся, какъ бы унося съ собой и встряхивая по дорогѣ грязную зыбь, мы продолжали:

— Въ концѣ концовъ, въ чемъ величіе и ужасъ войны?

— Въ величіи народовъ.

— Но вѣдь народы это мы!

Произнесшій это вопросительно взглянулъ на меня.

— Да, старый товарищъ, — отвѣтилъ я ему, — это правда. Битвы производятся нашими руками. Мы служимъ матеріаломъ для войны. Она состоитъ вся только изъ плоти и душъ простыхъ солдатъ. Это мы нагромождаемъ трупы на равнинахъ и наполняемъ рѣки кровью, всѣ мы, хотя каждый изъ насъ невидимъ и молчаливъ, ибо слишкомъ велико наше число. Опустѣвшіе города, разоренныя села и деревни — это пустыни, лишившіяся насъ или оставшіяся послѣ насъ. Да, все это мы—и только мы!

— Да, это правда. Война—это народы. Безъ нихъ не было бы ничего, кромѣ развѣ перебранки издалека. Но войну рѣшаютъ не они, а тѣ, которые правятъ.

— Народы борются теперь, чтобы избавиться отъ этихъ правителей. Эта война не что иное, какъ продолжающаяся французская революція.

— Въ такомъ случаѣ, выходитъ, что мы работаемъ также и для пруссаковъ?

— Будемъ надѣяться, что и для нихъ, — проговорилъ одинъ изъ страдальцевъ.

— Вотъ-те и разъ! — заскрежетавъ зубами, крикнулъ развѣдчикъ.

Затѣмъ онъ покачалъ головой и ничего не прибавилъ.

— Подумаемъ прежде всего о себѣ! Не надо вмѣшиваться въ чужія дѣла,—продолжалъ настаивать упрямецъ.

— Нѣтъ, надо, потому что тѣ именно, кого ты называешь другими, совсѣмъ не другіе, а тѣ же самые.

— Почему мы всегда должны работать за всѣхъ и для всѣхъ?

— Такъ оно, видно, и должно быть,—проговорилъ человѣкъ и снова повторилъ свою прежнюю фразу: «Тѣмъ хуже или тѣмъ лучше».

— Народы—это ничто, а они должны быть всѣмъ,—проговорилъ въ этотъ моментъ человѣкъ, вопрошающе глядѣвшій на меня; онъ повторилъ невѣдомую для него историческую фразу, которой уже больше вѣка, но придалъ ей, наконецъ, ея великій всемірный смыслъ.

И этотъ несчастный, стоя на четверенькахъ въ грязи, поднялъ свое лицо прокаженнаго и жадно заглянулъ впередъ, въ безконечность.

Онъ глядѣлъ, глядѣлъ, пытаясь открыть двери неба...

* * *

— Народы должны были бы столковаться сквозь шкуру и на животахъ тѣхъ, которые ихъ эксплуатируютъ тѣмъ или инымъ образомъ. Всѣ эти множества людей должны притти къ соглашенію.

— Всѣ люди должны стать, наконецъ, равными!

Это слово, казалось, отвѣтило на всѣ наши вопросы и думы.

— Равными!.. Да, да!.. Существуютъ великія идеи истины и справедливости. Существуютъ истины, въ которыя вѣришь, къ которымъ всегда поворачиваешься, точно къ свѣту. И среди нихъ главная—это равенство.

— Но есть еще также свобода и братство...

— Но главное это равенство.

Я сказалъ имъ, что братство—это мечта, туманное, лишенное содержанія чувство; человѣку несвойственно ненавидѣть того, кого онъ не знаетъ, но ему несвойственно также любить этого незнакомца. На братствѣ ничего не построишь. И на свободѣ также: она слишкомъ относительна въ обществѣ, гдѣ различныя зависимости такъ велики и неизбѣжны.

Но равенство всегда остается самимъ собой. Свобода и братство—это только слова, межъ тѣмъ какъ равенство—это реальность, это дѣйствительность. Равенство (соціальное, разумѣется, ибо каждая индивидуальность можетъ быть болѣе или менѣе цѣнной, но каждый долженъ служить обществу въ равной мѣрѣ, и это справедливо, ибо жизнь одного человѣческаго существа столь же драгоцѣнна, какъ

жизнь другого), равенство—это величайшая формула человѣчества. Ея значеніе чрезвычайно. Принципъ равноправія каждаго существа и священной воли большинства непогрѣшимъ, и онъ долженъ быть также непреодолимъ, тогда онъ приведетъ всѣхъ безъ исключенія къ величайшему прогрессу съ поистинѣ божественной мощью. Онъ приведетъ сначала къ закладкѣ фундамента для всѣхъ видовъ прогресса: къ разрѣшенію столкновеній справедливостью, которая совершенно тождественна съ общими интересами.

Эти люди изъ народа, предчувствуя какую-то новую революцію, имъ еще невѣдомую, но болѣе великую, чѣмъ всѣ предыдущія, и источникомъ которой будутъ именно они, все повторяютъ:

— Равенство!.. Равенство!..

Кажется, будто они вдумываются въ это слово, вчитываются въ него, и что нѣтъ на землѣ предразсудка, привилегіи или несправедливости, которая не рушилась бы отъ соприкосновенія съ нимъ. Оно даетъ отвѣтъ на все. И эти люди снова вглядываются и вдумываются въ это представленіе и находятъ его совершеннымъ Они уже видятъ, какъ отъ соприкосновенія съ нимъ исчезнутъ всѣ злоупотребленія.

— Это было бы слишкомъ прекрасно!—говоритъ одинъ.

— Слишкомъ прекрасно для того, чтобы быть истиной!—проговорилъ другой.

Но третій возразилъ имъ:

— Именно потому это прекрасно, что оно истина. Въ этомъ и заключается его красота. И такъ будетъ не потому, что это прекрасно: красота, какъ и любовь, у насъ не въ особенномъ ходу. Такъ будетъ потому, что, какъ и всякая истина, это неизбѣжно!

— Итакъ, значитъ, разъ народы желаютъ справедливости и разъ сила въ нихъ, такъ пусть же они ея и добьются!

— Да они уже и начинаютъ добиваться,—проговорилъ кто-то.

— Къ тому идетъ...—замѣтилъ другой.

— И когда всѣ люди станутъ равны, они вынуждены будутъ соединиться.

— И не будетъ больше подъ небесами ужасовъ, совершаемыхъ противъ воли тридцатью милліонами людей!

Это правда! Противъ этого ничего нельзя сказать. Какой доводъ можно было бы противопоставить этому утвержденію: «Не будетъ подъ небесами вещей, совершаемыхъ противъ ихъ воли тридцатью милліонами людей?» Я слушаю, слѣжу за логикой словъ, произно-

симыхъ этими людьми, разсѣянными по полю скорби, словъ, брызжущихъ изъ ихъ ранъ, словъ, которыми они кровоточатъ.

Небо снова покрывается тучами. Наверху, въ маленькомъ просвѣтѣ, поблескиваетъ влажная пыль. Кругомъ все мрачнѣетъ. Опять пойдетъ дождь. Еще не кончилась буря и страданія.

— Мы спрашиваемъ себя,—говоритъ одинъ: «Въ концѣ концовъ, для чего воевать?» Никто не знаетъ для чего, но для кого, мы всѣ знаемъ... Мы всѣ будемъ вынуждены убѣдиться, что если каждая нація ежедневно бросаетъ на жертвенникъ идола войны по полторы тысячи молодыхъ жизней, то лишь во славу нѣсколькихъ вожаковъ, которыхъ можно счесть по пальцамъ; цѣлые народы, выстроившись вооруженнымъ стадомъ, идутъ на бойню лишь для того, чтобы каста, обшитая золотымъ галуномъ, могла занести свои имена въ исторію, лишь для того, чтобы позолоченные люди, также принадлежащіе къ этой шайкѣ, дѣлали побольше дѣлъ,—словомъ лишь для того, чтобы этимъ воспользовались честолюбцы и торгаши. И какъ только у всѣхъ откроются глаза, они увидятъ, что рознь между людьми совсѣмъ не въ томъ, въ чемъ думаютъ. А та рознь, которую видятъ, только кажущаяся.

— Слушайте!—прервалъ эти слова чей-то голосъ.

Мы умолкли и услышали вдали грохотъ орудія, сотрясавшаго воздухъ.

— Снова начинается...

Тогда одинъ изъ насъ сказалъ:

— О, сколько людей и предразсудковъ мы встрѣтимъ противъ себя на этомъ пути!

Уже и сейчасъ въ этомъ спорѣ чувствуются колебанія, несогласія. Не только скорбь и опасность снова и безконечно возобновляются, но возобновляется и враждебность всего и всѣхъ противъ истины,—нагроможденіе привилегій, невѣжество, глухота и злая воля, пристрастность, ожесточенность завоеваннаго благосостоянія, непоколебимость массъ, инертность толпы.

И ищущая мысль заканчивается новымъ видѣніемъ, въ которомъ вѣчные противники выходятъ изъ мрака прошлаго и предстаютъ въ грозовомъ мракѣ настоящаго.

* * *

Вотъ они... Кажется, будто мы видимъ ихъ силуэты на гребняхъ грозовыхъ тучъ, заволакивающихъ міръ, видимъ эту кавалькаду

воиновъ, закованныхъ въ латы, съ развѣвающимися перьями, съ коронами на щитахъ и со шпагами въ рукахъ. Они мчатся, меча молніи, сверкая оружіемъ.

И подъ лихорадочными взорами тѣхъ, которые лежатъ здѣсь, среди грязныхъ полей, все это стекается со всѣхъ концовъ горизонта, заслоняя небо и его глубокую синеву.

И имя имъ легіонъ. Здѣсь не только каста воиновъ, бредящихъ войной и обожающихъ ее, здѣсь не только тѣ, которыхъ всемірное рабство облекаетъ магическимъ могуществомъ: наслѣдственные властители, высящіеся надъ простертымъ родомъ человѣческимъ и по своей волѣ склоняющіе чашу вѣсовъ справедливости въ защиту своихъ интересовъ. Не только эти всѣ. Но здѣсь также цѣлая туча сознательныхъ и несознательныхъ людей, отстаивающихъ эти страшныя привилегіи.

— Есть такіе, которые говорятъ: «Какъ они прекрасны!»— восклицаетъ въ этотъ моментъ одинъ изъ мрачныхъ собесѣдниковъ, протягивая руку, точно онъ видитъ передъ собою тѣхъ, о комъ говоритъ.

— Потомъ есть еще другіе, которые говорятъ: «Расы ненавидятъ другъ друга».

— Потомъ тѣ, которые думаютъ: «Я жирѣю отъ войны, мое чрево отъ нея полнѣетъ». И потомъ еще такіе, которые утверждаютъ: «Война всегда была и, значитъ, всегда будетъ».

— А потомъ есть еще и такіе, которые говорятъ: «Я вижу не дальше кончика своего носа и запрещаю другимъ видѣть дальше этого».

— Наконецъ, есть еще такіе, которые смѣютъ утверждать: «Дѣти рождаются въ красныхъ или синихъ шароварахъ».

— Не считая тѣхъ, которые говорятъ: «Опустите голову и вѣрьте въ Бога!!»—прокричалъ хриплый голосъ.

* * *

О, вы правы, бѣдные безчисленные труженики битвъ, вы, продѣлавшіе своими руками всю великую войну, вы, всемогущіе, мощь которыхъ не служитъ еще пока добру; вы, земныя толпы, каждое лицо которыхъ — цѣлый міръ скорби, и которыя подъ небомъ, гдѣ разрываются черныя тучи, мчащіяся подобно злымъ духамъ, грезите, согнувшись подъ игомъ мыслей!.. Да, вы правы! Все это противъ васъ, противъ васъ и вашего великаго общаго блага,

а оно, какъ вы въ этомъ сами убѣждаетесь, вполнѣ совпадаетъ со справедливостью! Противъ васъ не только размахивающіе шпагами вояки, корыстолюбцы и кутилы.

Противъ васъ не только чудовищные хищники, финансисты, крупные и мелкіе аферисты, запершіеся въ своихъ банкахъ и домахъ, живущіе войной и упершіеся своими лицами, замкнутыми, какъ ихъ несгораемые шкафы, въ свою темную мысль!

Существуютъ также такіе, которые восхищаются сверкающими огнями поединковъ и, подобно женщинамъ, восторгаются пестрыми мундирами, упиваются военной музыкой и боевыми пѣснями, подносимыми народамъ, какъ пьянящее вино! Есть еще ослѣпленные, слабые духомъ, фетишисты, дикари!

И тѣ еще, которые ушли въ прошлое; на устахъ ихъ только былыя слова; есть люди традицій, для которыхъ злоупотребленіе имѣетъ силу закона, ибо оно стало обычнымъ; они послушны давно умершимъ и хотятъ подчинить трепещущее, живое будущее и прогрессъ власти призраковъ и сказокъ!

Съ ними все духовенство, которое старается возбудить и усыпить васъ морфіемъ своего рая, дабы ничто не измѣнилось. Съ ними еще адвокаты-экономисты, историки и другіе; они туманятъ васъ теоретическими фразами, провозглашаютъ антагонизмъ расъ въ то время, какъ каждая современная нація не имѣетъ отчетливо очерченныхъ границъ и состоитъ изъ искусственной смѣси расъ; и они фабрикуютъ во имя честолюбія и побѣды ложныя философскія обоснованія и вымышленныя соображенія благородства для оправданія всѣхъ этихъ подлостей! Близорукость — болѣзнь рода человѣческаго. Ученые—часто своего рода невѣжды, теряющіе изъ виду простоту вещей и затемняющіе ее формулами и подробностями. По книгамъ научаются только малымъ вещамъ, но не великимъ.

И даже когда эти люди говорятъ, что не желаютъ войны, они дѣлаютъ все для того, чтобы длить ее до безконечности. Они питаютъ національное честолюбіе и влеченіе къ преобладанію посредствомъ силы. «Мы одни, говорятъ они, сидя въ своихъ кабинетахъ и за своими оградами, являемся обладателями храбрости, благородства, таланта и хорошаго вкуса». Изъ величія и богатства страны они дѣлаютъ своего рода всепожирающую болѣзнь. Изъ патріотизма, который почтененъ, пока остается въ предѣлахъ чувства и художественныхъ устремленій, подобно чувствамъ любви къ своей семьѣ и своимъ роднымъ мѣстамъ,—изъ патріотизма они дѣлаютъ утопическую и мертвую

идею, своего рода ракъ, поглощающій всѣ живыя силы, разъѣдающій всю страну, разрушающій жизнь и своей заразительностью приводящій либо къ войнамъ, либо къ истощенію отъ вооруженнаго мира.

Они извращаютъ сущность чистой морали. Сколько преступленій они провозгласили добродѣтелями, называя ихъ національными! Они изуродовали даже истину! На мѣсто вѣчной истины они подставили каждый свою національную истину. Сколько народовъ — столько истинъ, несовмѣстимыхъ одна съ другой и гасящихъ свѣтъ вѣчной истины.

Всѣ эти люди, ведущіе ребяческіе, до смѣшного противные споры и кричащіе: «Не я началъ войну, а ты! — Нѣтъ, не я, а ты! — Начинай ты! — Нѣтъ, начинай ты!» всѣ эти люди, нескончаемо длятъ огромную міровую язву, потому что они не являются истинно заинтересованными и искренне желающими покончить съ ней; они не могутъ или не желаютъ водворить миръ на землѣ. И всѣ эти люди, которые, по той или по иной причинѣ, цѣпляются за отжившее положеніе вещей, находя для него различныя основанія, — всѣ они ваши враги!

Они ваши враги постольку же, поскольку сегодня ваши враги эти нѣмецкіе солдаты, которые валяются здѣсь среди васъ и на самомъ дѣлѣ лишь бѣдные одураченные люди... Вотъ ваши враги, гдѣ бы они ни родились, какъ бы они ни назывались и на какомъ бы языкѣ они ни лгали! Взгляните на нихъ въ небесахъ и на землѣ; повсюду смотрите на нихъ! Узнайте ихъ хорошенько и запомните ихъ навсегда!

* * *

— Они скажутъ тебѣ, — проворчалъ человѣкъ на колѣняхъ, упершись руками въ землю и отряхиваясь, какъ догъ: — «Другъ мой, ты былъ удивительнымъ героемъ!» Я не желаю, чтобы мнѣ это говорили! Герои — это своего рода сверхъестественные люди, идолы! Зачѣмъ болтать! Мы были палачами! Мы честно занимались своимъ ремесломъ палачей. И мы еще будемъ имъ заниматься, потому что надо покарать войну и задушить ее! Убійство всегда отвратительно. Иногда оно необходимо, но всегда отвратительно. Да, мы были жестокими и неутомимыми палачами. Но пускай мнѣ не восхваляютъ мои воинскіе подвиги только потому, что я убивалъ нѣмцевъ!

— И меня также, — крикнулъ другой голосъ такъ повелительно и громко, что никто не могъ бы ему возразить, даже если бы осмѣлился, — и меня также пусть не прославляютъ за то, что я спасъ жизнь французамъ! А то выходитъ, что надо устраивать пожары, потому что похвально спасать погибающихъ въ огнѣ.

— Преступно указывать на красивыя стороны войны, если бы даже такія стороны существовали,—пробормоталъ одинъ изъ мрачныхъ солдатъ.

— Тебя, — будутъ хвалить продолжалъ первый, — чтобы подкупить тебя лестью и славой и чтобы вознаградить и себя не по заслугамъ. Но военная слава не заслужена даже нами, простыми солдатами. Она ложна даже въ отношеніи насъ, какъ и все, что кажется прекраснымъ въ войнѣ. Въ дѣйствительности жертва солдатъ—это просто темная бойня. Тѣхъ, которые образуютъ массы волнъ, идущихъ на приступъ, нельзя вознаградить. Они низвергаются въ страшное небытіе славы. Не будетъ никогда даже возможности собрать ихъ имена, ихъ бѣдныя ничтожныя имена!

— Наплевать намъ на все это!—отвѣтилъ другой,—у насъ есть о чемъ подумать и безъ того.

— Но посмѣешь ли ты хотя бы сказать имъ все это?—зарычалъ человѣкъ, съ лицомъ, покрытымъ грязью точно черной отвратительной рукой.—Тебя бы прокляли и сожгли на кострѣ. Вѣдь они оградили воинскую славу своей религіей, которая такъ же жестока и такъ же безсмысленна, какъ сама война.

Человѣкъ всталъ, упалъ и снова всталъ. Подъ своей грязной корой онъ скрывалъ рану и пятналъ землю кровью. И когда онъ сказалъ все это, его расширившійся взоръ опустился на землю, покрытую его кровью, которой онъ пожертвовалъ на исцѣленіе міра.

* * *

Одинъ вслѣдъ за другимъ поднялись и остальные.

Гроза все надвигается надъ измученными, изуродованными полями. День полонъ мрака. И кажется, что на гребняхъ тучъ появляются все новыя толпы враждующихъ людей; они тѣснятся вокругъ варварскихъ силуэтовъ крестовъ и орловъ, церквей, дворцовъ властелиновъ, заслоняютъ звѣзды, менѣе многочисленныя, чѣмъ человѣчество и даже чѣмъ эти страдальцы, валяющіеся на землѣ, подобно брошеннымъ зернамъ.

Наконецъ, всѣ оставшіеся въ живыхъ товарищи встали. Плохо удерживаясь на уходящей изъ-подъ ногъ землѣ, закованные въ свою грязную одежду, покрытую толстой корой, и подъемля свою чудовищную простоту надъ землей, глубокой, какъ невѣжество, они двигаются и кричатъ, протянувъ кулаки къ небу, посылающему бурю. Они борются съ побѣдоносными призраками, подобно Сирано и Донъ-Кихоту.

Ихъ тѣни двигаются, отражаясь въ грязныхъ водахъ земли и залитыхъ окоповъ. Но ихъ глаза уже открылись. Они начинаютъ отдавать себѣ отчетъ въ безграничной простотѣ вещей. И истина не только зажигаетъ въ нихъ зарю надежды, но возстановляетъ также силы и бодрость.

— Довольно говорить о другихъ!—приказываетъ одинъ.—Тѣмъ хуже для нихъ!.. Мы! Всѣ мы!..

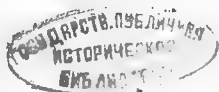
Соглашеніе всѣхъ демократій, соглашеніе всѣхъ множествъ, пробужденіе всемірнаго народа и грубая въ своей простотѣ вѣра... Все остальное въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ совершенно безразлично.

И одинъ изъ солдатъ осмѣливается прибавить фразу, которую, однако, начинаетъ почти шопотомъ:

— Если настоящая война подвинула прогрессъ хоть бы на одинъ шагъ, то всѣ ея несчастья и всѣ убійства не идутъ въ счетъ.

И въ то время, какъ мы готовимся присоединиться къ остальнымъ, чтобы снова начать войну, черное небо, отягощенное грозой, тихо открывается надъ нашими головами. Межъ двухъ мрачныхъ массъ прорывается спокойный лучъ свѣта, и этотъ лучъ, какъ онъ ни робокъ, стѣсненъ, убогъ, печаленъ и задумчивъ, все-таки приноситъ намъ доказательство, что солнце существуетъ.

Декабрь 1915 года.

Л. Троцкій. «Трудъ, дисциплина и порядокъ» . . . . — 30
Его-же. «Слово къ рабочимъ и крестьянамъ» 45
К. Цеткина, «За большевиковъ» . . . . — 45
Ея-же. «Женскій вопросъ, интеллигент. пролетаріатъ и соціализмъ» . — 70
*** «Міровая война», съ предисловіемъ Г. Зиновьева . . . . — —
Г. Зиновьевъ. «Рѣчь о созданіи красной арміи». (2-е изд.) . . . . . . -- 25
Илья Іоновъ. «Алое поле». Стихотворенія (2-е изд.) . . . . — 65
А. Бебель. «Изъ моей жизни», Мемуары, т. I . . . . — —
Басовъ-Верхонцевъ. «Вѣнокъ». Сказки . . . . — —
Горичевъ. «Таблица исчисленія заработной платы отъ 150 до 1000 р. при 6 и 8 час. рабочемъ днѣ . . . . — —
Степановъ. «Жанъ-Поль-Маратъ» . . . . — 40
Рязановъ. Г. В. Плехановъ и группа «Освобожд. труда» . . . . — 90
К. Марксъ. «Наемный трудъ и капиталъ» . . . . — 50
Г. Зиновьевъ. «О мятежѣ лѣвыхъ эс-эровъ» . . . . — 60
Его-же. Соціализмъ и война . . . . — —

Печатаются:

Н. Ленинъ. «Заключительное слово на 4-мъ съѣздѣ совдеповъ».
Его же. «За 12 лѣтъ», сборникъ статей.
К. Каутскій. «Этика».
Его-же. «Сборникъ статей».
Ф. Энгельсъ. «Философія, политическая экономія и соціализмъ» (Анти-Дюрингъ).
Лиссагаре. Исторія парижской коммуны».
Литературный сборникъ, посвящен. памяти Г. В. Плеханова.
В. Князевъ. «Красные звоны и пѣсни».
Барбюсъ. Въ огнѣ. Дневникъ полувзвода, перев. Арденина.
Бебель. «Мемуары», въ 3-хъ томахъ.
Его-же. «Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ».
Арну. «Народная исторія парижской коммуны».
В. Блосъ. «Исторія французской революціи».
В. Либкнехтъ. «Къ юбилею мартовской революціи».
Его-же. «Воспоминанія о К. Марксѣ».
Его-же. «Два міра».
П. Лафаргъ. «Трудъ и капиталъ».
Эйснеръ. «В. Либкхнехтъ, его жизнь и дѣятельность».
Баксъ. «Великая французская революція».
Куповъ. «Французская пресса во время французъ. революціи».
В. Морисъ. «Вѣсти ниоткуда» (Утопія).
Королькевичъ. «Финансовые и экономическіе законы и мѣропріятія Германіи противъ державъ Согласія»
Декреты о судѣ.
Уголокъ нѣмецкой оккупаціи.
Элимиръ Буржа. «На плахѣ». Романъ изъ временъ франц. революц. съ иллюстрац.
Рязановъ. Международный пролетаріатъ и война. Сб. статей.
Арну. Мертвецы коммуны.
Дикштейнъ. Кто чѣмъ живетъ.
Керженцевъ. Какъ вести собранія.
Его-же. Республика молодежи.
Его-же. Борьба за землю и волю Ирландіи.
Лафаргъ. Патріотизмъ буржуазіи.
Луначарскій. Развитіе интернаціонала.
Троцкій. Жанъ Жоресъ.
Луначарскій. Крат. очеркъ развитія человѣч. культуры.
Его-же. Кратк. очеркъ основъ научной эстетики.
Его-же. Королевскій брадобрей. (Власть), пьеса.
Его-же. Комедіи.
Зиновьевъ. Война и кризисъ соціализма ч. II.
Бухаринъ. Програма коммунистовъ.
Демьянъ Бѣдныи. Земля обѣтованная.

Его-же. Въ огненномъ кольцѣ.
Коллонтай. Работница-мать.
Каутскій. Ирландія.
Мерингъ. Біографія Энгельса.
А. Бебель. Христіанство и соціализмъ.
Декавъ. Фленго. Разсказъ изъ времен. коммуны 71 г.
Конколь. Коммуна 71 г.
Логиновъ. На стражѣ. Стихотворенія. Сатира.
Лафаргъ. Происхожденіе религіозныхъ вѣрованій.
Его-же. Благотворительность и право на трудъ.
Жоресъ. Миръ и пролетаріатъ.
Мирбо. Жанъ и Мадлена. Драма.
Тюрланъ. Парижская коммуна.
Богдановъ. Красная звѣзда.
Каутскій. Томасъ Моръ и его утопія.
Моръ. Утопія.
Компанелла. Государство солнце.
Раковскій. Соціалисты и война.
Зиновьевъ. Чехо-словаки, бѣлогвардейцы и рабочій классъ.
Кій. Что такое соціализмъ. 2-ое исправленное изданіе.
Его-же. Республика совѣтовъ. 4-ое исправленное и дополненное изданіе.
Б. Мещеряковъ. Деревенская бѣднота и путь къ соціализму.

Готовятся къ печати:

С. Мендельсонъ. «Парижская коммуна 18-го марта».
Шарль Андлеръ. «Введеніе и комментаріи къ коммунистическому манифесту».
Генрихъ Маннъ. «Мадамъ Легро», драма въ 3-хъ дѣйств. (изъ временъ французской революціи).
Жюль Гэдъ. «На стражѣ», сборникъ политическихъ статей.
Францъ Мерингъ. «К. Марксъ въ изгнаніи».
Юніусъ. «Кризисъ соціалъ-демократіи», съ предисл. Н. Ленина.
Павловичъ. «Смерть Жореса».
Леви-Брюль. «Нѣсколько изъ жизни Жореса».
Джіованіолли. «Спартакъ» (полный переводъ).
Эркманъ-Шатріанъ. «Исторія одного крестьянина», полный переводъ Богдановича.
Мишель. «Коммуна».
Бюхнеръ. «Смерть Дантона».
Баксъ. «Парижская коммуна».
Дицгенъ. «Религія соціалъ-демократіи».
Саймондсъ. «Соціальныя силы въ исторіи».
Гауптманъ. «Ткачи».

Пѣсни коммуны. (Съ иллюстраціями).

В. Володарскій. «Рѣчи».
Роменъ Роланъ. «Жанъ Кристофъ». Съ предисловіемъ Луначарскаго.
Оларъ. «Политич. исторія Франц. революціи».

Серія утопическихъ романовъ:

Беллами. «Черезъ 100 лѣтъ».
Его-же. «Равенство».
Т. Компанелла. «Государство солнце».
Т. Моръ. «Утопія».

Художественныя картины:

1) **У вратъ соціализма.** 2) **Свѣточъ соціализма** по 1 р. 50 к. Портреты **Ленина, Троцкаго, Зиновьева, Луначарскаго, К. Маркса.**

Заказы выполняются по полученіи задатка. Организаціямъ и обществен. учрежденіямъ скидка.

Цѣна 3 р. 50 к.

Первая Государственная Типографія, Гатчинская 26.

